

Человек на Балканах

**Социокультурные
измерения
модернизации
на Балканах**

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Человек на Балканах

•

**Социокультурные измерения процесса модернизации
на Балканах**
(середина XIX — середина XX в.)

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2007

УДК 94(4-13):316.3
ББК 63.3(4)
Ч39

Рецензенты:

доктор исторических наук *Ар. А. Улунян*
кандидат исторических наук *А. В. Карасев*

Ответственный редактор

доктор исторических наук *Р. П. Гришина*

Человек на Балканах : социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.) : Сб. статей. — СПб. : Алетейя, 2007. — 376 с.

ISBN 978-5-903354-80-1

Рассмотрение параметров процесса модернизации на Балканах, получившего толчок после Берлинского конгресса 1878 г., методологически расширено на базе социокультурного подхода с его пониманием общества как единства (нерасторжимости) социальных и культурных факторов. Специально отмечено воздействие образования и культуры на формирование личности, на создание новой системы личных и общественных ценностей, на появление элементов гражданского общества. Для лучшего понимания именно балканского феномена модернизации привлечен сравнительно-сопоставительный материал из Восточной и Средней Европы — польский, российский, венгерский, отмечена цивилизующая роль Австро-Венгрии в отношении хорватского, словенского, венгерского народов.

Ряд статей, включенных в книгу, носит дискуссионный характер.

Для историков, социологов, этнологов и других, интересующихся историей балканских народов и их соседей.

УДК 94(4-13):316.3
ББК 63.3(4)

Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Власть и общество в истории» (2006–2008 гг.)

На обложке: фрагмент росписи интерьера дома Кратиса, г. Мифимна, о. Лесбос, 1830-е гг. Фото Н. В. Злыдневой

ISBN 978-5-903354-80-1

9 785903 354801

© Коллектив авторов, 2007
© Институт славяноведения РАН, 2007
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2007
© «Алетейя. Историческая книга», 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

Продолжая складывающееся в серию изданий¹ исследование темы «Человек на Балканах и процессы модернизации», авторы настоящей книги столкнулись с необходимостью расширить (дополнить) методологию изучения движения общества от *архаичного, традиционного* к цивилизационно более высокому.

Первичная общепринятая «формула» — от аграрного общества к индустриальному — обозначала теоретически главный вектор движения. Изучение подробностей — «технических» деталей и практической сложности модернизационного преобразования, неоднозначности составляющих его компонентов вызвало к жизни новые теоретические разработки. Как пишет современный российский философ В.И. Пантин, первоначально существенными чертами теории модернизации были *универсализм* и предположение *о линейно-поступательном характере* общественного развития в целом; ссылаясь на раннюю работу Ш.Н. Эйзенштадта и других приверженцев подобной точки зрения, В.И. Пантин продолжает: тем самым фактически постулировалось, что процесс модернизации направлен в одну точку, независимо от исходного состояния общества, его цивилизационной принадлежности, культурных традиций и других характеристик².

В ходе дальнейших разысканий обществоведы разных стран выстраивали новые модели или обновляли прежние. Наибольшую популяр-

¹ См. «Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в.». СПб, 2002; Подборка статей в ж-ле «Славяноведение», 2004, № 3: *Никифоров К.В.* Парламентаризм в Сербии в XX в., *Шемякин А.Л.* Сербское общество последней трети XIX — начала XX века глазами русских наблюдателей, *Гришина Р.П.* Модернизация по-балкански: диктует матрица (конец XIX — середина XX в.); «Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX — первая половина XX в.)». СПб, 2004; «Человек на Балканах. Государство и его институты. Grimасы политической модернизации (последняя четверть XIX — начало XX в.)». СПб, 2006.

² *Пантин В.И.* Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М., 1997. С. 76–77.

ность и долговременность среди них приобрела теория «догоняющего развития». Но, как оказалось, и она не снимала главного вопроса практической жизни, свидетельствовавшей: оставшие в социально-экономическом отношении государства в реальности масштабно *индустриализироваться* не могут. Им не под силу догнать *постоянно удаляющуюся цель*. Ограниченность, условность любой теории заставляла ученых мучиться, искать — где ошибка: в самой теории или в «неидеальности» изучаемых объектов¹.

Наш опыт работы по проекту «Человек на Балканах и процессы модернизации. Середина XIX — 30–40-е гг. XX в.» позволяет утверждать, что модель «догоняющей модернизации» неплохо работает на ранней стадии процесса, на «перегоне», когда группа интеллектуалов или политиков в данной стране осознает необходимость существенного реформирования общества. Здесь положительную в целом роль может играть и практика «вестернизации», заимствования. Но в дальнейшем накопление заимствований становится непродуктивным, слишком перегружающим национальную идентичность, что приводит общество в состояние психологического «раздрая», неустойчивости, неуверенности. Появляется ощущение необходимости сменить тактику, а в определенной мере и стратегию.

Ученые социологи определяют это время как нуждающееся в выдвижении на очередь дня *собственных* для каждой страны *национальных задач (национальной идеи)*², сосредоточения на них. Способность правильно (с учетом исторической перспективы) сформулировать и поставить такие задачи, а также мобилизовать общество на их решение, на достижение определенной цели становится существенным компонентом процесса модернизации. И здесь важен фактор *социокультурного состояния* общества. Включая роль субъективно-личностной стороны культуры — ее творцов, ее потребителей, ее духовных и других авторитетов (все они нередко выступают «агентами модернизации»), а также — *культивирующихся в обществе идей и ценностей*.

Социокультурный подход к изучению модернизационного процесса отличается конкретизацией внимания на Человеке, его роли и поведения в периоды социальных преобразований, **создания новой системы личных и общественных ценностей (социальных норм)**.

¹ См. *Шугаев М.* Научное знание о тварности мира \ \ Библия и наука. М., 2006. С. 225. (Постановка вопроса).

² *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 106–107.

Воздействие культуры при этом огромно — она не только воспитывает, но и формирует цивилизацию. В том же направлении работает пресса, печать, театр, массовые зрелищные мероприятия и т.п.

Процесс, по мнению ученых социологов, имеет *сознательное* наполнение: чтобы стать ценностью, идея, предмет, желание должны пройти через сознание человека, группы людей, общества в целом. В конечном счете речь идет о *трансформации сознания* человека, о появлении «экономического человека» — рационалистически действующего индивидуума, перед которым человек патерналистского типа отступает. Часть социологов, раздвигая привычные «экономические» рамки дихотомии: **модернизация — индустриализация**, делает «заход» с другого угла и видит результатом модернизационных усилий строительство не столько индустриального, **сколько гражданского общества**.

В идеале социокультурная трансформация охватывает в новейшее время все слои общества. Труднее всего процесс развивается в крестьянской среде, где нередко возникает своеобразная инерционная стена. Что не удивительно, ибо, как свидетельствует научная систематика, естественный отбор, действующий на протяжении столетий, направлен в первую очередь на сохранение естественных характеристик вида, а не на закрепление отклонений. Хотя это наблюдение относится к животному миру, пример, пусть условно, может быть приближен и к истории развития человеческого общества: он делает более понятным понимание силы и устойчивости традиционализма, его влияния на жизнь людей. Вместе с тем, думается, вряд ли правильно ограничивать воздействие социально-культурных новшеств только на сознание человека: их аура, по-своему заполняя воздушное пространство общества, *действует и на бессознательном уровне*, способствуя тем самым определенным подвижкам в природной ментальности социума.

* * *

Все эти вопросы затронуты в той или иной степени в материалах настоящей книги. Содержательно они концентрируются вокруг двух главных тем: «Притяжение Запада и его отражение в культуре и искусстве балканских народов» и «Социокультурная трансформация крестьянства в процессе модернизации».

Одной из особенностей книги стал отказ авторов от концентрации внимания только на *Ното balkanicus*. На очередь дня вышло привлечение исследовательского *сопоставительного* материала из иных частей

незападной (Восточной и Средней) Европы — т. е. ее частей, более или менее близких (родственных) Балканам, главным образом, по параметру сравнительно высокого удельного веса крестьянства в составе населения. Это — польские, российские, венгерские земли; отдельное внимание уделено цивилизующей роли Австро-Венгрии в отношении хорватского, словенского, венгерского народов, что позволило установить своеобразную градацию социокультурных позиций самого Ното balkanicus на полуострове — в зависимости от степени его территориальной приближенности или удаленности от центров западноевропейской цивилизации.

Богатство материала, добытого «лабораторным путем» профессионалами разных специальностей — историками, литературоведами, философами, культурологами, этнологами и другими, позволило на пограничье этих наук (дело именно в *пограничье* наук, т. е. в их определенном взаимопроникновении, а не в *стыке*, как принято говорить) значительно расширить рамки научного знания.

Среди наиболее существенных выводов проведенного исследования можно выделить следующее: ход процесса модернизации на территории Балканского полуострова (примерно с середины XIX — до 40-х гг. XX в.) был неравномерным: более интенсивным — на хорватских и словенских землях, как приграничных с «настоящей Европой». Свою особенность имел «заход» Европы на южную оконечность полуострова (греческие острова и черноморское побережье) — через Константинополь, как «провинциальный отголосок столичной моды в Османской империи».

Другая заметная особенность книги — объем внимания авторов к проблеме организации образовательного процесса, как в начальной и средней, так и в высшей школе, к стремлению модернизирующихся государств обеспечить всеобщую грамотность населения. Авторы исходили из понимания, что уровень образованности людей является одним из исходных оснований для успеха модернизационных реформ. Важно было подчеркнуть, что сам институт государственной школы несет чрезвычайно серьезную функцию: школа, осуществляя прямое и опосредствованное *влияние на сознание всего общества*, выступает своеобразным *инструментом* модернизации. Здесь заметим, что другим таким инструментом является *армия*. Оба этих института оказывают *дисциплинирующее воздействие* на общество, будучи обязательными, а значит в той или иной степени принудительными.

Относительно самой проблемы образования выяснилось, что, не смотря на разность по многим параметрам исследуемых стран, в конце

XIX — начале XX вв. они имели много общего в постановке, организации и подходах к ее решению. В частности, в отношении обучения сельского населения центральным стал вопрос — как избежать прямого принуждения и воспитать в людях *потребность в образовании*. Общий для крестьян негатив в этом деле определялся мотивом, что дети нужны в хозяйстве, для присмотра за скотиной, что в школах не обучают ремеслу, не дают в руки самостоятельного дела. Крестьянам казалась достаточной церковно-приходская школа; школа же, работающая по единому плану, представлялась чужеродной. Но больше всего отпугивал *страх перед разрушением традиции*, нарушением преемственности поколений в семье, нравственных устоев села.

Для сельского социума это были далеко не риторические вопросы — время реформ поставило перед немалой его частью *проблему выживания (неразорения, неуничтожения)* в качестве насущной. Крестьянам приходилось искать собственные пути, чтобы приспособиться к обновляющейся жизни. В частности, они с вниманием относились к обещаниям учить в школах навыкам ремесла, «*нужным в крестьянском быту*». Любопытно, что в 1896 г. на отчете курского губернатора, вносившего похожее предложение, российский император с раздражением написал: «Сколько раз я уже настаивал на этом!»¹.

Сравнительно-сопоставительный подход к изучению одного и того же явления в разных странах позволил сделать интересные наблюдения. Например, в отношении Болгарии и Венгрии — стран, потерпевших поражение в Первой мировой войне. Оказавшись по условиям мирных договоров 1919–1920 гг. лишенными многих экономических ресурсов и рычагов, правящие круги этих стран направили значительную часть модернизационных усилий именно на область образования. Так, в Болгарии 11,4%² от общего «действительного расхода государства» в 1925\26 финансовом году было предоставлено министерству просвещения (на 6,5% больше, чем в 1921\22 г.) Причем нарастание фактических расходов по этому ведомству в указанные годы происходило постепенно, но постоянно, в то время как по министерству инос-

¹ Цит. по: *Минаков А.С.* Всеподданнейшие отчеты губернаторов о кустарных промыслах крестьян (по материалам губерний Черноземного центра на рубеже XIX–XX вв.) \ \ Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. XXX сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы. М., 2006. С. 67.

² Статистически годишник на Царство България. София. 1927. С. 370–371.

транных дел, наоборот, сокращалось. Показательно, что данные по министерству внутренних дел тоже дают прирост, но лишь на 1.9%, хотя на указанный период времени пришлось и государственный переворот 1923 г. и последовавшая за ним двухлетняя гражданская война.

Подобная тенденция государственной поддержки системы образования отмечалась и в Венгрии, особенно в отношении элитарного образования, что определялось не столько экономической потребностью страны, сколько озабоченностью государства своим престижем. В результате в обеих странах возникло перепроизводство сравнительно высокообразованной интеллигенции.

Однако наличие слоя такой интеллигенции не обеспечивало, во всяком случае в южнобалканском регионе, формирования квалифицированного управленческого аппарата. Верно замечено, что образование — это еще не культура. Особенно если говорить о политической культуре, уровень которой на протяжении многих десятилетий оставался на Балканах весьма низким. Главное же — устойчивости «новых» балканских «державиц» мешала внутренняя несбалансированность государственно-политические структур (легальных, полулегальных, подпольных) с их непредсказуемостью. Механизма выращивания чиновников для высоких постов и с высокой гражданской ответственностью, как правило, не существовало.

Следствием был тот факт, что, как показала история, правящие круги балканских государств ни до Первой мировой войны, ни после нее так и не овладели способностью выдвигать назревшие, настоятельные и адекватные уровню развития страны и ее населения национальные проекты. Скорее они были склонны к поспешным, по существу волюнтаристским действиям эмоционального характера. Свою роль играла как бы неприметная, но существенная деталь: в сферах управления и государственной власти «новых» балканских государств господствовали (именно господствовали, а не преобладали!) мужчины с их природной агрессией. Их милитаризованное первородное сознание заволаживалось националистическими, завоевательными «великодержавными» программами как главными для каждого балканского государства, едва появившегося в XIX или XX веке на политической карте. Эта заразительная тенденция проявила себя и при провозглашении в 1912 г. независимого Албанского государства немедленной заявкой на строительство «Великой Албании». Хотя, как показывают новейшие материалы, представленные в настоящей книге, освоение албанцами новых терри-

торий осуществлялось не столько в силу провозглашенной великодержавной доктрины, сколько естественным (и потому, возможно, более сильным, *предопределенным*) способом — миграционным.

«Верстовой столб», стоявший на развилке XIX–XX вв., как бы сигнализировал балканским управленцам: настало время определить для страны стратегически важные цели — внешне- или внутривосточные. Они избрали **в качестве первоочередных, приоритетных внешнеполитические**: национальная идея получила здесь выражение в виде борьбы за объединение целостного народа. Предлагаемые в книге материалы некоторых авторов подкрепляет высказанный нами ранее тезис о том, что в ранний период существования «новых» балканских государств, при более точном учете тогдашней реальности, следовало бы сосредоточить усилия правящих кругов в первую очередь на *внутренних проблемах*, а не на внешних. Этот тезис идет вразрез и с устоявшимся в историографии «революционным» отношением к вопросу, и с наличной практикой XIX–XX вв. Но вряд ли ныне кто будет спорить, что культивируемый десятилетиями великодержавный «национальный идеал» уводил южные балканские народы в сторону от их важнейших *действительно национальных задач* — экономического и социально-культурного модернизационного строительства своих государств. Что же до полного, целостного объединения болгарского или сербского народов, из-за чего случились жесточайшие войны, открывшие собой XX век, то первого так и не произошло, а из второго в итоге получилось то, на что никто в начале XX в. не рассчитывал. Как здесь не вспомнить отечественного ученого Г. Д. Гачева и его замечание о «самоцентрированности» населения балканских уголков¹, позволяющее предположить, что такая самоцентрированность мистически, независимо от мечтаний этих народов становилась главным препятствием к целостному объединению каждого из них, к превращению родных укромных уголков во что-то несвойственное — крупное, целое?

Третье замечание по поводу содержания настоящей книги — введение сравнительно-сопоставительного и контрастного материала. По контрасту с положением в ряде балканских государств включена статья о состоянии образования и о продуманной тактике подготовки управленческого аппарата уже в XVIII в. в Австро-Венгерской монархии. Контрастны отно-

¹ Гачев Г. Д. Космогония Балкан // В поисках «балканского» на Балканах. Тезисы и материалы симпозиума. М., 1999. С. 64.

сительно быстрые темпы изменения ментальности польского крестьянина и приближения его к «человеку экономическому» по сравнению с темпами такого продвижения человека балканского. Среди факторов влияния в этом случае — во-первых, географическое местоположение польского крестьянина, а именно: восточное *пограничье* западного мира, во-вторых, меньший удельный вес крестьянства в составе населения — примерно 60%, что близко положению во Франции в то время (а не 80–90%, как на Балканах); в-третьих, ослабление после поражения восстания 1863 г. позиций сторонников силового решения польского вопроса и переключение внимания общественности Царства Польского на решение внутренних проблем. Все это вместе взятое позволило польскому крестьянству перейти от маневрирования на предмет выживания к использованию благоприятной конъюнктуры для *улучшения качества жизни*.

По своему контрастной явилась также роль церкви в трудный для любого общества переходный период от архаики к более высокой цивилизации. Если в польских землях католические священники, близкие к пастве, нередко становились социальными лидерами, а паства готова была следовать за ними, то православная церковь, например, в Болгарии и Черногории даже не ставила себе подобных задач, оставаясь в целом пассивным общественным атрибутом (по принципу: «ряса должна быть нейтральной!»). Дополнительный материал о католической акции в хорватских землях можно почерпнуть также из вышедшей в 2006 г. книги «Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации».

Прием контрастного сопоставления помогает лучше понять индивидуальный путь развития каждой исследуемой страны, стремящейся влииться в модернизационный поток (или действующей бессознательно), степень ее модернизованности на определенном историческом отрезке, успехи и неудачи субъектов (агентов) модернизации.

Авторы, представленные в книге, не стремились делать конечных, застывших выводов, но рассчитывали скорее склонить читателя к размышлению. Часть вопросов не могла получить и не получила окончательного разрешения, но сама их постановка может послужить подспорьем для других исследователей. По крайней мере констатация о крайней застылости некоторых факторов общественного развития балканских земель, некоей психологической заикленности, слишком медленно и мелко проявляющейся здесь креативности заставляет вспомнить о теории длинных волн в капиталистической экономике Н.Д. Кондратьева, его предшест-

венников и последователей. И в связи с этим подумать о возможности существования других «длинных волн», скажем, — эволюционных.

Конечно, верно сказано Ш.Н. Эйзенштадтом, что модернизация не может полностью «перемолоть» традиционность. И всякий поиск «нового в старом, а старого в новом» труден, тем более, что модернизация не может иметь линейно-поступательного характера, а обладает своими циклами и волнами. При этом значение фактора «застылости», т. е. определенного застоя, как представляется, нельзя упрощать и относить к сугубо отрицательным явлениям. Основой «застылости» могут выступать как социально-экономические, так и личностно-психологические причины. В первом случае речь идет о том, что «укладная разобщенность» не придает модернизирующемуся обществу уверенности для последующего поступательного движения. Действительно, южнобалканские общества — это не фукуямовские «общества доверия». Здесь для подавляющей части населения важно сформировать, обеспечить себе определенные условия выживания, понимаемые как некий социальный резерв.

С другой стороны, остановке-застою может способствовать достижение человеком (группой, слоем населения) определенного положения, которое сознанием воспринимается как удовлетворительное, достаточное. Примером может служить отношение крестьян к мелкой собственности, как обеспечивающей, пусть не высокий, но известный жизненный стандарт. Ведь образовав сеть потребительских кооперативов, сельское население уже сделало шаг вперед, назад теперь не вернуться, но продвигаться дальше — страшно, рискованно. И здесь включается бессознательное, принимающее пассивную адаптацию как наиболее рациональное поведение.

Мысль о возможности «длинных волн» в развитии общества заставляет подумать и о том, что все теории модернизации находятся с этим явлением в определенном противоречии: авторы их, видимо, недостаточно учитывая фактор времени и пространства, особенно для стран не-западной Европы, подспудно все-таки пытаются подтолкнуть чужую историю. И едва ли не как откровение звучат голоса российских специалистов. В.Г. Федотова, например, пишет: Германия, несмотря на наличие главного фактора модернизации — протестантской этики — стала частью Запада лишь после Второй мировой войны¹. Еще более определен известен отечественный крестьяновед В.П. Данилов, считающий,

¹ Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 63.

что лишь в 1960–1980-е гг. социальные сдвиги во французской деревне стали приобретать всеобщий характер — это были результаты социальной трансформации, начавшейся в 1830–1840-е гг.¹

Если хорошо посчитать, то, возможно, указанные «координаты» и заключают в себе «длинные» германскую и французскую социальные волны? А балканской волне предстоит еще биться и биться ...

Следует сказать, что указанное противоречие теоретически снимается, если обратиться к интенсивно развивающимся в последние несколько лет представлениям о *глобальной истории*, т. е. о процессе формирования человечества как глобальной общности. Начало процесса, как пишет, например, уже цитировавшийся выше автор в своей новой работе², «теряется в глубине веков и тысячелетий» и имеет свою историю со множеством этапов. В качестве важного момента обращает на себя внимание обстоятельство, что процесс имеет *не только поступательную*, но и волновую (циклическую) составляющую, которая, по мнению В.И. Пантина, описывает подъемы и спады глобальной интеграции. Говоря о долговременных циклах глобализации, «состоящих из двух также весьма протяженных волн», и обозначая их как волны дифференциации и волны интеграции, автор считает их **«необходимыми созидательными эпохами, на протяжении которых постоянно возникает нечто новое»**³.

При таком подходе, как представляется, явление модернизации воспринимается в качестве всего лишь «детали» процесса глобализации, и многие ее особенности, при изучении отдельных стран, могут быть объяснены продолжительностью «сверхдлинных» волн дифференциации и интеграции, каждую из которых специалисты определяют в 500–600 лет⁴.

Обращение ученых к представлениям о глобальной истории, анализ «глобальных мегатрендов» позволяет, по их мнению, избегать узости европоцентризма, обнаруживать периодические перемещения центра мирового развития с Востока на Запад и с Запада на Восток и, в частности, предположить, возможное исчерпание в ближайшие 50–100 лет волны (не нравящейся многим народом из-за ее однополюсности) интеграции, наблюдающейся на современном этапе глобализации.

¹ <http://ruralworlds.msses.ru> С. 7.

² Пантин В.И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М., 2003. С. 5.

³ Там же. С. 9–10.

⁴ Там же. С. 266.

I. ПРИТЯЖЕНИЕ ЗАПАДА

Д-р Латинка Перович
(Белград)

СЕРБИЯ В МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ XIX–XX ВЕКОВ^a

*«Царство Душана не дает сербам спать», —
недавно где-то я читал, и это правда:
не было бы вредно, если бы этим историческим
славным воспоминанием сербы поддерживали свой дух,
но беда-то в том, что это историческое воспоминание
заставляет их разыгрывать роль, им не подходящую,
заставляет их обманывать и нас, и себя,
заставляет их больше мечтать и меньше делать...
Как хотите, но это печально в том государстве, которое
находится в таком трудном положении как Сербия, которое
должно прежде всего воспитывать характеры деловые
и людей, работающих здраво и аккуратно».*

П.А. Кулаковский, октябрь 1880

1. Модернизация и модернизованность^b

Изучая развитие отставших обществ, современные исследователи понимают под ним процесс, «в котором заключен злободневный круг модернизационных проблем, меняющийся в зависимости от периода, а также процесс, который не завершается каким-то искомым идеальным состоянием «модернизованности»¹. Отсюда имеющий хождение термин «многосторонняя модернизованность»².

¹ Чалић М.-Ж. Социјална историја Србије 1815–1941. Београд, 2004. С. 15.

² Eisenstadt S. Многоstruke modernosti // Uvod u komparativnu historiju / D. Roksandić (ur.). Zagreb, 2004.

Для Эрика Хобсбаума «история отсталых стран в девятнадцатом и двадцатом веках — это история попытки примкнуть к развитому миру, имитируя его»¹. Эта попытка имела разные проявления: «третий путь», «отсталость как достоинство». Однако в XIX столетии за образец принималась Западная Европа. После Второй мировой войны западноевропейская экономика копировала американскую. В XX веке Центральная и Восточная Европа использовала различные модели, почти всегда безуспешно. После 1918 г. вновь образованные государства руководствовались моделью западной демократии и экономического либерализма. Она была разрушена в результате Великой депрессии двадцатых и тридцатых годов, и некоторые из этих стран обратились к фашистской модели².

После 1945 г. почти все они «выбрали или вынуждены были выбрать большевистский образец, представлявший, в сущности, пример модернизации отсталых аграрных экономик с помощью плановой индустриализации»³. Эта модель *невозобновления западноевропейского пути* старше большевиков и известна еще в XIX веке, как реакция на капитализм и социалистические учения Запада одновременно. Как полагает Хобсбаум, она не имеет отношения к индустриализованной Чехии и бывшей Германской Демократической Республике, но подходит для Словакии и балканских государств. Вторая половина двадцатого века для этих стран — «самый лучший период их истории»⁴.

В то же время модель государственного социализма становилась все более жесткой и недостаточной по сравнению с процветающей экономикой Запада. Дефицит интеллектуальных свобод и возрастающее насилие с целью сохранить социальный мир обусловили гражданское равнодушие и утрату самими режимами веры «в то, что они якобы делают»⁵. Крушение данной модели произошло в промежуток между 1989 и 1991 гг., хотя это был длительный процесс, усилившийся после смерти Сталина (1953 г.), XX съезда КПСС, кровавых возмущений в Венгрии (1956 г.), Чехословакии (1968 г.), Польше (70-е — 80-е гг.

¹ *Hobsbaum E.* O istoriji. O teoriji, praksi i razvoju istorije i njenoj relevantnosti za savremeni svet. Beograd, 2003. S. 14.

² См. *Ekmečić M.* Osnove građanske diktature u Evropi između dva svjetska rata. Sarajevo, 1967.

³ *Hobsbaum E.* O istoriji... S. 15.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibidem.

XX в.) и, конечно, с возникновением еврокоммунизма. То, чему следуют эти государства в настоящее время — «парламентская демократия в политике, избыточный капитализм свободного рынка в экономике» — вовсе не модель, по Хобсбауму, но реакция на прошлое. По этой причине Хобсбаум скептичен: «в свете истории после 1918 г. не слишком вероятно, чтобы этот регион, может быть, за незначительными исключениями, вступил в клуб “действительно” развитых и современных стран». Вместе с тем, подобный оборот в конце XX века будто бы поставил под сомнение утверждение о неактуальности теории модернизации. В самом деле, парадигмой служит Западная Европа — рынок, парламентаризм, правовое государство, права человека.

Бесспорно, что в послевоенный период центрально- и восточноевропейские страны прошли через модернизацию, не имея в своей истории прецедента. Верно и то, что в результате они не стали модернизированными государствами и обществами. В том или ином отношении некоторые из них даже регрессировали. Именно поэтому необходимо уточнить значение терминов *модернизация* и *модернизованность*.

Модернизация как понятие широко вошло в общественные науки только после Второй мировой войны. Оно означает весьма значительные изменения (индустриализация, создание коммуникаций, повышение образовательного уровня и культуры здоровья) и в более узком смысле любое нововведение (в различных сферах: экономической, научной, просветительской). Однако оно не предполагает обязательное существование элементов модернизированного общества (точно установленные имущественные отношения, власть закона, права человека, гражданское общество)¹.

Модернизованность относится к «формам общественной жизни или организации, появившимся в Европе, приблизительно, с семнадцатого века, и распространившимся затем до известной степени по всему миру»². Таким образом, речь идет о имманентно глобальном процессе: «Одно из фундаментальных последствий модернизованности... есть глобализация»³. Какие тенденции в развитии Сербии можно обнаружить с этой точки зрения?

¹ См. *Perović L. Modernizacija bez modernosti // Perović L. Ljudi, događaji i knjige. Beograd, 2000.*

² *Gidens E. Posledice modernosti. Beograd, 1998. S. 13.*

³ *Ibidem. S. 166.*

2. Форма и содержание

Сербская модернизация отождествлена с европеизацией Сербии. Но относительно сербской европеизации расходятся между собой, в зависимости от значения, придаваемого *модернизации* и *модернизованности*, отечественные и зарубежные наблюдатели, деятели и историки Сербии нового времени.

Национальная интеллигенция, «воспитанная, главным образом, в западном духе... не стала прозападной, так как, отдаваясь западной культуре в какой бы то ни было степени, она перестает быть народной»¹. Тем не менее, осознавалось, что европейские формы отнюдь не предполагают действительную европеизацию: «наше общественное бытие не столь прочно, чтобы могло воспринять более зрелую и в основе своей совершенно индивидуалистическую культуру»². Эту пропасть объясняли не только отставанием во времени, но, прежде всего, структурными различиями, повлиявшими на оформление различных менталитетов³.

Иностранные наблюдатели и с Востока, и с Запада отмечали, что Сербия не была государством в европейском смысле ни во второй половине XIX, ни в начале XX века. Бесконечно долго можно перечислять авторов, пишущих об имитации Европы, идейном маскараде, пре-

¹ Тадић Ј. Ми и Запад // *Нова Европа*. Књ. XII. Бр. 10. 1925. Загреб. С. 287.

² Николајевић Д. С. Наш демократизам // *Недељни преглед*. Бр. 5. 1910. Београд. С. 65, 66. См. также Стојановић К. Слом и васкрсење Србије (рукопис) // Архив Српске академије наука и уметности. Бр. 10133.

³ «Речь идет не только об отставании во времени, перед нами две психики. Тогда как человек Запада — прообраз рациональности... славянин, и с ним наш народ, совсем чужд этого. Ясно, почему. Славяне большей частью — крестьяне, а крестьянин далеко не рационалист, менее же всего в примитивном своем положении. И пока западный человек пользуется высшими культурными достижениями, у нас все еще нет подлинно своей культуры. С другой стороны, не такие мы по рождению и воспитанию, чтобы безоглядно предаться культуре, чуждой нам духовно и генетически. Таким образом, с культурной точки зрения мы держимся в стороне, отстаем и шиваем лоскуты своего и чужого» (Тадић Ј. Ми и Запад... С. 287).

Значение культурного компонента, не достающего и образованным сербам, подчеркивал С. Йованович: *Jovanović S. Jedan prilog za proučavanje srpskog nacionalnog karaktera*. Vindzor, 1964.

вращающемся в самообман или обман, о «лаке цивилизации», тонкий слой которого ломают патриархальность и отсталость¹.

Для политических деятелей Сербии второй половины XIX и начала XX века западноевропейские формы, т. е. политическая модернизация, имели прикладное значение. Они были приняты с тем, чтобы заручиться сочувствием Европы в отношении планов, вынашивавшихся в сущности патриархальным и закрытым обществом². Необходимо все же признать, что форма и содержание, иллюзия и действительность различались.

Иначе обстоит дело с исследователями *модернизации* и *модернизированности*, т. е. европеизации Сербии. В сербской историографии последнего времени ясно обнаруживается тенденция рассматривать весь этот процесс линейно вплоть до 1945 г., когда якобы он был прерван насильственным образом. Таким образом, некоторые сербские историки, в отличие, например, от упомянутого Эрика Хобсбаума, считают всю вторую половину XX века, если не XX век в целом, потерянным временем для Сербии.

¹ Французский историк Альбер Мале, бывший учителем Александра Обреновича, пишет о том, что Сербия «страна полуевропейская-полуазиатская»; «одно и то же во всем — идешь краем дороги, будто идешь по границе закона»; «крестьяне и горожане... почти одинаковы». «Несомненно, слишком опрометчиво судить о местных вещах с наших позиций, сравнивать сербский и французский образ жизни. Но они сами вынуждают нас к этому, пародируя наш Запад... Имеющийся здесь лак цивилизации — вот что свидетельствует в их пользу и привлекает проезжего иностранца. Лак цивилизации потрескался в тысяче мест — вот что оскорбляет неспешного наблюдателя и делает его противником подобного ряженья» (Мале А. Дневник са српског двора. 1892–1894. Београд, 1999. С. 148, 35, 203, 204).

Русский историк В. Ламанский (1864): «Все толки о Сербии, как о стране либеральной в смысле западноевропейском, конституционном и т. д., крайне смешны и обличают непонимание ее истории и современного положения». (Цит. по: Русские о Сербии и сербах. Составление, подготовка к изданию, введение, заключительная статья А. Л. Шемякина. Комм. А. А. Силкина, А. Л. Шемякина. СПб., 2006. С. 647.)

А. Л. Погодин (1914): «Процесс усвоения европейской культуры и политических идей не мог пройти безболезненно в Сербии... здесь оказалось много наносного, поверхностного, часто люди гнались за ложным блеском, увлекались самообольщением» (Там же. С. 669).

² Пашић Н. П. Моја политичка исповест // Сербия и коментари. Београд, 1989.

В работах, представляющих эту тенденцию, защищается мнение о том, что уже в последней четверти XIX века Сербия была «современным европейским государством». Подобная точка зрения опирается на следующее: «независимость, территориальный рост... достоинство королевства... крепкая военная организация... государственные учреждения в эпоху благотворного напредняцкого законодательства... одна из самых лучших конституций, обеспечившая утверждение парламентаризма... экономический взлет, особенно после строительства железной дороги»¹.

Сербия начала XX века тем более оценивается, как европейское, модернизированное государство. Преобразования всего одного столетия сделали Сербию «современной европейской страной со стабильной экономикой, оформившимся буржуазным сословием и демократическим строем, вдохновленным самыми лучшими традициями европейской конституционной монархии»². Когда речь идет о последнем, ссылаются, прежде всего, на Конституцию 1903 г., принятую после кровавого династического переворота, т. е. после убийства короля Александра Обреновича (последнего Обреновича) 29 мая 1903 г. и избрания Петра Карагеоргиевича новым королем Сербии. В самом деле, принятие Конституции 1903 г. представляется своеобразным *началом с начала*, а краткий промежуток между 1903 и 1914 г., от убийства королевской четы до эпохи войн, рассматривается «золотым веком» сербской демократии. Укорененные вроде мифа, эти взгляды сохраняются, несмотря на основательные исследования институтов (король, правительство, парламент) и идей (свобода, равенство, братство), которые заставляют в них усомниться³.

Некоторые историки полагают, что упомянутая «европеизация» истории Сербии в новейшей сербской историографии — «на грани комплекса». Комплекс, однако, отличает не только одну сербскую историографию. Так или иначе, он не единственная причина «европеизации» ис-

¹ См. *Љушић Р.* Милан Обреновић (1854–1901) // *Љушић Р.* Србија XIX века. Књ. 1. Београд, 1994. С. 142.

² *Батаковић Д. Т.* Успомене Панте М. Драшкића у српској мемоарској прози // *Драшкић П. М.* Мемоари. Приредио Д. Т. Батаковић. Београд, 1990. С. 19. См. отделино: *Нова историја српског народа.* Приредио Д. Т. Батаковић. Београд-Лозана, 2000.

³ См. *Поповић-Обрадовић О.* Парламентаризам у Србији 1903–1914. Београд, 1998; *Stojanović D.* Srbija i demokratija 1903–1914. Београд, 2003.

тории Сербии. Важное основание для нее дает также идеологический подход второй половины XX века: *начало с начала* ищет легитимности в отрицании всего предшествовавшего, будто восстанавливая связь с развитием до 1945, а точнее до 1918 года. Подход этот возвращается, как Божья кара — интерпретация предыдущего периода, желательная для установления преемственности, становится новой реальностью, а *потерянная* идентичность отыскивается в сербском средневековом государстве. И все же главная причина «европеизации» Сербии на рубеже XIX и XX века скрывается в определенном понимании *модернизации и модернизованности*, т. е. самой Европы, как их парадигмы. Потому что итог последних исследований развития Сербии, практически не учитываемый или замалчиваемый национальной историографией, свидетельствует о том, что развитие это было дихотомическим, конвульсивным и циклическим. «Либеральная идея и традиция» — вот пронизывающая историю Сербии дихотомия... Ее порождает амбивалентный характер социума, «разрывавшегося» между патриархальностью (т. е. закрытым его типом, как формой самоорганизации и выживания сербов под игом турок) и началами модернизации¹.

Согласные с тем, что главная характеристика развития Сербии — дихотомия, историки, однако, по-разному оценивают соотношение ее частей. Одни представляют его в виде диффузии — нет патриархального общества без элементов модернизации, как нет модернизации без элементов патриархального общества². Другие полагают это соотношение механическим: достижения модернизации в патриархальном обществе — оазисы³.

Антропологи и этнологи подчеркивают антагонистический характер соотношения патриархальность–модернизованность. Герхард Геземан, много лет изучавший сербское и черногорское патриархальное общество, в 30-е гг. прошлого века предостерегал людей Запада от

¹ Шемакин А. Л. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX — начала XX в. глазами русских // Русские о Сербии и сербах... С. 631.

² См. Marković P. J. Beograd i Evropa. Evropski uticaji na proces modernizacije. Beograd, 1992.

³ См. Перовић Л. Модерност и патријархалност кроз призму државних женских институција: Виша женска школа (1863–1913) // Србија у модернизацијским процесима XIX и XX века. 2. Положај жене као огледало модернизације. Београд, 1998.

заблуждений: «пусть романтическое восхищение патриархальным обществом не обесценивает наше (европейское — Л. П.) гражданское общество и основанное на силе буржуазное государство. То, как человек организует свою жизнь, зависит от ступени исторического развития, на которой он находится. Но очевидно, что рискованно сравнивать эти две общественные стадии между собою, так как в истории человечества они, будто непримиримые враги, противостоят друг другу»¹.

Раздел, идущий по рубежу антагонизма между патриархальностью и модернизованностью, лежит в основе внешних войн, внутренних политических конфликтов и гражданской войны. Он проходит и через самую образованную часть народа — сербскую интеллигенцию или, как принято говорить сегодня, элиту, и через каждого ее представителя в отдельности.

3. Причины и последствия разобщения элиты

Историки, считающие модернизацию или европеизацию прямолинейным процессом, лишенным упомянутой дихотомии и антагонизма между патриархальностью и модернизованностью, видят в сербской интеллигенции основного генератора преобразований, которые обусловили превращение Сербии в подлинно европейское государство уже в последней четверти XIX или в начале XX века. С точки зрения этих историков, государственные стипендиаты², которые «через 10 лет... возвратились в отечество парижскими, венскими, лейпцигс-

¹ *Gezeman G. Crnogorski čovjek. Prilog književnoj istoriji i karakterologiji patrijarhalnosti. Podgorica, 2004. S. 15.*

² Первая группа государственных стипендиатов (10 человек) была отправлена в Австрию в 1839 г. и возвратилась в 1842 г.; вторая группа — в середине 50-х гг. и вернулась в 1858 г. (проводники либеральных принципов); те, которые в 60-е гг. учились в России и Западной Европе, принесли в Сербию социалистические идеи. Любинка Трговчевич различает три поколения сербской интеллигенции XIX столетия: 1) до середины века; 2) с пятидесятих до середины семидесятих годов и 3) с восьмидесятих годов до начала Первой мировой войны. *Трговчевич Љ. Српска интелегенција у XIX веку — западни и источни утицаји // Европа и Срби. Београд, 1996. С. 262–263.*

Подробнее см. *Љушић Р. Државно-друштвена и генерацијска периодизација нововековне Србије (1804–1918) // Љушић Р. Србија XIX века. Књ. 2. Београд, 1998.*

кими и петербургскими докторами наук», заняли «высокие посты в государственной и общественной иерархии»¹, и именно это имело решающее значение для развития страны. Тем не менее, автобиографии и воспоминания некоторых из них показывают, что в западноевропейских странах стипендиаты жили обособленно, контактируя больше всего с русской эмиграцией, и что они не стали *западниками* именно в смысле заимствования культурных ценностей. Сильное впечатление на этих людей производил технический прогресс Запада, и большинство их решало дилемму, как усвоить западные научные достижения и не измениться в духовном отношении. Они принесли в Сербию идеи и понятия, были законодателями, организаторами учреждений, основателями газет и журналов, дипломатами.

В современной сербской историографии отмечается, что первые представители малочисленной сербской интеллигенции пытались модернизировать сербское государство и организовать его «в соответствии с либеральными концептами», но «в ходе позднейшего развития все больше стали проявляться антимодернизационные процессы и авторитарная культура»².

Вместе с тем, раскол сербской интеллигенции в отношении модернизации отражается не только в различных стадиях развития Сербии, но и в уровнях модернизации внутри одной и той же стадии. Решающий фактор здесь структурный, заключающийся в специфическом характере сербского аграрного социума.

В эпоху «турецкого рабства» (XV–XVIII века) произошли изменения, конечным результатом которых стало «исчезновение государства и сложной общественной структуры, дворянства и местных институтов». Иначе говоря, «от сербского народа остаются зависимые крестьяне («райя») и достаточно свободные скотоводы. Сознание тех и других поддерживается в сфере дома и семьи, православной церкви, бережно хранящей память о правителях и святых, о славном прошлом, тогда как юнаков и ратников помнит эпическая поэзия, важный элемент народной культуры»³.

¹ *Батаковић Д. Т.* Успомене Панте М. Драшкића у српској мемоарској прози... С. 19.

² *Stojanović D.* Ulje na vodi. Politika i društvo u modernoj istoriji Srbije // Srbija 1804–2004. Beograd, 2005. S. 146–147.

³ *Турковић С. М.* Увод: време, простор, људи // *Турковић С. М.* Срби међу европским народима. Београд, 2004. С. XVI.

Таким был фундамент, на котором началось развитие Сербии после освобождения от османского господства в 1815 г., точнее, после получения автономии в 1830 г. Последние исследования показывают, что Сербия не относится к тем странам, которые шли по пути эволюционного доминирования над традиционным экономическим и общественным устройством по английскому образцу. Дорога ее в *современность* проложена «сверху», реформаторским законодательством, навязанными декретами. Но законодательство привело здесь к консервации структур и отношений, предопределив тем самым историю сербского государства нового времени¹.

Как известно, формы жизни сербов под турецким гнетом будто окаменели и породили ментальность, пережившую эти формы в институциональном аспекте. Прежде всего, речь идет о задружных отношениях. Их принципы — неделимая собственность, коллективный способ производства, полноправие членов задруги были несовместимы с модернизированным обществом. Кроме экономических и социальных функций задруга имела еще моральное, правовое, этическое и патристическое назначение, составляя своеобразный микрокосм². Она «не что иное, как маленькая держава, охватывающая своей деятельностью все задачи и устремления совершенно современного государства»³. Она «могла с честью осуществлять почти все функции, которые выполняет государство на Западе»⁴.

Если «эти народные институты своим вековым опытом столь ясно доказали свою силу и значение в жизни народа, не было бы верным выстроить новую сербскую государственность на их основе? Действи-

¹ См. Чалић М.-Ж. Социјална историја Србије 1815–1941... С. 30.

² «Семейная община — это домашний очаг для сирот, немощных, больных и престарелых. Она утоляет подобные нужды много лучше, глубже и милосерднее, чем современное государство, которое едва удовлетворяет их при помощи милостыни и приютов. Семейная община представляет лучшую школу человеческого и гражданского воспитания, школу в самом высоком значении этого слова, завести которую государство не сумеет никогда. Семейная община — это наиболее предпочтительный питомник родолюбия, морали и веры, а также, в некотором смысле, наилучшая превентивная полиция в отношении своих членов». (Карућ В. Србија. Опис земље, народа и државе. Београд, 1997. С. 611.)

³ Там же. С. 611.

⁴ Там же. С. 612.

тельно, ничего более естественного нельзя вообразить, но, к сожалению, этого не случилось. Во время строительства Сербии произошел стремительный перелом»¹. Главная вина возлагалась на сербов из Австрии и Венгрии. Не ставились под сомнение «их патриотизм и искренняя преданность своему новому, только освобожденному отечеству», но отмечалось, что они по образу жизни и мышления «отделились от простого народа», и новой государственной и административной организацией подсекли «под корень семейную общину в Сербии», «так что народ был превращен в прах единиц»².

Вместе с тем, сербское законодательство после получения автономии гораздо в большей степени обеспечило преемственность патриархальности, чем свершило «стремительный перелом» и крутой поворот к модернизации. Сербский гражданский кодекс, принятый в 1844 г. и действовавший до 1946 г., сохранил задружный принцип коллективной собственности на землю, но позволил раздел большого семейства³. Этим он открыл путь неограниченному дроблению земельной собственности. Преобладание мелкой собственности исключало возможность интенсивного сельскохозяйственного производства, а отсутствие отечественного и зарубежного капитала — развитие промышленности, которая поглотила бы избыток сельскохозяйственного населения. В последнем итоге, возникла крайняя бедность⁴.

Дробление земельной собственности обусловило большую задолженность крестьян, что приводило к продаже достаточного для существования минимума, т. е. формированию безземельного крестьянства.

¹ Там же. С. 612.

² Там же. С. 615.

³ Большим считалось семейство, состоявшее из 20–40 человек («велика фамилија»).

⁴ Согласно анкете, произведенной Союзом сербских земледельческих задруг среди своих членов в 1910–1912 гг., «накануне Первой мировой войны две трети владений (организованных в задруги) располагали меньшим количеством земли, чем предусматривал достаточный для существования минимум. Поэтому, по меньшей мере, 5 % нуждались в дополнительном доходе, помимо сельского хозяйства. Более половины не имело полной упряжи, треть — ни плуга, ни какого бы то ни было земледельческого орудия, у 18 % не было своего дома, 28 % проживали в исключительно негигиеничном помещении, 30 % по вечерам не имели света, 38 % никогда не спали в кровати». (Цит. по: *Чалић М.-Ж.* Социјална историја Србије 1815–1941... С. 70.)

На этот процесс государство отозвалось законом об аграрном минимуме¹. Сходная мера была известна и в других землях Восточной и Центральной Европы. Но в отличие от них, в Сербии не было аграрно-капиталистических отношений даже в зачаточном состоянии². Крестьяне были связаны с собственностью, которая не давала им «ни жить, ни умереть»³, а так как продать ее было нельзя, то эта незначительная собственность продолжала делиться.

Основная функция закона об аграрном минимуме была социальной — воспрепятствовать формированию сельского пролетариата ценой равенства в бедности⁴. Но в течение всего столетия, пока закон сохранял силу⁵, его поборники подкрепляли свою аргументацию национальными и политическими мотивами. С их точки зрения, предназначение этого закона в том, чтобы «в народе сохранилось относительное равенство в собственности и единство народной жизни. Таким образом, аграрный минимум... затруднил формирование социальных и классовых противоречий... Вследствие этого в народе окрепла любовь и чувство долга по отношению к родине и государству»⁶. Последнее, как мы видим, регулировало и гарантировало равенство граждан. Государство положило заграждение их пролетаризации. Взамен граждане стали его единственным резервом в борьбе за целостность на-

¹ В 1836 г. князь Милош запретил закладывать прожиточный минимум (дом, огород, два вола и одна корова); в 1861 г. к этому присовокупился земельный участок двухдневной пахоты (1,15 га); в 1897 и 1898 г. площадь этого участка была увеличена (до 3,45 га) и требовала уже шести дней пахоты, добавились также жилая площадь, живая тяговая тяга и инвентарь. (Там же. С. 40.)

² Там же. С. 42–43.

³ Цит. по: Чалић М.-Ж. Социјална историја Србије 1815–1941... С. 41.

⁴ Одно из доверенных лиц вождя Народной радикальной партии Николы Пашича писал, что закон об аграрном минимуме — «наиболее полезный закон с экономической точки зрения», так как им «обеспечено существование нашего народа, главным образом, земледельческого. Поэтому в Сербии не могут появиться бездомные, как в других государствах мира». Точным исполнением его «Сербия стала бы счастливейшей страной на свете». Ведь, как известно, «только экономически независимые люди могут быть политически свободными». (Петровић А. Успомене. Приредила Ј. Перовић. Горњи Милановац, 1988. С. 43.)

⁵ Закон об аграрном минимуме действовал до тридцатых годов XX века. Стремление распространить его на всю Югославию не получило поддержки.

⁶ Там же. С. 41.

рода, которую вели двумя способами. С одной стороны, консервация социальных отношений и институтов, благодаря которым сербский народ выстоял под турецкой властью, поддерживала единство с еще не освобожденными частями народа. С другой стороны, укреплялась общность сербов, как *пролетарского народа*, по сравнению с великими державами капиталистического Запада.

Хотя развитие Сербии в 1830–1878 гг., от автономии к независимому государству, отличает параллельность элементов патриархального и модернизированного общества, наблюдатели и историки усматривают константу в закрытости страны и ее традиционных институтах (задруге и общине), точнее, в соблюдении их принципов. Проблема заключается не столько в институтах, сколько в сформированном ими менталитете. Иначе говоря, «общинная ментальность... с лежащим в ее основе коллективизмом, экстраполировалась на весь социум в целом, что означало *жесткий примат корпорации над личностью и растворение индивидуального интереса в общем*. На всех уровнях — от семьи до государства»¹.

Задруга с ее экономическими и социальными функциями, системой ценностей лежит в основании идеологии сербского социализма шестидесятых и семидесятых годов, или радикализма восьмидесятых годов XIX века. Квинтэссенция этой идеологии — *народное государство* в противовес *современному государству*, которое вводит власть права, основывает институты и создает административное сословие — бюрократию². В этом отношении решающим было десятилетие с 1878 по 1888 г. Тогда вырисовались две разные идеологии (либеральная и радикальная) и были сформулированы две различные программы развития Сербии (модернизация независимого государства Сербии и объединение всего сербского народа в одно государство). Раскол случился и в малочисленной сербской интеллигенции: «Простой народ, можно сказать, был недоволен результатом (установленной границей — *Л.П.*), но не пустился в дальнейшее выяснение. Интеллигенция, однако, поделилась на два разных лагеря»³.

¹ Шемякин А.Л. Традиционное общество и вызовы модернизации... С. 642.

² Перовић Л. Народна држава // Перовић Л. Српски социјалисти XIX века. Књ. 3. Београд, 1995. С. 121–124.

³ Письмо Николы Пашича И.А. Зиновьеву. Перовић Л. Милан Пирочанац — западњак у Србији XIX века // Србија у модернизацијским процесима XIX и XX века. 3. Улога елита. Београд, 2003. С. 13.

С точки зрения представителей первого лагеря, государственная независимость давала Сербии возможность выйти «за рамки патриархального государства» и влиться в ряды «европейских народов». «Большой политический успех, которым было приобретение независимости, обязал Сербию, прежде всего, вступить в состязание с Европой на nive просвещения, труда, внутреннего переустройства в согласии с правами и потребностями современных государств»¹.

При правительстве, сформированном из *западников* (1880–1883 гг.)², начался новый цикл модернизации Сербии — по английской модели — реформирование «сверху», введение законов западноевропейского образца, что должно было завершиться принятием либеральной конституции, т. е. утверждением парламентского образа правления. Эта модернизация имела синхронический характер, касаясь экономики, политики, образования, гигиены. Поэтому результатами ее стали законы о свободе печати, свободе собраний и организаций, независимом судопроизводстве, обязательном начальном образовании, здоровье народа, защите скота, строительстве первой железной дороги, народном банке, создании регулярной армии.

Полемика, развернувшаяся по поводу этих законов в Народной скупщине, не получила должного освещения в сербской историографии³. Конфликты были непримиримыми, а в некоторых случаях, например, когда был вынесен закон о строительстве первой железной дороги, имели признаки гражданской войны. Нововведения в экономике, праве, образовании, здравоохранении, армии встретили прочный традиционалистский барьер. Уже отмечалось, что одна из базовых установок традиционализма — идея преемственности, т. е. «солидарности

¹ Цит. по: *Перовић Л.* Политичка елита и модернизација у првој деценији независности српске државе // Србија у модернизацијским процесима XX века. Београд, 1994. С. 237.

² *Западницима* считались либералы Йована Ристича и напредњаци (Милутин Гарашанин, Милан Пирочанац, Стојан Новакович, Чедомиль Миятович). См. *Перовић Л.* Милан Пирочанац — западњак у Србији XIX века...

³ См. Никола Пашић у народној скупштини. Приредили Л. Перовић, књ. 1, 2; Д. Стојановић, књ. 3; Ђ. Станковић, књ. 4. Београд, 1997, 1998.

поколения живущего с поколениями умершими»¹, или «участия мивуших поколений в современности»².

Эта преемственность, эта прочная связь живых и мертвых поколения спустя, этот страх потомков перед судом предков и включают сербское общество в традиционные общества, которые, согласно Люсьену Февру, «единожды и навсегда упорядочили свое прошлое официальным и прагматическим образом». Иначе говоря, подобные общества «под созданным ими образом своей текущей жизни, коллективных целей и нужных для их достижения добродетелей проецировали своеобразный прообраз прежней реальности — схематичный, но в известном смысле утрированный и величественно украшенный непрерываемым авторитетом традиции, превосходство и святость которой дарует религия»³. Поэтому подобные общества с трудом обращаются к будущему — оно приносит неизвестность, а их идентичность благодаря народному эпосу и вере целиком помещена в прошлое, и она *окончательна*.

Действительности, откровенно говоря, не существовало вовсе, прошлое соответствовало своему изображению в народном творчестве, а будущее представлялось, как восстановленное прошлое.

Упомянутые конфликты предвещали, что современные законы останутся мертвой буквой на бумаге, т. е. они не будут осуществлены не только из-за отсутствия подготовленных исполнителей, но вследствие пассивного сопротивления их духу и огромной силы инерции. Сосредоточение на единственной цели — объединении сербского народа — подчиняло всякий индивидуальный интерес, и любое несоответствие тому выглядело изменой.

Реформирование «сверху» было прервано в 1883 г. Разоружение народной милиции, которое было следствием создания регулярной армии, привело к Тимокскому восстанию, жестоко подавленному. Новым ударом по реформам стала сербско-болгарская война 1885 г.

¹ *Шацкий Е.* Утопия и традиция. М., 1990. С. 230. Цит. по *Шемякин А.Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации... С. 644.

² *Манхейм К.* Консервативная мысль // *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 610. Цит. по *Шемякин А.Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации... С. 644.

³ *Февр Л.* Борба за историју. Приредила Д. Стојановић. Београд, 2004. С. 99.

Второй лагерь олицетворяла Народная радикальная партия, первая политическая партия Сербии (1881–1882 г.). В десятилетие, предшествовавшее ее формальной организации, в социалистических газетах и журналах выкристаллизовалась идеология — *народное государство, народное самоуправление и народная партия*. Политическое преследование, политические процессы, эмиграция, цензура и запрещение газет, но, прежде всего, непримиримая оппозиция в Народной скупщине 1874 г., называвшаяся социалистической и радикальной, были долгой и основательной подготовкой к формальному созданию политической партии, как только закон 1880 г. представил для этого возможность.

Через идею *народного государства* как большой задруги радикалы осуществляли эманацию этого фундаментального института сербского патриархального общества и менталитета, складывавшегося веками на его основе. Отсюда столь сильный отпор идее модернизированного государства, сложного в социальном отношении, с разделением властей и институтами, но, в особенности, идее общества, отделенного от государства. Сопротивление государственной организации, отличавшейся от народного государства, в котором посредством народного самоуправления народ руководил собой, а в народной партии находил своего политического представителя, было удвоенным. В то же время при непросвещенном состоянии народа крестьянин в своем малом владении никаким образом не мог устроить модернизированное производство. Это определяло его небольшие потребности, амбивалентное отношение к государству — между подданничеством и анархией, а также предмодернизационный характер общества.

Иерархически организованная (местные комитеты, главный комитет, вождь), Народная радикальная партия была глубоко укоренена в народе. Она стала классовой организацией крестьян — единственного класса, который существовал, придавая сербскому обществу исключительно аграрный характер. Господствовавшая мелкая собственность, обеспечивавшая равенство в бедности, представляла собой социальную основу *народной* демократии, характерные особенности которой были на законном основании коллективистскими, вернее, тоталитарными. Сами по себе они были также важным инструментом борьбы за объединение всего сербского народа. Поэтому модернизация реального сербского государства в границах, определенных ему Берлинским конгрессом 1878 г., рассматривалась преда-

тельством *прадедовских заветных целей*, и тем или иным образом срывалась.

Патриархальность наряжалась в современные европейские формы. Конституция 1888 г. была либеральной, и это обстоятельство используется сербской историографией, как самый убедительный аргумент, чтобы доказать *европеизированность* Сербии уже в последней четверти XIX века. Однако на выборах в Чрезвычайную народную скупщину, призванную реализовать Конституцию 1888 г., из 117 мандатов Народная радикальная партия получила 102, а Либеральная партия 15. Прогрессивная партия даже не выходила на выборы, потому что в 1887 г., после падения своего второго правительства, подверглась линчеванию, известному, как «великий народный порыв»¹.

Чрезвычайная народная скупщина (1 октября 1889 г.) явилась «чисто партийным собранием». Из нее вышло однородное радикальное правительство. Кроме того, радикальное большинство наблюдалось в Государственном совете, Кассационном и Апелляционном судах, Главном контрольном управлении. «Радикальная партия, до этого влиятельная только “внизу”, в народе, ныне основательно утвердила свое положение “наверху”, в высших кругах государства. Все, что могло в стране стать радикальным, им стало, а наверху пирамиды с радикальным основанием и гранями стояло и балансировало нерадикальное Регентство»².

В двух других партиях, Либеральной и Прогрессивной, имеющих весьма непрочную поддержку в обществе и ограниченных городами с развитой печатью, неграмотный народ видел не политических противников, но врагов. Гегемонистское положение Народной радикальной партии сообщало государству партийный характер, а политической жизни в стране, мягко говоря, монистический оттенок. Объединение сербского народа — цель, которую преследует не только правя-

¹ Расправа с напредняками свершилась в период деятельности радикально-либерального коалиционного правительства. Вряде мест внутри Сербии напредняков свирепо умерщвляли, били, изгоняли, грабили и сжигали их дома, уничтожали сады и виноградники. О всех актах этого политического насилия ежедневно сообщала напредняцкая газета «Видело», писали о них и европейские газеты. См. *Perović L. Politički protivnik kao neprijatelj // Ogledi o modernizaciji Srbije. Beograd, 2006.*

Новая атака на напредняков произошла в 1889 г., когда волнения охватили Белград.

² *Живановић Ж. Политичка историја Србије у другој половини деветнаестог века. III. Београд, 1924. С. 37, 49.*

щая партия, но и оппозиция — по убеждению или из-за страха быть обвиненной в предательстве *заветных целей*.

Объединение сербского народа стало идеей всех идей. Она диктовала динамику внутреннего развития государства после получения независимости и определяла приоритеты. Любое новшество, имевшее следствием социальную дифференциацию эгалитарного аграрного социума, повышение качества жизни (образование, гигиена, коммуникации) и осознание своих прав, нарушало внутреннее единство, необходимое для того, чтобы осуществить объединение народа. В сравнении с нововведениями «традиция и цель» выступали «цементирующей силой»¹. Налицо две несовместимые ориентации, и «неопределенность сроков решения задач расширения государственных границ — это один из главных тормозов движения Сербии по пути европеизации и модернизации»².

Важные для формирования личности институты и средства (семья, школа, церковь, армия, печать, устная и письменная литература) выводили на первый план национальное объединение. В пользу патриотического чувства подавлялись и заглушались все другие переживания. С младых ногтей ребенок воспитывался воином и мстителем, в ненависти по отношению к врагу — турку, австрийцу (швабу)... Это отмечали почти все иностранные наблюдатели и авторы путевых заметок³.

¹ *Ключевский В. О.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 67. Цит. по *Русские о Сербии и сербах...* С. 665.

² *Кузьмичева Л. В.* Сербия между Западом и Востоком (понски пути государственного строительства в XIX веке) // Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX веков. К 60-летию профессора Московского университета Г. Ф. Матвеева. М., 2003. С. 76; *Она же.* «Фальшивый партизан русский» // Родина. Российский исторический иллюстрированный журнал. М., 2003. С. 10.

³ Русский славист П. А. Ровинский, путешествовавший по Сербии в 1868–1869 гг., пишет, что встречал «оригинальное домашнее обучение»: «Так, отец спрашивает маленького сына (большей частью при гостях): “Кто ты?”. Он отвечает: “Сербин”. “Где пропало Сербское царство?” — На Косовом поле. — “Кто погиб на Косовом поле?” — Царь Лазарь, девять Юговичей и все сербское юнацтво. — “А еще кто?” — Царь Мурат. — “Как он помер?” — Его зарезал Милош Обилич. — “Чем же мы помянем царя Лазаря, Милоша Обилича и всех сербских юнаков?” — Вечная им память. — “А Мурата?” — Будь он проклят. — “Кто неприятель серба?” — Турок. — “А еще кто?” — Шваба. — “Чего же ты им желаешь?” — Я возьму саблю и посеку им головы». *Ровинский П. А.* Записи о Србији 1868–1869. Нови Сад, 1994. С. 159.

Кроме семейных катехизисов существовали и общественные. В зависимости от внешнеполитических обстоятельств в них менялись имена врагов сербского народа, но дух ненависти к последним оставался неизменным. Один *Катехизис народу сербскому* был опубликован в том же году, что и Конституция 1888 г., считавшаяся одним из самых либеральных основных законов Европы¹. В самом деле, из поколения в поколение дух этот пронизывал школьное образование. Вскормленные национальной идеей воспитанники (впоследствии сами родители и учителя), а также воспитатели распространяли этот дух, воплощая его в коллективном чувстве и провозглашая идеей всех идей, в которой заключено все прочее².

Этим и объясняется одушевление, с которым не полный десяток лет спустя после кровавого династического переворота было встречено на-

¹ «Кто неприятель сербов? — Самый главный враг сербов — Австрия... Что нужно делать? — Ненавидеть Австрию, как своего самого главного врага... Кто друг сербов и Сербии? — Единственный искренний и надежный друг сербов, который был и есть: великая и мощная Россия. — В чем долг каждого серба? — Любить свое отечество и монарха и умирать за них, уважать своих друзей и ненавидеть врагов...» (Катехизис за народ српски // Златибор. Народни лист. Ужице. 17 апреля 1888 г. Бр. 17. См. Русские о Сербии и сербах... С. 664.)

² С этой точки зрения, воспоминания Паулины Лебл Албала (1891–1967) представляют собой драгоценный источник. Опираясь на личный опыт воспитанницы и воспитателя, она пишет:

«Школа считала своей главной задачей давать ученикам знания, в известной степени и насколько возможно влиять на формирование характера, развить их национальное сознание и желание служить народу... Но была целая область, которой школа не касалась — сведения об основах и структуре государства и общества. Менее всего сообщалось нам о необходимых реформах, не говоря уже об обязанностях в этом отношении, исполнить которые нам надлежит, как и любому другому поколению».

«Сотни юных девушек готовились для служения своему народу, который тем временем (войны 1912–1914 гг. — *Л. П.*) бедствует и гибнет. У нас же, старших, имелось полное величайшей ответственности задание — сделать из этих девочек как можно более разносторонних и способных народных воителей... «все было подчинено одной цели — чтобы в сознании учениц постоянно поддерживалась мысль об их национальных задачах». (*Lebl Albala P.* Tako je nekad bilo. Beograd, 2005. S. 104, 245, 346.)

чало эпохи войн (1912–1918 гг.). На войну шли, как на свадьбу¹. Небольшая и бедная страна, неподготовленная в военном отношении, незнакомая с военной техникой, усовершенствованной после войн 1876–1878 гг., имеющая необразованных солдат², Сербия полагалась на свой

¹ «Национальными идеалами освобождения и объединения все наше поколение вдохновлялось годами: в школе, через литературу и газеты, а также на публичных собраниях. Потому неудивительно, что в войне с Турцией мы видели воплощение своих давних грез. С юношеским бесстрашием, дерзостью и нетерпением наше поколение, не знавшее войны и ее ужасов, ожидало час отмщения вековых страданий, “смерти этой гнили на Босфоре”, “изгнания турок из Европы” — таковы были крылатые выражения, доводившие нас до пароксизма.

Наши товарищи ушли на войну радостно и с песней, будто на свадьбу. Мы провожали их цветами, с возгласами: “До встречи!” Никто из нас не думал о возможности неудачи, поражения, смерти. Восторженные, мы желали победы. Нашему поколению выпало исполнить “косовский завет”. Какое счастье». (Ibidem. S. 188.)

Драгиша Васич говорит о том же:

«Мы всегда с особым прилежанием пытались проникнуть и всесторонне изучить основание того душевного подъема, причину столь необычной и искренней радости, небывалой готовности без промедления и печали сразу поменять обычную, спокойную жизнь на ожидавшую впереди — напряженную, опасную и полную мук.

Было ли то... жаждой мщения? Не была ли подобная ярость, иначе не скажешь, отражением, отдушиной вековой ненависти? В какой степени этот энтузиазм вобрал в себя дух предков, выразил национальную боль или стремление отомстить за давние обиды?»

...«в том возбуждении проявился дух наших предков... Этот дух... обусловил раннее упоение, которое укрепляла мысль о страданиях еще не освобожденных братьев». (Vasić D. Karakter i mentalitet jednog pokolenja. Devetsto treća. Beograd, 1990. S. 14, 17.)

² Консультант русского Красного Креста во время сербско-турецкой войны 1876 г., позднее профессор Медико-хирургической академии, С.П. Колоннин писал: «Мы встретились с народом, не привыкшим лечиться и поэтому не придававшим лечению большого значения; в особенности была для него чужда оперативная помощь. До войны в каждом из 17-ти округов княжества существовала небольшая больница, но жители неохотно обращались туда за помощью, так что эти больницы пользовались скорее официальным, чем действительным значением. У народа не было почти никакого понятия о хирургическом лечении, потому что в Сербии слишком мало хирургов, а с другой стороны, он редко видел травматические повреждения, вследствие от-

главный ресурс — живую силу¹, молодых людей, знавших до войны только родные места и уходивших в неизвестность с ясной целью, внушенной в семье, школе, церкви и армии, литературой и пропагандой.

сутствия механических и всяких других заводов. Наступила война, и этот бедный народ стал платиться массой огнестрельных ран. Чуждые для него люди, русские доктора, взялись за лечение, стали накладывать гипсовые повязки, предлагать ампутации и проч. Эти “войники”, послушные как маленькие дети, охотно и вежливо переносили извлечение пуль, “перевивание”, то есть перевязку ран, глубоко убежденные в душе, что вся эта процедура (кроме разве извлечения пуль) излишняя, и что раны не хуже заросли бы и без нашей помощи, если бы раненых распустили по домам. Когда же доктора стали говорить об ампутациях, народ не хотел верить доводам; а при настойчивых увещеваниях, стали слышаться ответы: “Не смей не только говорить, не смей и думать о том, чтоб отсечь мне ногу!” Они страшно платились за свою непривычку к хирургической помощи. Пролежав некоторое время в лазаретах, несколько привыкнув к нам, раненые охотнее соглашались на операции, но все-таки сохраняли непреодолимую боязнь к отнятию членов. “Лучше смерть, чем сечь!” — и умирали; другие соглашались, но поздно, и вредили себе тем, что уменьшали проволочкой шансы на благоприятный исход после операции... Австрийские сербы (из них многие были дезертиры австрийских войск) и русские добровольцы гораздо охотнее соглашались на все операции, так что боязнь сербов можно объяснить единственно их непривычкой к оперативной помощи». (Цит. по Русские о Сербии и сербах... С. 662.)

¹ Находясь в 1912 г. в Белграде, Л. Д. Троцкий отмечал: «Проходит стройными рядами 18-й полк, который сегодня отправляется на границу. В защитного цвета форме, в опанках, с зелеными ветками на шапочках. Трубят трубачи, барабанщики отбивают такт. Вид этого полка производит на меня трудно передаваемое впечатление. Нет внешней условной молодцеватости, скорее трагическая обреченность. Лапти на ногах и эта зеленая веточка на шапке — при полном боевом снаряжении — придают солдатам какой-то трогательный вид. И ничто в данный момент не характеризует для меня так ярко кровавую бессмысленность войны, как эта веточка и эти мужички опанки. ...В Сербии немного менее 3 миллионов населения. Под ружье привлечено по последним сведениям, считая и ополчение, 300 тысяч человек. Это — пятая часть мужского населения страны, включая дряхлых стариков и грудных младенцев. Концентрированная рабочая сила страны вырвана на неопределенное время из ее хозяйственного тела. Если даже допустить, что кровавая чаша войны минует Сербию, — а на это надежды нет, — и тогда эта мобилизация на ряд лет потрясет основы существования молодой страны, которая так нуждается в мире, труде и культуре». (Опубликовано в русской газете «День», № 3, 4 октября 1912 г. Цит. по Русские о Сербии и сербах... С. 500.)

Социальное равенство и национальное единство составляют портрет сербской интеллигенции — сельской или городской, получающей образование в Сербии, Западной Европе или России. В Петрограде, Цюрихе и Вене она организуется в объединения, которым присваивает имена сербских традиционных учреждений — *община* и *задруга*¹. Любое структурное и институциональное нарушение социального равенства представляет собой удаление от заветной цели — национального единства².

Одновременно любое обособление от народа, пусть и на основе образования, обязывало к осторожности — оно не смело обернуться денационализацией. Бдительность проявляли сами представители образованного меньшинства. Так, в 1870 г. в письме к министру просвещения Сербии родоначальник сербского социализма отметил:

«Полвека назад в Сербии практически не было иных сословий, кроме крестьянского. Мы все крестьянские сыновья или внуки. Образованные люди (я имею в виду по-настоящему образованных, а не шарлатанов), вышедшие из этой среды, суть образованная демократия в действительном смысле этого слова. Большинство их выросло на “кукурузе” и “крахмале” и получило высшее образование за счет народа, который продолжает жить на “кукурузе” и “крахмале”. Здесь их многочисленные близкие родственники. *И если сделавший “карьеру” выходец из интеллигенции волен обо всем забыть, то мы не свободны позволить ему сделать это* (курсив мой — Л.П.). Следовательно, требовать от нас, образованной демократии... чтобы мы

¹ См. *Перовић Л.* Српски социјалисти XIX века. Књ. 3... С. 17.

² Близкие к социалистам, точнее радикалам, оппозиционные депутаты Еврем Маркович и Адам Богосавлевич выступали против строительства железной дороги, дипломатических представительств, школ с преподаванием иностранных языков, риторики и музыки из опасения, что такие школы превратят сербов в «кучу изнеженных слизняков», которые не захотят воевать. (См.: *Перовић Л.* Програми народне демократије у Србији друге половине XIX века // *Токови историје.* 1–2. 1999. Београд.)

Др. Владан Джорджевич сообщает о том, как чешский национальный деятель Ладислав Ф. Ригер объяснил ему, почему чехи не совершают революцию против обременительного австро-венгерского ярма: «Народ, у которого почти в каждом втором доме стоит пианино, не поднимает революций». В Крагуеваце же, старой сербской столице, в 1898 г. имелось одно-единственное пианино, принадлежавшее переселенцам из Срема. (См. *Шемякин А.Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации... С. 664, 665.)

отделили свои интересы от интересов народа... означает требовать невозможного»¹.

Нетрудно отыскать социальные и культурные основы эгалитаризма² и национального единства в истории Сербии последних двух веков. Но нелегко определить, что в них коренится тоталитарное мышление, которое оказывало значительное влияние на политическую культуру, модель демократии и политическую организацию.

Давно отмечена, хоть и оставлена без заслуженного внимания в национальной историографии, одна из отличительных особенностей сербской элиты: своей большей частью она сохранила традиционную ментальность, так как была, согласно П.А. Кулаковскому, «по своему происхождению очень близка к простому народу»³.

Вместе с сопротивлением всему чужому эта *погруженность* интеллигенции в народ (по убеждению, из демагогических или корыстных соображений) рассматривалась серьезным препятствием для будущего развития страны и народа. Уже упомянутый П.А. Ровинский писал: «В Сербии меня одно удивляло: везде в других странах люди, составляющие интеллигенцию, развиты непропорционально больше, чем масса; в Сербии напротив — интеллигенция стоит ниже того уровня, на котором должны бы находиться, чтобы вполне отвечать развитию своего народа; она в сущности слишком мало отделяется от массы. Может быть, в этом залог будущего счастливого, гармонического устройства Сербии, но покуда это весьма неблагоприятно отзывается на общем прогрессе»⁴.

Данным обстоятельством не пренебрегли и отечественные авторы. Ментальность влияла на приоритеты, и формирование интеллигенции, которая прогрессировала бы в знаниях, не относилось к первоочередным задачам небогатого и разобщенного народа, что видно по

¹ Марковић С. Отворено писмо Г. Матићу // Марковић С. Сабрани списи. I. Београд, 1960. С. 191–192.

² На проблеме социальных различий «сломались» и экономические реформы в Югославии. Критике подверглось общество потребления, отъезд работоспособного населения на заработки за рубеж, изгонялись технические менеджеры, т. е. техническая интеллигенция, которая была двигателем экономической модернизации во второй половине XX века.

³ Кулаковский П.А. Сербия в последние годы // Русские о Сербии и сербах... С. 633.

⁴ Ровинский П.А. Записи о Србији 1868–1869... С. 137.

количеству школ, уровню преподавания и просвещенности. Таким образом, круг и невольно, и намеренно замыкался: «Оценивая в общем результаты образования в Сербии, мы можем утверждать, что до настоящего времени все школы предлагали нам только полуобразование, и продолжаться это будет еще долго, если не оказать им более действенную помощь. Влияние этого полуобразования можно ясно видеть во всем развитии Сербии, отличающемся блужданием и неустойчивостью, несовершенством созданных институтов. Нельзя также не признать, что полуобразование, оказывая неблагоприятное влияние на общее развитие народа, влияет отрицательно и на его моральное состояние»¹.

Если между интеллигенцией и массой невозможно было провести границу, то политическая и интеллектуальная элиты оставались еще менее размежеванными между собою. В бедном аграрном обществе образованные единицы были и создателями государства, и основателями научных и культурных учреждений, пионерами научных дисциплин, инициаторами культурных движений и течений в искусстве². Они были тесно связаны с государством (стипендии, работа, общественное положение). Сформированная таким образом интеллигенция, элита или слой, как отмечает Дубравка Стоянович, «никак не могла сыграть ту роль в демократизации страны, которая выпала общественным группам в Западной Европе, от имени общества и граждан заставившим государство постепенно отступить»³. Поэтому исключительно разобщенные политические и интеллектуальные элиты дали импульс модернизации, но не перешли грань, разделяющую патриархальное и модернизированное общество. Политические элиты тяготели, главным образом, к популистским мерам⁴. Сами олицетворение *тоталитарной демократии*, они эту модель демократии и утверждали. Краткие периоды политического плюрализма всегда отличало существование партии-гегемона, а точнее отсутствие альтернативы.

Интеллектуальные элиты представляли собой *масляную пленку на воде*. Но не вследствие субъективных качеств и недостаточной

¹ *Карић В.* Србија... С. 262.

² См. *Перовић Л.* Научник и политичар: Јован М. Жујовић (Прилог проучавања српске елите) // Токови историје. 1–2. 1993. Београд.

³ *Stojanović D.* Ulje na vodi. Politika i društvo u modernoj istoriji Srbije... С. 129.

⁴ См. *Перовић Л.* Милан Пирочанац — западњак у Србији XIX века...

энергичности их представителей, а потому, что отсутствовали предварительные условия, размежевывающие модернизированное общество и общество в преддверии модернизации.

В сербской литературе, историографии, публицистике весьма ощутимо антиевропейское направление, что не ново и восходит к сербской патриархальности, выражавшей интересы закрытого общества и потому постоянно опасавшейся преобразований. Влияние этой тенденции соответствует масштабу вызовов рубежа XX и XXI веков. Предлагая по существу *нулевой* вариант: «преобразования желанны и необходимы, но главное условие, чтобы они ничего не изменили»¹, данное направление менее опасно, чем фасадная европеизация прошлого Сербии. Охарактеризованная в прошлом, как самообман и обман, она бытует, сознательно или неосознанно, до настоящего времени. И нет этому иного противодействия, чем изучение реальной общественной истории.

Перевод Р. Игнатьева

ПРИМЕЧАНИЯ

- а Сокращенный автором вариант статьи *Perović L.* «Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka», опубликованный в сборнике: *Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka*. 4. *Žene i deca*. Beograd, 2006. S. 7–32.
- б Термин «модернизированность» предложен здесь в качестве эквивалента серб. «модерност» (ср. *англ.* modernity). Неологизм «модерность», получивший некоторое распространение, главным образом, в российской политологии, не может быть признан вполне удачным (*Прим. перев.*).

¹ *Dinđić Z.* Jugoslavija kao nedovršena država. Novi Sad; 1988. S. 149.

HRVATSKA MODERNA. ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ВСТРЕЧА КУЛЬТУР

Чтобы приблизиться к пониманию проблем модернизации на Балканах в XX в., необходимо учитывать множество факторов, влиявших на характер этого процесса. Только сложив отдельные кусочки, можно будет увидеть целостную многогранную картину. В данной статье мы остановимся на одном из таких факторов — роли искусства в духовном преобразовании хорватского общества с конца XIX до середины XX века, без которого было бы невозможно его движение от традиционности к цивилизации западноевропейского типа, то есть движения к современному обществу¹.

Если согласиться с тем, что Балканы являются пространством, где встречаются разные цивилизационные потоки, и где Восток в наибольшей мере приближается к Западу, то, в таком случае, Хорватия, как и Словения, видятся последними ступенями в этом приближении. По аналогии с выделением так называемой «другой» Европы, в которую включаются и Балканы, на самом балканском пространстве славянские земли Австро-Венгрии по уровню своего развития явно отличаются от их южных балканских соседей. Оказавшись на пересечении разных цивилизационных потоков, северные Балканы представляли собой своеобразное пограничье, теоретическое определение которого блестяще сформулировал В.Н. Топоров. «Граница, — пишет он, — трактуемая как определенная категория ориентации человека в мире — природном и культурном — и в самом себе, является подвижным, динамичным, и главное, универсальным понятием.... Граница не только (и, может быть, не столько) та периферия, где «свое»

¹ Мы используем теоретическое наполнение терминов «традиционное», «современное» (modern), «модернизация», предложенное в книге: Федотова В.Г. Модернизация другой Европы. М., 1997. С. 32–50.

и «чужое» сходятся на нет и повернуты друг к другу неудобными «углами» или враждебными острями (*grap-*), но и связь, переход, средостение, сердцевина, центр... История, как и сама жизнь, все больше и больше начинает работать на этих границах, гранях, стыках, делая ставку именно на них. Граница из периферии становится серединой, центром¹. Иными словами, граница не только разделяет, но и связывает, предоставляет место для встречи культур.

Не имея возможности подробно рассмотреть отличия Хорватии от, скажем, Сербии этого времени, мы, опираясь на работы историков, в которых так или иначе обозначен интересующий нас аспект — модернизация Балкан², схематично наметим лишь некоторые из них.

В отличие от независимой Сербии Хорватия находилась в политически зависимом положении, но при этом нельзя не учитывать того, что в течение нескольких веков она входила в состав центрально-европейского государства, и это определяло специфику ее развития. Не случайно в конце XX века роль Габсбургской монархии в судьбах австрийских славян оказалась предметом бурных научных (и не только научных) дискуссий, и на их фоне складывалась новая мифология об Австро-Венгрии как идеальном полинациональном государстве. Призывая отказаться от крайних представлений об Австро-Венгрии как «тюрьмы народов» или «дружной семьи», В.И. Фрейдзон, однако, обращает внимание на то, что после 1848 г. в Габсбургской монархии возникли условия, «способствовавшие разностороннему сближению населявших ее народов — экономическому и культурному». К рубежу столетия эти народы, по его мнению, хотя и в разной степени, находились «на стадии развитой этничности, все уже обладали сформировавшейся национальной идеологией», и этим объяснялось все возрастающее их стремление быть политически свободными.³ Между

¹ *Топоров В.Н.* Функция границы и образ «соседа» в становлении этнического сознания (руско-балтийская перспектива) // Советское славяноведение 1990. № 1. С. 30, 31.

² *Никифоров К.В.* Парламентаризм в Сербии XX в. // Славяноведение. 2004. № 3; *Силкин А.А.* Характер югославского парламентаризма // Человек на Балканах и процессы модернизации. М., 2004.; *Шемякин А.Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX — нач. XX в. глазами русских // Там же.

³ *Фрейдзон В.И.* Не увлекаться крайностями // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С. 9, 10.

тем в полиэтничной и поликонфессиональной Хорватии всю первую половину XX века (да и в дальнейшем) католицизм продолжал играть существенную роль в национальной идентификации и оказывать влияние на культуру всех слоев населения.

Отличным от Сербии было и землевладение: здесь существовала крупная аристократия, в большей своей части сросшаяся с венгерской знатью. В хорватских землях разорение мелких дворянских и крестьянских хозяйств, скупка их земель и распад задруг к концу XIX века приняли массовый характер, приведя к серьезной эмиграции, пролетаризации и миграции сельского населения в города: в 1900 году в Загребе проживала 61 тысяча человек, увеличилось число небольших городов, население которых составило 21%. Таким образом создавалась основа для формирования городского типа культуры, — существенной основы процесса модернизации.

И последний, очень важный момент для рассмотрения взаимоотношений Хорватии с Западной Европой — это многовековое проживание населения «в условиях двуязычия: латино- (или немецко, итальянско) хорватского, в котором, — по наблюдениям Н.И. Толстого, — существовала не только связь, но и известная противопоставленность соответствующих культур и литератур»¹. Для рассматриваемого периода определяющим было немецкоязычное влияние (собственно немецкое и австрийское), что не исключало наличие других влияний — итальянского на Далматинском побережье и венгерского, самого находившегося под немалым немецко-австрийским воздействием. В предшествующие эпохи немецко-австрийские отношения в большей степени были неравноправными и тормозили развитие национального языка и культуры, им с трудом приходилось пробивать себе дорогу в школы, театры, в местные институты власти. Достаточно вспомнить эпизод, произошедший 24 декабря 1860 года, когда на сцене частного театра Станковича освистали немецких актеров, и было провозглашено, что отныне на загребских подмостках будет звучать только хорватская речь. Однако нельзя забывать о другом: даже тогда двуязычие создавало широкие возможности для знакомства с немецким и австрийским искусством и с их помощью, через их посредство — к приобщению

¹ *Толстой Н.И.* Культурно-литературно-исторические предпосылки образования национальных литературных языков (на материале сербохорватского, болгарского и словенского языков) // *Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе.* М., 1981. С. 123.

к сокровищнице мировой культуры. И хотя хорватская исследовательница эпохи модерна Н. Кошутич-Брозович отмечает некоторую ущербность этого посредничества, называя его «венско-пражско-мюнхенским фильтром»¹, все же эта роль немецкой культуры была чрезвычайно важна на всем пространстве империи. Опираясь на венгерские исследования, российский ученый Ю.П. Гусев делает такой вывод: «Если западноевропейская (французская, итальянская, английская) культура и литература, с одной стороны, и русская, с другой, оставались для этого региона лишь факторами влияния, временами усиливавшимися, временами почти полностью исчезающими, то немецкая именно *присутствовала* здесь с момента зарождения и осознания культурной и литературной общности до (по крайней мере) 1918 г.»².

Да, немецкие театральные труппы были проводниками политики онемечивания, но на практике, как утверждают и хорватские, и российские театроведы, они сделали очень много для становления национальной театральной культуры, профессионализма актеров, режиссеров, сценографов, для подбора репертуара³. Сербский театровед П. Марьянович отмечает, что, «хотя театр немецкой речевой сферы насаждался силой власти, он в то же время приносил с собой драматургию, переводную литературу, высокое мастерство, развитую театральную технику, хорошую организацию работы, технико-производственную терминологию, и его теоретические и практические ценности действительно давали положительный образец тем, кто, по разным причинам, отставал в этой области»⁴. Н. Батушич,

¹ *Košutić-Brozović N.* Evropski okviri hrvatske moderne // Hrvatska književnost prema evropskim književnostima. Zagreb, 1970. S. 350.

² *Гусев Ю.П.* Венгерская литература в культурном контексте Австро-Венгерской монархии // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. С. 127.

³ *Путинцева Т.А.* Проблемы австрийского театра в его связях с театром венгров и славян (конец XVIII — начало XIX вв.) // Театр в национальной культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII–XIX вв. М., 1976; Вагапова Н.М. Формирование реализма в сценическом искусстве Югославии. 20–30-е годы XX века. М., 1983. С. 12.

⁴ *Марьянович П.* Деятельность первого сербского профессионального театра в Австрийской империи и Австро-Венгерской монархии (Сербский национальный театр. Нови Сад, 1861–1914) // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. С. 235.

посвятивший специальное исследование роли немецких театров в становлении национального театра Хорватии, обратил еще внимание и на то, что они, кроме повышения актерского и режиссерского мастерства, в значительной степени повлияли на расширение культурного кругозора публики¹. Театр все более способствовал духовному взаимообмену между разноязычными культурами. Немецкие актеры, наряду с актерами других европейских стран, выступали на сценах Хорватии, хорватские — все чаще играли в немецких театрах, гастролируя вместе с ними по всей империи. Так зарождался и развивался диалог, постепенно расширялся круг его участников, само содержание диалога и пространство, в котором он происходил. Великолепно эту мысль выразил венгерский ученый Г. Бела Немет. «Культуру, литературу Будапешта конца века, — пишет он, — нельзя понять без венской, пражской, загребской культуры и литературы; точно так же как культурную и литературную жизни в Вене, Праге, Загребе, Кракове нельзя по-настоящему осветить без будапештской культурной и литературной жизни»².

На рубеже XIX и XX вв. в культурной сфере Хорватии буквально совершается взрыв, имевший огромные последствия для процесса ее модернизации. Происходит подлинная встреча культур — европейской и национальной, — и между ними возникает активный диалог, в полном смысле этого слова, меняющий культурный климат в стране. Оба его участника не только слушали, но все больше начинали *слышать* друг друга, особенно хорватская сторона. Для всей Европы это был период диффузии культур — пространственно-временного распространения образцов культуры, эстетических идей, их заимствования, внедрения в другие системы и их ассимиляция, что сопровождалось усвоением также элементов социального и политического опыта. Эта эпоха неслучайно во многих странах получила название Модерна, в Хорватии она называлась Хрватска модерна. Между тем процесс ускоренного движения к Западной Европе, получивший название модернизации, на протяжении XX века шел очень неравномерно, с отступлениями назад к традиционализму, ответвлениями

¹ *Batušić N. Uloga njemackog kaħalista u Zagrebu u hrvatskom kulturnom hivotu od 1840–1860 // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1968. Knj. 353.*

² Цит. по: *Гусев Ю.П. Указ. соч. С. 126.*

и новыми рывками в сторону европеизации. Неравномерность сказывалась в самом понимании необходимости осмысления «чужого» опыта, и углубление этого понимания помогало избавиться от связанного с патриархальным менталитетом ложного убеждения, что только своя культура, свой уклад являются единственно ценными. За пониманием приходило желание усвоить этот «чужой» опыт, перенести его на свою, национальную почву и связать с ним собственное национальное развитие.

Внешним толчком для ускорения процесса европеизации послужило сожжение в 1895 г. гимназистами старших классов и студентами венгерского флага в канун приезда в Загреб Франца-Иосифа. После исключения из учебных заведений они — но уже не поодиночке, как это было ранее, а группами — для продолжения образования отправились в Прагу и Вену. Через два года они вернутся на родину, полные новых идей и страстного желания сделать их достоянием общества. Главным для них становится стимулирование отечественного культурного развития, его содержательного и формального обновления. Однако предлагаемые для этого пути были разными. «Пражане» под влиянием идей Масарика ратовали за безусловное обновление искусства, но сохраняя связи с общественно важными проблемами. «Мы должны получить литературу, — писал их лидер М. Марьянович, — которая должна взглянуть на наши условия и наши проблемы глазами Европейца и решить их в контексте общих мировых проблем».¹ «Венцы», испытавшие влияние Сецессиона, на первое место ставили автономию искусства и его эстетизацию, его право на погружение в мир индивида, свободу субъективистского видения и презрения к условностям в жизни и в искусстве. Между изданиями этих двух групп велись бурные дискуссии, каких раньше Хорватия не знала. Еще более жесткие споры шли между ними и представителями старшего поколения, защищавшими неизбежность традиционных ценностей, которые, однако, не воспринимались как ортодоксальные патриархальные нормы. Многие из них выступали не против западно-европейской культуры, а скорее против новых ее проявлений, в первую очередь декаданса.

¹ *Marjanović M. Naša književna izolacija // Hrvatska moderna. Zagreb, 1951. Knj. 2. S. 268.*

Сначала эти противостояния напоминали разговор глухих, но постепенно все отчетливее возникало взаимопонимание или даже стремление понять друг друга, все более явственными стали черты диалога. А он вел ко все большему стиранию остроты разногласий и обнаружению общего. Становилось яснее, что «молодых» объединяли не столько слова «прогресс» и «модерн», написанные на их знаменах, сколько наполнение понятий. Они ратовали за освобождение от коллективного типа мышления и за движение к индивидуальной свободе творчества, отход от фольклоризма, сентиментального романтизма и реализма и за овладение новыми художественными тенденциями. Но так как восприятие новых импульсов в Хорватии накладывалось на сохраняющийся комплекс нерешенных национальных проблем, то всех «молодых», помимо противостояния традиционализму и открытости мировой культуре, сближала идея национального освобождения родины. Тем самым даже тогда, когда они с разных позиций выступали за свободу творчества индивида, они способствовали рождению в обществе оппозиционных настроений, а те, в свою очередь, воспитывали критическое восприятие действительности. Именно в эти годы литературная критика оформляется в самостоятельную сферу творческой деятельности, закладываются научные основы литературоведения, театроведения, искусствоведения.

Тогда же под руководством видного театрального деятеля Степана Милетича реформируется Национальный театр в Загребе. Кроме создания актерской школы, модернизации сцены и реквизита, главным его достижением было кардинальное обновление репертуара за счет введения в него современной европейской, русской и отечественной драматургии. Ставятся пьесы Г. Ибсена, М. Метерлинка, А. Стриндберга, Г. Гауптмана, О. Уальда, а произведения Л. Толстого, А. Чехова и М. Горького появляются в Хорватии практически сразу после их русских премьер. Например, пьесы Горького «На дне» и «Мещане» были поставлены в 1903 году (обе были сыграны во МХТ в 1902). Милетичу принадлежит заслуга введения в репертуар драм современных хорватских драматургов Й. Косора, М. Огризовича и И. Войновича, которые вобрали в себя черты почти всех «измов» эпохи модерна. На совершенно новой основе устанавливаются контакты с австрийскими и немецкими театрами. В Бургертеатре работает хорватский драматург М. Бегович, а пьеса Й. Косора «Пожар страстей» в 1911–1912 гг. с успехом идет в двух немецких театрах —

в Гофтеатре Мангейма и на Резиденцбюне Мюнхена, в 1914 г. — на венской сцене.

Знаменем нового стиля стал Хорватский Салон, который с 1898 по 1901 год проводил выставки художников и скульпторов, сопровождавшиеся литературно-драматическими манифестациями. Коткрытие первого Салона Общество хорватских художников выпустило альманах, образцом для которого послужил известный венский журнал «*Ver sakrut*». Таким образом, культура, в разных формах отражая весьма драматический, сложный и непрямолинейный переход от коллективистского, традиционного типа сознания к индивидуальной самостоятельности, ведущей к отказу от традиционной системы ценностей в пользу ценностей модернизирующегося общества, способствовала духовному раскрепощению людей. Необходимо, однако, еще раз подчеркнуть, что в зависимых странах этот процесс был двунаправлен: на культуру ложились две задачи — ее европеизация, что требовало пересмотра многих традиционных представлений, и в то же время сохранение культурной памяти, преемственности прошлого и настоящего, без чего невозможно укрепление национального самосознания. Обе эти задачи в разной мере, но осознавались представителями всех течений. Приведем такой пример. Один из самых ярких писателей этой эпохи, ставший для современников и последующих поколений символом эстетства, Антун Густав Матош пишет в 1909 году стихотворение, полное пронзительной боли и любви к родине:

На виселице. Высохнув, как прут.
У самых стен тюрьмы. О стены срама!
Под нею — черная для осужденных яма,
Убийства место, темное как блуд.

.....
Моя Хорватия повешена, как вор...
И так велел, наверно, чей-то приговор,
Что имя самое зачеркнуто шпиками.

(«1909», перевод А. Наймана)

1910-е годы становятся годами бурного политического брожения, активности разных политических течений — от национального романтизма, югославизма до социализма. Расширяется сфера влияния объединительных идей югославянских народов, особенно в период

Балканских войн и после них, и искусство играет немалую роль в их распространении. Напомним о работах выдающегося хорватского скульптора Ивана Мештровича, ставшего представителем венского Сецессиона. С 1907 по 1912 год он задумывает и начинает воплощать проект монументального памятника — грандиозного храма в честь Косовской битвы, неотъемлемую часть которого составляла бы скульптура. В художественных салонах Вены, Парижа и на загребской выставке, символически названной «Негероическому времени вопреки», были выставлены выполненная из дерева модель храма, скульптуры отдельных, прославлявших мужество народа фигур (Королевича Марко и Милоша Обилича) и скульптурные образы женщин, символизирующих скорбь матерей и вдов («Две женщины», «Воспоминание» и другие). Уже в эти годы, испытав большое влияние венского Сецессиона и школы Родена, Мештрович вырабатывает свой собственный художественный язык. В его произведениях, выражавших идеи национального освобождения и югославянского единения, силу народного духа и самопожертвования в борьбе за свободу, стилизованная грубоватость и декоративность народной скульптуры сочетались с аллегоричностью и символизмом образов, столь свойственных стилю европейского модерна.

Рубеж веков положил начало активному культурному диалогу Хорватии с Западной Европой, неслучайно крупнейшим хорватским литературоведом Антуном Барацем этот период был назван «Поворот к Европе» («Югославская литература», 1954). Уже упоминавшаяся исследовательница этого времени Н Кошутич-Брозович пришла к выводу, что именно тогда хорватская литература «за относительно короткий срок совершила огромный скачок из провинциальной отсталости в гущу европейских движений»¹. Дальнейшее ее развитие в этом направлении было прервано Первой мировой войной.

После 1918 года в Королевстве сербов, хорватов и словенцев складывается новый культурный контекст, радикально отличный от предшествующего. В нем столкнулись два разных культурных потока. Один, тяготеющий к латинско-католическим и немецко-австрийским культурным традициям и больше связанный с средневропейским ареалом, другой — опирающийся на православную основу и поддер-

¹ *Košutić-Brozović N. Evropski okviri hrvatske moderne // Hrvatska književnost prema evropskim književnostima. Zagreb, 1970. S. 346.*

живаемый правящей сербской элитой и сербской королевской династией. Их стремление к нивелированию национального самостояния и к превращению разных по историческим и культурным традициям народов в единый «трехименный народ» не мог не привести и привел к разрастанию межнациональных конфликтов, закладывая почву для будущего развала государства. В Хорватии, в частности, оппозиционные настроения, в том числе и крайне радикальные, охватывают самые разные слои населения. Между двумя полюсами — коммунистическим и экстремистски-националистическим, усташским движениями — располагался широкий спектр политических объединений, но все они как организации «религиозного и племенного характера» (так было сказано в королевском указе), а тем более организации политические, были запрещены после государственного переворота 1929 года.

На искусство в 1930-е г. возлагалась несвойственная его природе задача — доведение до общественности оппозиционных идей. В силу этого с годами оно политизируется все в большей мере, и эта черта становится, особенно во второй половине 30-х годов, накануне Второй мировой войны, одной из определяющих его специфику. Идейная ангажированность проникает не только в радикальные художественные течения, какими были авангард и «социальная литература» и «социальный реализм» (так назывался в Югославии вариант социалистического реализма), но и в казалось бы нейтральную, интимистскую лирику, не говоря уже о реалистической прозе и драматургии. Кстати, этот процесс был далеко не только югославским, в то время он захватил практически все европейские страны. Но для Хорватии, не освобожденной от фатальной необходимости бороться за национальные права, к нему добавляется борьба за демократизацию общества, которая объединяет все более широкие группы населения в антифашистском сопротивлении до войны, и во время нее. Здесь также происходит консолидация с европейским антифашистским движением и антифашистским искусством. К ним присоединяются даже левые католики, правые объединяются с усташскими силами.

После распада австро-венгерского культурного пространства и вхождения в новый культурный контекст в 1920-е г. в Хорватии не обрываются связи с немецкоязычными культурами, возрастает значение чисто художественного диалога. Более того, контакты распространяются и на другие области Югославии, результатом чего явилось, как

уже отмечалось, формирование экспрессионизма у югославын с очень небольшим запозданием, по сравнению с аналогичными течениями в немецком и австрийском искусстве. Причем, неслучайно в Сербии проводниками экспрессионизма были чаще всего именно выходцы из бывших австро-венгерских областей (Хорватии и Воеводины) — Иво Андрич и Милош Црњанский. Экспрессионистские идеи оказались близки деятелям культуры самых разных взглядов — революционно настроенным и либералам, правым и левым католикам, как и представителям других конфессий, и просто потрясенным происходящим на их родине. И что особенно важно, эстетические завоевания Европы достаточно быстро нашли отклик у читателей и зрителей.

Связи этого течения в Хорватии с немецкоязычным экспрессионизмом очевидны, как, впрочем, была очевидна и типологическая общность художественного развития этой части Европы, что рождало в творчестве хорватских писателей противоборство двух начал — признание родства с западноевропейским экспрессионизмом и отталкивание от него. Об этой противоречивости свидетельствовал хотя бы такой характерный пример: хорватский поэт и литературный критик, последовательный сторонник экспрессионизма Антун Бранко Шимич назвал свой журнал «Юриш» (1919), что практически означало прямой перевод заглавия органа немецких экспрессионистов — «Штурм». Между тем было и другое — «заземление» свойственного всем экспрессионистам космического видения вселенской катастрофы на отечественную военную и послевоенную ситуацию. Для хорватских писателей именно война, в которой они воевали на австрийской стороне, послевоенный хаос и революционные бунты становятся воплощением надвигающегося краха цивилизации, тотального разрушения вековых устоев, символом варварства и бездуховности. Повышенной экспрессивностью, переходящей в крик, который был для них выражением «крика человека, которого бьют, бунта того, кого угнетают» (У. Донадини), они пытались расшевелить общество. Именно с экспрессионизмом в хорватской и словенской литературах связано рождение первого революционного течения, представленного яркими талантами — М. Крлежей, А. Цесарцем, С. Косовелом, и оно также имело тесные контакты с революционными художественными течениями в немецкоязычных литературах. В Сербии, по понятным для страны-победительницы причинам, сразу после войны революционное течение не сформировалось, оно возникнет только в конце 1920-х гг.

и в иных формах. Добавим к этому, что немецкий язык для бывших австро-венгерских областей, хотя и теряет в Югославии доминирующие позиции, еще долгое время продолжает выполнять там функцию посредника — на нем хорваты читают произведения М. Горького, советских авторов, чехов и поляков.

В годы Второй мировой войны немецко-хорватские связи принимают другой, трагический для Хорватии характер. Контакты расширяются за счет фашистских государств и их сателлитов — Италии, Болгарии, Словакии. Усташские власти созданного при поддержке Гитлера и Муссолини Независимого государства Хорватия устанавливают их на правительственном уровне: проводятся писательские встречи в Берлине и Загребе, Братиславе и Софии, в репертуаре единственного действовавшего тогда в Загребе Национального театра преобладают немецкие авторы (правда, присутствовала и немецкая классика), делаются взаимные переводы — естественно, не Крлежи (его произведения запрещены, а сам он находится под домашним арестом), а идеолога усташского движения, в межвоенные годы известного писателя М Будака и других сотрудничавших с режимом литераторов. Военные годы раскололи хорватское общество, и последствия этого раскола сказывались на всем протяжении второй половины XX века.

Но вернемся в межвоенный период. Культурный диалог между Югославией и Западной Европой расширяется главным образом за счет возрастающего масштаба прямых контактов с Францией. Связи с ней существовали уже в период модерна, особенно у художников и скульпторов, для Сербии они были плодотворны и в межвоенный период, когда под влиянием французского сюрреализма аналогичное течение возникает и в Сербии¹. В Хорватии оно не сложилось в самостоятельное течение, но черты его были ощутимы в творчестве отдельных литераторов, в частности большого поэта Тина Уевича. Этот пример свидетельствует о действенности для многонациональной Югославии складывающегося механизма распространения художественных идей. Экспрессионизм, кроме всего прочего, шел из бывших австро-венгерских областей, сюрреализм — в том числе и из Сербии, революционные течения «социальная литература» и «социальный реализм», получая импульсы из СССР, стали общегославским явлением. Попадая

¹ Подробнее см.: *Живковић Д.* Европски оквири српске књижевности. Т. 1–5. Београд, 1994.

на национальную почву, все эти художественные идеи ассимилировались и развивались практически синхронно с аналогичными явлениями в других странах.

Этому межюгославскому взаимообмену, несмотря на негативные последствия унификаторской политики в Королевстве, с одной стороны, и существование различий между этносами и их культурами, с другой, способствовало установление более тесных контактов между югославскими народами. Возникало многоаспектное и многоуровневое общее культурное пространство. Теперь деятелям науки и искусства не надо было пересекать границы государств, а близость языков и даже единство языка на большей территории страны делали возможным миграцию городского населения и творческой интеллигенции из одной области в другую и достаточно быструю их адаптацию в новой среде. Особенно это относилось к жителям Боснии и Герцеговины, Черногории и Македонии, но «взаимообмен» происходил и между хорватами и сербами. Хорват И. Мештрович строит знаменитый архитектурно-скульптурный комплекс — «Памятник неизвестному солдату» в Белграде, не менее известный хорватский режиссер Б. Гавелла ставит спектакли в Белграде и Любляне. Один из создателей композиторской хорватской школы Й. Славенский с 1929 года живет в Белграде и активно участвует в формировании композиторского искусства Сербии, а сербский композитор П. Конёвич возглавляет оперную труппу в Загребском национальном театре. Появилось явление, которое мы называем двойной художественной (литературной) принадлежностью.

Классическим примером этого феномена является Иво Андрич. Он родился в боснийском Травнике, воспитывался в католической семье, окончил гимназию в Сараево, продолжал образование в Загребе, Вене, Кракове, Граце, вступил в литературу в рядах Хорватского модерна, во время Первой мировой войны за антиавстрийские настроения сидел в австрийской тюрьме. После 1918 года — он сербский дипломат и великий сербский писатель, и в 1962 году получает Нобелевскую премию. Сознание этого писателя сформировалось на стыке различных культур — католической и православной, западноевропейской и балканской ментальности, и все это в его творчестве воплотилось в изображении многонационального и многоконфессионального экзотического мира Боснии, который стал для писателя прообразом человеческого общежития вообще. Андрич и его творчество — далеко не

единичный случай. После Второй мировой войны в социалистической Югославии миграционные процессы приняли еще больший масштаб. Неоспорима роль черногорцев Р. Зоговича и М. Лалича, боснийца М. Селимовича в развитии сербской литературы, боснийцев Х. Кикича (в межвоенные годы) и М. Диздара — хорватской. Примеры можно умножить за счет художников, скульпторов, музыкантов, деятелей театра и кино. Многие из них до сих пор называют себя представителями югославской культуры.

XX век для культуры Хорватии означал стремление к синхронизации ее художественного развития с европейским, в какие-то моменты это удавалось и помогало ее продвижению по пути модернизации и в других областях общественной жизни. Но то была одна сторона процесса. Другая была отражением усиления национально-политической ее содержательности, которая в XX веке с его двумя мировыми войнами и социалистическими экспериментами зачастую тормозила переход к современному общественному устройству, а то и прерывала его. Баланс этих двух составляющих был непостоянен, но он определял иногда напрямую, иногда косвенно, подспудно, конфигурацию культурного пространства, взаимоотношения внутри него и его отношения с внешним миром, в той или иной степени приближая или отдаляя, ускоряя или замедляя, шедший процесс модернизации Хорватии и балканского региона в целом.

МОТИВ ЕВРОПЫ КАК ЗНАК МОДЕРНИЗАЦИИ НА БАЛКАНАХ: ЖИВОПИСЬ «АЛАФРАНГА»

Процесс модернизации в художественной культуре Балкан занял длительный период с конца XVIII до середины XIX века. Он принял форму прежде всего развития светского искусства с высвобождением из поствизантийского канона принципиально новой поэтики, отразившей радикальные перемены в картине мира. Так, обратную перспективу сменила перспектива прямая, а тем самым зритель из объекта, на который взирает лик святого, превратился в субъект, сам глядящий в мир. Изображения обрели объем, а стало быть — плоть, сместив акцент в оппозиции дух/тело на второй компонент и таким образом утвердив роль природы. Они обогатились реалистическими деталями. Наконец, на место иконописца, копирующего образцы, пришел свободный мастер, избирающий манеру и предмет живописания в соответствии со вкусом заказчика и собственными предпочтениями. Следствием перемен явилось то, что радикальным образом изменились темы, к которым обратились художники. Сюжеты Святого писания оказались потесненными со стороны жанровой живописи (пейзажей, портретов, городских vedute). Среди тематических моделей одним из первых знаков обновления художественной палитры явился мотив города, причем, города европейского, чей облик означил для балканского человека приобщение к ценностям западной цивилизации — одновременно пугающей и манящей. В новое время Запад стал для Балкан пространством, опрокинутым во время — символом одновременно Золотого века в прошлом (по признаку прекрасного утопического далека) и в будущее (как точки идеала на далеком горизонте).

Пространственно-временная перспектива, в которую оказался погружен балканский человек, лицезрящий изображения Запада, приходит на ум при виде поразительного природного феномена на греческом

острове Лесбос. Здесь высоко в горах на обширном склоне, некогда поросшем могучими деревьями, располагаются огромные пни и поваленные стволы — древние останки окаменелого «леса». Это уникальное явление природы возникло 20 миллионов лет назад на этапе формирования основ экосистемы Эгейского региона. В результате вулканических процессов стволы деревьев превратились в кристаллические образования, минерализовались. Удивительную метаморфозу, произошедшую с органической материей, можно трактовать как метафору основной закономерности культурного развития Балкан, согласно которой временная и пространственная оси проецируются друг на друга. Не случайно здесь же, на Лесбосе в конце XIX века родился выдающийся мастер примитивной живописи Хаджимихаил Теофинос, в своем творчестве соединивший национальную традицию и зачатки европейского авангарда. Не случайно и то, что здесь же, в городке Моливос (он же древняя Мифимна) на севере острова в одном из домов первой трети XIX века обнаружены примечательные своей «балканскостью» интерьерные росписи с «наивным» изображением городов, относящиеся к тому кругу памятников, феномен которых и составляет предмет рассмотрения в данной статье¹.

В отличие от Востока, переживаемого как нечто *свое, внутреннее*, имеющее вектор развития *изнутри наружу*², Запад — в частности, Европа — обычно воспринимался балканским человеком на начальном этапе модернизации как *чужое, внешнее, далекое*, в том числе удаленное во времени³. Известно, что в качестве европейской периферии Балканы в новое время переживали процесс активного ускорения своего цивилизационно-исторического пути с наложе-

¹ Живописи «алафранга» в контексте культуры Балкан посвящена также статья: Злыднева Н.В. Европа как утопический локус в балканской живописи «алафранга» // Восток и Запад в балканской картине мира. М., 2007. С. 319–326.

² Злыднева Н.В. Шкембе-чорба: ориентальные аспекты балканской телесности // Доклады российских ученых. IX конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Тирана, 30.08-03.09.2004). СПб., 2004. С. 112–120.

³ основополагающими исследованиями универсальных противопоставлений, в частности, *свой / чужой* и *внутренний / внешний*, применительно к Балканам, являются книги: Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990; Цивьян Т.В. Движение и путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. М., 1999.

нием нормированных европейской моделью фаз¹. Описанные выше признаки новой, модернизированной поэтики совмещались с еще каноническими, свойственными иконописи, приемами изображения. Но при этом периферия питала и центр: своей наивностью балканские мастера стирали границы иерархии стилей и жанров, насыщали профессиональное искусство духом непосредственности. Европа как *чужое*, прекрасное *далеко* воспринималась как земля обетованная, принадлежащая *иному*, времени одновременно *будущему* и *прошлому*, равным образом отстоящим от *настоящего* как нулевой точки координат времени *своего*. То есть, в новое время Европа попадает в средокрестие балканского «матрицирования» пространственно-временных отношений² в культуре, при котором Запад предстает как утопический локус, и это высвечивает одну из ведущих универсалий региональной картины мира.

Именно в таком виде исследуемый мотив выступает в одном из эпизодов истории искусства балканских народов на этапе модернизации конца XVIII — первой половины XIX столетий. Имеем в виду тип стиля, прослеживаемый в настенных росписях интерьеров жилых домов в Болгарии, Греции и Македонии в период начала активного освоения мастерами основ светской живописи. Сама по себе переходность эпохи вызвала к жизни сплав форм, тяготеющих к соединению несоединимого — будь то пространство идей, сюжетов или способов построения художественного текста. В одно из таких средокрестий попал мотив *Европы*, послуживший и предметом, и агентом трансформаций.

Европейская тема получила развитие в характерной для Балкан интерьерной стенописи жилого дома, называемом живописью «алафранга», то есть «во французском стиле» от итальянского *alla franca*³. «Алафранга» может трактоваться и расширенно — как определенный тип росписей, располагающихся не только в нишах, но и в верхних ярусах стен, а также между окнами. Живопись отмечена чертами народного барокко — своеобразной фазы в развитии зарож-

¹ Об этом применительно к болгарской литературе см.: *Гачев Г.Д.* Ускоренное развитие литературы. М., 1964.

² *Топоров В.Н.* Балканский макроконтент и древнебалканская нео-энеолитическая цивилизация (общий взгляд) // Восток и Запад в балканской картине мира. М., 2007. С. 10–25.

³ Энциклопедия на изобразителните изкуства в България. София, 1980. Т. I. С. 20.

дающегося светского искусства на Балканах. Это явление описано в рамках исследования эпохи национального Возрождения в Болгарии, а также отмечено историками греческого искусства¹. Оно представляет интерес с точки зрения балканской картины мира, как одна из сторон ментальности балканского человека. Последняя проявилась не просто в освоении языка европейского стиля, но в том специфическом восприятии западного соседа, которое оказалось присуще именно народам данного региона.

Живопись «алафранга» явилась провинциальным отголоском столичной моды в Османской империи на использование западноевропейских поздне-барочных образцов иконографии и фигурации в живописном декоре интерьеров жилых домов, однако росписи могли располагаться и на внешних стенах жилищ. В метрополии живопись рассматриваемого стиля получила распространение с конца XVII века в памятниках так называемого «едирне иши», то есть, сделанного в городе Едирне (турецкое название Одрина, одного из главных центров империи, он же древний Адрианополь) или «одринского бичима», то есть, деревянной резьбы на манер мастеров Одрина. Одрин и примыкавшая к нему восточно-фракийская область прославились декоративно-прикладным искусством в те времена, когда в османской культуре распространился стиль *лале*, очевидно, от турецкого *lala* (дядька, гувернер). То есть, западная культура привносилась в османскую элиту посредством европейских учителей — будь то реальные приглашенные из Европы гувернеры или мастера высшей квалификации, у которых перенимали опыт местные ремесленники.

Стиль *лале* в прикладных искусствах был основан на заимствовании элементов европейской художественной модели: термин распространился на обозначение интерьерных росписей с сочетанием расцвеченного и позолоченного декора. Так украшались, например,

¹ См.: *Львова Е.П.* Изобразительное искусство в Болгарии эпохи национального Возрождения. М., 1975; *Полевой В.М.* Искусство Греции. Новое время. М., 1975; *Рошковска А., Маврадинова Л.* Стенописен орнамент. София, 1985. Глава «Светският декоративен стенопис през Българското Възраждане». С. 117–157; *Moutsopoulos N. Grece // L'Architecture Traditionnelle des Pays Balkaniques.* Athenes, Melissa. P. 347–406; *Yergiodou-Kountoura E. Vernacular Art in Macedonia // Modern and contemporary Macedonia. History, economy, society, culture. Vol. I. Macedonia under Ottoman rule.* Papazissis Publishers. Thessaloniki. N.d. P. 308–325.

прежде монохромные резные потолки из дерева и традиционные для мусульманского Востока декоративные стрельчатые арки из штукатурки. В оформлении интерьера восточный орнамент стал теперь прихотливо сочетаться с пришедшими из европейского барокко многоцветными изображениями раскрытых раковин и коринфских капителей. Местные мастера привносили в цариградскую моду, отмеченную утончённой роскошью, непосредственность талантливых автодидактов, обнаруживая чуткость одновременно в эстетической и мифопоэтической сферах. Локальным вариантом «обринского бичима» в Болгарии и Греции является живопись «алафранга». Она означала краткий период хрупкого соединения местного ремесленного примитива и европейской изысканности.

Термин «алафранга» используется не только для обозначения типа росписи интерьера. Так в Османской империи называлась и европеизирующее направление в моде, а также элемент архитектурной конструкции. В последнем смысле «алафранга» означала небольшую полукруглую сводчатую нишу в стене или в углу комнаты. Она имела декоративное назначение. Здесь помещались цветы, зеркало или росписи. Образцы расписанных ниш «алафранга» широко представлены в памятниках болгарских городов — домах зажиточных торговцев, многие из которых часто были греками, особенно в Пловдиве, Коприштице, Самокове, где активно развивалась торговля, а следовательно — культурные связи со столицей¹. Такого рода росписи встречаются также и в Греции — городах греческой Македонии и Фессалии (Кастория, Амбелака, Сьятиста), а также на островах близ турецкого побережья — помимо уже упоминавшегося Лесбоса (города Мифимна, Митилини), на Родосе и даже в Гераклионе на Крите. Располагаясь в архитектурном элементе одноименного названия, росписи как бы замещали собой окно: они часто были обрамлены нарисованной рамой, порой с также нарисованными занавесками по сторонам. «Оконность» сохранялась и тогда, когда роспись располагалась просто на стене в рамке, а не в углублении. Главное, что подобно окнам, изображения были обращены во внешний мир, открывая вид на живописные ведуты, то есть, городские пейзажи.

Ведуты в живописи «алафранга» — не единственный мотив, но они представляют особенный интерес. Среди буколических пейзажей

¹ Рошковска А., Маврадинова Л. Стенописен орнамент... С. 117–157.

и цветовых орнаментов росписей встречаются «портреты» реальных городов, и чаще всего Константинополя, однако нередки и изображения городов европейских (Петербург, Венеция, Стокгольм), что нашло выражение в соответствующих реалистических деталях. Так, Венеция узнается по ее каналам, а Петербург — по зданиям с портиками и набережной реки — так украшен дом Степана Хиндлияна в Пловдиве. Кроме того, изображения сопровождалась подписями *Венеция* и *Петербург*, удостоверявшими название города. Однако еще больше, чем реальных, можно встретить городов вымышленных, комбинаторных по своим элементам (город как собирательное понятие в виде набора признаков городской архитектуры — колоннады, эркеры, башни), а также заведомо фантастических. Например, в росписи в доме Лекových в Панагюриште рядом со зданием вполне европейского вида по улицам разгуливают слон и верблюды. То обстоятельство, что последняя роспись приписывается итальянскому мастеру из Константинополя¹ ничуть не меняет сути дела: ведь приезжий художник старался угодить вкусу заказчика.

В представлении городов мастера следовали картографическим образцам или панорамным видам в рамках барочной традиции (так называемым «ландшафтам»). Изображение построено как орнамент, то есть, представляет собой композицию, чьи элементы расположены относительно равномерно и регулярно. Переходность в художественном мышлении мастера заметна в том, что пейзажи сочетают в себе прямую и обратную перспективу, что особенно обращает на себя внимание в способе представления зданий (например, в росписи в доме Марчина в Самокове, мастер Христо Йовевич). Имеются в изображениях и признаки барочной эмблематичности в акцентировании отдельных деталей, например, двуглавые византийские орлы являются частым мотивом живописного декора в греческой Кастории. В ковровом разворачивании городских панорам господствует принцип организации композиции по типу рассказа, с обилием расположенных рядом друг с другом деталей, из которых ни одна не доминирует. Помимо фигурок людей среди зданий с портиками и эркерами, пирамидальных башен, бастионов, маяков и минаретов, здесь находим множество видов кораблей и лодок, деревьев, цветов, птиц, рыб и зверей. Таким образом, открывающийся из «окон» «алафранга» вид носит характер мирозда-

¹ Там же. С. 436.

ния в целом, причем, мироздания под знаменем наивного урбанизма, манифестирующегося в европоцентристской акцентировке сюжетов. Это обновленный мир как целое, мир эпохи модернизации сквозь призму представления о Западе, о европейском городе.

Изобразительным источником для художников, расписывавших «алафранга» или другие части интерьера, чаще всего служили тиражированные издания — гравюры на меди, привозимые из османской столицы, с изображением городов. Этими источниками могли стать личные впечатления, что случалось, впрочем, гораздо реже, учитывая географический разброс мотивов и законы поэтики этого искусства, согласно которым между рукой мастера и реальным пейзажем все еще находился образец, как в средневековой культуре. Но наиболее важным источником инспираций становились виртуальные проекции балканских художников, которых влекла к себе прекрасная западная даль. Таким образом, речь идет об идеальной модели в представлении о Европе. Последняя была для художников средоточием невоплощенной мечты, земли желанной и нереальной.

Образ влекущей и недоступной дали, очевидно, стал своего рода контрапунктом балканской традиции в новое время — тем, чем в начале XX века для Балкан стала Америка. В цикле рассказов сербского писателя 60–70х годов XX века Бранко Чопича «Несмирени ратник» (Неутомимый воин) образ Америки как *земли обетованной* сознательно снижается: главный персонаж цикла простодушный крестьянин дядя Ниджо, возвратившийся из заморских путешествий, постоянно — кстати и некстати — вспоминает о прекрасном *далеке*, и потому становится мишенью насмешек со стороны его приземленных прагматичных односельчан. Однако в XIX веке *чужие* земли, простирающиеся к западу от *своей* родины, еще носили характер умозрительного конструкта и воспринимались в мифологически-эпическом отстранении.

Утопическая направленность сознания мастеров, создававших данные росписи, подтверждается обилием птиц в связи с изображением западного города. Частотно и по своей роли в композиции особенно выделяется *аист/журавль*. Такое изображение встречается, например, в центральном памятнике болгарского Возрождения — доме Ослепкова в Копривштице 1856 года. В традиционной культуре славяно-балканского ареала за мотивом *аиста* закреплено значение *края света* и *далекой обетованной земли*, а также превращенного

в птицу человека — в частности, *паломника*.¹ В комбинации со значением циклического возвращения (в соответствии со сменой времен года) этот мотив задает семантическую доминанту *благодатной дали*. Среди пейзажей, расстилающихся из «окон» стенных ниш — распространенный мотив города у моря с кораблями и рыбаками, башней и собором: примером может служить роспись конца XVIII века в доме Аивациса в Кастории. Здесь представлено условное изображение Константинополя с характерным мифопоэтическим сближением символа и реалии: возникает временная проекция утопического локуса как мечты об эвентуальном возвращении грекам важнейшей части их родины, захваченной османами — знака их культурной идентичности.

Весьма примечательно, что ряд гравюр, служивших на Балканах образцами городских пейзажей, приходил из Западной Европы, где в этот исторический период возникла мода на все османское. Так, в женских головных уборах появились тюрбаны, интерьеры наполнились восточными арабесками росписей и ковровых убранных. Восток заявлял о себе и в элементах быта и мебели — например, в курении кальяна или софах с множеством подушечек². Таким образом, балканские мастера зачастую пользовались отраженным источником — инверсией стиля. Прежде чем попасть на Балканы Европа проделывала путь в Османскую столицу, затем обратно к себе, обогащенная балканскими впечатлениями, а уж потом — через новый виток пути в Турцию — опять на Балканы. То есть, в Европе была мода на все османское, а в Османской империи — на европейское. Возникал эффект взаимного смотрения, как в зеркале с его принципом инверсированной идентификацией, в который Балканы, вследствие своего непрямого, рикошетного участия, внесли элемент виртуальности. Так, в одной из ниш дома Кратиса 30-х годов XIX века в Мифимне на Лесбосе изображена одетая на новотурецко-европейский манер дама, заглядывающая в нарисованное «окно» снаружи: так балканская периферия рефлектировала интерес к себе со стороны Запада.

Подобного рода переворачивания подстать автопортретной семантике утопических городов, где по закону утопии дальнее и ближнее сближаются, а пространственно-временные векторы взаимообраща-

¹ *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 646–666.

² *Кирсанова Р.М.* Костюм — вещь и образ в русской литературе XIX века. М., 1989. С. 238, 248.

ются. Балканский «автопортрет» города в стенных росписях середины XIX века можно трактовать как генетическую основу собственно портретного изображения. Синкретизму жанров способствует характерное обрамление городского пейзажа, в частности, с использованием рисованных занавесов, наследия византийских велумов, которые несли в себе смысл сакрального, идеалистического абстрагирования от натурального представления сцены. Акцентирование рамки, наряду с другими иллюзорными эффектами росписей (рисованными балюстрадами и пр.), актуализирует не только семантику окна, о чем уже говорилось, но и — учитывая взаимообращенность стиля и изображения — зеркала. Иными словами, зритель имеет дело с окном в Европу и одновременно зеркалом, в которое смотрится homo balkanicus на раннем этапе культурного самосознания.

Как известно, *окну в Европу и окну, в которое заглядывает Европа*, суждено было стать одним из наиболее креативных мотивов в русской литературной традиции нового времени¹. Живопись алафранга показывает, что мотив *окна в Европу* с точки зрения генерирования новых смысло-форм оказался продуктивным и для зон приграничных с Европой, в частности Балкан. Последнее указывает на то, что в мотиве содержится универсальная составляющая. Европоцентризм господствующей в наше время цивилизации неоднократно подвергался сомнению — на протяжении последних нескольких веков — с позиций иных культурных кодов. Заглядывание к окну европейского дома и прорубание окон в толще собственной инаковости не только приближало к Европе ее полуевропейскую периферию, но и активизировало перемены в ее собственном языке культуры. Око-глаз в визуальном коде балканской традиции значило и пересечение опасной зоны, смотрение в окно не всегда несло в себе позитивное начало, оно зачастую содержало угрозу². Страшное *чужое* обнажало границы — рубежи,

¹ Неклюдова М.С., Ошоват А.Л. Окно в Европу: Источниковедческий этюд к «Медному всаднику» // Лотмановский сборник 2. М., 1997. С. 255–272; Цивьян Т.В. Интерьер петербургского пространства в «Пиковой даме» Пушкина // Slavica Tergestina. Художественный текст и его гео-культурные стратификации. Ed. By M.-Ch. Pesenti, M. Da Miciel, P. Deotto, M. Nortman, I. Verč. Trieste 2000, VIII. С. 191–202.

² См.: Цивьян Т.В. *Движение и путь...* Глава «Прорыв иного мира через окошко». С. 330–337; Раденковић Љ. Народна бајања код јужних словена. Београд, 1996. С. 51–61.

пределы, которые невозможно преодолеть и которые накладывали ограничения на сам балканский европоцентризм. Привлекательный и грозный бедами Запад манил и пугал одновременно.

Архитектурные пейзажи «алафранга» были одной из первых форм региональной самоидентификации: *свое* проступало здесь сквозь призму *чужого*. Это позволяет оспорить давно сложившееся у искусствоведов мнение, согласно которому светский портрет в поствизантийском культурном ареале генетически восходит непосредственно к ктиторскому портрету. Рассматриваемый материал позволяет высказать предположение, что между изображением ктитора и собственно портретом в истории искусства пролегает промежуточная зона. Балканская модель показывает, что толчок к развитию жанра портрета дали архитектурные ведуты «алафранга»¹. Первые портретные изображения здесь появились на внешних стенах домов: это были изображения владельцев данных домов, выступающих как знак собственности. Ранний портрет сохранил все признаки «портрета» города: изображение располагалось в толстой рисованной рамке, черты лица организованы как перечислительное описание, отсутствовала иерархия частей, что уподобляло их композициям того же самого орнаментально-коврового развертывания, которое отмечалось нами в качестве характерной черты городского пейзажа.

Живопись «алафранга» повлияла на следующее поколение наивных мастеров, среди которых в начале 20 века особое место занимает уже упоминавшийся в начале греческий художник Хаджимихаил Теофилос. Искусство этого уроженца Лесбоса, божественного самоучки и клошара, своей жизнью и местом в культуре напоминает знаменитого грузинского мастера примитивной живописи Нико Пиросмани. Так же как, как и его кавказский собрат по цеху, Теофилос почти всю жизнь скитался по стране и зарабатывал трактирными вывесками и картинками для интерьеров. Его живопись генетически восходит к «наивным» росписям, обнаруженным на том же острове Лесбос в Мифимне. Как у всякого наивного художника, у Теофилоса значима отдельная деталь-вещь. Она поднята на щит своим положением в композиционной иерархии, где часть и целое уравниваются друг с другом —

¹ Злыднева Н.В. Художественная традиция в пространстве балканской культуры. М., 1991. Глава «Ранний портрет на Балканах: поэтика тождества». С. 103–142.

значимый принцип, усвоенный позже метонимической поэтикой авангарда. Архитектурные пейзажи в живописи Теофилоса встречаются нечасто, однако следы визионерства, восходящие к «алафранга», прочитываются в композиционном приеме собирательности: занятые танцами или сбором урожая, персонажи его картин демонстрируют локальный рай — радостное общежитие соседей как гармонизированное мироздание, дом всего человечества. Связь с ведутами в живописи «алафранга» очевидна: в его творчестве утопический компонент региональной традиции органично перекидывает мост к европейской авангардной модели мира. Отсюда и интерес к нему «греческого европейца» Стратиса Терьяда (1897–1983) — знаменитого парижского мецената и издателя, в начале 20-х — 30-х годах опубликовавшего на Западе многочисленные литографические серии Пикассо, Малевича, Гриза и Шагала. Разумеется, это типологически уже другое явление и другая эпоха, однако преемственность в представлении Европы сквозь призму идеализирующего сознания балканского человека весьма показательна.

Таким образом, на этапе модернизации Балкан мотив *Европы* выполнил важную роль в становлении новых свойств регионально сознания, одновременно выявив незыблемость в преемственности его основ. Выступив в форме изображения европейского города в живописи «алафранга», мотив интегрировал не только жанры и стили зарождающегося светского искусства, но и явился агентом активизации глубинных свойств балканской культуры и ее ментальности носителей, склонных к парадоксам и сопряжению несоединимого. В данном случае примером противоречивого сознания выступила утопическая ориентация homo balkanicus, идеализирующего простирающийся к западу мир, манящий и грозящий, при этом «переводя» *чужое* на язык *своего*. Мир западной цивилизации присваивался Балканами на условиях адаптации европейских реалий к местной, освященной нормами традиции культуре.

ШКОЛА КАК ГОСУДАРСТВЕННОЕ ДЕЛО: РЕФОРМА ОБРАЗОВАНИЯ В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ В XVIII ВЕКЕ

В 1770 г. в полемике с кардиналом Кристофом Мигацци императрица Мария Терезия изрекла свое знаменитое: «Школа есть и всегда останется государственным делом»¹. За этими словами стояло осознание того факта, что образование является действенным инструментом социальной и культурной политики, и уступать его церкви или сословиям власть не намерена. В отличие от таких западноевропейских стран, как Англия или Франция, где вмешательство государства в школьное дело в XVIII в. было минимальным, австрийские Габсбурги, сознательно или интуитивно следуя прусскому образцу (но и во многом превосходя его²) последовательно расширяли свое вмешательство в эту сферу. Одними из первых в Европе Габсбурги объявили: «образование молодежи обоюбого пола составляет важнейшую основу истинного благоденствия народов»³, законодательно ввели обязательное начальное образование и утвердили, говоря современным языком, «национальный стандарт», предполагавший преемственность образовательных ступеней⁴.

¹ Цит. по: *Митрофанов П.П.* Деятельность Иосифа II, ее сторонники и враги. СПб., 1907. С. 726.

² См., например: *Jeismann K.-E.* Friedrich der Große und das Bildungswesen im Staat des aufgeklärten Absolutismus // *Zeitschrift für Historische Forschung.* 1987. Beiheft 4. S. 91–113.

³ Этими словами начинался «Общий школьный устав» 1773 г. для Наследственных владений Габсбургского дома. Цит. по: *Митрофанов П.П.* Указ. соч. С. 729.

⁴ *Engelbrecht H.* Geschichte des österreichischen Bildungswesens. Erziehung und Unterricht auf dem Boden Österreichs. Bd. 3. Von der frühen Aufklärung bis zum Vormärz. Wien, 1984. В российской историографии особого внимания заслуживает попытка М. Н. Кузьмина на статистическом и демографическом материале проанализировать последствия школьных реформ

Габсбургскую монархию порой сравнивают с «лоскутным одеялом»: столь пестрыми были ее этнический состав и административно-политическое деление. В XVI–XVIII вв. войны и умелая дипломатия не раз меняли конфигурацию владений Габсбургского дома, усложняли их этническую и демографическую композицию. Австрийское эрцгерцогство, Чехия, Венгрия, Бельгия, владения в Северной Италии, с конца XVIII в. — Галиция и Буковина — вот лишь наиболее крупные составные части, причем некоторые также делились на более мелкие провинции. Там проживали немцы и чехи, итальянцы и фламандцы, венгры и словаки, хорваты и словенцы, сербы и румыны, поляки и русины. Всем им еще только предстояло стать больше, чем просто разноязыкими подданными одного правителя, научиться жить по одним законам, сформировать чувство сопричастности.

Историки обратили внимание на то, что монархия Габсбургов регулярно проигрывала решающие сражения и часто несла территориальные потери. Именно войны заставляли венский двор задуматься о возможных путях восстановления людских и материальных ресурсов, принципиально иных формах организации управления, налогообложения, социальной защиты населения, воспитания новых поколений подданных¹. Однако причины того, что владения Габсбургского дома сохраняли жизнеспособность, а их отдельные части и проживавшие там народы со временем все теснее связывались друг с другом экономически, политически и культурно, невозможно объяснить только мобилизацией людских и материальных ресурсов в ответ на угрозу извне. В правящих элитах и в широких слоях населения должны были зародиться и окрепнуть потребность и желание составить единое целое. Централизаторские устремления Габсбургов необходимо было подкрепить готовностью и способностью подданных превратиться в грамотных исполнителей, сподвижников реформ².

просвещенного абсолютизма в Чехии и Верхней Венгрии (на территории современной Словакии). См.: *Кузьмин М. Н.* Школа и образование в Чехословакии (конец XVIII — 30-е годы XX в.). М., 1971.

¹ Австрийский историк Михель Хохэдлигер недавно образно назвал войны конца XVII — начала XIX в. «войнами, в которых возникла Австрия». См.: *Hochedlinger M.* Austria's Wars of Emergence: War, State and Society in the Habsburg Monarchy, 1683–1797. London; New York, 2003.

² Ср.: *Melton J. V. H.* Origins of Compulsory Schooling in Prussia and Austria. Cambridge, 1988. P. XIX.

Эти коренные преобразования государства и общества пришлось на правление Марии Терезии (1740–1780 гг.), Иосифа II (1780–1790 гг.) и Леопольда II (1790–1792 гг.) и в исторической науке получили название «просвещенный абсолютизм»¹. Соединение уникальной духовной атмосферы, созданной Просвещением, и прагматического стремления европейских правителей достичь экономического процветания, социального мира, прочных позиций на международной арене позволило провести во владениях Австрийских Габсбургов реформы в сфере управления и финансов, армии, церкви, школы, когда государство постепенно отнимало у сословий и перенимало от церкви функции отправления правосудия и социальной защиты населения. Регламентирующее вмешательство государства во все новые сферы человеческой деятельности, помноженное на сознательное поведение индивида, становилось созидательной силой, позволявшей не просто системно упорядочивать жизнь общества, но творчески её преобразовывать. Можно сказать, что именно в тот период верховная власть взяла на себя миссию формирования нравственного облика и расширения интеллектуальных горизонтов новых поколений политической элиты, а элита в свою очередь прониклась идеей ответственного служения обществу.

Ученые, изучающие феномен национализма, давно признали роль школы в процессе формирования современных наций. Эрнст Геллнер акцентировал ключевую роль общенационального стандарта образования в привитии гражданам любви к отечеству и поддержании необходимых индустриальным обществам «высоких культур»². В то же время в полиэтничных обществах, по справедливому утверждению Энтони Смита, школа не только гомогенизирует население, но и объединяет его вокруг определенных общих ценностей, символов, мифов и воспоминаний, позволяя при этом этническим сообществам сохранить свои символы, воспоминания и ценности, приспособить

¹ См.: *Enlightened Absolutism. Reform and Reformers in Later Eighteenth-Century Europe* / Ed. by H.M. Scott. London, 1990; *Szabo F. A. J. Kaunitz and Enlightened Absolutism, 1753–1780*. Cambridge, 1994; *Vocelka K. Glanz und Untergang der höfischen Welt. Repräsentation, Reform und Reaktion im Habsburgischen Vielvölkerstaat*. Wien, 2001 (*Österreichische Geschichte 1699–1815* / Hrsg. von H. Wolfram); *The Enlightenment World* / Ed. by M. Fitzpatrick et al. London; New York, 2004.

² Геллнер Э. *Нации и национализм*. М., 1991.

или включить их в широкую государственную культуру¹. В этнически и конфессионально пестрой Габсбургской монархии можно проследить обе тенденции. С одной стороны, к середине 1760-х годов окрепло понимание того, что унификация учебных планов способствует государственно-политической централизации не в меньшей степени, чем, например, единые принципы налогообложения. С другой стороны, опыт конфликтов с сословиями учил не противодействовать сохранению локальных идентичностей, если те в состоянии сосуществовать с верностью Габсбургскому дому.

Предметом рассмотрения в статье являются основные вехи государственной политики в сфере образования и некоторые вызванные ею в обществе и общественном сознании изменения. Они особенно значимы в процессе превращения образования из частного дела индивида в первейшую заботу государства, когда регулируемый государством доступ к образованию стал инструментом социальной политики и сыграл существенную роль в консолидации национальных сообществ поверх политических и административных границ.

Школа в силовом поле церкви и государства

Еще в первой половине XVIII в. в любом из больших или малых государств Европы верховный правитель, пожелай он улучшить систему образования, был бы вынужден ограничиться теми (зачастую немногочисленными) школами, которые сам основал. Школьное дело со времен Реформации и Контрреформации находилось в исключительном ведении церкви — католической или протестантской. Сопоставляя образовательные стратегии обеих конфессий в монархии Габсбургов XVI–XVII в., британский историк Карин Макхарди пришла к выводу, что цели и структура как среднего, так и высшего образования были удивительно похожи. И католики, и протестанты² стремились привить профессиональные навыки и передать символы сословной

¹ Смт. Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. С. 86.

² В католической монархии Габсбургов протестанты не имели своего университета; их начальные и средние школы (коллегиумы) находились под надзором короны; для того, чтобы отправиться на учебу за границу, приходилось испрашивать специальное разрешение.

культуры. Основная разница заключалась в изучении догматики иобретении определенной конфессиональной идентичности в сочетании с религиозными практиками и ценностями¹.

По политическим и религиозным причинам австрийские Габсбурги на рубеже XVI–XVII вв. вверили монополию в сфере образования лучшим учителям в католической Европе — Обществу Иисуса. Их педагогическую деятельность жестко регламентировал идеально сбалансированный план «Ratio atque institutio studiorum societatis Jesu», утвержденный в 1599 г. Его главной целью было религиозно-нравственное воспитание католического юношества, а основное содержание составляло изучение латыни и латинской риторики по Цицерону, философии по Аристотелю, догматики по Фоме Аквинскому. План считался обязательным для всех учебных заведений иезуитов во всех странах мира и впервые претерпел изменения лишь в 1830–1832 гг., когда особой папской буллой было допущено более полное изучение естественнонаучных и точных дисциплин, национальных языков и литературы².

Иезуиты безраздельно господствовали в главных университетах монархии, будь то Инсбрук, Вена, Прага, Трнава³ или Загреб, подчиняя учебные планы интересам ордена и католической церкви. Например, на юридическом факультете Венского университета преподавалось лишь римское и каноническое право. В Трнаве с 1667 г. действовал юридический факультет, где изучалось каноническое, римское, а с 1680 г. — венгерское право. В отсутствие учебных пособий профессора были вынуждены методично диктовать тексты своих лекций, которые студенты записывали и заучивали к экзаменам⁴.

¹ *MacHardy K. J.* War, Religion and Court Patronage in Habsburg Austria. The Social and Cultural Dimensions of Political Interactions, 1521–1622. London, 2003.

² Об истории Общества Иисуса в монархии Габсбургов см.: *Duhr B.* Die Studienordnung der Gesellschaft Jesu. Freiburg-am-Breisgau, 1896; *Kelle J.* Die Jesuiten-Gymnasien in Österreich. Vom Anfänge des vorigen Jh. bis auf die Gegenwart. Prag, 1873; *Idem.* Die Jesuiten-Gymnasien in Oesterreich. München, 1876.

³ Трнава (в венгерской традиции Надьсомбат) — город на территории современной Словакии, где в XVI–XVIII вв. располагался единственный в Венгрии университет.

⁴ *Eckhart F.* A jog- és államtudományi kar története, 1667–1935. Bp., 1936.

Венский двор многое не устраивало в образовательной политике и практике Общества Иисуса: во-первых, жесткая иерархия и полная закрытость ордена, его фактическая самостоятельность даже по отношению к верховному светскому правителю; во-вторых, негибкость учебных планов, их отставание от практических нужд и потребностей современного общества; в третьих, непомерные траты иезуитов на «представительские расходы», их неумение жить по средствам (кстати, одним из механизмов влияния на орден станет уплата казной долгов в обмен на уступки в содержании и форме образования). Недовольство Обществом Иисуса как организацией никогда не перерастало в огульную критику, тем более что обойтись без иезуитов власти еще не могли. За годы своей монополии орден создал разветвленную сеть школ, всеобщих гимназий и дворянских коллегиумов, накопил бесценный опыт передачи знаний.

В 1750–1760-е годы в монархии сложилось динамическое равновесие: «ни с иезуитами, ни без иезуитов». Двор пытался сломать монополию Общества, активно поддерживая другой учительствующий орден — пиаристов¹. Впрочем, эти главные «соперники» иезуитов на рынке образовательных услуг преподавали по учебному плану, поразительно похожему на «Ratio studiorum» (уделяя, однако, гораздо больше внимания естественным и точным наукам), сходным образом не желали допускать светские власти к управлению учебным процессом и не видели иного способа достойной конкуренции с иезуитами, как жизнь в долг, в том числе в долгу у казны.

Начало государственного вмешательства в сферу образования принято связывать с реформой Венского университета. В 1749 г. лейб-медик и ближайший советник императрицы, голландец Герард ван Свигтен реформировал медицинский факультет, в 1752 г. он же иници-

¹ Полное название ордена звучало: «*patres piarum scholarum*», что означает: «отцы благочестивых школ». Русское название ордена — «пиаристы» происходит от немецкого «*Piaristen*». Наряду с ним имело хождение название «пиары». О деятельности ордена в монархии Габсбургов см.: *Brendler A. Das Wirken P.P. Piaristen seit Ansiedelung in Wien im Collegium in der Josefstadt, zu St. Thekla auf der Wienden und im Löwenburg'schen Convicte. Wien, 1896. Stöckl J. Zur Geschichte der Stadt und des Piaristengymnasiums in Kremsier. Festschrift aus Anlass des 200-jährigen Bestandes des Gymnasiums. Kremsier, 1887. Balanyi Gy., Biró I., Biró V., Tomek V. A magyar piarista rendtartomány története. Bp., 1943.*

ровал преобразования на факультете философском. Преподавание на обоих факультетах было переориентировано на практические нужды и современные общественные потребности при одновременном повышении формальных требований к учащимся. Управление университетом было отделено от учебного процесса: профессора полностью посвящали себя педагогической деятельности, она отныне оплачивалась казной. Административные функции передавались специально созданным при факультетах дирекциям, куда назначались высокообразованные чиновники, способные руководить учебным заведением и понимать его нужды. Годовые и выпускные экзамены, подтверждающие уровень и качество знаний студента, становились обязательными. Если раньше получение докторской степени после многолетней учебы, длительность которой определял сам студент, документировало не столько его компетентность, сколько принадлежность к профессиональной группе, то отныне вводились жестко фиксированные требования к уровню и качеству знаний¹.

1760-е годы в монархии стали периодом идейных споров и эмпирического поиска оптимальных моделей организации учебного процесса разных уровней. Эти вопросы одинаково волновали светские и духовные власти. По инициативе первых опыт реформирования Венского университета постепенно распространялся на другие университеты монархии, синхронизировались учебные планы, вводились новые дисциплины, повышались требования к уровню преподавания. С середины 1750-х годов Военная академия в Винер-Нойштадте готовила кадровых военных, а Инженерная академия в Вене — широкий круг военных и гражданских специалистов. В разных уголках монархии открывались новые, ориентированные на насущные нужды реформ, учебные заведения, такие как политико-экономические коллегии в 1763 г. венгерском Сенце (современный Сенец в Словакии) и в 1769 г. в словацком Варажде, как созданная в 1770 г. Академия горного дела и лесного хозяйства в Шельмецбане (совр. Банска Штьявница в Словакии) и пр.

Церковь живо волновал вопрос образовательного уровня паствы. Католическое духовенство в большинстве своем еще не было готово

¹ *Klingenstein G.* Bildungskrise: Gymnasien und Universitäten im Spannungsfeld thesianischer Aufklärung // *Maria Theresia und ihre Zeit. Zur 200. Wiederkehr des Todestages* / Hrsg. von W. Koschatzki. Wien, 1980. S. 215–216.

разрешить мирянам читать Библию, но понимало, что для просветления душ верующих необходимо использовать пасторское слово высокообразованных священников, способных донести до прихожан подлинный смысл Священного Писания. Таким образом, пусть не напрямую, но движение за обновление католической церкви (известное как реформ-католицизм) способствовало внедрению в общественное сознание идеи распространения грамотности. Именно поэтому венский двор, распространяя свое влияние на школьное дело, справедливо отмечает Дж. Мелтон, не столько конфликтовал с церковью (эта точка зрения долгое время господствовала в историографии), сколько стремился заручиться поддержкой влиятельных иерархов¹.

Когда в 1773 г. папским бреве орден иезуитов был распущен, Марию Терезию заботили два вопроса: на кого возложить задачу воспитания и образования юношества и как поступить с членами запрещенного ордена. Можно сказать, что ни в одной европейской державе запрет на деятельность Общества Иисуса не был в большей мере обращен на благо подданных, чем в монархии Габсбургов². В отличие от других католических государей, Габсбурги не потребовали изгнания иезуитов, а напротив, позволили им продолжить педагогическую и пасторскую деятельность или же выбрать себе любой другой род занятий. Императрица добилась от Святого Престола специального разрешения не передавать собственность ордена церкви, но использовать на государственные нужды. Так в монархии Габсбургов появилась уникальная возможность осуществить полномасштабную реформу образования, для проведения которой ранее не было достаточных средств.

Главным следствием бреве становилась своеобразная «национализация» имущества ордена, что давало средства, необходимые для создания новой, теперь уже общенациональной школьной системы. В 1774 г. специально приглашенный из Пруссии католический священник Иоганн Игнац Фельбигер, прекрасно зарекомендовавший себя как реформатор начальных школ в католической Силезии, разработал «Общий школьный устав» для Австро-Чешских наследственных про-

¹ *Melton J. V.H. Origins of Compulsory Schooling... P. 79.* Для Венгрии см. также классическую работу: *Kosáry D. Művelődés a XVIII. századi Magyarországon.* Бп., 1980.

² *Beales D. Enlightenment and Reform in Eighteenth-Century Europe.* London — New York, 2005.

винций. В нем он предложил простые и эффективные методики обучения всех поголовно детей от 8 до 13 лет чтению, письму, счету, Закону Божьему и другим полезным начаткам знаний.

За право реформировать гимназическую ступень долгое время боролись профессор Венского университета Карл Антон Мартини и придворный библиотекарь Франц Адам (Франтишек Адам) Коллар. Первый разработал проект пятилетней гимназии с семью преподавателями-предметниками, которые в течение пяти лет знакомили бы учеников со всеми достижениями человечества во всех областях знаний; второй призывал сохранить в качестве языка преподавания чистую античную латынь, предполагал уделять преимущественное внимание древним языкам, а историю и естественнонаучные дисциплины преподавать в ограниченном объеме¹. Венский двор, недовольный обоими проектами, в конце концов вверил разработку учебного плана для гимназий опытному педагогу-пиаристу Грациану Марксу, который постарался избежать крайностей своих предшественников².

С прошлым его план связывал акцент на религиозно-нравственное воспитание и использование латыни как языка образования. Особое внимание уделялось истории Германии и географии, а физике и геометрии — в гораздо меньшем объеме. Гимназическая ступень состояла из пяти лет. Для поступления в первый класс требовалось предоставить свидетельство об окончании средней школы и сдать вступительный экзамен, на котором предстояло продемонстрировать умение читать и писать по-немецки и на латинском, навыки счета, знание катехи-

¹ *Fináczy E.* A magyarországi közoktatás története Mária Terézia korában. Bp., 1899. 1–2. k.

² Немецкий историк педагогики Г. Гримм называет нежелание венского двора подписаться под новаторским проектом Мартини «оппортунизмом» и сетует, что реформа Маркса заставила австрийские гимназии плестись в хвосте педагогических экспериментов эпохи. В то же время автор часто судит о качестве проектов вне конкретно-исторической ситуации в монархии, не задумываясь о нехватке финансовых и людских ресурсов для претворения в жизнь смелых реформаторских замыслов. См.: *Grimm G.* Die Schulreform Maria Theresias, 1747–1775. Das österreichische Gymnasium zwischen Ständeschule und allgemeinbildender Lehranstalt im Spannungsfeld von Ordenschulwesen, thesianischem Reformabsolutismus und Aufklärungspädagogik. Frankfurt a. M. etc., 1987; *Grimm G.* Elitäre Bildungsinstitution oder «Bürgerschule»? Das österreichische Gymnasium zwischen Tradition und Innovation, 1773–1819. Frankfurt a. M. etc., 1995.

зиса, библейской истории. С первого по третий классы (грамматики) все предметы преподавал один и тот же учитель, в четвертом и пятом классах (риторики и поэзии) появлялись учителя-предметники. В целом, как справедливо отмечает Г. Клингенштайн, реформа средней школы Маркса начала в некотором роде дисциплинировать гимназии, как это происходило начиная с 50-х годов с университетами¹.

Дж. Мелтон и другие историки особо подчеркивают разительный контраст между стремлением дать обязательное начальное образование представителям всех слоев населения Наследственных провинций и последовательной политикой затруднения и ограничения доступа к среднему и высшему образованию для низших классов. Если дети дворян и государственных служащих зачислялись в гимназии автоматически, притом что их таланты могли быть более чем скромными, соискатели из простолюдинов принимались лишь в качестве исключения, если у них обнаруживались какие-то особые, исключительные способности. Большинство сельского населения лишалось возможности поступить в гимназию, поскольку для этого требовалось сдать экзамен по латыни, которую изучали только в городах².

Следствием разногласий между Колларом и Мартини стало принятие для Венгрии совершенно иного, не связанного с учебным планом прочих владений австрийских Габсбургов, учебного плана. «Система воспитания и образования в королевстве Венгрия и присоединенных к нему частях» (1777) была разработана библиотекарем Венгерской казенной палаты Даниэлем Терстянски и профессором математики и физики из венского Терезианума Палом Мако под руководством советника Венгерской королевской канцелярии Йозефа Урмени³. Документ, также известный как «Ratio educationis», учитывал австрийский опыт

¹ *Klingenstein G. Bildungskrise... S. 221.*

² О проблеме доступа к образованию для зажиточных горожан и низшего духовенства в Германии конца XVIII в. см.: *La Vopa A. Grace, Talent and Merit: Poor Students, Clerical Careers and Professional Ideology in Eighteenth-Century Germany. Cambridge, 1988.*

³ Венгерский историк Л. Чока доказал, что у «Системы» был еще один автор — А. Ф. Коллар, который за годы работы в венской Придворной учебной комиссии накопил богатый практический опыт и обладал уникальными наработками, изначально предназначенными для монархии в целом. См.: *Csóka J. L. Mária Terézia iskolareformja és Kollár Ádám. Pannonhalma, 1936. 61. old.*

и был прекрасно адаптирован к венгерским реалиям¹. Его авторам удалось разработать схему, в которой учитывались бы интересы семи «наций» и пяти конфессий². В «Системе», по крайней мере на бумаге, каждая следующая школьная ступень тесно смыкалась с предыдущей. В самом низу находилась начальная (национальная) школа, которая могла располагаться в деревне, маленьком или более крупном городе; преподавательский состав в ней ограничивался одним–тремя учителями. За ней следовала трехлетняя грамматическая школа, а затем двухлетняя латинская гимназия. Те, кто заканчивал пятилетнюю среднюю школу, попадали в одну из пяти королевских академий, где углубленно изучали философию и право. Венчал всю эту систему королевский университет, переведенный из Трнавы в древнюю столицу королевства — Буду.

Школа как инструмент социального дисциплинирования

Вторая половина XVIII в. в монархии Габсбургов стала временем, когда австрийский просвещенный абсолютизм все более осознанно и активно начинал вмешиваться в регулирование, изменение и усовершенствование различных сторон общественной жизни, будь то экономика, судопроизводство, военное дело, администрация или народное просвещение. Верховная власть осознала, что лишь высвобождение творческих сил индивида даст государству возможность поставить их на службу «общему благу», поэтому приступила к созданию таких условий, когда труд крестьянина на земле или ремесленника в мастерской приносил достаток ему и доход государству, а феодальные привилегии господствующего класса в идеале должны были если не отмениться, то «обмениваться» на полезную обществу деятельность.

В этой связи особое значение приобретали, если воспользоваться термином немецкого историка Г. Эстрайха, механизмы «социального дисциплинирования», когда регламентирующее вмешательство государства во все новые сферы человеческой деятельности, помноженное

¹ Ratio educationis. Az 1777-i és az 1806-i kiadás magyar nyelvű fordítása / Fordította, jegyzetekkel és mutatókkal ellátta Mészáros I. Bp., 1981.

² О новом школьном уставе и его значении для лютеран Верхней Венгрии см.: Kowalská E. Evajelické A.V. spoločenstvo v 18. storočí. Hlavné problémy jeho vyvoja a fungovania v spoločnosti. Bratislava, 2001.

на сознательное, дисциплинированное поведение человека, становилось созидательной силой, позволявшей не просто системно упорядочивать жизнь общества, но созидательно ее преобразовывать¹. Едва ли не впервые в истории власть поняла, что решение все усложнявшихся задач в области экономики и управления, судопроизводства и военного дела требует качественно иного типа личности и ее углубленной профессиональной подготовки.

Внимание к объему и качеству усвоенных знаний при оценке профессиональной пригодности индивида в конечном итоге вело к вживлению в общественное сознание современных меритократических принципов. Меритократия (можно перевести как «власть достойных») — термин в социальных науках, описывающий принципы социального устройства, при котором решающее значение для достижения успеха играют личные качества индивида — знания, умения, способности. Впрочем, раннее Новое время знало «меритократию» иного свойства — принцип наследования родительских заслуг с правом рассчитывать на последующее вознаграждение. Подобно дворянской доблести, заслуги считались особыми личными качествами, которые тем не менее могли быть коллективной (например семейной) собственностью. Их можно было накапливать, завещать и наследовать. Заслуги предков позволяли новым поколениям в роду «реинвестировать» прежние заслуги и получать «дивиденды» в виде высокой должности, жалования или социальной привилегии. У подобной системы в монархии Габсбургов была важная функция — поощрение политической лояльности в обществе, прежде всего в тех провинциях, где, подобно Венгрии, установление власти династии в недавнем прошлом сопровождалось крупномасштабными восстаниями.

Повышение требований к знаниям и профессиональным навыкам, зачисление в студенты или наем на службу исключительно на основании личных качеств постепенно отвоевывали место в социальных практиках эпохи просвещенного абсолютизма. Так, система воспитания чиновничьих кадров по мере расширения государственного вмешательства становилась в полном смысле этого слова инструментом социальной политики. Школа транслировала формулируемые государством идеалы и ценности компетентности, профессиональной пригодности, личной инициативы и служила питомником новых поко-

¹ Ср.: Melton J. V. H. *Origins of Compulsory Schooling...* P. XIX.

лений бюрократии. По мере того как ряды бюрократии в центре и на местах пополняли воспитанники лучших школ монархии, возвращенные на просвещенческих идеалах служения общему благу, реформы обрели динамизм и необратимость.

Когорта реформаторов в окружении Марии Терезии отдавала себе отчет в необходимости учебного курса, в сжатой и доходчивой форме излагавшего основы современной экономики и политики. В этом им мог помочь удачный прусский опыт. В 1727 г. Фридрих Вильгельм II повелел основать кафедры политико-камеральных наук в университетах Галле и Франкфурта-на-Одере. Полезными знаниями, как укрепить власть верховного правителя и использовать финансы во благо государства и подданных, вменялось овладеть всем будущим чиновникам¹. В начале 1760-х годов разработка подобного курса была возложена на юриста, драматурга, педагога Йозефа Зонненфельса. В 1763 г. он начал читать в венском университете новую дисциплину: «основы полиции, торговли и финансов»². Возможно, благодаря тому, что было написано в упрощенной, но доходчивой форме, пособие выдержало восемь изданий и вплоть до середины 40-х годов XIX в. служило главным учебником по данной дисциплине.

Курс был рассчитан на два года, и число тех, кто окончил его как стипендиат или вольный слушатель, росло в геометрической прогрессии. В помощь тем, кто не был в состоянии позволить себе учебу в имперской столице, двор в 1767 г. создал специальные стипендии: восемь для выходцев из Венгрии и четыре — из Трансильвании. Ученики Зонненфельса отправлялись во все концы монархии, чтобы там организовать чтение лекций по венскому образцу. В 1767 г. преподавание началось в Трнаве, в 1769 г. — во вновь созданном в хорватском Вараждине политико-экономическом коллегииуме³. Оплату труда про-

¹ *Bleek W.* Von der Kameralausbildung zum Juristenprivileg. Studium, Prüfung und Ausbildung der höheren Beamten des allgemeinen Verwaltungsdienstes in Deutschland im 18. und 19. Jahrhundert. Berlin, 1972.

² *Klingenstein G.* Akademikerüberschuss als soziales Problem im aufgeklärten Absolutismus, Bemerkungen Über eine Rede Joseph von Sonnenfels' aus dem Jahre 1771 // Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit. Bd. 5. Bildung, Politik und Gesellschaft / Hrsg. von G. Klingenstein, H. Lutz, G. Stourzh. Wien, 1978. S. 165–204.

³ *Bayer V.* Političko-kameralni studij u Hrvatskoj u XVIII. stoljeću (1769–1776) // Zbornik Pravnog fakulteta u Zagrebu. Zagreb, 1967. N 2.

фессоров и выплату стипендий брало на себя государство. К соискателям предъявлялись повышенные требования: неуспевающих отчисляли, усидчивым и смышленным — платили повышенные стипендии и охотно брали на государственную службу.

Австрийский историк В. Хайндль обратила внимание, что лекции Зонненфельса читались бесплатно, ежедневно, в ранние утренние часы. Это позволило ей предположить, что их посещали действующие чиновники, повышавшие квалификацию «без отрыва от производства»¹. Архивные материалы лишь подтверждают предположения о живейшем интересе к этим курсам со стороны служилого дворянства и разночинцев. Всякий, кто дерзал обращаться в органы управления с прошениями о зачислении в штат, перечислял в ряду полезных знаний знакомство с камеральными науками и (или) делопроизводством. Примечательно, что лекции Зонненфельса посещали в свободное от несения караула время многие венгерские лейб-гвардейцы. Именно это обстоятельство давало им позднее возможность просить о зачислении в штат центральной и местной администрации.

Разработанный по поручению двора курс политико-камеральных наук стал, таким образом, своеобразным инструментом социального дисциплинирования чиновничества. В условиях, когда карьера в органах королевской (и отчасти комитатской) администрации ставилась во все более жесткую зависимость от профессиональной пригодности, официальное свидетельство о прослушивании курса могло оказаться пропуском в ряды бюрократии. Власти сигнализировали, куда молодым честолюбивым людям следует направлять созидательную энергию и как реализовывать свои амбиции.

К началу XIX в. «политико-камеральные науки» были встроены в учебные планы большинства юридических факультетов монархии². Однако непреходящее значение программы Й. Зонненфельса заключается том, что в короткие сроки венские власти сумели выучить или переучить армию профессиональных чиновников, поставить продвижение по службе в зависимость от компетентности. Общество же

¹ *Heindl W. Gehorsame Rebellen. Bürokratie und Beamte in Österreich 1780 bis 1848. Wien—Köln—Graz, 1991. S. 107.*

² *Fallenbüchl Z. Ungarische Staatswissenschaft und Beamtenausbildung im 18. Jahrhundert // Wissenschaft und Recht der Verwaltung seit dem Ancien Régime. Ius Commune. Sonderheft 21. Frankfurt a. M., 1984.*

с удивительной готовностью отозвалось на импульсы, исходившие из Вены, включило прежде неведомые политико-камеральные науки в число востребованных дисциплин и стало считать овладение нужными государству науками обстоятельством, позволяющим открыто требовать найма на службу.

Социальный аспект стипендиальной политики

Одним из действенных инструментов, который австрийский просвещенный абсолютизм умело использовал в интересах реформ, были подконтрольные верховному правителю стипендиальные фонды, оказывавшие финансовую поддержку представителям социальных групп, перечисленных в уставе. Вообще традиция создания стипендиального фонда в размере годовых процентов с некоего капитала уходит корнями в XVI–XVII вв. Иерархи церкви, аристократы, дворяне, горожане завещали крупные и скромные суммы на обучение выходцев из той или иной провинции, города, семьи. Габсбурги также патронировали некоторое количество фондов, но к середине XVIII в. — моменту начала реформ — капиталы эти как правило обесценились, поэтому спонсирование учебы государевых стипендиатов пришлось начинать сначала, зато вести дело централизованно, рачительно, с максимальной пользой для общего блага.

С 1750-х годов Габсбурги упорядочили и преумножили деятельность подконтрольных им фондов в разных землях монархии. Особый интерес представляла для них Венгрия, где существовал закон, по которому верховный правитель мог обратиться на нужды просвещения пустующие церковные бенефиции. Так, в 1751 г. доходы оставшегося без хозяина аббатства св. Михаила-архангела в южновенгерском Батасеке были приписаны к дворянскому коллегииуму в Вене, носившему имя императрицы — Терезиануму. Из этой суммы там обучалось пять выходцев из Венгрии и пять из Австро-Чешских наследственных провинций. Управление Батасекским стипендиальным фондом стало образцом для иных подобных схем финансирования¹.

В рамках подконтрольных государю стипендиальных фондов открывалась возможность целенаправленно спонсировать образование опре-

¹ Хаванова О.В. Заслуги отцов и таланты сыновей: венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов, 1746–1784. СПб., 2006.

деленных социальных групп или категорий населения. Так, уходящая корнями в эпоху Контрреформации практика предписывала зачислять в стипендиаты в первую очередь конвертитов¹, сирот и сыновей заслуженных, но обедневших дворян. Эти категории редко встречались в чистом виде, поскольку сирота мог оказаться отпрыском обедневшего рода, конвертит — в недавнем прошлом лишиться одного из родителей, а потомок бедных, но заслуженных дворян был сиротой, недавно перешедшим в католичество. Но в каком бы сочетании ни встречались указанные обстоятельства в судьбах отдельных просителей, всякий раз наделение королевской стипендией становилось одновременно политическим и филантропическим актом, утешением и поощрением.

С другой стороны, венский двор, целенаправленно превращавший заслуги в главный критерий распределения монарших милостей, в начале 1760-х годов устами государственного канцлера В.А. Кауница сформулировал: «Распределение знаков отличия и продвижения по службе должно ставиться в прямую зависимость от доказательств рвения и соблюдения интересов и намерений двора... Магнаты и дворяне, позволяющие себе неповиновение двору, должны осознать, что тем самым они воздвигают барьер на своем собственном пути и пути своих детей и их недопустимое поведение не останется незамеченным»². Постепенно именно заслуженные родители, не имеющие средств, чтобы дать образование детям, становятся главными получателями социальной помощи. Можно сказать, что бедность становилась необходимым, а наличие заслуг — достаточным условием получения императорско-королевской милости.

В результате дворянство приучали к тому, что его заслуги на службе государю компетентность и исполнительность будут востребованы обществом. Школа становилась тем институтом, где дворян в разных уголках монархии с юных лет учили осознанному и ответственному служению общественному благу и отношению к дворянскому титулу как к превосходству, основанному исключительно на *личных* достоинствах.

¹ Конвертиты — перешедшие в католическую веру представители иных конфессий.

² Цит. по: Balázs É. Hungary and the Habsburgs, 1765–1800: an Experiment in Enlightened Absolutism. Вр., 1997. P. 60. См. также: Szabo F. A. J. Op. cit. P. 313.

Аттестаты, дипломы, справки

Понимание, что более способные ученики обладают лучшими задатками для того, чтобы в будущем вносить свой вклад в «общее благо», заставляло власти со всей серьезностью подходить к требованию обязательного предоставления аттестатов как неременного условия найма на государственную службу. В рескрипте Марии Терезии от 5 июля 1766 г. говорилось: «При всех служебных вакансиях в императорско-королевских камеральных, финансовых и коммерческих учреждениях... необходимо обращать внимание и отдавать предпочтение тем, кто с заметными успехами изучил естественное, международное и общее государственное право, равно как и основы полицейских наук, меркантилизма, каковой факт может подтвердить соответствующими аттестатами от преподавателей»¹.

В результате ценность формального, полученного в стенах учебного заведения образования в глазах общества существенно возросла. Как писал венгерский историк Золтан Фалленбюхль, начиная с 60-х годов XVIII в. подготовка требовалась, даже чтобы занять чуть более высокую должность, нежели простой регистратор или копиист. Для того же самого поста, который отец в свое время получил, проведя пару лет в средней школе и после пары лет правовой практики или, возможно, приобретя необходимый опыт сразу же в пункте по сбору налога или соляной конторе, сыну теперь требовалось знание политико-камеральных наук, которые приходилось изучать особо и не за один-два года, но систематически, в стенах специальных школ².

Требование предъявлять аттестаты и свидетельства можно также причислить к мерам просвещенного абсолютизма по социальному дисциплинированию общества. Сведения об успеваемости детей, желающих поступить в то или иное учебное заведение монархии, в форме официально заверенного аттестата требовалось предоставлять всегда. Однако интересовалось таким аттестатом прежде всего руководство учебного заведения. Органы же власти, распределявшие стипендии, главным образом взвешивали заслуги родителей, оценивали степень их нужды или актуальность вознаграждения их стипендией в данных конкретных обстоятельствах. То новое, что появилось во второй по-

¹ Цит. по: *Heindl W. Gehorsame Rebellen... S. 99.*

² *Fallenbüchl Z. Mária Terézia magyar hivatalnokai. Bp., 1989. 116. old.*

ловине XVIII в., заключалось в верховном контроле со стороны государства за успеваемостью тех, в кого государство «инвестировало» в форме стипендии.

Такая мера, как требование свидетельства об окончании учебного заведения (при поступлении на службу) или справки об успеваемости (в случае продолжения учебы), несомненно повышала горизонтальную и вертикальную мобильность в обществе. С середины 80-х годов XVIII в. каждый юноша, достигший соответствующего возраста, имел право учиться в любом учебном заведении монархии Габсбургов по своему выбору, если его документально подтвержденные оценки и прилежание соответствовали требованиям выбранного им учебного заведения. Это не устраняло того обстоятельства, что дети обеспеченных или высокопоставленных родителей изначально располагали большими возможностями для получения качественного образования и, как следствие, предъявляли лучшие аттестаты. Но это давало дополнительные возможности для детей, проживающих вдали от образовательных центров, пытаться улучшить свой социальный статус благодаря природному уму и личным качествам.

В XIX столетии повсеместно в Европе имели хождение письмовники или, как их еще называли, «домашние секретари». В них приводились образцы эпистолярного жанра на все случаи жизни, от личных писем другу до официальных прошений о приеме на службу. Значительное место отводилось советам по управлению домашними финансами и разъяснению юридических тонкостей (искусство составления доверенностей, расписок, завещаний). Судя по этим письмовникам, в основе успешной карьеры лежало всестороннее, документально подтвержденное образование. Например, в письмовнике А. Энгельгарта вымышленный студент философского факультета третьего года обучения Фердинанд Троенфельс, желавший получить место в финансовой администрации, прилагал к своему прошению 18 документальных свидетельств: три об окончании нормальной школы, девять — об успешно сданных университетских экзаменах, одно — о том, что прослушал курс экономики и права, еще три (поскольку юноша желал постигнуть «все ветви знания») — об умении рисовать и чертить, наконец, два диплома, удостоверявших овладение французским и итальянским языками¹.

¹ Engelhart A. Allgemeiner österreichischer oder neuester Wiener Secretär. Wien, 1826. S. 317–318.

У историков нет сведений, как часто реальные соискатели тех или иных должностей следовали советам письмовников, однако именно литература этого жанра давала потенциальным читателям социальные и культурные ориентиры, с середины XVIII века насаждаемые властями через декреты и распоряжения. Желая сделать критерии найма на службу максимально объективными, власти «защищали» престижные и ответственные должности требованиями подтверждения профессиональной пригодности. Подданные со своей стороны откликались на подобные инициативы государства, охотно включались в процесс накопления справок и дипломов в надежде, что они откроют им путь к образованию, карьере, социальному престижу.

Лояльности и идентичности в полиэтничной монархии

Наиболее широко распространенной формой пропорционального представительства отдельных провинций и политических (т. е. сословных) наций в центральных и земельных учебных заведениях были «национальные» стипендиальные квоты. Сводя на год, два и более воедино выходцев из Нижней Австрии, Моравии, Венгрии, Хорватии и т. д., они вносили вклад в консолидацию национальных и наднациональных сообществ. Этнически пестрый состав большинства учебных заведений свидетельствует, что дорога к знаниям вела к более тесной интеграции в будущую общеимперскую элиту и к консолидации формировавшихся национальных сообществ.

Отдаленной задачей такого «плавильного котла» было воспитание культурно гомогенизированной и политически лояльной элиты для обретающей черты централизованного государства монархии. В то же время совместное обучение не только создавало уникальную среду для взаимодействия и взаимообогащения будущих первых лиц при дворе и в администрациях коронных земель, но и объективно способствовало формированию у учащихся национального самосознания и просвещенного патриотизма: сначала в рамках сословных наций, но в перспективе — в рамках своих национальных сообществ.

Габсбурги изначально видели в школе инструмент ненасильственного обращения в католичество. В XVI–XVII в. детям протестантов (не меняя веры) разрешалось посещать католические учебные заведения. Предполагалось, что непосредственное знакомство с догмами

и обрядами римско-католической церкви подвигнут ребенка к обращению. Конвертиты же на законных правах пользовались преимуществом при зачислении на королевские стипендии. В 1755 г. особым декретом Мария Терезия разрешила принимать дворян-некатоликов в самые престижные учебные заведения монархии — венский Терезианум и Военную академию в Винер-Нойштадте. Из переписки хорватского бана Ференца Надашди с директором Военной академии в Винер-Нойштадте Антоном Коллоредо известно, что руководство не возражало против зачисления в академию православных сербов. В этом случае родителей ставили в известность, что их ребенок «будет воспитываться по обряду римско-католической церкви», поскольку в академии нет никакого иного, кроме как католического священника¹.

К сожалению, в распоряжении историков нет исследований, в которых давались хотя бы приблизительные оценки, какой процент учащихся по тактическим или религиозным соображениям перешел в господствующую веру и сколько из них впоследствии вернулись к вере отцов². Можно лишь с известной долей уверенности утверждать, что ненасильственный характер католической пропаганды оставлял достаточное пространство для сохранения своей национально-религиозной идентичности. Обучаясь в этнически, лингвистически, конфессионально пестрой среде, такие личности в полном согласии с диалектикой Просвещения становились тем большими патриотами, чем большими космополитами.

Приведем пример знаменитого реформатора начальных школ в населенном сербами южновенгерском Банате и затем в Российской империи — Теодора Янковича, известного в отечественной историографии как Федор Иванович Янкович Мириевский³. В молодости ему

¹ Magyar Országos Levéltár (далее — MOL). P 507. Nádasdy család. B. X. 28. cs. № 211. Письмо от 10.VII.1773 г.

² Широкий спектр побудительных мотивов при смене конфессии в среде австро-чешской аристократии XVI в. блестяще показал Томас Винкельбауэр в статье «Карьеристы или благочестивые люди?». См.: *Winkelbauer T. Karrieristen oder fromme Männer? Adelige Konvertiten in den böhmischen und österreichischen Ländern um 1600 // Frühneuzeit-Info. Wien, 1999. Jahrgang 10. Heft 1+2. S. 9–20.*

³ Подробнее см.: *Лещиловская И.И. Русско-сербские связи в области педагогики во второй половине XVIII в. (Ф. И. Янкович де Мириево) // Е.Р. Дашкова и эпоха Просвещения. М., 2005.*

довелось посещать курс политико-камеральных наук Й. Зонненфельса в Вене, и профессор оценил задатки своего воспитанника весьма высоко: «Он выказал такое прилежание и недюжинный талант, что я не только ставлю его на первое место, но и смею настоятельно рекомендовать его августейшей милости ее величества как человека, чьи знания и склонности к языкам должны принести немалую пользу отечеству»¹. Сам же юный Янкович в прошении о стипендии на имя государыни писал: «Собственно говоря, если вести речь о моих предках и моем роде, я не трансильванец и не венгр... но я иллир (т. е. православный серб — *О.Х.*), вернейший иллир вашего императорско-королевского апостолического величества». И далее: «Я первый иллир, — с тех пор как сербский народ принес клятву верности славнейшему Австрийскому дому, — который посещает лекции в Вене и прикладывает все усилия, чтобы изучить право и политико-камеральные науки, единственно для того чтобы служить государству стать полезным подданным и гражданином»².

* * *

Французский историк — ведущий специалист по истории эпохи Просвещения — Роже Шартье в книге о культурных истоках Французской революции писал, что если у Французской революции действительно есть культурные истоки, их следует искать не в гармоническом единстве действий, которые предвещали Революцию, и не в идеологии, которая ею руководила, а в разногласиях между весьма противоречивыми высказываниями, предлагавшими пути преобразования общества, и весьма непоследовательными действиями, которые по-новому структурировали и членили мир³.

Это наблюдение представляется справедливым и в отношении образовательной политики просвещенного абсолютизма во владениях Габсбургского дома. Из разногласий и противоречивых высказываний политических и культурных деятелей, вовлеченных в ее формулирование и осуществление, из их не всегда последовательных и редко

¹ MOL. Erdélyi Kancellária. B 2. Acta generalia. № 99½ ex 1768.

² Ibid.

³ Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М., 2001. С. 28.

согласованных действий рождались социальные практики и идеологические императивы, которые по-новому структурировали общество. Став «государственным делом», школа сама превращалась в инструмент создания национального сообщества. Однако при этом у подданных австрийского императора (и венгерского короля) оставалось пространство для выстраивания личных многоуровневых лояльностей и сложноподчиненных идентичностей. В этом смысле многие явления XIX в., например формирование бюрократического аппарата или национальные движения народов империи, были бы немыслимы без реформы образования второй половины XVIII в.

II. ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КРЕСТЬЯНСТВА В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

А.Л. Шемякин

СИСТЕМА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В НЕЗАВИСИМОЙ СЕРБИИ: ПРИНУЖДЕНИЕ ИЛИ ПОТРЕБНОСТЬ

Предлагаемая статья продолжает серию работ автора по исследованию процесса модернизации Сербского княжества (королевства) в последней трети XIX — начале XX в. Ранее уже были проанализированы внешнеполитический¹ и социальный² контексты «модернизации по-сербски»; ее государственный и партийно-политический аспекты³; особенности взаимоотношений общества и власти в независимой Сербии⁴, которую — применительно к периоду 1903–1914 гг. — многие сербские историки всерьез величают «современным (modern) евро-

¹ Шемякин А.Л. Сербия на переломе. Обретение независимости и проблема модернизации (1880-е годы) // Славянские народы: общность истории и культуры. М., 2000. С. 228–255.

² Он же. Сербское общество на рубеже XIX–XX вв.: традиционализм и модернизация. Взгляд изнутри // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений. СПб., 2002. С. 31–49; Он же. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX — начала XX в. глазами русских // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX — первая половина XX в.). СПб., 2004. С. 10–53.

³ Он же. Обреченная конституция: сербский Устав 1889 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 64–81; Он же. Политические партии в независимой Сербии (1878–1918) // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя треть XIX — начало XX в.). СПб., 2006.

⁴ Он же. Народ и власть в независимой Сербии // Двести лет новой сербской государственности. СПб., 2005. С. 176–201.

пейским государством»¹. Мы же, в результате изысканий, пришли к принципиально отличному выводу — «Реальная жизнь в Сербии в последней трети XIX — начале XX в. далеко не соответствовала тем “современным формам”, в кои ее облачают многие сербские исследователи, стремясь представить свою родину вполне сложившимся “европейским государством”»², особо подчеркнув деформированный и неорганичный характер ее модернизации и обнаружив за «квази-европейским фасадом» весьма патриархальные навыки и подходы³... Эти заключения подтверждаются и при обращении к социокультурным сюжетам, из которых мы взяли к рассмотрению, на наш взгляд, наиважнейший — наличие в стране структур массового образования и итоги их функционирования⁴.

* * *

Развитие системы начального образования — как инструмента распространения грамотности — является одним из главных факторов модернизации всякого государства. В Сербии, которая с 30-х гг. XIX в. была вассальным княжеством, ограниченным во внешнеполитической практике, но способным к внутренней эволюции, такое развитие школьного дела началось в эпоху Уставобранителей (1842–1858), усилившись во время второго правления князя Михаила Обреновича (1860–1868). Однако, реальным началом трансформации данной сферы в «европейском» духе сербские коллеги считают 1870-е гг. — канун обретения независимости⁵. Причем зачастую их заключения ос-

¹ См., например: *Батаковић Д.* Успомене Панте Драшкића у српској мемоарској литератури // *Драшкић П.* Мемоари. Приредио Д.Батаковић. Београд, 1990. С. 19; *Нова историја српског народа.* Београд-Лозана, 2000 и др.

² *Шемякин А.Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX — начала XX в. глазами русских... С. 53.

³ Масса аргументов, подкрепляющих данные выводы, содержится в сборнике наблюдений о Сербии и сербах русских современников-очевидцев. См.: *Русские о Сербии и сербах.* Т. 1. СПб., 2006.

⁴ Вкратце этот вопрос уже затрагивался нами. См.: *Шемякин А.Л.* «Мир детства» сербов в путевых записках П.А.Ровинского // *Славянский альманах* (2003). М., 2004. С. 72–93.

⁵ *Трговчевић Љ.* Планирана елита. Београд, 2003. С. 15–16.

новываются на анализе лишь *количественной* динамики, т. е. данных статистики¹.

А между тем уровень грамотности населения отнюдь не всегда находится в прямой зависимости от чисто количественных изменений и, в частности, от числа школ и учащихся (недостаточно утверждать, что «число учеников бурно росло», и это, мол, есть главный показатель прогресса), — необходимо показать качество этих перемен и то, чем они достигались (принуждением или добровольно), а также выяснить, насколько сама грамотность была реальна, т. е. функциональна. Иными словами, выяснить, что такое школа — институт, который *пристало* иметь уважающему себя государству², или же источник *реального* знания. Спрашивается, так ли тождественны обе ее ипостаси — формальная и сущностная — в условиях независимой Сербии, как нередко считается в национальной историографии?..

Итак, в 1878 г. на Берлинском конгрессе Сербия обрела суверенитет, а год спустя былой русофил князь Милан Обренович открыто перешел на австрофильские позиции, связав (отныне и навсегда) судьбу страны и династии с Веной. Столь резкий поворот сербского суверена означал не только принципиальную смену его внешнеполитических предпочтений. Став первым в истории независимой Сербии событием знаковым, он отразил качественный сдвиг в сознании части элиты в условиях, когда само обретение государственного суверенитета поставило перед ней проблему выбора перспективного пути социокультурного развития. Куда идти, и с кем идти? Вопрос этот имел огромное значение для отсталой аграрной страны, которая «только в XIX веке стала выходить из сферы оттоманской цивилизации и при этом испытывать все возрастающее воздействие Европы»³. Решение столь кар-

¹ Там же. С. 11.

² П.А. Ровинский привел показательный ответ сербского собеседника на высказанную им критику: «Чего вы хотите от нас? Мы недавние, слава Богу, что и то имеем». Поэтому-то «дело и идет так, чтобы нельзя было сказать, что ничего не делается (выделено нами. — А.Ш.)...» (Ровинский П.А. Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II // Вестник Европы. 1870. Т. 3. Кн. 5. С. 140; Он же. Сербская Моравы. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1868 г. // Там же. 1876. Т. 2. Кн. 4. С. 523).

³ Митровић А. Европеизација и/или модернизација // Годишњак за друштвену историју. Београд, 1994. Св.2. С. 143.

динального вопроса монарх предполагал, опираясь на партию напредняков (или прогрессистов).

Напредняки — эти сливки сербской интеллигенции, — получавшие образование в основном во Франции, находились под влиянием идей классического, прежде всего — французского, либерализма. Более всего на свете они желали, по словам одного из их лидеров Стояна Новаковича, «сделать из сербского народа... европейский народ, а саму Сербию превратить в европейское государство»¹. Призванное в октябре 1880 г. князем Миланом к власти, напредняцкое правительство во главе с Миланом Пирочанцем и сделало ставку на прямое *заимствование*, т. е. пересадку результатов западного опыта в местную почву — причем без всякого учета ее адаптивных способностей, что означало коренную ломку традиций собственного народа. По свидетельству русских очевидцев, напредняки собирались «насадить в Сербии европейскую культуру»² или «сейчас же *втиснуть* естественный строй сербского государства в нормы чисто европейские»³.

И действительно, предложенные ими законы о свободе печати и собраний, об общественных организациях и независимости судей; идея изменения конституции с тем, чтобы «династия возвышалась над политической борьбой», и проект учреждения Сената в качестве верхней палаты сербского парламента — все это можно рассматривать как попытку привести политический строй Сербии в соответствие с канонами Европы. В области экономики именно при правительстве М. Пирочанца были построены первые железные дороги, проведена налоговая реформа, основан Национальный банк.

То же самое происходило и в сфере народного образования. Все перемены в ней были связаны с именем С. Новаковича — министра просвещения и церковных дел...

Здесь на минуту задержимся и зададимся вопросом — какое общество вздумали изменить скорым кавалерийским наскоком западники-напредняки. Для характеристики его культурного уровня приведем два наглядных примера. Так, еще в начале 1870-х гг., всего за несколько лет до обретения Княжеством независимости, депутаты Народной

¹ Архив Србије. Фонд Стојана Новаковића. Бр. 548. Л. 1.

² Овсяный Н.Р. Сербия и сербы. СПб., 1898. С. 90.

³ Кулаковский П.А. Сербия в последние годы // Русские о Сербии и сербах... С. 275.

скупщины настоятельно требовали от своего князя дождя в знойное лето. А в 1893 г. один из редких сербских интеллектуалов, окружной врач Лазар Димитриевич записал в дневнике: «Ориент начинается к югу от Будапешта. Здесь в первый раз (если следовать от Гамбурга) хозяева поколотили тех, кого власть послала дезинфицировать их жилище после смерти холерного больного»¹.

Это общество и надлежало срочно *европеизировать*. В январе 1883 г. Новакович издал Закон о введении обязательного и бесплатного шестилетнего обучения «каждого ребенка, живущего в Сербии». *Обязательность* же обеспечивалась предусмотренными в Законе денежными штрафами и другими наказаниями родителей — в случае их отказа отправлять детей в школу.

По своим целям, да еще в аграрной, патриархальной стране, где доля сельского населения никогда не опускалась ниже 85–87 %, закон был крайне амбициозен, почему и предполагал некоторый переходный период. Сроком его окончательного применения был определен 1890 г. И что же мы видим в этом году? Количество охваченных школой детей не дотянуло и до половины достигших школьного возраста; а число грамотных в стране вообще составило чуть больше 14 %. Десять лет спустя количество грамотных достигло 21 %, а в 1911 г. едва перевалило за 30². Данные цифры, откровенно говоря, не впечатляют, особенно если иметь в виду то, что закон об *обязательном* начальном образовании (в редакциях 1898 и 1904 гг.) действовал постоянно. В чем же тут дело?

Думается, что, наряду с объективными условиями (нехваткой школьных зданий, учителей и т. д.), главную причину медленного роста уровня грамотности в указанный период нужно искать в отношении самого крестьянина к просвещению — т. е. насколько знание являлось для него жизненной ценностью и внутренней потребностью?

Для ответа на данный вопрос прибегнем к помощи русских путешественников, побывавших в Сербии и оставивших свои впечатления о виденном — в том числе и о развитии просвещения. Фиксируя формальную сторону — «число первоначальных школ в Сербии в последнее время начинает увеличиваться», — они обращали внимание и на суть дела: «При обучении в первоначальных школах правительство

¹ Димитријевић Л. Како наш народ живи. Белешке једнога окружног лекара. Београд, 1893. С. 6.

² Трговчевић Љ. Планирана елита. С. 16; 27.

мало соотносится с нуждами народа, его нравами и условиями жизни. Сербский народ вовсе не против просвещения, но в своих школах он не находит того, что требует. Детей не обучают ни рукоделиям, ни ремеслам; мало того, родители замечают, что их дети, окончив курс в первоначальной школе, очень часто отказываются от простой работы». И далее: «Серб, будучи по природе человеком в высшей степени практическим, находит излишним посылать в школы своих детей, которые в школьный возраст нужны ему для присмотра за скотиной и для всевозможных услуг в хозяйстве. Хотя обучение в этой стране обязательно и бесплатно, сербские поселяне всеми правдами и неправдами стараются удерживать своих детей дома, вследствие чего много сербов остается безграмотными»¹.

О чем свидетельствует этот пассаж? Во-первых, о том, что в аграрной Сербии мотивация для получения образования все еще не созрела. Традиционный образ жизни предполагал, что большинство детей проследует по ней путем родителей, наследуя их занятия и обычаи. Для чего «домашнее воспитание» (т. е. «присмотр за скотиной» и т. д.) было куда важнее полученного на стороне абстрактного знания. В свое время матушка Еврема Груича — одного из зачинателей либерального движения в Сербии — пыталась отговорить мужа от идеи отдать его в школу: «Оставь его. Твои родители тоже не знали грамоты и ничего, жили неплохо»². Все точно: «Зафиксированная и аккумулированная в бесписьменной народной культуре, хранимая в живой памяти и передаваемая механизмами неукоснительных традиций, ограниченная совокупность знаний и навыков вполне обеспечивала хозяйственный процесс»³. И следовательно, как с полным правом заключает современная сербская исследовательница, «представления о значении просвещения у большинства крестьян были весьма туманными...»⁴. Данное заключение подтверждает и немалый процент детей, поступивших, но не закончивших начальную школу: за период с 1876 до 1910 г. ее бросило 20 % учеников, т. е. каждый пятый из них⁵.

¹ *Водовозова Е.Н.* Как люди на белом свете живут. Болгары, сербы, черногорцы // Русские о Сербии и сербах... С. 371.

² Цит. по: *Вулетич А.* Породика у Србији средином 19. века. Београд, 2002. С. 82.

³ *Кузьмин М.Н.* Переход от традиционного общества к гражданскому: изменение человека // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 60.

⁴ *Вулетич А.* Породика у Србији средином 19. века. С. 82.

⁵ *Трговчевић Љ.* Планирана елита. С. 22.

И еще. Мы говорили о причинах медленного прогресса просвещения в Сербии — и в частности о нехватке школьных зданий, часто не отвечающих самым элементарным условиям для занятий. Так вот, крестьяне в таких условиях сами и наглядно выразили иерархию своих предпочтений, показав, где в их системе находится школа. Например, в Мачве — этом самом плодородном и богатом крае Сербии — накануне I-й Мировой войны было 32 школьных здания, из которых лишь 5–7 соответствовало назначению. Современник писал: «В Мачве и еще некоторых краях крестьяне начинают массово строить вполне современные конюшни для правильного выращивания лошадей и другого скота, а детей оставляют во влажных, мрачных, тесных и во всяком смысле убогих хибарах, которые зовутся начальными школами...»¹. Воистину, если немного переиначить, серб больше любит свою корову, чем свою жену, как выразился однажды профессор Радослав Йованович в разговоре с известным русским анархистом князем Кропоткиным².

Итак, очевидно, что для обычного сербского крестьянина просвещение не стало еще жизненной ценностью и внутренней потребностью. Несмотря на открытие новых школ, подчеркнем это еще раз...

Такое явление было типичным для традиционных обществ — многие русские университеты, основанные в начале XIX в., стояли «почти пустые, потому что в общей массе народа, — писал мемуарист, — и даже в самом дворянстве не существовало еще истинной потребности учиться...». Лишь императорский указ о необходимости сдачи экзаменов при производстве в чины «даровал кончившим университетский курс важные служебные преимущества». И — «все бросились учиться». Со временем же, бывшее возбуждение органично «влилось в нравы и из средства искусственного превратилось в естественный порядок вещей»³.

В Сербии подобного стимула к просвещению не появилось — ни сверху, ни снизу; и в результате, знание, полученное в школе, для многих действительно было абстрактным, поскольку «мало соображалось с нуждами народа, его нравами и условиями жизни», а следовательно — не применялось на практике. Как таковое (невостребованное),

¹ Цит. по: *Исић М.* Писменост у Србији у 19. веку // *Образовање код Срба кроз векове.* Београд, 2003. С. 66–67.

² *Јовановић Р.* П. А. Кропоткин // *Перовић Ј.* Српско-руске револуционарне везе. Прилози за историју народњаштва у Србији. Београд, 1993. С. 171.

³ *Корф М. М.* Записки. М., 2003. С. 469.

оно не являлось повседневной необходимостью, что, в свою очередь, не могло не влиять на судьбу *формально* грамотных людей, назовем это так. И здесь речь идет о присущем всякому традиционному обществу феномене — о так называемой «вторичной неграмотности»¹.

Откроем воспоминания все того же Л. Димитриевича. «Нет лучшего школьного ревизора, — писал он на исходе XIX в., — чем окружной или срезский (уездный. — *А.Ш.*) врач, так как у него есть возможность при призыве в армию видеть тех детей, которые десять лет назад посещали школу. В селе, где школа существует 30 лет, и где почти все прошли через нее, при призыве в армию оказалось, что из 40 бывших учеников только двое умеют читать и писать; 15 человек не умеют писать, но кое-как читают, а остальные и не читают, и не пишут. В том, что эти дети, по окончании школы, уходят в горы пасти скот и никогда больше не берут книгу в руки, виноваты не учителя. Просто у нас никто не желал об этом думать — ни одно правительство не предложило лекарства от болезни. И какой смысл в том, что такие большие деньги тратятся на учителей и школы, если в действительности народ не имеет от них никакой пользы, ибо те, кто после сельской школы решает продолжить занятия, идут в чиновники, священники или становятся сельскими писарями — остальные дети забывают все»². И далее звучит уже знакомый мотив: «Крестьяне бы и хотели иметь школу в каждом селе, но при том условии, чтобы власть не требовала от них, что она должна быть по единому плану»³.

Перед нами, увы, — авторитетное подтверждение одной из главных тенденций в развитии сербского просвещения, о которой еще в 1868 г. упомянул в своих записках о Сербии П. А. Ровинский, приведя слова своего приятеля: «Удивительное это дело читать — учат, учат в школе, а дети все-таки читать не могут»⁴.

¹ См.: Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. М., 2001. С. 330–331.

² Та же ситуация была характерна и для русской деревни. Крестьянин Иван Столяров вспоминал, что не прошло и десяти лет после окончания школы, как большинство его товарищей разучились читать и писать: «Из нас девяти только двое могли читать по-церковному». Его же самого, как он считал, спасла любовь к чтению сказок, житий святых, листков Троице-Сергиевой Лавры (Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. С. 330).

³ *Димитријевић Л.* Како живи наш народ... С. 24–25.

⁴ *Ровинский П. А.* Сербская Морава. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1868 г. // Вестник Европы. 1876. Т. 2. Кн. 4. С. 522.

В 1908 г., т. е. пятнадцать лет спустя после выхода мемуаров Л. Димитриевича и сорок — после путешествия по Сербии Ровинского, члены Шумадийского учительского общества опрашивали в окрестностях Крагуевца сельскую молодежь, десять лет назад окончившую начальную школу. И были вынуждены констатировать, что «у огромного большинства парней и девушек исчезло почти все полученное в школе знание, а многие из них вообще разучились читать и писать! Многие из них за время, прошедшее после школы, не написали ни единого слова и ничего не прочли!». Но уже то, что «они были в состоянии, мучительно и обливаясь потом, вывести свой автограф, относилось многих из них к категории грамотных»¹. Таковы были критерии...

Должно сказать, что крестьяне прекрасно видели, что от вынесенного из школы и полученного по *государственной* программе знания нет особой пользы, и это только подстегивало их к негативной реакции — ведь «никакому самостоятельному делу школа их детей не научила».

Итак, несмотря на общее число закончивших школу, *реально* грамотных людей в Сербии было несравненно меньше, что подтверждает всю относительность формальной стороны, т. е. статистики. О чем тот же Ровинский давно и замечательно сказал: «Какое неверное понятие вы составите о Сербии по тем отчетам, которые всякий раз читают перед скупщиной...»². Между *de-jure* и *de-facto* в школьном деле образовался зазор — *абстрактное* знание со временем выветривалось, не получая возможности адекватного использования в жизни, поскольку традиционное общество не поощряло новаций. И в этой связи приведем показательный образец присущего ему типа мышления, который с полным блеском проявился во время парламентских дебатов об открытии Высшей женской школы в 1879 г.

Оппонируя правительству, поставившему вопрос о ней, радикал Никола Пашич утверждал, что «те предметы, которые предлагается в ней преподавать, не отвечают народным потребностям и тому, что народ вообще от нее ждет»³. Что бы это значило? Послушаем депутатов из крестьян. Не выступая в принципе против просвещения, они выражали сомнение в том, что, обучаясь в Высшей женской школе,

¹ Цит. по: *Исић М.* Писменост у Србији у 19. веку... С. 78.

² *Ровинский П.А.* Сербская Морава... С. 523.

³ Никола Пашић у Народној скупштини. Приредила Л. Перовић Београд, 1997. Књ. 1. С. 152 (документ 39).

женщина вряд ли сможет подготовить себя к главной роли — хозяйки и матери. Подчеркивалось, что «от такой школы больше веет духом аристократии и барства, чем духом труда, и это в то время, когда нам и нашей стране необходимы хозяйки, хорошие супруги и матери, а не фальшивые баре и аристократы»¹. Такие заявления делались в русле жестких филиппик против эмансипации, «которая должна иметь свои границы»². От себя добавим, что так размышляли не обычные селяки, но депутаты парламента — своего рода, крестьянская верхушка, умевшая в основном читать и писать.

И в программных тезисах сербских радикалов — этих противников напредняцких реформ, — базировавших свою идеологию на убеждении в необходимости сохранения важнейших институтов и норм традиционного уклада жизни (каковые провозглашались ценностями для сербского народа непреходящими), школа объявлялась «рассадником полезных знаний и опытных работников для всех областей народного производства»³. И более ничем. Перед нами — сугубая крестьянская прагматика в подходе к народному просвещению, каковую власти никак не желали учитывать, навязывая свой *европейский* выбор. Касательно же его, добавим, что, наряду с массовым крестьянским отторжением реформ в сфере образования, целый ряд учебных заведений, открытых правительством, быстро угас, так и не оказавшись общественно востребованным⁴...

Таким образом, даже из приведенных высказываний следует, что одна лишь голая форма, и, в частности, — принятые законы об обя-

¹ И без малого четверть века спустя — в 1902 г. — в мышлении крестьянских депутатов мало что изменилось. Один из них утверждал с трибуны, что «от женского образования всегда было больше вреда, чем пользы», и, идеализируя женщину из сербского прошлого, которая была неграмотна, бросал упрек современным дамам, что те, мол, «единственно знают и умеют надевать шляпку то на одно, то на другое ухо» (Цит. по: *Трнавац Н.* Индиферентност према школовању женске деце у Србији 19. века // Србија у модернизацијским процесима 19. и 20. века. 2. Положај жене као мерило модернизације. Београд, 1998. С. 68).

² Никола Пашић у Народној скупштини. Књ. 1. С. 152–153 (документ 39, примечание 1).

³ Записник рада прве главне скупштине Народне радикалне странке. Београд, б/г. С. 147.

⁴ *Трговчевић Љ.* Планирана елита. С. 29.

зательном образовании, чисто механический рост числа школ и учащихся автоматически не является свидетельством успешной модернизации¹. Немалые по меркам Сербии вложения в просвещение (в начале XX в. на него тратилось 5,5 % средств из бюджета в отличие от МВД, получавшего «лишь» 3,7 %²), которых в конечном итоге все равно не

¹ Крайне показательную в этой связи (и практически идентичную) тенденцию мы видим и в сфере сербского здравоохранения. Консультант русского Красного Креста во время сербо-турецкой войны 1876 г. С.П. Коломнин писал о своих «пациентах»: «Мы встретились с народом, не привыкшим лечиться и поэтому не придававшим лечению большого значения; в особенности для него была чужда оперативная помощь. До войны в каждом из 17 округов княжества существовала небольшая больница, но жители неохотно обращались туда за помощью, так что эти больницы пользовались скорее официальным, чем действительным значением (выделено нами. — А.Ш.). У народа не было почти никакого понятия о хирургическом лечении, потому что в Сербии слишком мало хирургов, а с другой стороны, он редко видел травматические повреждения вследствие отсутствия механических и всяких других заводов. Наступила война, и этот бедный народ стал платиться массой огнестрельных ран. Чуждые для него люди, русские доктора, взялись за лечение, стали накладывать гипсовые повязки, предлагать ампутации и проч. Эти «войники», послушные как маленькие дети, охотно и вежливо переносили извлечение пуль, «перевивание», то есть перевязку ран, глубоко убежденные в душе, что вся эта процедура (кроме разве извлечения пуль) излишняя, и что раны не хуже заросли бы и без нашей помощи, если бы раненых распустили по домам. Когда же доктора стали говорить об ампутациях, народ не хотел верить доводам; а при настойчивых увещеваниях, стали слышаться ответы: «Не смей не только говорить, не смей и думать о том, чтоб отсечь мне ногу!» Они страшно платились за свою непривычку к хирургической помощи. Прележав некоторое время в лазаретах, несколько привыкнув к нам, раненные охотнее соглашались на операции, но все-таки сохраняли непреодолимую боязнь к отнятиям членов. «Лучше смерть, чем сечь!» — и умирали; другие соглашались, но поздно, и вредили себе тем, что уменьшали провололочкой шансы на благоприятный исход после операции... Австрийские сербы (из них многие были дезертиры австрийских войск) и русские добровольцы гораздо охотнее соглашались на все операции, так что боязнь сербов можно объяснить единственно их непривычкой к оперативной помощи...» (см.: Коломнин С.П. Общий медицинский очерк Сербо-турецкой войны 1876 г. и тыла армии в Бессарабии и Румынии во время Турецкой войны 1877 г. // Русские о Сербии и сербах. С. 251–252).

² Трговчевич Љ. Планирана елита. С. 22.

хватало, часто прокручивались вхолостую; соответственно — и результаты крайне амбициозных школьных реформ были весьма скромны: очевидно, что, сербские власти не преуспели даже в *реальном* ликбезе, не говоря уже о возможности посредством школы влиять на сознание всего общества. Иными словами, как зафиксировал зоркий русский глаз, «все, что устраивает сербское правительство, обходится ему дороже, чем где бы то ни было, и к тому же все устроенное им обыкновенно не достигает своей цели...»¹.

Глубинные причины данного феномена заслуживают, на наш взгляд, отдельного исследования.

* * *

Вместо заключения приведем цитату из сочинения сербского историка Арсена Джуровича: «Сербия шагнула в XX век с современной системой образования, которая обеспечила государству и обществу новые поколения учеников и студентов, обученных в начальных и средних школах, а также в Белградском университете по новой и современной концепции образования на всех уровнях — от дошкольного до высшего»². С точки зрения *формальной*, т. е. сугубо институциональной (о чем мы говорили выше), так оно, наверное, и было.

Но, с другой стороны, перед нами — пример из I-й Мировой войны. Несмотря на всю курьезность, он демонстрирует встречу с новым знанием на уровне *конкретного* человека — мобилизованного сербского селяка, который никогда не ходил в школу и вообще вряд ли выбирался за пределы родного села; а таких, напомним, было огромное большинство в рамках функционирования «современной системы образования». Война, а не школа, следовательно, дала ему, может быть, единственный шанс познать что-то новое. Он познал это новое и даже, как мог, объяснил.

В 1916 г. вместе с французскими, английскими и русскими частями сербы готовились к наступлению на Салоникском фронте. Именно там произошла их встреча с солдатами французских колониальных войск. Реакция сербских крестьян, впервые увидевших негра, дошла до нас.

¹ Водовозова Е.Н. Как люди на белом свете живут... С. 371.

² Ђуровић А. Образовање у краљевини Србији крајем XIX и почетком XX в. // Образовање код Срба кроз векове. С. 165.

Сначала они долго размышляли, кто это перед ними — человек или какое-то неведомое животное. Но быстро рассудили, что это все-таки человек, поскольку у него есть руки, ноги, голова, и он даже говорит, правда, на непонятном языке. Внешний вид союзника, однако, продолжал их смущать, и после дополнительных дискуссий, мудрые шумадийцы заключили, что с ним произошло что-то страшное, и он, судя по всему, обгорел на пожаре, а потому так закоптился¹...

Эта колоритная зарисовка, пусть и опосредованно, подтверждает типологически емкий вывод Эрнста Геллнера, заметившего, что «аграрное общество не обладает ни ресурсами, ни мотивами, необходимыми для того, чтобы грамотность распространялась широко, не говоря уже о том, чтобы она стала всеобщей»².

¹ *Иованович М.* «Умереть за родину»: Первая мировая война или столкновение «обычного человека» с тотальной войной // Последняя война императорской России. М., 2002. С. 154–155.

² *Геллнер Э.* Пришествие национализма // Нации и национализм. М., 2002. С. 150.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОГО СТИЛЯ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (60–70-е ГОДЫ XIX — 10-е ГОДЫ XX ВЕКА)

Вторая половина XIX века — это время становления и интенсивного развития современного болгарского (новоболгарского) литературного языка. Как известно, одним из основных признаков развитого литературного языка является его полифункциональность, то есть способность обслуживать различные сферы общения, выражающаяся в наличии в нем системы функциональных стилей.

Функциональный стиль — историческая категория. Тенденция к дифференциации стилей свойственна всем литературным языкам, является общей для них, однако в различных языках в разные периоды их развития стили могут дифференцироваться и взаимодействовать друг с другом по-разному. Особенно специфичен и сложен для каждого конкретного языка характер стилистических взаимоотношений на этапе формирования общенационального литературного языка.

Для болгарского языка особенно актуально и важно исследование истории научного стиля, так как в конкретных исторических условиях именно данный функциональный стиль играл особо значимую роль в становлении современного болгарского литературного языка.

Развитие научного стиля любого литературного языка определяется, во-первых, особенностями условий становления и развития рассматриваемого литературного языка, а во-вторых уровнем и темпами развития науки в данной стране.

Важнейшим фактором, обусловившим специфику складывания и развития научного стиля болгарского языка, является позднее, в сравнении с основными европейскими языками, начало становления современного болгарского литературного языка (20-е годы

XIX века)[Венедиктов 1992:4] и его ускоренное (фактически в течение нескольких десятилетий) формирование[Андрейчин 1969:17, Балтова 1980:40].

Кроме того, своеобразие процесса становления научного стиля современного болгарского литературного языка определяется и спецификой развития образования и науки в Болгарии, в полной мере отраженной в характере научных публикаций.

Период болгарского национального Возрождения — время, когда формируется современный болгарский литературный язык, — характеризуется полным отсутствием условий для развития высшего образования и научных исследований, организации научных учреждений и научных изданий.

В это время в Болгарии только начинает зарождаться светское школьное образование. Ранее обучение юношества осуществлялось в килийных училищах — это был особый вид школ при монастырях, а позже и при церквях. Главной целью этих училищ была подготовка священников. Обучение в них носило церковно-религиозный характер и велось на церковнославянском языке. Ученики учились читать, изучали богослужебные книги, церковное пение. Во второй половине XVIII века начинают создаваться новый килийные училища по образцу подобных греческих, где ученики не только изучали богослужебные книги, но иногда читали также и различные нравственно-поучительные сочинения. Учителями в таких училищах обычно были монастырские и килийные воспитанники — священники и монахи. Лишь с конца XVIII — начала XIX века учителями могли становиться и светские лица.

В конце XVIII века в Болгарии создаются первые эллино-греческие училища — светские учебные заведения с преподаванием на греческом языке. Позже, в начале XIX века, в Болгарии открываются эллино-болгарские училища — разновидность эллино-греческих.

Первая болгарская светская школа — Габровское училище — начинает работать в 1835 году. С этого времени система светского школьного образования в Болгарии развивается ускоренными темпами (к началу 70-х годов количество светских школ достигает 1600, открываются и 3 гимназии). Обучение в этих школах осуществляется по общеобразовательным программам на болгарском языке, что вызывает необходимость издания соответствующих учебников и учебных пособий. Наряду с учебной, в этот период начинает издаваться и научно-популярная литература.

В 20–30 годы XIX века издаются первые книги по методике и организации начального обучения, первые учебники для начальной школы, содержащие простейшие научные знания: в 1824 году выходит «Рибен буквар» П. Берона, книга, значение которой для формирования современного болгарского литературного языка общеизвестно; в 1826 году — «Буквар» В. Неновича; в 1833 году издается «Арифметика», а в 1836 году — «Грамматика» Христати Павловича; в 1835 году выходят в свет «Болгарска граматика» и «Славеноболгарское детоводство» Неофита Рилского.

В 40-е годы количество издаваемой на болгарском языке литературы, как учебной, так и научно-популярной, возрастает; расширяется и круг охватываемых дисциплин. Большинство книг переводится с других языков, но появляется и оригинальная литература. В это время выходят в свет «Всеобща география» Ив. Богорова (1843, пер. с русского), «Общее землеописание» К. Фогинова (1843, пер. с греческого), «Стихийна арифметика» С. Радулова (1843, пер. с греческого), «Буквар» К. Огняновича (1844), «Историята на славено-болгарския народ» П. Сапунова (1844, пер. с сербского), «Първичка българска граматика» Ив. Богорова (1844), «Българска арифметика» Х. Сичан-Николова (1845), «Писменица» Ив. Момчилова (1847), «Сборниче за холера» Гранитского (1848), «Извод от физика» Н. Герова (1849), наиболее значительная для того времени естественнонаучная книга на болгарском языке, и др.

В дальнейшем число издаваемых книг постоянно возрастает, продолжается расширение их тематики, сохраняется характерное для периода национального Возрождения стремление к энциклопедичности.

Наиболее значительные издания 50-х годов — «Кратка география» Ив. Богорова (1851), «Земеделие» Н. Икономова (1853), первая болгарская книга по агрономии, «Практическа медицина» Гранитского (1854), «Малка енциклопедия» Т. Шишкова (1855, пер. с французского), «Кратка антропология» Н. Стоянова (1856), «Основа на българска граматика» Й. Груева (1858), «Практическо руководство за шелководството» З. Княжеского (1859), «Пространна числителница» Х. Данова (1859).

Из изданной в 60-е годы литературы следует отметить такие книги, как «Логика» В. Берона (1861, пер. с русского), «Пълна тематическа и физическа география» С. Петрова (1865), «Начялни познания от геометрия» В. Груева (1867), «Уроци за търговска арифметика» И. Хрис-

товича (1868), «Начала на политическа економия от Отона Хюбнера» Н. Михайловского (1868), «Пълна числителница» Т. Икономова (1868), «Опитна физика» Й. Груева (1869), «Наръчен учебник за начална математика» Т. Шишкова (1869), «Кратки начяла от нравствена философия» И. Тонджорова (1869), «Поглед врѣх произхождането на българский народ» М. Дринова (1869).

В 70-е годы выходят в свет «Извод из българската граматика» Н. Пырванова (1870), «Кратка българска граматика» Н. Начова (1871), «Начална българска граматика» Т. Шишкова (1872), «Химия» С. Веженова (1872), «Педагогика» Т. Станчева (1873), «Ръководството към физиката» Ив. Гюзелева (1874), «Аритметика» П. Семерджиева (1875), «Небесни светила или планетите и звездни мирове» Д. Витанова (1875), «Игиена» Д. Моллова (1878) и др.

Книги на болгарском языке в это время издаются за границей — в Константинополе, Смирне, Бухаресте, Брашове, Браиле, Вене, Одессе, Крагуеваце и др. городах.

Стремление к популяризации научных знаний, свойственное периоду национального Возрождения, находит свое отражение и в периодических изданиях, также печатающихся в основном за пределами Болгарии (в Константинополе, Смирне, Лейпциге; в Болгарии — в Пловдиве).

В 1842 году под руководством К. Фотинова начинает издаваться первый болгарский журнал «Любословие». В этом журнале печатаются и научно-популярные статьи по вопросам истории, философии, педагогики, географии, агрономии и др. Материалы географической и природоведческой тематики помещает газета «Български орел», первый номер которой выходит в свет в 1846 году. Публикации в этих изданиях не могут быть названы научными в полном смысле слова; они носят популяризаторский, описательный характер.

Более глубокий научный подход, стремление к систематизации научных знаний демонстрируют материалы, помещаемые в периодическом издании «Български книжици» (1858–1862).

В 60–70-е годы научно-популярные статьи, главным образом, по физике, химии, географии, агрономии печатают журналы «Летоструй» и «Читалище» (1870–1875), «Знание» (1875–1878) и др., газеты «Гайда», «Време», «Македония» и др.

В 1862 году выходит в трех книгах единственный номер периодического издания «Журнал за наука, занаят и търговия». Его ма-

териалы посвящены вопросам технологии и организации промышленного производства, земледелия и животноводства, вопросам экономики и торговли.

В 1874–1876 годы издается научно-популярный сельскохозяйственный журнал «Ступан» (данные основаны на [Стоянов 1957–1959]).

В 1869 году в целях содействия развитию науки и распространению научных знаний в Болгарии по инициативе М. Дринова, В. Друмева, В.Д. Стоянова и др. в Браиле учреждается первое болгарское научное общество — Българско книжно дружество. Свою задачу члены общества видят в углублении научных исследований в области болгарского языка и истории Болгарии, развитии биологии, географии, геологии, математики, физики и других наук.

В 1870 году общество начинает издавать первый болгарский научный журнал — «Периодическо списание на Българското книжно дружество». В журнале публикуются статьи по различным отраслям знания, прежде всего по истории, языкознанию, педагогике, литературоведению, фольклору, печатаются рецензии на научные труды, учебники и художественные произведения, дается информация о новых книгах. Основное внимание в статьях уделяется важнейшим этапам и событиям в истории Болгарии, актуальным проблемам современного болгарского литературного языка, а также истории болгарского языка, задачам в области образования в Болгарии.

После освобождения Болгарии наука в стране развивается ускоренными темпами. Учреждаются научные общества, открываются высшие учебные заведения и научные институты, которые в издаваемой ими научной периодике публикуют результаты проводимых научных исследований.

В 1878 году в Софии создается Физико-медицинско дружество, в 1894 году основано Българско научно ветеринарно-медицинско дружество, в 1898 году — Физико-математическо дружество, в 1901 году — Българско химическо дружество. В 10–20-е годы XX века создание научных обществ в Болгарии продолжается.

Активная научная деятельность разворачивается в открытом в 1888 году в Софии Высшем училище, преобразованном затем в Софийский университет. Вслед за историко-филологическим, первым факультетом Софийского университета, в 1889 году создается физико-математический, в 1892 году — юридический факультет. Позже

открываются медицинский, агрономический, ветеринарный, богословский и другие факультеты Софийского университета, а также учебные заведения в различных городах Болгарии.

В 1911 году Българско книжовно дружество преобразуется в Болгарскую академию наук, которая организует свою работу в трех отделениях: историко-филологическом, философско-общественном и природно-математическом. Главные направления деятельности Академии — изучение истории, языка, быта и культуры болгарского народа, содействие развитию современного болгарского литературного языка, научные исследования в области геологии, изучение флоры и фауны Болгарии.

После Освобождения, в конце XIX — начале XX века, в Болгарии активизируется и издание научной периодики. Продолжает выходить в свет «Периодическо списание на Българското книжовно дружество», которое, в связи с учреждением Болгарской академии наук, в 1911 году преобразуется в «Списание на Българската академия на науките», издаваемое в двух сериях историко-филологическим и философско-общественным отделениями Академии, с одной стороны, и природно-математическим отделением — с другой.

В 1913 году у БАН появляется еще одно периодическое издание — «Сборник на Българската академия на науките».

В 1889 году начинает выходить «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», где публикуются фольклорные материалы, а также исследования в области фольклора, этнографии и т. д.

В 10-е годы XX века болгарские научные общества и высшие учебные заведения приступают к изданию своих Известий и Ежегодников: «Годишник на Българското природоизпитателно дружество» (с 1898 г.), «Годишник на Софийския университет» (с 1905 г.), с 1910 года свои Ежегодники издают историко-филологический, физико-математический и юридический факультеты Софийского университета; «Известия на историческото дружество в София» (с 1905 г.), «Известия на Семинара по славянска филология при Университета София» (с 1905 г.), «Известия на Варненското археологическо дружество» (с 1908 г.), «Известия на Българското археологическо дружество» (с 1910 г.) и др.

Таким образом, за весьма короткий период времени болгарская наука проходит путь от создания учебников для начальной школы и популяризации элементарных научных знаний в общедоступных периодических изданиях до организации самостоятельных исследований в различных областях науки и издания серьезной научной литературы,

в том числе и периодической, что, безусловно, не могло не оказать влияния на темпы и характер эволюции научного стиля современного болгарского литературного языка. Несомненно, одним из основных направлений развития научного стиля любого литературного языка является формирование терминологии различных областей науки. Становлению и развитию терминосистем посвящено значительное количество работ болгарских лингвистов. Мы же сосредоточим свое внимание на иных аспектах становления научного стиля современного болгарского литературного языка. В частности, хорошо известно, что каждый функциональный стиль характеризуется наличием определенной совокупности жанров. Однако свойственная современному научному стилю четкая картина жанров (научная статья, научное сообщение, рецензия, информационное сообщение) нехарактерна для научного стиля на стадии формирования и складывается постепенно, в процессе становления и развития стиля.

Таким образом, одно из направлений исследования истории становления и развития стиля научного изложения мы видим в анализе закономерностей формирования отдельных жанров, представляющих данный функциональный стиль, со свойственными им особенностями, а также совокупности этих жанров.

Кроме того, развитие и совершенствование системы функциональных стилей языка мы понимаем как процесс кристаллизации выражения специфических речевых черт стиля, в частности, через постепенное освобождение научных текстов от несвойственных им языковых средств.

Определяющими чертами научного стиля мы считаем подчеркнутую логичность и обобщенно-отвлеченность изложения. При этом логичность мы противопоставляем эмоциональности (экспрессивности), а обобщенно-отвлеченность — конкретности изложения.

Противопоставляя логичность эмоциональности, мы отнюдь не утверждаем, что экспрессивность полностью исключена в научном изложении, а исходим из того, что она в нем допустима, но носит ограниченный, подчиненный характер.

Эволюция стилевой черты «эмоциональность (экспрессивность)» выражается, по-видимому, не в полном исчезновении экспрессивных языковых средств из научного текста, а в наложении определенных ограничений на их употребление, в их перераспределении, видоизменении.

Научной речи, как уже было подчеркнуто, свойственна последовательно проявляющаяся обобщенно-отвлеченность, которая выражается

в том, что функционирующие в текстах языковые единицы различных уровней характеризуются наиболее обобщенно-отвлеченным значением.

Обобщенно-отвлеченный характер носит лексика научного стиля, обобщенно-отвлеченность значения отличает и представленные в научных текстах грамматические формы.

Исследование болгарской научной периодики 60–70-х годов XIX века — 10-х годов XX века, преимущественно публикаций в «Журнал за наука, занаят и търговия», «Периодическо списание на Българското книжовно дружество», «Списание на Българската академия на науките. Клон природо-математичен», «Списание на Българската академия на науките. Клон историко-филологичен и философско-обществен» показывает, что за незначительный период времени (несколько десятилетий) стиль научного изложения болгарского литературного языка претерпевает существенные изменения.

Если первые научно-популярные публикации описательного характера, помещаемые, например, в «Журнал за наука, занаят и търговия», еще нельзя считать подлинно научными сочинениями ни по тематике, ни по характеру изложения, ни по жанровым характеристикам, то к 70-м годам XIX века на базе сочинений по гуманитарным наукам, публикуемым, прежде всего, в «Периодическо списание на Българското книжовно дружество», начинает складываться близкая к современной система жанров научных журнальных публикаций (с незначительными отличиями в виде несвойственного современной системе жанра научного письма). Данная система представлена жанрами научной статьи, научного сообщения и научной рецензии. Однако следует отметить, что характер размещения материалов в периодических изданиях, объем публикаций (100 страниц и более), повышенная экспрессивность рецензий (особенно отрицательных), наличие в текстах авторских отступлений свидетельствуют об определенной нечеткости жанровых критериев.

В то же время (70-е годы XIX века) композиция научных сочинений начинает приобретать все более стройный характер, что выражается в строгом членении текста на части (введение, основная часть, заключение) на основании общепринятых критериев.

К 10-м годам XX века система жанров научных журнальных публикаций, характер их композиции как в сфере гуманитарных, так и в сфере естественных наук в целом оформляются и устанавливаются в том

виде, в каком они присущи современному научному стилю, несмотря на сохранение некоторой нечеткости жанровых критериев.

Анализ специфики формирования и развития стилевой черты «логичность (рациональность)», которое, исходя из противопоставления логичности (рациональности) эмоциональности (экспрессивности), мы понимаем как постепенное угасание экспрессивности и ее подчинение целям логически последовательного изложения, показал, что кристаллизация данной стилевой черты в болгарских научных текстах действительно осуществляется прежде всего за счет снижения числа употребляющихся в текстах экспрессивных языковых средств, а также уменьшения их разнообразия.

Особенно значительные изменения в сфере функционирования экспрессивных языковых средств претерпевают публикации по гуманитарным наукам. Если в 70-е годы XIX века по своей экспрессивности такие тексты приближаются к публицистическим и экспрессивность во многих из них может рассматриваться как определяющая стилевая черта, то сочинения 10-х годов XX века демонстрируют ограниченный характер экспрессивности, ее подчиненность логичности (рациональности) изложения.

Текстам же по естественным и техническим наукам употребление экспрессивных языковых средств уже на раннем этапе становления научного стиля свойственно в значительно меньшей степени, нежели текстам по гуманитарным наукам, и изменения, которые претерпевают данные тексты за рассматриваемый период времени, не столь существенны, как изменения, наблюдаемые в текстах по гуманитарным наукам.

Вместе с тем, по нашему мнению, еще в 10-е годы XX века тексты как по естественным, так и по гуманитарным наукам по представленности экспрессивных языковых средств несколько отличаются от современных, что проявляется, прежде всего, в употреблении данных средств для выражения субъективной авторской оценки (положительной и отрицательной) предмета исследования, а также для выражения отрицательной авторской оценки трудов других ученых.

Анализ публикаций научных периодических изданий показал, что обобщенно-отвлеченный характер изложения свойственен данным текстам уже на раннем этапе развития научного стиля современного болгарского литературного языка, что проявляется в функционировании в текстах значительного числа грамматических форм, характери-

зующихся обобщенно-отвлеченным значением и присущих и современному научному стилю.

В течение рассматриваемого периода способы и средства выражения обобщенно-отвлеченности научного изложения приобретают все более устойчивый и регулярный характер, что выражается в освобождении текстов не столько от незначительного числа форм с конкретным значением, сколько от несвойственных научному стилю средств с обобщенным значением, которые стилистически перераспределяются и закрепляются за иными функциональными разновидностями языка.

Таким образом, рассматриваемый период (60–70-е годы XIX — 10-е годы XX века) может быть охарактеризован как важнейший этап в формировании научного стиля современного болгарского литературного языка, на котором определяются и достаточно последовательно (хотя и не всегда до конца) реализуются основные направления и тенденции эволюции данной функциональной разновидности языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

Андрейчин 1969 — *Л. Андрейчин*. Специфични моменти и особености при формирането на съвременния български книжовен език // Български език. 1969. № 1.

Балтова 1980 — *Ю. Балтова*. Начало и развитие на научния стил в новобългарския книжовен език и отражение на този процес в словообразуването // Български език. 1980. № 1.

Венедиктов 1992 — *Г.К. Венедиктов*. Современный болгарский литературный язык на стадии формирования: проблемы нормализации и выбора диалектной основы. М., 1992.

Стоянов 1957–1959 — *М. Стоянов*. Българска възрожденска книжнина. Т. 1, 2. София, 1957–1959.

М.В. Лескинен

ОБРАЗОВАНИЕ «ДЛЯ НАРОДА»: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ДИАЛОГА С КРЕСТЬЯНИНОМ В РОССИИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в.

Это была хитросплетенная сеть и непрерывная цепь взаимного непонимания и недоразумений между широкой общественной средой и народной массой... Особую роль сыграло ...предрасположение здоровых натур мерить на свой аршин натуры больные, гуманных — приписывать свою гуманность негуманным, просвещенных умов — усматривать какие-то проблески здравой мысли в умах безнадежно-темных, наконец, склонность людей с высокими моральными строем видеть таковой же там, где было только изуверство¹.

Д.Н. Овсянко-Куликовский

Судить о достоинствах и недостатках народа по нашим личным понятиям о качестве человека ... никто не имеет права. Часто то, что кажется нам недостатком в народе, является оборотной стороной его достоинств².

К.Д. Ушинский

Своеобразие моделей и вариантов социокультурной модернизации во второй половине XIX в. определялось комплексом разнородных факторов, среди которых значительное место занимали мировоззренческие, научные и идейные установки сторон, задействованных в этом процессе. Российская специфика была обусловлена, в частности, исто-

¹ *Овсянко-Куликовский Д.Н.* История русской интеллигенции. Ч. 3. 1880-е годы и начало 90-х // *Овсянко-Куликовский Д.Н.* Собр. соч. в 9-ти тт. СПб., 1909–1911. Т. 9. СПб., 1911. С. 13.

² *Ушинский К.Д.* О народности в общественном воспитании // Антология педагогической мысли в России. Вторая половина XIX в. М., 1990. С. 42–43.

рическим опытом этносоциального взаимодействия в обществе, а также механизмом формирования и функционирования русской культуры в целом. Образы народа, диапазон трактовок самого понятия «народ» и сложившиеся стереотипы активно воздействовали на позиции и стратегии всех вовлеченных в трансформацию участников — как ее субъектов, так и объектов. В период планирования и осуществления реформ 1861–1874 гг. впервые была предпринята попытка открытой полемики вокруг спорных и наиболее болезненных вопросов, связанных с отношением к народу вообще и к мужику в частности. Она завершила собой период теоретического осмысления терминов «народ» и «народность» и стала началом нового — широкомасштабного и сознательного, но односторонне инициированного — взаимодействия двух «миров», которое исследователи определяют по-разному.

История российской «имперской» и русской культур последней трети века находилась под несомненным влиянием способов и последствий этого контакта, роль которого в формировании имперской и этнокультурной идентичности крайне важна. На этапе складывания национальной идеологии большое значение приобретают те формы и методы, которые избираются для теоретической унификации государством, «репрезентующим Целое»¹. «Так государство «выплавляет» ментальные структуры и ... налагает формы мышления»². Однако нельзя не учитывать идеи и тактики, используемые непосредственными наблюдателями и активными участниками контакта. В пореформенную эпоху ими оказались, в частности, педагоги и учителя новой народной школы — те, кто планировал и осуществлял новые программы образования и воспитания³.

В педагогической литературе и публицистике этого периода центральной стала проблема, которая из сегодняшней перспективы явно попадает под определение *cultural misunderstanding*. Учителя и крестьянские ученики в первые годы обучения испытывали неожиданные

¹ Используя при этом операции тотализации, объективации, кодификации, а также унификацию культурного знания: *Козлова Н.Н.* Советские люди. Сцены из истории. М., Европа, 2005. С. 26.

² Там же.

³ Об истории школьных реформ в России см., в частности: *Чехов Н.В.* Народное образование в России с 60-х гг. М., 1912; *Сысоева Е.К.* Народная школа // *Очерки русской культуры XIX века.* В 6-ти тт. Т. 3. Культурный потенциал общества. М., МГУ, 2001. С. 10–67.

для обеих сторон трудности в понимании (в прямом и переносном значении слова) друг друга. Поначалу ситуация казалась легко разрешимой, причины пытались искать во влиянии немецкой педагогической науки и практики, которые стали образцом для изменения российской системы образования. Поэтому выход из положения связывался в первое время с необходимостью выработки русской (в отличие от немецкой, «общечеловеческой») теории преподавания и воспитания («национальное направление» русской педагогики во главе с К.Д. Ушинским)¹. Между тем истинные корни проблемы находились много глубже.

Ю.М. Лотман писал, что «непонимание (разговор не на полностью идентичных языках) представляется столь же ценным смысловым механизмом, что и понимание»². Задачи нашей работы определяются намерением выявить основные параметры непонимания, определить категории, в которых формулировалась проблема, а также обозначить предлагаемые методы их преодоления в диалоге «просветителей» — деятелей народного просвещения и теоретиков начального образования, и объекта просвещения — крестьянства. Для реконструкции типологии и своеобразия процесса представляется необходимым обратиться к теоретическим работам этнологии и социологии.

Природа взаимодействия между обучающими и обучаемыми, рассматриваемая в контексте истории отношений интеллигенции и народа, часто оценивается как конфликт противоречий социального, идеологического или цивилизационного порядков. Несколько иначе выглядит ситуация, если рассматривать ее в категориях теории коммуникации (или диалога культур как ее разновидности): это дает возможность выявить новые аспекты функционирования культуры, декларируемой в качестве единой и цельной. Сочинения и воспоминания педагогов, учителей, а также сторонних и активных наблюдателей проанализированы в двух аспектах: как источники сведений об особенностях обучения детей и взрослых из народа; и с целью выявления собственной позиции просветителей и их видения и объяснения возникавших проблем. Однако мы не ставим целью рассмотрение всего спектра позиций, нас интересуют только те тенденции, которые

¹ Кантерев П.Ф. История русской педагогики. СПб., 1915. Глава XV.

² Лотман Ю.М. Культура и взрыв // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 16.

можно трактовать как типичные, характерные не для элиты общества, а для зарождающейся в России «массовой культуры» — т. е. в центре внимания находятся стереотипные представления, которые имели широкое распространение в образованной среде¹.

Идеал народа

Создание народной школы² стало закономерным итогом стремления образованной части общества выполнить свой моральный долг перед народом, реализовав таким образом идеал, складывавшийся на протяжении почти века. В России образы и концепции «народа» хорошо известны благодаря произведениям русской литературы и исследованиям русских и советских историков и этнографов³. На начальной стадии формирования эти представления подверглись влиянию идей просвещения и романтизма.

Русские последователи Гегеля и Руссо идеализировали народ, видя в нем воплощение истинного, незамутненного национального начала. При этом, как подчеркивал Ю.М. Лотман, «тяготение просветителя к человеку из народа определяется тем, что он «такой же», как и «я», а не тем, что «он — другой»; ... «стать как народ» — означает измениться, чтобы стать самим собой»⁴. Приобщение к ясности, простоте

¹ По той же причине при анализе оценок и мнений о «русском» крестьянстве мы оперируем обобщенными представлениями наблюдателей — в действительности речь идет о православных крестьянах европейской части России (исключая Русский Север) разного состояния (главным образом бывших крепостных) черноземного и нечерноземного регионов. Нами не использована информация современников о тех группах крестьянского населения, которые воспринимались как отличные от русских — казачестве, старообрядцах, крещеных инородцах и др.

² Народными школами назывались по Положению 1864 г. и 1874 гг. начальные народные училища — т. е. начальные (чаще трехгодичные) школы, создававшиеся и финансирувавшиеся по инициативе «сельских и городских обществе» которые именовались также и земскими.

³ Не ставя задачи специального рассмотрения спектра представлений о народе и содержания термина, кратко обозначу основные, на мой взгляд, тенденции.

⁴ Лотман Ю.М. Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры XI–XIX вв. // Лотман Ю.М. Семиосфера. С. 414.

и естественности народного духа и жизни виделось целью личностного совершенствования, в основании которого лежала идея значимости и ценности каждого отдельного человека. Такой образ народа был воспринят и славянофилами, ратующими за обращение к особому общинному гармонизирующему соборному духу. Укрепилось убеждение, что крестьянство и есть народ, и что именно в крестьянском образе жизни сохранены гармоничные черты патриархального — природно-социального — уклада, в устойчивости которого — гарантия стабильности или прогресса (в зависимости от того, что оценивалось позитивно). Н.И. Надеждин еще в 1836 г. писал: «Народ русский велик не только своею физическою силою, в чем не сомневаются даже самые враги наши, но и патриархальными добродетелями, которые созидают и держат его колоссальное существование»¹. Духовная культура, выраженная в произведениях фольклора и в песенном творчестве, доказывала развитость эстетического начала, а русская классическая литература и публицистика, под влиянием идеи народности, воспевала природную нравственность и стихийную религиозность русского крестьянина («человек русский имеет в себе глубокое расположение к вере, но эта святая искра не горит полным пламенем»²). В такого рода воззрениях не последнюю роль сыграли и концепции немецкой науки, и, в частности, этнологической ее школы с идеей народа — хранителя национальной культуры³. Как ни парадоксально, но в целом такой образ народа оказывался «заложником» конструкции «самодержавности и православия» даже тогда, когда его создатели исповедовали иные или оппозиционные уваровским политические и религиозные убеждения⁴.

Популярность в определенных кругах общества нигилистических и народнических (в нейтральном смысле слова) идеалов имела последствием убеждение в нравственном превосходстве народа и, соответственно, в моральном долге перед ним. Как писал П.А. Кропоткин

¹ *Надеждин Н.И.* В чем состоит народная гордость? // *Надеждин Н.И.* Сочинения в 2-х тт. Т. 2. СПб., 2000. С. 797.

² Там же. С. 800.

³ *Фермойлен Х.Ф.* Происхождение и институализация понятия *Volkskunde* (1771–1843) // ЭО. 1994. № 4. С. 101–109; *Токарев С.А.* История зарубежной этнографии. М., 1978; *Кашуба В.* Дилемма этнологии XX века // *Ab Imperio*. 2002. № 3.

⁴ *Де Лазари А.* В кругу Федора Достоевского. Почвенничество. М., 2004. С. 58–80.

об участниках первой волны «хождения в народ» в 1872 г.: «Целью всех ... чтений и споров было разрешить великий вопрос, стоявший перед молодежью: каким путем может она быть наиболее полезна народу? И постепенно она приходила к выводу, что существует лишь один путь. Нужно идти в народ и жить его жизнью. Молодые люди отправлялись поэтому в деревню как врачи, фельдшеры, народные учителя, волостные писари. Чтобы еще ближе соприкоснуться с народом, многие пошли в чернорабочие, кузнецы, дровосеки. Девушки сдавали экзамены на народных учительниц, фельдшерниц, акушерок, и сотнями шли в деревню, где беззаветно посвящали себя служению беднейшей части народа.

У всех их не было никакой еще мысли о революции... Они просто желали *обучить народ грамоте, просветить его, помочь ему каким-нибудь образом выбраться из тьмы и нищеты и в то же время узнать у самого народа, каков его идеал лучшей социальной жизни* (выделено мной — М.Л.)¹. Обратим внимание на последние строки: обучение грамоте не отождествляется с просвещением, но ценность и важность его для народа кажется неоспоримым (вероятно, в таком контексте может прочитываться и как «единственно необходимым») средством преодоления тьмы невежества и нищеты. То есть образование (грамота и знания) — гарант материального благополучия. Эти задачи виделись участникам «хождения в народ» априори понятными и, главное, вовсе не нуждающимися в обсуждении, хотя мнение самого народа о чем-то ином — об «идеале социальной жизни» — следовало еще узнать; но чаяния самого объекта жертвенности все же вторичны по отношению к интеллигентской монополии на знание и различение «тьмы» и «света».

Просветительство, таким образом, выявляло явное ощущение неравенства между социальными слоями (в первую очередь между дворянами и крестьянами, так как разночинская интеллигенция причисляла себя к «народу» в широком смысле), но неравенства в первую очередь культурного. Сохранялось представление о том, что существует некое надсловное единение, и что оно дает шанс на «спасение» крестьянства от векового гнета и невежества².

¹ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1988. С. 287.

² Frierson C. Peasant Icons. Representation of Rural People in Late XIX-century Russia. NY., Oxford, 1993. S. 33–47.

Вместе с тем образованная часть русского общества продолжала находиться под обаянием романтизма и гуманистического творчества И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и др., для которых русский крестьянин был носителем народного духа и воплощением души русского народа (в значении народ-нация), а в некоторых описаниях приобретал лубочные черты, как было принято в верноподданнических правительственных отчетах. Складывающиеся в России национальная идея и концепции патриотизма — в соответствии с европейскими представлениями эпохи — опирались на идею о том, что народ и другие сословия (или лучшие их представители) составляют цельную общность, скрепленную единством религиозных, моральных и исторических ценностей, часто выражаемую словами «родство по духу». Казалось, ничто не мешает полноценному и эффективному взаимодействию с крестьянином.

Образ русского мужика, таким образом, конструировался в целом как позитивный даже тогда, когда в его нравах и быте усматривались элементы мракобесия, суеверия и своекорыстия. Недостатки его, согласно логике рассуждений, проистекали исключительно из несвободы, закрепощенности, отсутствия возможностей реализовать себя, а устранение препятствий к развитию — отмена крепостного права — должно было раскрыть его хозяйственную инициативу, развить природную смекалку, а также обратить его к образованию, которого он был лишен. Уважение к грамоте как к источнику «света Божьего» провозглашалось исконной и неоспоримой добродетелью русского крестьянства.

Ф. Андреев вспоминал в 1889 г.: «А между тем недавно еще с тем же так отделяемым теперь со всех сторон мужиком носились «как с писаную торбою» даже люди, которым это было совсем не к лицу. Для одних мужик был предметом поклонения, для других во всяком случае запретным плодом в смысле неудобств резкого и открытого глумления. ... Увлечение мужиком выходило полное и широкое, охватившее не только честную и благомыслящую интеллигенцию, но и вообще известную долю привилегированных слоев общества, и в значительной мере заслонившее литературу. Беллетристика прямо-таки была окрещена «мужиковствующей». ... Одним словом, смиренный и безобидный, ничего не ведавший и ничего не замышлявший русский мужик, та самая «святая скотина», над которой только самый ленивый не величался и не верховодил, пришел в русскую литературу, занял

самое видное место и начал, как очень искусный дирижер, давать тон и направление всему и вся»¹. Не только «мужик вообще» — собирательный образ русского крестьянина, без учета его конфессиональных, этнических, региональных особенностей и различий в типах хозяйствования, — но и крестьянский тип в целом идеализировался русским образованным сообществом.

Столкновение с реальностью: осмысление кризиса

Однако первый опыт масштабного контакта с реальным крестьянином «на его территории», осуществленный участниками «хождения в народ», продемонстрировал поистине трагическое несовпадение идеала и действительности, причем касавшееся не только и не столько степени революционности народных масс. Говоря, как казалось, на одном языке, зачастую привлекая к аргументации обширные цитаты из Библии, пропагандисты — в действительности — не были поняты даже тогда, когда оценивали свою деятельность как успешную. Например, П.А. Кропоткин передает рассказ С. Степняка-Кравчинского о подстрекательстве крестьян к бунту словами из Евангелия. Свою пропаганду он считал удавшейся потому, что «крестьяне шептались, что «скоро землю отберут от господ, которых царь возьмет на жалованье»»². Между тем, такой же смысл крестьяне могли извлечь из совершенно курьезного с точки зрения Глеба Успенского слуха. Его собеседник, крестьянин Иван Ермолаевич, проявил интерес к газете лишь однажды, когда прошла весть о том, что «на землю с небес упала кобыла в три версты», у которой «все на спине прописано: ... какие бедствия, ... и как что будет..., и насчет земли, будто бы будет раздача...»³. И Глеб Успенский, и современные исследователи, пользующиеся этим текстом в качестве источника, видят в данном эпизоде интерес народа к «небылицам и сенсациям», в то время как в действительности мы имеем дело, с одной стороны, с сугубо прагматиче-

¹ Андреев Ф. Областные заметки. Нечто о мужике и мужиковствующем пессимизме // Северный вестник. Январь 1889. Второй отдел. С. 29–39. С. 30.

² Кропоткин П.А. Указ. соч. С. 301.

³ Успенский Г.И. Крестьянин и крестьянский труд // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве России второй половины XIX века. М., 1987. С. 390.

ским интересом мужика, связанным с землей, а с другой, с типичной для всякого традиционного общества формой передачи информации. Таким образом, факт обращения крестьянина за описанием этого события к газете вполне оправдан — ибо газета в этом контексте — эквивалент чудесной кобылы¹. Подобные слухи — вовсе не результат антиправительственной агитации, как часто полагали и власть предержащие современники, а выражение отношения к единственной ценности и источнику жизни в прямом смысле этого слова — земле. Это было убедительно доказано наиболее проницательным из первых русских «крестьяноведами» — А.Н. Энгельгардтом, который описывал слухи и напряженное ожидание «милости насчет земли», (о которой «сами читали» и «сами слышали»), регулярно возникающие в народной среде². Земля в сознании русского крестьянина всегда мыслилась как неотъемлемая часть его мира, а не просто собственность в юридическом смысле. Неудача «хождения в народ» поставила вопрос о том, как и почему не понимают друг друга два участника диалога, говорящие на общем — формально — языке.

Заблуждения Степняка-Кравчинского и других революционных народников разделяли представители всех сословий. А.Н. Энгельгардт удивлялся, что даже та часть помещиков, которая в силу образа жизни и экономических условий наиболее близко соприкасалась с крестьянами в повседневной жизни, совершенно не понимала их — их интересов и выгод, способов выживания: «Я встречал здесь помещиков, ...которые по 20 лет живут в деревне, а о быте крестьян, об их нравах, обычаях, положении, нуждах никакого понятия не имеют; более скажу, — я встретил, может быть, всего только трех-четырёх человек, которые понимают положение крестьян, которые *понимают, что говорят крестьяне, и которые говорят так, что крестьяне их понимают* (выделено мной — М.Л.)³». Выработка общего «языка культуры», таким образом, являлась актуальной и необходимой задачей для успешного общения с народом.

¹ Лотман Ю.М. Семантика числа и тип культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. С. 430–434.

² Автор приводит многочисленные примеры того, что крестьяне склонны были усматривать «признаки» передачи им земли на других условиях во всем. Энгельгардт А.Н. Письмо одиннадцатое // Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем 1872–1887. М., 1987. С. 530–542.

³ Энгельгардт А.Н. Письмо второе // Там же. С. 83.

«Открытие» истинного мужика в его собственном мире наблюдателем-интеллигентом повлекло за собой разочарования. Иллюзия универсальных ценностей развеялась. Оказалось преувеличенной, в частности, предполагаемая истовая религиозность крестьянина: соблюдение норм и церковной обрядности и внешнего благочестия сочеталось с незнанием и несоблюдением догматов вероучения, с элементами народной культуры, квалифицировавшимися как языческие пережитки. Но поистине драматично воспринято было знакомство с крестьянской нравственностью, как в сфере нормативной, так и практической. Воспоминания сельских врачей и учителей, помещиков, наблюдения этнографов-любителей не обходятся без этой темы — столь сильно впечатление, которое оставляло в них знакомство с нравами и нормами жизни деревни. Воровство, клятвопреступление, убийства, зверские избиения жен и детей, расправы с цыганами, пьянство и т. п. — все это не совпадало с сусальным образом народа-богоносца. Как остроумно описывал этот процесс Ф. Андреев: «А тут крестьянин, точно масла в огонь, начинает подливать всяких воспламенительных специй: то копейку лишнюю постарается с вас заполучить, то пьян до безобразия напьется, то с соседом поругается, то жену поколотит, то ... изобьет ... лошадь..., то до унижения дойдет перед вами»¹. Новая генерация писателей-народников — Н.В. Успенский, Г.И. Успенский, Н.Н. Златовратский, П.В. Засодимский и многие другие отразили в своем творчестве именно этот новый — негативный, зачастую отталкивающий и малопонятный — тип русского мужика. Впрочем, нельзя не отметить и еще одно направление, которое играло важную роль в сохранении идеализированного образа крестьянина. В педагогике его представляли непрофессиональные учителя и деятели народного образования — такие, например, как Л.Н. Толстой и С.А. Рачинский, которые, хотя и по-разному, исходили в своих взглядах на крестьянина из убежденности в его природной нравственности, врожденной склонности к духовности, в том числе и религиозной². Следствием стало доказательство ненужности земской — чересчур расширенной с их точки зрения, — модели начального образования. Если толстовское отношение к мужику и, как следствие, к его образованию, не в последнюю очередь определялось воздействием руссоизма, то пози-

¹ Андреев Ф. Указ. соч. С. 34.

² Толстой Л.Н. Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят? // Толстой Л.Н. Собр. соч. в 20-ти тт. Т. 15. М., 1964. С. 10–36.

ция С.А. Рачинского была продиктована все той же — прежней идеалистической — убежденностью в изначальной чистоте и тяге к церкви крестьянина, которые и задают необходимость сохранения и развития «школ грамоты» с их религиозно-церковным уклоном¹.

Интерпретации и констатации

Несоответствие идеалу, воплощающему начала истинной, незамутненной веры, наблюдатели объясняли по-разному. Н.Ф. Бунаков, много лет учительствовавший, вспоминал об обстоятельствах создания новой школы в Воронежской губернии в 1884 г.: «мне пришлось убедиться, что крестьяне и теоретически не считают предосудительным и несправедливым со своей стороны кражу или обман по отношению ко всякому, кто «не свой брат, не крестьянин». У «мужика» стащить что-нибудь грешно и преступно, а у барина, попа, всякого не «мужика» можно и чуть ли даже не должно»². Автор объясняет это социальными противоречиями и длительной эксплуатацией народа. Лев Толстой, анализируя такие «взгляды на честность» крестьян, имеющие своим следствием принципиально различные стратегии в отношении «своих» и «чужих», рассматривал их как универсальные человеческие качества, присущие всем сословиям³. А сельская учительница А. Симонович, напротив, ссылаясь на рассказы своих учеников в 1880-х гг., с возмущением показывала, что и в отношении своих же односельчан крестьяне поступают так же, причем не скрывают этого от детей⁴.

Таким образом, разброс мнений о том, какое крестьянину необходимо образование, в любом случае зависел от представлений о мужике и его нуждах, сложившихся в умах «внешних» наблюдателей. Разные дистанции приближенности к народной жизни могли несколько менять ракурс и систему обоснований, но так или иначе исходили из иной системы ценностей и мировоззрения. Мужик в этом случае выступал как объект воздействия, причем объект пассивный. А.Н. Энгельгардт писал, что «кроме настоящей жизни существует в воображении на-

¹ Рачинский С.А. Сельская школа. Сборник статей. М., 1891.

² Бунаков Н.Ф. Записки. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837–1905. СПб., 1909. С. 157.

³ Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 28.

⁴ Симонович А. Заметки из дневника сельской учительницы // Русская школа. 1893. № 12. С. 18–40. С. 35–36.

шем (всех людей интеллигентного класса, за исключением немногих, которые *чутьем* поняли суть) иная, воображаемая жизнь, существует совершенно цельное, но фальшивое представление, так что человек за этим миражем совсем-таки не видит действительности»¹.

Необходимо сделать важное отступление, касающееся отмеченного образованными современниками «низкого уровня нравственности» в крестьянской среде. Это, конечно, было связано с завышенными ожиданиями наблюдателей и с известным в науке различием поведения в среде «своих» и в отношении «чужих»², указанными выше. Вместе с тем следует обратить внимание на изучаемый в последние десятилетия в этнографии и социологии феномен различного содержания некоторых нравственных представлений (и терминов, их выражающих) в социальных группах конфессионально однородного сообщества. Некоторые исследователи видят в этом «формы обыденного сопротивления крестьянства»³, другие усматривают следствие несхожих социальных и религиозных практик в традиционной и индустриальной культурах⁴. Отношение к воровству в крестьянской среде (причем, по многочисленным свидетельствам путешественников второй половины XIX в., не только в России, но и за ее пределами) неоднократно становилось предметом исследования. Причина несоблюдения этой моральной нормы кроется, по всей вероятности, в ином взгляде на собственность, показанном в исследованиях юридической (нормативной) этнографии — начиная с конца XIX в.⁵. Порубка леса в государственном или бывшем помещичьем лесу зачастую не считалась кражей — т. е. покушением

¹ *Энгельгардт А.Н.* Письмо восьмое // *Энгельгардт А.Н.* Указ. соч.. С. 300.

² *Байбури А.* Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // *Этнические стереотипы поведения.* Л., 1985.

³ *Scott J.* The Moral Economy of Peasant. Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Heaven, 1977; *Скотт Дж.* Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян // *Крестьяноведение. Теория. История. Современность.* 1996. М., 1996.

⁴ *Бурдые П.* Социальное пространство и генезис классов // *Бурдые П.* Начала. М., 1994; *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М., 1996. С. 37–40.

⁵ Библиографию источников и научных работ XIX в. см.: *Якушкин Е.И.* Обычное право. Материалы для библиографии обычного права. Вып. 1–2. М., 1910; основную библиографию современных исследований см. в статье А.А. Никишенкова: *Никишенков А.А.* Крестьянство в современной системе российского государства // *Крестьянское правосудие. Обычное право российского крестьянства в XIX веке — начале XX в.* М., 2003. С. 37–68.

на чужую собственность. Этнограф-любитель, дочь выдающегося российского географа и общественного деятеля П.П. Семенова-Тян-Шанского Ольга, оставившая описание крестьянского быта Рязанской губернии рубежа XIX–XX вв., с недоумением констатировала: «Сколько я ни толковала (крестьянке, работавшей на кухне — М.Л.), что самовольное присвоение чужой собственности «в брюхо ли, в прок ли» все равно называется кражей, она со мной не соглашалась... Тот же староста, охраняя барские «яблоки», набивает себе каждый раз ... карманы. Казенное добро ... уважают даже меньше помещичьего («У царя всего много»). И ташут все решительно»¹. Она объясняла это тем, что «одно из самых глубинных и твердых крестьянских убеждений, это то, что земля когда-нибудь вся должна перейти в их руки»², подтверждая красноречивое мужицкое выражение, приводимое десятилетиями ранее Ю. Самариним («Мы все твои, а все твое — наше»³).

Одни видели объяснение в последствиях многовекового крепостничества, развратившего нравы крестьян, другие отстаивали необходимость просвещения на государственном уровне, формирующего нравственные и религиозные устои, отличные от внутрисемейных, третьи возлагали надежды на укрепление авторитета православной церкви. Однако сторонников разных взглядов объединяло отношение к крестьянам как к однородной и единой недифференцированной массе, причем как в этническом, так и в имущественном и нравственном отношении. Это порождало большое количество заблуждений и стереотипов, вызванных необоснованным обобщением. Такой образ крестьянства — свидетельство того, что он оставался скованным рамками прежних, априорных суждений, не основывался на конкретном опыте общения и исследования народа. Скорее исключительными, нежели типичными, можно считать проницательное высказывание Д.Н. Овсяннико-Куликовского — «нельзя подвергать многомиллионную массу огульной моральной оценке»⁴, и позицию А.Н. Энгельгардта. Он посвятил немало стра-

¹ Семенова-Тян-Шанская О. Жизнь «Ивана». Очерки быта крестьян одной из черноземных губерний // Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. 39. СПб., 1914. С. 105.

² Там же.

³ Цит. по: Гордон А.В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1989. С. 96.

⁴ Овсяннико-Куликовский Д.Н. История русской интеллигенции. Ч. 3 // Овсяннико-Куликовский Д.Н. Собр. соч. в 9-ти тт. Т. 9. СПб., 1911. С. 183.

ниц своих «Писем из деревни» в Смоленской губернии этому злободневному тогда вопросу. Предвосхитив выводы специалистов юридической этнологии, он определил корень зла в следующих словах: «Конечно, крестьянин не питает безусловного, во имя принципа, уважения к чужой собственности, и *если можно*, то пустит лошадь на чужой луг или поле, точно так же как вырубит чужой лес, *если можно*, увезет чужое сено, *если можно* — все равно, помещичье или крестьянское, — точно так же как и на чужой работе, *если можно*, не будет ничего делать... Зачем же крестьянин будет заботиться о чужом добре, когда сам хозяин не заботиться?»¹; «человек хороший.. не то чтобы какой-нибудь бездомный прощелыга, нравственно испорченный человек, но просто обыкновенный человек ... становится вором потому только, что вещь лежала плохо, без присмотра»². Другими словами, такое поведение продиктовано, с его точки зрения, очевидным крестьянским прагматизмом³.

Сегодня, благодаря междисциплинарным исследованиям, мы имеем возможность правильно интерпретировать столь ужасавшие интеллигентов особенности народного быта и обычного права, но современники рассуждали по канонам нормативной модели и видели аморализм в том, что являлось этикой выживания. Так, Н. Эртель в одном из писем с грустью констатировал: «Народ же русский — лучше не говорить. Правда, он глубоко несчастный народ, но и глубоко скверный. Отсюда, конечно, не следует, что на него надо плюнуть, но следует то, что находиться с ним

¹ *Энгельгардт А.Н.* Письмо третье // *Энгельгардт А.Н.* Указ. соч. С. 103–104. В этом же письме Энгельгардт объясняет причины сложившегося убеждения в том, что русские работают хуже немцев, недобросовестны, ленивы и т. д.

² *Энгельгардт А.Н.* Письмо четвертое // Там же. С. 199.

³ Следует отметить еще одно свидетельство непонимания, разделявшего представителей народа и интеллигенции, касающееся норм религиозной морали. Не имея возможности остановиться на важной проблеме восприятия религиозных норм нравственности представителями разных национальных традиций одного вероисповедования, с одной стороны, и социальных групп в моноконфессиональной культуре, с другой, можно полагать, что различие касалось соотношения внешнего благочестия и канонов религиозной практики с этическими нормами социального поведения. Изучение корреляций нравственных нормативных установок и в особенности поведенческих ограничений в общественных группах, учет особенностей «моральной экономики» крестьянства, а также анализ исследованных в меньшей степени духовных (религиозные и философские) практик разночинской и дворянской интеллигенции могли бы прояснить расхождения в догматике и поведенческих практиках.

в реальных отношениях очень тяжело, иногда до нестерпимости. ... стоит только хлебнуть «реальных отношений», как ... сквозь поэтическую оболочку живо засквозит грубый, и главное лживый, лживый дикарь»¹. Такое признание можно рассматривать как достаточно типичное для литературы и публицистики эпохи, посвященных «нравам народа».

Ф. Андреев, пытаясь оправдать крестьянина, писал: «Пессимизм разочарования имеет эту именно подкладку. Люди искренние и восторженные, верят, положим, в великую прогрессивную силу деревни с ее общиной, добрыми патриархальными нравами и широкою ролью труда. Без опыта и практических знаний, пригодных в деревне, без ясной цели и определенного, вполне законченного мирозерцания на крестьянскую жизнь, они являются в деревню, чтобы воочию убедиться в правде деревенской жизни и тех великих начал, которыми должна двигаться жизнь в более широком, чем деревенское русле, но которые таятся пока лишь в зародышевом состоянии. Начинается опыт и испытание. Одно оказывается темным и непонятым, другое диким и невежественным, третье пустым и мелочным, четвертое тяжелым и уродливым, пятое подавляющим душу и ум, шестое просто нелепым и безнравственным. ... Избыток добрых чувств и благих намерений начинает охлаждаться... Деревенский рай ... превращается в деревенский ад»². Преодолеть сложности подобного конфликта путем длительного и в высшей мере деликатного взаимодействия, прибегая к методам — как сказали бы этнографы — «включенного наблюдения» удавалось единицам (например, Энгельгардту).

Оценки и выводы

Какие бы оправдания ни искали этому в одночасье ставшим отвратительным мужику, его недостатки чаще всего квалифицировались как «темнота», «невежество», «грубость», «разврат», «косность» и т. п. Эти негативные характеристики переводили крестьянина из равноправного участника диалога между представителями общей этнической и религиозной культуры в принципиально иное качество. Из «своего» он превращался в «чужого» — его «некультурность», «безнравственность», консерватизм, бессмысленное упрямство и т. п. — с точки зрения

¹ Цит. по: *Овсянко-Куликовский Д.Н.* История русской интеллигенции. Ч. 3 // *Овсянко-Куликовский Д.Н.* Собр. соч. в 9-ти тт. Т. 9. С. 180.

² *Андреев Ф.* Указ. соч. С. 33.

рефлексирующей стороны — подтверждали верность таких определений как «темный», «забитый», «оскотиненный», «дикий», в лучшем случае — «дитя природы»; и обосновывали использование терминов «пережиток», «дикость», «суеверие» — для описания его социальной практики. Эти наименования чрезвычайно значимы — такая лексика скрывает в себе стереотипный взгляд человека Просвещения на аборигена, туземца. Носитель цивилизации оценивает его не как субъекта контакта, а как объект воздействия, со всеми вытекающими отсюда последствиями: его необходимо просветить, научить, привить основные «человеческие» понятия, т. е. грубо говоря, «цивилизовать» или «окультурить», сделать из него полноценного человека.

Следствием, усугублявшим отторжение, стало приписывание негативных особенностей исключительно русскому крестьянству. Сравнительная этнография еще не могла убедительно доказать наличие единого для крестьянства разных народов типа культуры, и потому идеи о наднациональной крестьянской общности зрели лишь в некоторых умах¹. Обычный наблюдатель стремился разгадать именно русскую душу, отыскать соль русской земли, что, безусловно, было обречено на неудачу.

¹ Такого рода идеи, конечно, формировались и в народнической среде. Первым указал на необходимость учитывать иные принципы устройства социально-экономической крестьянской практики А.Н. Энгельгардт — в 80-х г. XIX в. Однако сформулировать некие общие черты крестьянской психологии в целом удалось только в XX вв. В российской социологии одним из первых коснулся этой темы Д.Н. Овсяннико-Куликовский. Рассуждая о жалости, якобы присущей исключительно русскому крестьянину, он предостерегал: «Незачем ... превращать это чувство в добродетель высшего порядка, будто бы присущую русской национальности как таковой и видеть в ней преимущество русского народа перед другими.... Черты морального порядка не входят в состав национальной психики, которая складывается из черт умственного и волевого порядка. Это — черта крестьянская, мужицкая, и она найдется при аналогичных условиях повсюду, в крестьянской массе всех людей». (*Овсяннико-Куликовский Д.Н. История русской интеллигенции. Ч. 3 // Овсяннико-Куликовский Д.Н. Собр. соч. в 9-ти тт. Т. 9. С. 198*).

Общие черты крестьянского социокультурного типа обоснованы в трудах направления, получившего наименование «крестьяноведения». См.: Крестьяноведение. История. Теория. Современность Ежегодник. Вып. 1–3. М., 1996–98 (сайт: <http://ruralworlds.msses.ru>); одним из первых российских исследователей показал сходства в функционировании общностей этого типа А.В.Гордон: *Гордон А.В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1989.*

Полагаем, что в данном случае имело место своеобразное замещение. Отличия реального крестьянина от идеала можно было бы объяснить его иной социальной природой, что смягчило бы драматизм восприятия проблемы. Однако этого не произошло. Неожиданные несоответствия можно было бы рассматривать как следствие непонимания, и стремиться его преодолеть, узнав логику «другого» — но такая стратегия была избрана позже, в конце века, с развитием психологии и этнографии. Скорее всего на данном этапе наиболее доступным оказалось переосмысление противоречий в категории этничности, а, точнее говоря, перевод их в основания этноцентризма. В данном случае мы имеем дело именно с таким образом мысли, при котором собственная культура видится как правильная, универсальная, неоспоримая, но не обязательно исключительная. Механизм восприятия второго участника коммуникации и отношение к нему со стороны «просветителей» также вполне отвечает тактике и стратегии этноцентризма: непонимание трактуется как нежелание другой стороны принять безусловно верную позицию. Единственно возможное основание для диалога — перевоспитание или обращение к посреднику. Приписывание крестьянину признаков «чужого» позволяет также снизить, нейтрализовать трагедию несбывшихся ожиданий.

Русский крестьянин (кстати говоря, само содержание этого определения в лексике эпохи — предмет отдельного исследования) теперь осмысливался не как представитель своей (в национальном смысле слова) культуры, а как обитатель неосвоенного мира, который надо покорить мирным путем и «преобразовать».

Фундаментальное несоответствие идеала и действительности, сколь трагическим оно ни казалось, все же могло быть снято самым простым способом — отстранением от неприятного взаимодействия. Что и случилось. Но так не могли поступить те, кто занимался конкретной практической работой — педагоги и учителя, обучавшие грамотности в сельских детских и воскресных школах для взрослых. Они вступили в диалог как культурные и моральные миссионеры, взяв на себя функции не только учителей, но и воспитателей народа.

Школа: неожиданные препятствия

Обращаясь к истории русской средней и начальной школы после ее реформирования, мы можем попытаться определить, какую тактику коммуникации избрали русские просветители, и с какими трудностями, помимо вышеперечисленных, они столкнулись.

Вступая в контакт с неизвестным миром, культуртрегеры в лице просвещающих исходили из гуманистических идеалов и из собственных представлений. Они руководствовались противоречивыми идеями о безусловной практической ценности образования и о собственном духовном миссионерстве. Некоторые прагматики представляли свои цели более отчетливо, видя в школе средство социализации и инструмент адаптации народа к пореформенной реальности России. Возможность обучения детей по представленным программам обучения не ставилась под сомнение.

Самые серьезные трудности в деле обучения грамотности касались неожиданного для «просветителей» нежелания крестьян отдавать детей в школу¹. Наиболее распространенные опасения носили экономический характер и связаны были с необходимостью дополнительных денежных затрат либо на строительство школ, либо на оплату учебы. Не препятствуя по большей части обучению церковнославянской грамоте местными грамотеями — бывшими солдатами, дьячками и т.п., мужики не желали отдавать детей в школу, которая предполагала трехлетнее обучение чтению, письму, началам арифметики, Закону Божьему и церковному пению — так выглядела общая программа начальных (земских) школ². Как вспоминал Н.Ф. Бунаков, крестьяне никак не могли взять в толк, в чем состоит его, организатора школы (дело происходило в Воронежской губернии в 1884 г.), выгода: «А денег с нас ... не потянут? — был первый вопрос мужиков. Когда убедились, что ... «не потянут», успокоились и повели ребят в науку. А в бескорыстие мое все-таки не поверили: ... «Дело нечисто!»³. Толки закончились версией, основанной на слухе о том, что учитель получает «от казны» 40 рублей за каждого мальчика. Усилия Н.Ф. Бунакова, направленные на то, чтобы ученики регулярно посещали занятия, только подтверждали такое мнение. Вопросы крестьян о плате за школу были вызваны тем, что содержание школ «вплоть до середины 90-х лежали целиком на сельских обществах»⁴.

Хорошо известно, что труд детей в крестьянском хозяйстве играл важную роль, даже на простых подсобных работах трудно было от него

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х тт. Т. 2. Ч. 2. М., 1994. С. 331. Свидетельства такого рода содержатся также в записках и трудах Бунакова Н.Ф., Корфа Н.А., Энгельгардта А.Н. и др.

² Демков М.И. Начальная народная школа. Ее история, дидактика и методика. М., 1916; Рождественский С.В. Очерки по истории системы народного просвещения в России XVIII–XIX вв. СПб, 1912.

³ Бунаков Н.Ф. Записки. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837–1905. СПб., 1909. С. 160.

⁴ Милюков П.Н. Указ. соч. Т. 2. Ч. 2. С. 331.

безболезненно отказаться, и потому вскоре сельские школы решено было сделать «трехзимними» — с окончанием полевых работ и до начала весны. Средняя продолжительность обучения составляла 15 месяцев¹.

Сложно было уговорить крестьян отдавать детей в школу даже и на зиму в нечерноземных губерниях, где преобладало бедное крестьянство. Это обстоятельство сначала интерпретировалось просветителями как «темнота и невежество» — мужики, по их мнению, почему-то не разделяли идеи о важности и практической выгоде образования. В то время как такое нежелание объяснялось не культурными, а теми же практическими соображениями. Заблуждение одним из первых прекрасно разъяснил Н. Энгельгардт, показавший, что в нечерноземных губерниях (в Смоленской, в частности), где хлеба никогда не хватало до нового урожая, дети были незаменимы для «хождения в “кусочки”», которыми иногда только и кормилась вся семья зимой.² Когда усилия Энгельгардта по внедрению новых типов землепользования начали приносить плоды, и урожай повысились, крестьяне сами проявили инициативу о создании школы².

Вторая трудность была вызвана сложившимся в русском обществе убеждением, что в народе почитают книгу и грамотность, и что статус грамотного человека в крестьянском сообществе очень высок. Вера педагогов-интеллигентов в истовую религиозность русского народа и сакрализацию им Книги, в его преклонение перед писанным словом как источником истины вступала в противоречие с открытым нежеланием многих крестьян отдавать детей в земскую школу (предпочтение отдавалось по-прежнему домашней школе грамоты)³. В действительности причина заключалась в разных представлениях просветителей

¹ Этому немало поспособствовал барон Н.А. Корф.

² Энгельгардт А.Н. Письмо четвертое. С. 180. Он же. Письмо десятое // Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 495–498.

³ Там же. С. 495–496. Энгельгардт передает недоумение мужиков, вызванное запретом создавать неказенные, а свои (прежние) школы грамоты. Сам он полагал, что не стоит предписывать и навязывать крестьянам земские школы, поскольку их эффективность, как часто случалось, чересчур зависела от авторитета учителя среди крестьян, а приобрести его было чрезвычайно непросто. Впрочем, это явление было далеко не повсеместным. П. Засодимский в своих воспоминаниях, например, не соглашался с «утверждениями некоторых» о том, что «крестьяне питают сильное, непреодолимое влечение к церковно-славянской грамоте» и просят учить их детей читать «по старой азбуке» (т. е. «не звуковым способом»); Засодимский П. Из воспоминаний сельского учителя // Русская школа. 1892. № 11. С. 27–86. С. 35.

и народа о том, что понимать под грамотой и книгой. «Под грамотой в соответствии со славянским и библейским смыслом этого слова разумелась не грамотность в нашем понимании, а священные книги Писания и Предания. Грамотей означал человека, умеющего читать по-славянски»¹, — поясняет современный этнограф А.В. Буганов. И приходские священники, и сельские грамотеи учили читать по-церковнославянски, на Псалтири и Часослове², такое обучение не предполагало «научению активному владению языком»³. В российском же обществе вплоть до конца XIX века не сложилось четкого понимания, как определять грамотного человека (априорно под ним понимался умеющий читать по-русски). Как утверждает А.Г. Кравецкий, «вопрос о степени распространения церковнославянской грамотности ... никогда не ставился, ибо все казалось вполне ясным». При этом «отсутствие четкого определения понятия «грамотность» вело к недоразумениям». Автор ссылается на А.П. Чехова, который писал о том, что крестьяне, умеющие читать только по-печатному, называли себя неграмотными. «Церковнославянское образование было частью домашнего благочестивого воспитания, а не реализацией идей народного просвещения»⁴, которые опирались на европейские (в первую очередь германские) традиции начального обучения.

Авторитетный русский педагог В.И. Водовозов недвусмысленно высказался о принципах и целях, на которых строилась пореформенная начальная школа в России: «Цель народного чтения — поднять образование этой массы, воспитать ее в духе максимальных начал, *какие везде признаны образованным обществом* (курсив мой — М.Л.); а как народ перерабатывает эти начала сообразно своему характеру, какие сделает из них применения для своей жизни, — это уже его дело. Создавать чужую жизнь нельзя, можно только облегчать правильное ее развитие и созидание»⁵. Логика рассуждения, следовательно, такова: дать

¹ Буганов А.В. Дух книжности и письменность русских крестьян XIX в. // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв. М., Наука, 2001. С. 316–332. С. 320.

² Там же. С. 319.

³ Успенский Б.А. История русского литературного языка как межславянская дисциплина // Успенский Б.А. Избр. труды в 3-х тт. Т. 3. М., 1997. С. 124.

⁴ Кравецкий А.Г. Литургический язык как предмет этнографии // Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой. М., Индрик, 1999. С. 232.

⁵ Водовозов В.И. Что читать народу? // Водовозов В.И. Избранные педагогические сочинения. М., 1986. С. 427–428.

максимальное количество необходимых с точки зрения образованного меньшинства знаний, а насколько они будут востребованы в повседневной народной жизни, зависит от самих крестьян.

Народное образование: грамота как основа нравственности?

В период 1870–80 гг., по мере погружения интеллигенции — учителей начальных и воскресных школ (Н.А. Бунаков, Н.Ф. Корф, В.Я. Стоюнин, К.Д. Ушинский и др.), народнических писателей (В.Г. Короленко, Успенские, Н. Златовратский и др.), этнографов-любителей и бытописателей (А.Н. Энгельгардт) — в жизнь, нравы и самое устройство крестьянской жизни, были найдены объяснения многим явлениям, которые прежде вызывали удивление. Прояснились основы крестьянской экономики, природа крестьянской этики и религиозности. Однако неизменно труднообъяснимым оставалось непонимание грубости нравов, жестокости поступков в повседневной жизни, которые никак не соединялись с открытой или потаенной набожностью крестьянина. Религиозность — как казалось наблюдателям — никак не определяла уровень нравственных понятий и привычки поведения. «Как они нерелигиозны — в сущности! ...разве они православные, как их считают? Нисколько», — грустно резюмирует автор очерка крестьянских нравов конца 1890-х гг.¹ Потому архаически-просветительское представление о том, что даже светски-ориентированное образование может способствовать формированию в народе моральных норм и идеалов, оставалось неизменным. Значительную, хотя и не определяющую роль в этом процессе, конечно, играла личность учителя, его нравственные принципы, воспитание, отношение к детям. Однако реальная действительность мало соответствовала идеалу в первую очередь в связи с тяжелым материальным положением первых поколений специально подготовленных учителей². Так или иначе, задача нравственного воспитания детей посредством образования ставилась вполне осознанно, причем противопоставлялась семейным — далеким от образцовых — устоям

¹ Семенова-Тян-Шанская О. Указ. соч. С. 104.

² Ruane Ch. Gender, Class and the Professionalization of Russian City Teachers. 1860–1917. Pittsburgh, 1994.

народной жизни¹. «Нравственные требования, которые народная школа ставит своим ученикам, стоят в очень большом противопоставлении с житейской мудростью, практикующейся деревней. Школа проповедует честность, а мужик берет своего сына ночью в чужой лес для порубки... Школа дает ученикам эстетическое наслаждение в виде чтения хорошей книги или школьного праздника, а деревня ... в праздник напивается до полного умопомрачения и заставляет детей участвовать в питье водки»², — писала сельская учительница в 1890-х гг. Исполненный сочувствия к тяжелой народной жизни педагог Бунаков, тонко подмечавший истоки многих предрассудков и стереотипов в отношении крестьян, замечал тем не менее, что «очень слабы в мужиках истинно христианские альтруистические чувствования, любовь к ближнему, доброжелательство, сострадание, благодарность и т. д. Напротив, в нем легко и скоро возбуждаются такие чувствования как зависть, мелкое себялюбие, злорадство, почти человеконенавистничество, — и не только по отношению к человеку постороннему, «не-мужику», который вообще не пользуется его расположением, ... но и к своему брату-мужику»³.

Исправление такой ситуации в деревне и правительство, и педагоги единодушно возлагали на земские школы, приписывая им облагораживающее воздействие на грубые нравы. Именно так формулировалась задача народного образования в «Положении о начальных народных училищах» 1864 г.: «Утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания»⁴. Многочисленные официальные инспекции с целью проверки результатов начального народного образования показывали — в духе установки «Положения», — «необыкновенно симпатичное влияние школы на расширение и очищение их (крестьянских — М.Л.) религиозно-нравственных понятий, на смягчение их нравов, обычаев и вообще всех отношений их семейной, товарищеской и общественной жизни, на ослабление разных

¹ Важно отметить, что моральное просвещение народа рассматривалось как более значимое, нежели политическое и интеллектуальное, еще народниками 1870-х — это было одно из типичных заблуждений русского пропагандизма: Frierson С. Op.cit P. 41–47.

² Симонович А. Указ. соч. С. 35.

³ Бунаков Н.Ф. Записки. Моя жизнь... С. 202. Подробнее об этом см. его книгу: Бунаков Н.Ф. Сельская школа и народная жизнь. СПб., 1906. Глава VI.

⁴ Миллюков П.Н. Указ. соч. С. 329.

предрассудков и суеверий...»¹. В какой степени это соответствовало действительности, судить довольно сложно — критерии таких оценок, в отличие от проверки умений и знаний, выработаны не были и потому мнения варьировались от восторженных до пессимистических. Более значимы, как представляется, суждения самих учеников.

В качестве позитивного примера можно привести слова из сочинения одного из 12-летних учеников начальной сельской школы, опубликованные Н.А. Корфом, многие годы проработавшем в Екатеринославской губернии: «Грамота человеку нужна на то, чтоб никто не обманул, и чтоб был разумней; грамоте всего научает и как молиться, всему. Грамота научает, чтоб мы не ругали отца и мать, чтоб мы не крали друг у друга, и чтоб не бились. Это научает грамота, а неграмотный, он ничего не знает, ничего, оттого он и ругается, и ворует, и бьется»². В этом фрагменте стоит обратить внимание на моральные нормы, которые задаются по мере обучения грамоте, но в особенности важны слова «как молиться». Речь в данном случае не идет о словах молитвы, которые были известны детям, конечно, не только и не столько из школы, а о понимании смысла, который, по мнению многих, редко мог быть объяснен крестьянами. «Разумение» и «толкование» прочитанных текстов, молитв, а также документов и т.п. переводило отношение к слову — и устному, и письменному — в иную плоскость. Писанное Слово как активный участник и средство ритуала, обряда, слово как знак уступает место использованию слова как средства прочитывания информации разного уровня и степени сакральности; на первый план выходит его содержание и значение, а не символика или магический эффект самого акта произнесения³.

¹ *Красев А.* Что дает крестьянину начальная народная школа? По материалам, собранным в 1885 г. в одном из уездов С-кой губернии // *Русская мысль*. 1887. Год 8. Январь (49–72) — февраль (106–129). Февраль. Отдел второй. С. 121.

² *Корф Н.А.* Быт крестьянина, каким он отражается в письменных упражнениях учеников сельских школ // *Корф Н.А.* Наше школьное дело. Сборник статей по училищеведению. М., 1873. С. 10. О благотворном влиянии школы на нравы деревни в целом см. также: *Бунаков Н.Ф.* Сельская школа и народная жизнь. СПб., 1906. Глава X.

³ *Лотман Ю.М.* Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры XI–XIX вв.; он же. Проблема «обучения культуре» как типологическая характеристика // *Лотман Ю.М.* Семиосфера. С. 417–425.

Методы обучения и их последствия

Крестьяне хорошо понимали разницу между церковно-приходской и народной (земской) школами, но дело было не в уроках Закона Божьего (они были в обеих школах), а в характере и содержании текстов, на которых учились грамоте. Проблема заключалась также в языке учебных материалов, на которых учились чтению до реформы образования и после нее. И методика обучения использовалась разная. Прежняя, в домашних и в церковно-приходских школах грамотности, состояла в зазубривании букв, слогов и даже слов, в ее основе лежало механистическое запоминание (обучение читать «по складам»)¹. Очень часто слова «учись» и «зубри» использовались родителями как синонимы. В новых школах использовался звуковой способ обучения (фонетический метод), который вступал с ним в противоречие. В этом — причина многих недоразумений в первые месяцы обучения. Дети, начавшие осваивать грамоту до школы «по складам», не могли узнать выученную букву, если пересаживались на другое место; не могли ответить на самые простые вопросы, заявляя, что «они этого не учили»². «Я спрашиваю — писал Корф, — для чего нужен грифель в школе? Что же отвечает? «Я этого не учил»... Еще пример: на доске составлено слово «курка», которое прочитано вслух ученикам; вызывается другой ученик, и, пока он выбирается из-за скамьи, слово «курка» заменяется словом «доска»; ученик, водя пальцем по слову «доска», нараспев читает «курка»...»³. Это интерпретировалось некоторыми современниками как доказательство неумения мыслить или слабых умственных способностей крестьянина. Корф одним из первых объяснил «странное» поведение детей прежними традициями обучения грамоте. Следствием его было то, что крестьяне были уверены, что для достижения умения читать «необходимо выучивать книгу за книгой, и что той книги, которую человек не учил, он и не

¹ Успенский Б.А. Старинная система чтения по складам // Успенский Б.А. Избр. труды в 3-х тт. Т. 3. М., 1997. С. 246–288.

² Корф Н.А. Русская начальная школа. Руководство для учителей. СПб., 1871. С. 70.

³ Там же. С. 70–71.

прочитает». Часто в конце обучения спрашивали: «Неужто ж теперь я в каждой книге могу прочесть?»¹.

Педагоги часто сталкивались с недоверчивым отношением родителей крестьянских детей к возможности научить детей читать (речь шла о самих принципах чтения) за год так, чтобы они смогли прочесть любые книги, в том числе и на церковнославянском языке. Об этом много писали К.Д. Ушинский, Н.Ф. Бунаков и Н.А. Корф, доказывая, что необходимо сначала учить детей по русской азбуке, а потом, обучив основам звукового способа, возможно легко перейти к чтению религиозной литературы².

Фонетический способ обучения чтению требовал от ученика творческого, осмысленного участия в процессе, а также совершенно иной техники запоминания и способа восприятия визуальной информации. Кроме того, в процессе овладения грамотой ребенок или взрослый получал целый комплекс различных умений и навыков, непосредственно с грамотностью не связанный: начиная с того, что в качестве текстов для чтения использовались произведения классической русской литературы и фольклора, и заканчивая самим процессом поэтапного усложнения материала³. В течение трех лет изучались основы грамматики, лексики, давались начальные знания географии, истории, краеведения, биологии и т. д. Этому же способствовали и методы наглядного обучения, выработка и совершенствование которых стало одним

¹ *Калмыкова А.М.* Из дневника учительницы воскресной школы. СПб., 1894. С. 9, *Корф Н.А.* Русская начальная школа. С. 70. Аналогичные примеры см. в воспоминаниях Н.Ф. Бунакова и П. Засодимского (*Засодимский П.* Из воспоминаний сельского учителя), у Н.А. Корфа в «Русской начальной школе» и др.

² *Корф Н.А.* Русская начальная школа. Руководство для учителей. СПб., 1871; *он же.* Наши педагогические вопросы. М., 1892; *Бунаков Н.Ф.* Родной язык, как предмет обучения в начальной школе с трехгодичным курсом. СПб., 1872; *он же.* Школьное дело. СПб., 1906; *он же.* Сельская школа и народная жизнь. Наблюдения и заметки сельского учителя. СПб., 1906.

³ Все эти принципы положены в основу учебных пособий, хрестоматий и текстов для чтения. Наиболее яркий пример — «Хрестоматия для чтения» и «Родное слово» К.Д. Ушинского.

из центральных вопросов русской педагогики последней трети века¹. Наиболее важной особенностью русской педагогической школы этого периода было стремление привить детям начала логического мышления. Главным инструментом в этом процессе служила сама организация учебного процесса, форма изложения материала, требования к ответам ученика. Однако, помимо этого, необходимо учитывать также методы непосредственного обучения логике, с элементами классификации и дефиниции, различением аналитических и синтетических операций и с непременным использованием сравнения для любых видов описания и передачи нового. Другими словами, программа-максимум русской начальной школы виделась не только в обучении чтению и письму, а в том, чтобы сделать грамотность средством получения и осмысления новой информации. Грамота в этом случае становилась базисом (азбукой) нового языка культуры, который должны были освоить крестьянские дети.

Основные отличительные признаки нового языка от «народного» можно выявить из материалов типичных для второй половины 1880-х отчетов о проверке знаний бывших учеников начальных школ, окончивших курс ранее. «Влияние школьное сказалось прежде всего в том, — отмечает один из членов комиссии, проверявшей в 1887 году уровень знаний выпускников 1875 года в С-кой (вероятнее всего Самарская или Саратовская губернии) — что учившиеся обнаружили знакомство с кругом предметов, совершенно неизвестных обыкновенной крестьянской среде, к которой по происхождению и по жизни принадлежат, за весьма немногими исключениями, окончившие курс учения в нашей школе; им доступны отчасти представления о предметах отвлеченного характера, совершенно чуждых крестьянству; заметно более или менее сознательное отношение к явлениям окружающей их жизни и природы; если у них и нет своего цельного мировоззрения, то видно, по крайней мере, что они не разделяют предрассудков и суеверий, которыми довольствуется народная масса; наконец, в способе изложения выражений ими своих мыслей, прочитанного или выслушанного ими из книг, несомненно сказывается влияние школы: пере-

¹ Подробнее об этом см.: *Лескинен М.В.* «Отечество» и «Родина» в российских учебниках географии последней трети XIX в. Конструирование территориальной идентичности // *Культура сквозь призму идентичности* (в печати).

давать и выражаться так они не могли бы, если бы не приобрели себе навыка в том при обучении в школе»¹.

Первостепенное значение, как видим, уделяется «кругу предметов, неизвестных крестьянской среде» — неясно сформулированная, но важная черта, свидетельствующая о расширении кругозора и информационного поля. Одним из критериев служит знакомство с «отвлеченными понятиями» — так описывается умение производить вычисления в уме и способность рассуждать об абстрактных понятиях — т. е. о том, с чем человек не сталкивался на собственном опыте. «Сознательное отношение к жизни и природе» подразумевает, вероятнее всего, собственный взгляд на явления окружающей действительности, и «способ изложения» указывает на умение излагать своими словами и понимать («толковать») полученную информацию. Такие позитивно оцениваемые результаты обучения связаны в первую очередь с освоением иных, некрестьянских (несколько раз подчеркивается наблюдателем) способов восприятия, понимания и степени усвоения новой информации, а также возможности ее передачи средствами нового языка (письменно в том числе).

Новая грамотность, таким образом, имела принципиально иную природу, ее функции и возможности вступали в явное противоречие с прежними принципами обучения. Новое начальное образование стимулировало социальную мобильность, расширяла вариативные возможности и формы жизненной практики.

Позже, когда история народной школы насчитывала уже не один год, — в конце 1880-х, — отношение к грамоте в крестьянской среде изменилось. Побеждает практическая польза умения читать. Н.Ф. Бунаков пишет: «Вот какие речи слышатся в народе: «Доведи ты мне парня до дела, чтобы он разбирал и книжку, и бумагу там всякую, письмо ли, условие ли какое, с понятием прочитал бы мне да и растолковал, умел бы и сам написать по-настоящему, мог бы и старосту, и сборщика учесть, и всякий счет мне сделать, и в церкви божьей все бы понимал и сам бы умел и почитать, и попеть на церковной службе, да не по-дьячковски, а по-настоящему, чтобы и понятно, и любо было послушать, еще научился бы жить по-божьему, да и нас

¹ Красев А. Что дает крестьянину начальная народная школа? // Русская мысль. 1887. Год 8. Февраль. С. 112.

научил бы, темных людей»¹. Знание грамоты позволяло расширить возможности заработка, но и само по себе умение понимать и разъяснять прочитанное, активная позиция стали важными преимуществами грамотея. В сущности, речь шла о способности воспринимать разнородную информацию и интерпретировать ее. Иными словами, грамотный человек становился переводчиком с одного языка культуры на другой, — такой перевод являлся главным умением для успешной социализации в модерне.

От чтения к пониманию. Письменная и бесписьменная культуры

Однако грамотные, но необразованные крестьяне понимали написанный текст по-своему². Энтузиасты-учителя, подробно записывавшие беседы с читателями из народа о прочитанном, часто с недоумением констатировали, что те «прочитывают» какие-то совсем иные книги³. Именно это повлекло за собой необходимость создания

¹ Бунаков Н.Ф. Родной язык как предмет обучения в начальной школе с трехгодичным курсом // *Он же*. Избранные педагогические сочинения. М., 1953. С. 48.

² Механизм такого переосмысления хорошо изучен этнографами и социологами культуры. Наделение незнакомых слов привычными значениями отмечалось также в эпоху активного обновления лексического состава языка, в частности, в послереволюционные десятилетия. См.: *Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи. Голоса из хора. М., ИФРАН, 1996.

³ Эти особенности восприятия письменного текста едва научившимися читать представителями народа обратили на себя серьезное внимание современной общественности. Так, серьезная и многолетняя дискуссия была вызвана публикацией труда под руководством Х.Д. Алчевской «Что читать народу?», в котором были структурированы записанные учительницами высказывания, мнения, комментарии учеников воскресных и сельских школ о прочитанном самостоятельно и вслух: *Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения. Составлен учительницами харьковской частной женской воскресной школы: Х.Д. Алчевской, Е.Д. Гордеевой, А.П. Грищенко, З.И. Дашкевич и др.* Т. 1–3. СПб., 1888–90. Об этом см. также: *Калмыкова А.М.* Из дневника учительницы воскресной школы. СПб., 1894. Обсуждение круга чтения и особенностей восприятия письменного текста см.: *Рубакин Н.А.* Опыт программы исследования литературы для народа. М., 1889; *он же.* Этюды о русской читающей публи-

специальной «литературы для народа» — адаптированных произведений для людей грамотных, но не очень образованных, а также выявления тех произведений классической литературы и научно-популярных работ, которые могли бы быть усвоены новым поколением русских читателей.

Грамотность не могла и не оказалась панацеей от всех бед. Умеющий читать человек воспринимал письменные светские тексты в привычных для себя категориях бесписьменной культуры — традиционного общества¹. Несмотря на то, что чтение как особый тип получения

ке. М., 1895, *Пругавин А.С.* Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения. М., 1896; *Водовозов В.И.* Что читать народу? // *Он же.* Избранные педагогические сочинения. М., 1986. В качестве одного из наиболее значимых примеров анализа проблемы восприятия письменного текста малограмотными читателями можно назвать статьи С.В.Оболенской: *Оболенская С.В.* Народное чтение и народный читатель в России в конце XIX в. // *Одиссей.* 1997. М., 1998. С. 204–232; *она же.* Солдаты читают Л.Н.Толстого // *Одиссей.* 2001. М., 2001. С. 287–310; *она же.* Крестьянские читатели и интеллигентные «просветители» в России. Библиографию исследований о чтении и новом читателе в России см.: *Рейтблат А.* От Бовы к Бальмонту. М., 1991. С. 200–214.

¹ Важно отметить, что современные «крестьяноведческие» исследования народного образования убедительно доказывают, что в период модернизации (XIX в.) овладение грамотой не приводило и не могло привести к стремительным сдвигам в крестьянском сообществе и менталитете — оно вырабатывало определенные формы адаптации к внешним воздействиям. (Многочисленные констатации современниками катастрофических или, напротив, благотворных последствий образования (трактуемых позитивно или негативно в зависимости от убеждений) для деревни и народной нравственности уже к концу века страдали явной тенденциозностью. В первые десятилетия после реформ говорить о серьезных социальных сдвигах именно благодаря школе, видимо, рано. Как показала в своей работе о польском крестьянстве М.А.Крисань, «грамота расширяла границы крестьянского сознания, однако она не привела на рубеже XIX–XX вв. к разрушению традиционной культуры, а дала возможность для развития ее элементов на новом уровне...Передовую часть крестьянства, а именно читателей народных газет, привлекала прежде всего та информация, которая предлагалась в рамках устоявшейся формы лоточной литературы» (*Крисань М.А.* Цивилизационные изменения рубежа XIX–XX вв. в восприятии крестьян Царства Польского. Автореферат дисс. на соиск.уч. степ. к.и.н. М., 2004. С. 16). Следует также учитывать профессиональные традиции отношения к грамоте и чтению (очевидно, что

информации требует иных навыков ее восприятия и опыта освоения¹, неверно было бы жестко разделять культуры по этому критерию². Однако многим российским интеллигентам-просветителям присуща была европоцентристская вера в свое интеллектуальное превосходство. Как заметил психолог Дж. Миллер, «каждая культура имеет свои мифы. Один из мифов нашей культуры — что «бесписьменные» народы демонстрируют нечто, что мы любим называть «примитивным мышлением» (поскольку оно отличается от нашего и поэтому «уступает» нашему собственному). Этот стереотип часто распространяется и на этнические меньшинства, живущие на Западе»³. В данном случае мы имеем дело с российским вариантом переноса такого восприятия на неграмотную (с «просветительской» точки зрения) крестьянскую массу. Еще раз отмечу, что «свой» народ стал восприниматься в категориях «чужого», находящегося на более низкой ступени развития.

Различие между письменной и бесписьменной культурами, как известно, вызвано не наличием или отсутствием письменности и не степенью владения ее техникой, а разницей в механизмах функционирования этих типов культуры, определяющих формы памяти (сохранения

мусульманские или протестантские модели отличны), однако можно полагать, что качественные сдвиги в мировоззрении, и главное, в социальном поведении, в большей степени зависят от форм и методов осознанной программы модернизации, предлагаемой элитой. Особенности такого процесса — второй «волны» модернизации в России 1920–30 гг. — на примере русского крестьянства показаны в работах Козловой Н.Н. (*Козлова Н.Н. Голоса из хора...; она же. Советские люди. Сцены из истории. М., Европа, 2005*).

¹ *Goody J. The interface between the written and the oral. Cambridge, 1987. P. 141–164.*

² *Толстая С.М. Устный текст в языке и культуре // Ethnoligwistyka. № 5. Dublin, 1992. S. 27–30. 1989; Неклюдов С.Ю. Традиции устной и книжной культуры: соотношение и типология // Славянские этюды. С. 289–297; Бартминьский Е. Оппозиция «устный» — «письменный» и современный фольклор // Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., Индрик, 2005. Характерным примером подобного упрощения и как следствие некорректной интерпретации традиционной культуры является статья В.А.Шкурадова: *Шкурадов В.А. Глеб Иванович и Иван Ермолаевич: дописьменная ментальность в зеркале письменного сознания // Вестник РГУ. 1996. № 1.**

³ Цит по: *Коул М., Скрибнер М. Культура и мышление. М., 1977. С. 116.*

информации) и сознания их носителей¹. Естественно, что обучение грамоте не могло сразу и кардинально изменить мышление и мировоззрение человека традиционной культуры, хотя именно к этому и стремились деятели народного просвещения. В исследованиях, посвященных обучению грамоте человека традиционного общества, обращается внимание на зависимость результатов обучения от многих факторов. В частности, важно то, как в конкретной культуре оцениваются знания, полученные в школе, созданной «сверху», т. е. «извне»². Прежде чем говорить о качестве такого образования, необходимо также ввести различие понятий *learning to read* и *learning from reading* — «учиться читать» и «учиться благодаря чтению»³. Люди, оценивавшие уровень грамотности, не всегда разграничивали степень владения новым языком и те навыки, которые позволяли ему стать средством получения новой информации. Восприятие письменных текстов (на слух или прочитанных самостоятельно) не всегда приводило к ожидаемому педагогами усвоению. Это создавало, таким образом, сложности для обоих участников диалога даже на следующей за начальным обучением стадии.

Открытие «другого русского»

Как свидетельствуют многочисленные источники, на пути образования педагогов-просветителей ждали неожиданные сложности другого свойства. Крестьяне (и дети, и взрослые), как оказалось, нуждались в принципиально новых, отличавшихся от предлагаемых вначале, средствах и методах обучения, нежели те, которые длительно использовались и оправдали себя в европейском начальном образовании.

Характерной особенностью не только крестьянского, но и традиционного сознания в целом (хорошо изученного этнографами) является иное, отличное от привычного для нас, восприятие визуальной ин-

¹ *Лотман Ю.М.* Альтернативный вариант: бесписьменная культура или культура до культуры? // *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1999. С. 344–365.

² *Eklof B.* Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture and Popular Pedagogy. 1861–1914. Berkeley, 1986; *Scribner M., Cole M.* The Psychology of Literacy. Cambridge, 1981; *Tolz V.* Russia. Reader in Russian History. Salford, Oxford, NY, 2001.

³ *Eklof B.* Op.cit. P. 390.

формации. В чем это проявляется? Многие дети и взрослые, которые были неграмотны или едва научились читать, не могли определить, что изображено на фотографии; не узнавали на них знакомых людей и предметы, а также самих себя. Некоторые не воспринимали своего отражения в зеркале. Часто затруднялись идентифицировать содержание картины — например, природные явления в пейзаже; различали только три основных цвета и путали другие. Яркий и характерный пример приведен в воспоминаниях преподававшей в воскресной школе для фабричных работниц в Москве Е.А. Андреевой-Бальмонт: «Когда мы показывали ученицам картину в волшебном фонаре, ни одна не могла сказать без помощи учительницы, что она изображает. Они еле-еле различали на ней человеческую фигуру... Большинство наших учениц не различали оттенки красок, они знали только название черной, белой, красной и синей — и все.... Когда я рассказала об этом в нашем кружке, оказалось, что многие учительницы знали о таких случаях из своего опыта»¹. Крестьянские дети, как отмечали учителя, совершенно не владели основными навыками абстрактного мышления, не могли объяснить соотношение и масштабы предметов. Однако при этом проявляли необыкновенную сообразительность и точность, когда все эти действия оказывались необходимы для конкретных расчетов: объема работы, размера оплаты, раздела имущества и земли и т. д.². Иначе говоря, в процессе практической деятельности они использовали такие способы и приемы рассуждения и мышления, которые основывались на ином типе логических взаимосвязей. Все, что так или иначе было связано с хозяйством и собственностью, имело первостепенное значение.

Особенности восприятия формы, цвета и пространственной протяженности, довольно часто отмечаются в наблюдениях этнографов, исследовавших различные бесписьменные культуры. В настоящее время хорошо известно, что «причины подобных трудностей идентификации связаны, отчасти, с условным приемом перспективы на картинах, который хорошо знаком представителям западных культур и может быть совершенно неизвестным для людей, не имевших дело с искусственны-

¹ Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания. М., 1997. С. 231–232. Аналогичные примеры приводятся в работах Н.А. Корфа, Н. Эртеля и многих других.

² Энгельгардт А.Н. Письмо пятое // Энгельгардт А.Н. Там же. С. 270–272.

ми изображениями»¹. А вот наличие или отсутствие определенных навыков, (которые образованными в европейском духе педагогами квалифицировались как признаки интеллекта), как известно сегодня, целиком зависит от культуры и среды обитания, формирующей конкретного индивида². Однако образованные современники, столкнувшись с проявлениями иной культуры в таком виде, решительно стремились бороться с «ограниченностью» мышления и восприятия средствами новой преподавательской методики, которую решено было применять с первых школьных лет.

Медиатор-посредник

Таким образом, взаимодействие просветителей народа и крестьянства привело к деидеализации и даже демонизации последнего потому, что недооценена была степень различия двух культур, миров и типов мышления. Язык общения — русский — казался главным залогом успешной коммуникации, но не это определяло качество диалога. Даже доброжелательное или уважительное отношение сторон (оптимальный вариант!) не могло разрушить многовековых предубеждений — поскольку социальная практика диктует нормы поведения. Однако задача просвещения народа требовала осуществления коммуникации, которая могла быть успешной только в том случае, если одна из сторон попытается овладеть языком другой и создать основы соответствующего «перевода». Эту ношу приняли на себя в первую очередь учителя, писатели и ученые, начавшие комплексное изучение собственного народа как «чужого». Символическим можно считать название издательства «Посредник», роль которого в культурной коммуникации разных слоев российского общества была, возможно, и не очень успешна в исполнении, но чрезвычайно важна по намерениям. В 1890-е гг. возник и особый тип посредников («переводчиков») — народная интеллигенция. Она формируется и активно пополняется

¹ Коул М., Скрибнер М. Культура и мышление. М., 1977. С. 96. О кодировании и категоризации цветов в культурах см.: Berlin B., Kay P. Basic color terms: Their universality and evolution. Berkeley, 1969; Вержбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997. С. 231–290.

² Лебедева Н. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999. С. 66–94.

теми, кто получил образование в начальных и средних школах нового типа. Д.Н. Овсяннико-Куликовский считал, что диалог между «верхами» и «низами» общества возможен лишь на основе межличностных контактов: «Взаимное понимание может установиться только между личностью и личностью, между интеллигенцией и интеллигенцией, но отнюдь не между личностью и интеллигенцией с одной стороны, и “сплошную” массой с другой»¹. Это, по его мнению, возможно лишь в том случае, когда появится поколение выходцев из народа, которые смогут говорить с интеллигенции на ее языке, которому, в свою очередь, их обучит школа. «Возникновение новой народной интеллигенции, вербуемой из лиц, прошедших элементарную школу и развивавшихся на популярной литературе, а не на старинной народной “мудрости” или “житиях святых”», — по его мнению, можно отнести к 90-м гг. Именно в этом он видел главную культурную задачу народной школы: «...и школа, и общества грамотности, и литература свое дело сделали. ... Не будь школы и книжки, эта «своя» интеллигенция вылилась бы в старые формы. Теперь она формируется не по старой традиции, а по образу и подобию интеллигентных образованных классов (выделено мной — М.Л.), и отныне общение между этими классами и народом будет идти вперед»². Как видим, единственно результативным представляется процесс отказа от традиционного языка культуры и приобщения к новой культуре мышления и воззрений, — той, которая предложена «просветителями». Фигура *посредника* вообще была знаковой для сельской жизни (мировой посредник). Как печально отмечал тот же Энгельгардт, хотя ни крестьяне, ни он сам, ни другие помещики не видели ничего полезного в его деятельности, отказаться от него все же не могли: «Посредник — все. И школы, и уничтожение кабаков, и пожертвования, все это от посредника»³.

Еще одним способом налаживания диалога стала литература для народа, призванная создавать адаптированные тексты для облегченного восприятия. 1880–90-е гг. ознаменованы были поистине титаническими усилиями образованного сообщества в создании концепции

¹ Овсяннико-Куликовский Д.Н. История русской интеллигенции Ч. 2. От 1850-х до 1880-х гг. // Овсяннико-Куликовский Д.Н. Собр. соч. в 9-ти тт. Т. 8. СПб., 1909. С. 164.

² Там же. С. 165.

³ Энгельгардт А.Н. Письмо четвертое // Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 184.

нового адресата, нового читателя, и, в сущности, нового человека. Так школа породила литературу для народа, ставшую еще одним инструментом российской модернизации.

И новая народная интеллигенция, и литература для народа выражали те способы налаживания межкультурной коммуникации, которая на начальном этапе не могла быть успешной — был создан посредник, переводчик с одного языка культуры на другой. Он не стал, как мечталось многим, творением *по образу и подобию интеллигентных образованных классов*, он, как известно сегодня, создал совершенно особую социокультурную группу, психологию и механизм функционирования которой предстоит изучить. Ее самобытность, с одной стороны, и типичность, с другой, во многом определяли формы не только межкультурного диалога в рамках русской культуры, но и нормы и стереотипы межэтнических отношений, а позже — массовой культуры. Она отчасти, уже в XX веке, воплотилась в типе «человека советского», оказала серьезное влияние на формирование советской идеологии и практики¹.

¹ Козлова Н.Н. Советские люди.

Е.В. Яковкина

**РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРЕССЫ
В ПРОЦЕССЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ КРЕСТЬЯНСТВА
ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.**

XIX-е столетие стало во всемирно-историческом процессе периодом «великого перехода», ознаменовавшего появление нового — индустриального — типа общества. Процесс его становления описывается на сегодняшний день, прежде всего, в рамках теории модернизации, являющейся одной из наиболее популярных в современной исторической и социологической науке макрообъяснительных моделей. Более того, можно с уверенностью утверждать, что междисциплинарный подход к объяснению и обоснованию общественного развития, попытка объединить в данном направлении усилия представителей самых разных наук — историков, экономистов, социологов, этнологов, политологов, социальных психологов — сделали теорию модернизации весьма влиятельным направлением общественно-теоретической мысли XX в.

Пожалуй, отличительной чертой модернизационной парадигмы является отсутствие единой точки зрения ученых на смысл и диапазон применения понятия модернизация. Объединяющим фактором в этом отношении выступает стремление трактовать всемирно-исторический процесс как закономерный переход от традиционных обществ к современному и далее к эпохе постсовременности. Считается, что данный переход влечет за собой развитие передовой индустриальной технологии и политических, социальных, культурных механизмов, соответствующих поддержке, регулированию и использованию этой технологии. При этом подчеркивается, что модернизация оказывает

воздействие на каждый социальный институт, каждую группу населения, ощущается всеми слоями общества¹.

Модернизационная парадигма (теория, или точнее, — теории модернизации), сформулированная в 1950-е годы в западном (прежде всего, американском) обществоведении в качестве способа интерпретации процессов, происходивших в «третьем мире», прошла длительный путь развития: от «линейных» (по западному образцу) моделей 1950–60-х годов и концепций «парциальной» (частичной) модернизации 1970–80-х годов к современным неомодернизационным и постмодернизационным студиям конца XX столетия.

В 1990-е годы модернизационные изменения все чаще начинают анализироваться с позиций социокультурного подхода. В его рамках процесс развития объясняется через действие внутренних факторов, таких, как культурные ценности и социальные институты, признается, что любые социальные действия имеют социокультурный подтекст и, как следствие, модернизация каждой из сфер общественной жизни сопровождается (или предваряется) определенными трансформациями на социокультурном уровне². В связи с этим были поставлены воп-

¹ См.: *Побережников И.В.* Теория модернизации: основные этапы эволюции // Проблемы истории России. Вып. 4. Екатеринбург, 2001. С. 217–218; *Орлова Э.В.* Социокультурная морфология модернизации. Суть модернизации в советском обществе // Социодинамика культур. Вып. 2. М., 1993. С. 27; *Белик А.А., Резник Ю.М.* Социокультурная антропология (историко-теоретическое введение). М., 1998. С. 214; *Модернизация: зарубежный опыт и Россия.* М., 1994. С. 214; *От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с XVв. до 1980-х гг.* Пер. с голланд. М., 1998. С. 5.

² Еще в 1950–60-е годы, несмотря на присущий теориям модернизации универсализм, некоторые исследователи отмечали важную роль социокультурных факторов преобразований. Так, например, Д.Лернер отмечал, что «проблема стимулирования производительности, с чем соглашаются многие экономисты и другие профессиональные исследователи, в основе своей является «психологической». См.: *Модернизация: зарубежный опыт и Россия.* С. 8. В 1980-е гг. известный американский специалист по теории модернизации М. Нэш писал: «Признается, что проблема развития, помимо всего прочего, это проблема выбора ценностей. Типично в этом смысле звучат современные, более широкие по значению, культурологизированные формулировки процесса модернизации...» См.: *Старостин Б.С.* Проблема модернизации: история и современность // *Модернизация и национальная культура.* М., 1995. С. 14.

росы о социальных стабилизаторах и механизмах сплочения общества взамен традиционных, значительное внимание начало уделяться социально-политическим механизмам модернизации, роли государства, политических институтов и лидеров в осуществлении преобразований. Одновременно внимание исследователей привлекла и проблема социального субъекта обновления, «агентов» модернизации, т. е. социальных групп, заинтересованных в модернизации и способных ее возглавить¹.

Установка на социокультурный анализ в модернизационных исследованиях привела к смещению исследовательских приоритетов в сторону индивида, личности, позволила обратиться к исследованию ценностей, установок, верований, убеждений, превалирующих среди членов общества, и их влиянию на функционирование социально-экономических и политических институтов. В этот период получил широкое распространение тезис о том, что модернизация неотделима от культуры «модернити» со свойственными ей рационализацией всех общественных и межличностных отношений, идеями личной свободы и индивидуализма, готовностью и стремлением к постоянным переменам (как в образе жизни, так и в социально-экономических и правовых институтах), деятельностью «экономического человека» (или «нововременного типа личности»), типологическими чертами которого признавались высокая социальная активность, чувство личной ответственности, самодисциплина, рациональное мышление². Предпринимались активные попытки построить аналитическую модель «современной личности»³. Было признано, что ментальные модели, обуславливающие поступки индивидов, являются главным инструментом перемен. Учеными подчеркивалось, что хотя модернизация и культура «модернити» — результат, продукт развития западной цивилизации, модернизация, даже если она проводится не «по-западному», не может совсем обойтись без «модернити». При этом подчеркивалось, что ход модернизации был связан с тем, как и насколько общество усваивало культуру «модернити»⁴.

¹ См.: Модернизация: зарубежный опыт и Россия. С. 10.

² См.: *Проскурякова И.А.* Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 163.

³ См.: *Штомпка П.* Социология социальных изменений. Пер. с англ. М., 1996. С. 175.

⁴ См.: Модернизация: зарубежный опыт и Россия. С. 25.

Таким образом, можно констатировать, что общим местом в современных концепциях модернизации, несмотря на сохраняющийся разнородный состав и содержание, является тезис, согласно которому в процессе перехода от аграрного, традиционного к индустриальному, современному обществу изменяются не только политические, экономические, социальные институты, но, прежде всего, сам человек: «современным становится как общество, так и человек»¹. Не случайно некоторые ученые полагают, что более корректной оппозицией традиционному обществу является не общество индустриальное, а общество гражданское, ибо в этом случае видообразующим основанием выступает преобладающий тип личности и социальных связей: аграрное или традиционное общество предстает как общество системоцентристской ориентации, в котором ценности и ориентации социума доминируют над индивидом, в гражданском же обществе обнаруживается персонцентристская ориентация с доминированием ценностей индивидуальной свободы².

Во время как сама парадигматика современного обществоведения ориентирована на проблемы человека и культуры, взаимодействия социальных, культурных, культурно-антропологических аспектов, приоритетное внимание и в современных модернизационных теориях уделяется проблемам культуры (как совокупности ценностей, установок, верований, ориентаций, убеждений, преобладающих в том или ином обществе), ее влиянию в ряду прочих детерминант социального процесса и проблеме перестройки социально-психологических механизмов социальной ориентации и регуляции индивида в процессе перехода от аграрного к индустриальному обществу. В основе подобных позиций находится признание важности социокультурных факторов в процессе модернизационных преобразований. Более того, модернизация в этом случае предстает и как процесс формирования, и как результат деятельности нового типа личности — «*homo oeso-*

¹ См.: Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995. С. 136; Федотова В.Г. Плюсы и минусы модели «догоняющей» модернизации // Модернизация и национальная культура. С. 65.

² См.: Гаман О.В. Модернизация и культурная традиция // Модернизация и национальная культура. С. 90; Кузьмин М.Н. Переход от традиционного общества к гражданскому: изменение человека // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 60–68.

poticus» — со свойственной ему системой ценностей и стереотипов поведения.

Оценка модернизации прежде всего как сложного и противоречивого социокультурного процесса характерна для периода т. н. неомодернизационных исследований 1990-х годов. Однако подобный подход мы можем обнаружить гораздо раньше, обратившись к социологическому наследию начала XX столетия. Ведь само появление современной социальной теории во многом связано именно с проблемами модернизации, что отмечали многие известные социологи¹. Одним из ярких тому подтверждений является знаменитая работа Ф. Знанецкого и В. Томаса «Польский крестьянин в Европе и Америке», изданная в 1918–1921 гг. в США и ставшая первым исследованием процесса трансформации социокультурной организации аграрного общества в процессе модернизации на примере польского крестьянства конца XIX — начала XX в.²

«Польский крестьянин...» стал результатом исследовательского проекта, инициированного американским социологом В.И. Томасом. Первоначально цель данного проекта заключалась в освещении проблем, связанных с процессом социальной адаптации иммигрантов, прибывших в США из Восточной Европы. Собирая материал, Томас в течение нескольких лет активно путешествовал по странам Восточной Европы³. В 1914 г. американский социолог прибыл в Варшаву, где познакомился с Ф. Знанецким, в то время еще не известным мировому научному сообществу польским философом. Ф. Знанецкий занимал

¹ Например, Ю. Хабермас отмечал, что «тема социологии — изменения социальной интеграции, которые в строении старых европейских обществ были вызваны возникновением современной системы государств и вычленением хозяйственной системы, регулируемой рынком. Социология становится наукой кризисов по преимуществу, занимающейся, прежде всего, аномийными аспектами распада традиционных и образования современных общественных систем». А по мнению Э. Гидденса, «социология начинается с попыток понять первоначальное влияние изменений, сопутствовавших индустриализации на Западе». См.: *Белик А.А., Резник Ю.М.* Указ. соч. С. 214.

² В данной статье цитируется второе издание этой работы: *Thomas W., Znaniecki F.* *The Polish Peasant in Europe and America.* Sec. ed. V. I, II. N.Y., 1927.

³ См.: *Coser L.A.* *Masters of Sociological Thought. Ideas in Historical and Social Context.* N.Y., Chicago, San Francisco, 1971. P. 533–534.

в этот период пост директора варшавского отделения Общества помощи польским эмигрантам, являлся редактором журнала «Wychodźca Polski» («Польский переселенец») и автором ряда статей, посвященных проблемам экономической миграции польского крестьянства и жизни иммигрантов крестьянского происхождения за рубежом¹. Позже Знанецкий так описывал свое знакомство с американским социологом: «Впервые я встретил Томаса в 1914г. в Варшаве, когда он посетил меня в офисе Общества помощи эмигрантам. Он рассказал мне, что намеревается собрать конкретный фактический материал, касающийся традиций различных иммигрантских групп, проживавших в США и приехавших из Центральной и Восточной Европы — поляков, русских, румын, чехов, венгров, евреев. Учитывая, что большинство этих иммигрантов по своему социальному происхождению принадлежало к крестьянству или низшим городским слоям, ему, прежде всего, были необходимы данные об этих социальных слоях, особенно о крестьянстве с его традиционной культурой и особым типом социальной организации. Он посетил некоторых представителей польской интеллигенции, которые имели непосредственные связи с крестьянством или занимались его исследованием: глав сельскохозяйственных ассоциаций, редакторов газет, экономистов, этнологов. Он собрал обширное количество опубликованных материалов и некоторые монографии. Я также предоставил ему некоторые неопубликованные материалы, которые собрал в процессе моих исследований по проблеме эмиграции. К концу своего путешествия по Европе, Томас имел о поляках самое большое, по сравнению с другими этническими группами, количество данных»². Возможно именно по этой причине, а также

¹ См.: *Znanecki F.* Statystyka wchodźstwa // *Wychodźca Polski*. 1911. Z. 1–2. S. 14–18; *Wstrzymanie kolonizacji brazylijskiej* // *Ibid.* 1911. Z. 3. S. 1–4; *Wychodźstwo i położenie ludności wiejskiej, zarobkującej w Królestwie Polskiem* // *Ibid.* 1911. Z.3. S. 9–16; *Sprawa wychodźstwa sezonowego* // *Ibid.* 1912. Z.4. S. 1–3; *Czytelnie polski na emigracji* // *Ibid.* 1912. Z.4. S. 14–16; *Piśmiennictwo polskie na emigracji* // *Ibid.* 1912. Z.6. S. 1–3; *Obostrzenie praw imigracyjnych w Stanach Zjednoczonych Ameryki Północnej* // *Ibid.* 1912. Z.8. S. 1–3; *Widoki dla wychodźców polskich w Kanadzie* // *Ibid.* 1912. Z. 11–12. S. 7–13.

² Цит. по: *Znanecki F.* William I. Thomas as a Collaborator // *Sociology and Social Research*. 1948. V. 32. № 4. P. 765.

потому, что поляки были самой многочисленной этнической группой среди иммигрантов, проживавших в Чикаго, где жил и работал Томас, американский социолог решил сосредоточить свое внимание именно на их изучении. Ф. Знанецкий был приглашен для участия в проекте.

Согласно первоначальному замыслу американского социолога, исследование жизни польских иммигрантов должно было завершиться публикацией собранного им в польских землях и США источникового материала (данных из архивов польских народных газет, крестьянских писем, материалов заседаний американских судов, в которых фигурировали иммигранты польского происхождения, документов американских общественных организаций), который мог быть полезен для использования в дальнейших исследованиях, посвященных процессу ассимиляции иммигрантов¹. Задача Ф. Знанецкого, как ассистента Томаса, должна была заключаться в переводе собранных в польских землях данных на английский язык и составлении комментариев к ним. Для завершения исследования понадобилось несколько лет. В окончательном варианте работа, получившая название «Польский крестьянин в Европе и Америке», содержала пять томов. Первый том был посвящен анализу традиционных отношений в польской деревне: устройству крестьянской семьи, институту брака, социально-экономическим отношениям в деревне, роли религии и отношения крестьянина к окружающему миру. Второй — содержал переписку между членами крестьянских семей: это были письма крестьян-эмигрантов к членам своих семей, оставшимся в Польше. Третий том составил дневник польского эмигранта В.Вишневого, выходца из низших слоев польского общества и проживавшего в Америке. Четвертый — был посвящен анализу реорганизационных процессов, имевших место в польском крестьянском сообществе на рубеже XIX–XX столетий: трансформации традиционных семейных отношений и распаду крестьянской семьи, появлению новых тенденций в экономике и общественной жизни. Наконец, в пятом томе анализировалась жизнь польских крестьян-эмигрантов в США.

Следует подчеркнуть, что в процессе работы Ф. Знанецкий выступил не только в качестве переводчика, но и сыграл выдающуюся роль в подготовке всей книги. В результате проведенных З. Дульчевским, польским биографом Ф. Знанецкого, исследований проблемы

¹ Op. cit. P. 766.

авторства «Польского крестьянина...» им были сделаны следующие выводы: 1) заслуга Томаса, несомненно, состояла в самой организации исследований, в поиске финансовых средств и помощников для их осуществления, а также в сборе большинства из представленных в работе крестьянских писем. Кроме того, Томас вносил в представленные Знанецким рукописи поправки стилистического и грамматического характера, некоторые дополнения и уточнения; 2) Знанецкий, в процессе дискуссий с Томасом, синтезировал в Методологическом введении ранние научные выводы Томаса (теория отношений, теория четырех желаний, теория социальной дезорганизации) со своей теорией ценности; 3) Знанецкий написал введение к работе, в котором дал историко-этнографическую характеристику польскому крестьянству; 4) Знанецким были написаны, в большей части или целиком, основные теоретические части работы; 4) Знанецкий окончательно отредактировал и подготовил к изданию всю работу в целом¹.

В американской историографии также были попытки адекватно оценить роль Ф.Знанецкого. Прежде всего, следует отметить выступление в 1938 г. самого В. Томаса на заседании комиссии, посвященной выходу критической работы Г. Бламера о «Польском крестьянине»². Он отмечал, что Знанецкий имел «богатый багаж знаний о крестьянстве как благодаря информации, поступавшей в Общество помощи эмигрантам, так и благодаря своим частым командировкам по польским деревням, поэтому «большая часть того, что Бламер определяет как «всесторонняя информированность, продемонстрированная в «Польском крестьянине», а также общая методологическая схема стали возможны благодаря философскому складу мышления Знанецкого и его непосредственному знакомству с жизнью крестьян»³. Г. Беккер и Х. Барнс отмечали, что «Знанецкий принимал, по меньшей мере, равное, а, возможно, и основное участие в написании знаменитого

¹ См.: *Dulczewski Z. Florian Znaniecki: życie i dzieło. Poznań, 1984; Florian Znaniecki jako współautor dzieła Chłop polski // Przegląd Polonijny. 1984. № 4 (30). Ss. 87–101; Florian Znaniecki — współtwórca dzieła pt. Chłop polski w Europie i Ameryce // Wiś Współczesna. 1978. R. 22. № 5. S. 104–106; Florian Znaniecki — współautor dzieła Chłop polski // Kultura i Społeczeństwo. 1979. T. 23. № 4. Ss. 67–78.*

² См.: *Blumer H. An Appraisal of Thomas and Znaniecki's The Polish Peasant in Europe and America. N.Y., 1939.*

³ *Op. cit. P. 105–106.*

Методологического введения, а также и многих других частей работы. Повсеместно признается, что его прекрасное знание польского языка и польской культуры должны были сыграть существенную роль в создании частей работы, касающихся знания фактического материала»¹.

Но, пожалуй, наиболее точно выразил значимость вклада Ф. Знанецкого Л. Гальяно в своем предисловии к итальянскому изданию «Польского крестьянина»: «...раздел, посвященный жизни польских крестьян, классовой системе польского общества, условиям хозяйствования, религиозным и этическим нормам, явлениям социальной дезорганизации и реорганизации в Польше и США... содержит в себе такое подробное знание местных условий, что ни один посторонний наблюдатель, даже Томас, который провел в Польше несколько месяцев, не был бы способен представить их настолько верно»². Утвердившееся в историографии мнение о принадлежности польскому ученому характеристики феномена традиционного крестьянства, а также оценки изменений, имевших место в среде польского крестьянства Царства Польского на рубеже XIX–XX в., дает возможность в дальнейшем в рамках данной статьи говорить именно о концепции Ф. Знанецкого.

Рассмотрение аналитических построений польского ученого невозможно вне исторического контекста эпохи, что делает необходимым обращение к характеристике социально-экономических и политических процессов, имевших место на территории Царства Польского в конце XIX — начале XX в.

Последняя треть XIX столетия прошла для Царства Польского под знаком начавшейся индустриализации. Огромное значение в этом процессе приобрели российские рынки сбыта, устранение таможенных барьеров между польскими и российскими территориями, введение высоких таможенных пошлин на товары заграничного производства, особенно, на импорт из Германии, увеличение емкости внутреннего польского рынка в результате крестьянской реформы и быстрой урбанизации страны, наплыв иностранных капиталовложений. В результате промышленного переворота в главных отраслях промышленности Царства Польского фабричная продукция превысила ремесленную по стои-

¹ См.: *Barnes H.E.*, Becker H. *Social Thought from Lore to Science*. N.Y., 1961. P. 1075–1076.

² *Gallino L.* Refleksje nad dziełem o polskim chłopie w Ameryce // *Kultura i Społeczeństwo*. 1974. R. 28. № 3. S. 62.

мости к концу 1870-х гг., а сельскохозяйственную — к концу века, что придало этим землям индустриально-аграрный характер¹. И все же преобладающей отраслью польской экономики до конца XIX в. продолжало оставаться сельское хозяйство. Английский исследователь Т. Уикс в целом характеризует Царство Польское в этот период как «регион, который еще не был охвачен «модернити», но в то же время отмечает, что к концу XIX столетия «старый мир начал разрушаться»².

Январское восстание 1863 г., в котором активное участие принимало и крестьянство, стало толчком для проведения аграрной реформы на территории Царства Польского. 19 февраля 1864 г. здесь было отменено крепостное право: земля должна была отдаваться в собственность крестьянам-пользователям без выкупа. Возмещение убытков брало на себя правительство. Предусматривалось также наделение земель безземельных крестьян. Вводилось гминное самоуправление. Проведение аграрной реформы способствовало утверждению капитализма в сельском хозяйстве, экономическому освобождению крестьянства и создало резервную армию рабочей силы для подъема промышленности. Польский историк Я. Борковски, характеризуя значение аграрной реформы, отмечает, что освобождение от крепостной зависимости явилось «...переломным этапом в истории польского крестьянства: в его образе жизни, деятельности, сознании; оно радикально, хотя и не сразу, изменило психику и ментальность крестьянства..., взгляды на мир, людей, человеческие отношения»³.

Аграрная реформа 1864 г. юридически завершила ликвидацию феодальных отношений на польских землях. Однако «пруссский путь» развития капитализма в сельском хозяйстве позволил сохранить многие пережитки феодальных отношений. Наиболее болезненными экономическими проблемами польской деревни продолжали оставаться безземелье и растущая парцелляция земельных наделов (особенно после экономического кризиса, охватившего Европу в 1875–1895 гг. и вы-

¹ См.: *Лескевичова Я.* Социальная структура общества в Королевстве Польском (1815–1864) // Социальная структура общества в XIX в.: Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982. С. 556–557.

² См.: *Weeks T.R.* Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier. 1863–1914. Northern Illinois, 1996. Pp. 90–91.

³ Цит. по: *Borkowski J.* Chłopi polscy w dobie kapitalizmu. Warszawa, 1981. Ss. 27–28.

завшего падение цен на сельскохозяйственную продукцию). Хотя объем земли, имевшейся в собственности крестьян увеличился к 1904 г. на 37%, а количество крестьянских хозяйств к этому же времени возросло на 54,9%, темпы демографического роста не позволяли решить земельную проблему: происходило постоянное дробление земельных наделов. И без того многочисленная категория мелких крестьянских хозяйств, не обеспечивавших крестьянской семье даже необходимого прожиточного минимума, к началу XX столетия увеличилась почти в 2 раза¹. Единственной возможностью заработка для безземельного и малоземельного крестьянства становится либо наемный труд (как сельскохозяйственный, так и промышленный), либо эмиграция.

Несмотря на то, что «традиционная деревня» все еще продолжала существовать на территории польских земель не только в конце XIX, но и в первые десятилетия XX в., в этот период происходят изменения, существенно повлиявшие на ее трансформацию. Главными факторами изменений стали развитие промышленности, распространение товарно-денежных отношений, переход от натуральной к товарной экономике, новые методы хозяйствования и новые орудия труда (достаточно активное распространение железного плуга и сельскохозяйственных машин уже в 1880-е гг.)².

Увеличилась и степень мобильности населения. Нехватка земли и низкий уровень заработной платы сельскохозяйственных рабочих, недостаточный еще уровень развития польской промышленности стали основными причинами крестьянской миграции³. За счет притока из

¹ См.: *Historia chłopów polskich*. Warszawa, 1972. Т. II. С. 411.

² См.: *Turowski J. Changes in Rural Community (Theories and the Polish Experience) // Rural Socio-Cultural Change in Poland*. Wrocław, 1977. С. 12–13. При этом следует учитывать, что когда говорится о прогрессивных изменениях в сельском хозяйстве Царства Польского (плодосмен, использование сельскохозяйственных машин, удобрений, улучшенных орудий труда), имеют ввиду лишь крупные крестьянские хозяйства, располагавшиеся в западной части Царства Польского. Подавляющее большинство польского крестьянства продолжало вести хозяйство экстенсивными методами. См.: *Stankiewicz Z. Wieś polska i francuska w okresie początków kapitalizmu // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Historica*. 1992. № 46. С. 45.

³ См.: *Historia chłopów polskich*. Т. II. С. 421. Первая волна миграционного движения пришлась на 1890–1892, вторая — на 1899–1903, третья — на 1911–1913 гг.

деревни пополнялось, прежде всего, городское население. Как отмечает польский историк А. Жарновска, массовый наплыв деревенского населения в города во второй половине XIX в. — одно из основных явлений, сопутствовавших индустриализации и обусловивших высокие темпы урбанизации и создание рынка наемного труда в Царстве Польском. Именно приток населения извне составил в этот период важнейший — более существенный, чем естественный прирост — источник увеличения численности городских жителей, прежде всего, в промышленных центрах¹. Если в 1865 г. в деревнях проживало 73,6% населения, то к 1913 г. его численность сократилась до 68,5%².

Постепенно эволюционировала социальная структура общества. С одной стороны, происходил распад единого прежде шляхетского сословия на различные социальные группы. Так, освобождение крестьян и новый (классовый) характер социальной структуры фактически привели к «размыванию» социальных барьеров между мелкой шляхтой и крестьянством. Теперь их отличия начали носить, скорее, чисто формальный, юридический, а не экономический характер³. С другой стороны — усиливалась имущественная дифференциация крестьянства⁴, происходило постоянное сокращение доли крестьянства в общей социальной структуре, прежде всего в пользу рабочего класса и других общественных групп наемного труда.

¹ См.: *Żarnowska A. Wychodźcy ze wsi w mieście przemysłowym (Królestwo Polskie na przełomie XIX i XX w.) // Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Historica. 1992. № 46. S. 133.*

² См.: *Chomać R. Struktura agrarna Królestwa Polskiego na przełomie 19 i 20 w. Warszawa, 1970. S. 43.*

³ См.: *Historia chłopów polskich. T. II. S. 406.*

⁴ Крестьянство фактически разделилось на четыре основные категории: безземельное крестьянство (составившее т. н. «деревенский пролетариат»), крестьяне-обладатели мелких, средних и крупных земельных наделов. (См.: *Historia chłopów polskich. T. II. S. 411*). Причем, численность безземельного крестьянства постоянно увеличивалась. Если во второй половине 1860-х гг. они составляли 5,5% населения польской деревни, то к 1890-м — уже 13,2%. (См.: *Japczak J.K. Op. cit. S. 41*). Но все же, как отмечают исследователи, масштабы имущественной дифференциации, в сравнении с другими частями польских земель, позволяют говорить о промежуточном положении крестьянства Царства Польского: «...характерной чертой аграрной эволюции на этой территории было «усреднение» крестьянства». См.: *Kisielewski W., Zakrzewski A. Chłopi. Ruch ludowy. Państwo. Warszawa, 1980. S. 9.*

На рубеже XIX–XX столетий крестьянство постепенно начинает вовлекаться в политическую жизнь. В Царстве Польском протесты против политического бесправия, произвола властей, национального и религиозного гнета, русификации школы, суда, администрации тесно переплетались с недовольством сельских масс своим тяжелым экономическим положением. Как замечает Г.Ф. Матвеев, «жизнь толкала крестьянство на объединение в организации для защиты своих экономических и политических интересов»¹. Все больший интерес проявляли крестьяне к кружкам народного просвещения и изданиям для села (газеты «Zorza», «Gazeta Świąteczna»), созданным прогрессивной интеллигенцией. В начале XX столетия активизировалось и крестьянское национальное движение. Его идейным и организационным центром стала газета «Заране» («Zaranie»), занимавшая радикально-демократические, антиклерикальные позиции. По мнению руководителей «заранянского» движения, для самостоятельности крестьян необходимы были просвещение и прогресс в сельскохозяйственном производстве, в крестьянском хозяйстве. Отсюда вытекали лозунг всеобщего бесплатного обязательного обучения на польском языке и практика создания культурно-просветительских обществ, агрономических школ, курсов, кружков, кооперативов².

Очевидно, что польское общество на рубеже XIX–XX вв. еще во многом сохраняло свой аграрно-патриархальный характер. Однако, учитывая масштабность происходивших в нем изменений, вполне можно говорить о его переходном состоянии. Пользуясь термином П. Сорокина, этот процесс можно охарактеризовать как «качественный», т. е. как переход из одного качественного состояния (аграрное общество) в другое (индустриальное общество)³. В этом смысле аналитические построения Ф. Знанецкого можно охарактеризовать как восприятие интеллектуалами-современниками феномена «крестьянской»⁴ модернизации.

¹ Цит. по: Матвеев Г.Ф. «Третий путь?». Идеология аграризма в Чехословакии и Польше в межвоенный период. М., 1992. С. 3.

² См.: Краткая история Польши. М., 1993. С. 179–180, 195.

³ См.: Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, права и общественных отношений. СПб., 2000. С. 83.

⁴ Термин Б. Мура, выделившего три модели (траектории) модернизации: 1) под руководством буржуазии (Великобритания, США); 2) под руководством аристократии (Германия, Япония); 3) крестьянскую (Россия, Китай). См.: Побережников И.В. Теория модернизации: основные этапы эволюции. С. 229.

Процесс модернизации¹ польский ученый рассматривает как «специфическую эволюцию», переход от организации общества по типу «первичной группы» («primary-group organization»), функционирующей на основе обычая и традиции, доминирования интересов социума (в лице семьи и общины) над интересами отдельного индивида и характеризующейся тесными, непосредственными связями между ее членами (т. н. «face-to-face relations») к организации общества по типу «вторичной группы» («secondary-group system»), базирующейся на рациональной совместной деятельности отдельных индивидов². Таким образом, сущность и цель модернизации по Знанецкому можно определить как процесс адаптации общества к рациональным методам управления и рациональным принципам социальной организации.

Устойчивость, стабильность социальных институтов, является, по мнению польского социолога, результатом динамического равновесия процессов дезорганизации и реорганизации. Используемый Ф. Знанецким теоретический конструкт «социальная реорганизация» («социальная реконструкция») отражает в его концепции совокупность форм и способов приспособления традиционных институтов общества к их новым функциям. Причем, реорганизация предстает не как противовес существовавшей социальной организации, но как процесс ее перестройки, создания новых схем поведения и новых социальных институтов, лучше приспособленных и адаптированных к изменившимся ценностным ориентациям группы³. Данный процесс Знанецкий анализирует в «Польском крестьянине...» посредством обращения к нескольким ключевым проблемам: общественное лидерство, место образования и прессы в процес-

¹ Ф. Знанецкий употребляет термин «модернизация» в узком смысле: как некое усовершенствование, развитие, изменение в сторону современности (например, modernization of economy), в этом смысле оно синонимично употребляемому им терминам removal, evolution, changes. Более широкому значению этого понятия тождественны встречающиеся в работе термины «social reconstruction», «social reorganization».

² В качестве первопричины возникновения этого процесса Ф. Знанецкий выделяет преодоление территориальной замкнутости крестьянской общины, активизация контактов между городом и деревней на рубеже XIX–XX вв. Сам процесс модернизации по Знанецкому схематично можно представить следующим образом: primary-group organization-social disorganization-social reorganization-secondary type system.

³ См.: The Polish Peasant... V. II. P. 1130–1131.

се создания новой социальной организации, экономическая кооперация, роль крестьян в государственном и национальном строительстве.

Подчеркивая исключительную роль в процессе социальной реконструкции общественных лидеров¹ (или, используя современную терминологию, «модернизаторской элиты»), Знанецкий видит их основную задачу в том, чтобы «...открыть и осознать новые отношения (attitudes), требующие выхода, создать схемы поведения, которые будут наилучшим образом отвечать этим отношениям и заставить группу (имеется в виду «первичная группа», — Я.Е.) принять эти схемы как общественные правила или общественные институты»². Исключительная роль этого общественного института для польских земель объяснялась, по мнению Знанецкого, еще и спецификой исторической ситуации, когда «национальная жизнь должна была поддерживаться не только без помощи государства, но и вопреки ему»³.

В создании кооперативных объединений Знанецкий видел единственно возможную перспективу перестройки традиционной социальной и экономической системы крестьянства в условиях прогрессирующих рыночных отношений⁴.

Что же касается оценки роли польского крестьянства в национальной жизни польских земель, то, по мнению ученого, на рубеже XIX–XX вв. польское общество приходит к осознанию того, что именно крестьянство может и должно стать социальной основой национального единства, «пришедшей на смену дворянству как основе политической»⁵. Ученый объясняет подобное изменение отношения к крестьянству тем, что оно, продолжая составлять большинство населения польских земель, начало набирать на рубеже XIX–XX вв. экономическую мощь, тогда как дворянство, напротив, ее утрачивало⁶.

¹ Следует уточнить, что для системного анализа Ф. Знанецкого конструкты «общественное лидерство», «лидер» представляют собой собирательную аналитическую категорию, что не подразумевает обращение ученого к конкретным историческим персоналиям. Знанецкий, по-видимому, подразумевает как, например, руководителей крестьянских партий, так и представителей польского дворянства, интеллигенции, духовенства, проводивших просветительскую работу в среде крестьянства

² См.: The Polish Peasant... V. II. P. 1304.

³ Op. cit. P. 1306.

⁴ Подробнее см.: Op. cit. P. 1397–1432.

⁵ См.: Op. cit. P. 1442.

⁶ Ibid.

Следует заметить, что выделение ученым именно этих вопросов как объектов анализа представляется вполне объяснимым с точки зрения специфики исторической ситуации в Царстве Польском и изменений в массовом сознании польского общества на рубеже XIX–XX вв. В ходе освободительных восстаний проявилась неспособность учесть и удовлетворить интересы основной массы населения, что подорвало лидирующие общественные позиции шляхты. Интеллектуальный поиск новых общественных сил, способных справиться со стоявшими перед польским обществом проблемами и заменить сходящую с политической сцены шляхту, привел к тому, что начали набирать силу социализм и национализм. Поражение восстания 1863–64 гг. окончательно привело к укреплению позиций противников силового решения польского вопроса. Кроме того, вопрос достижения государственной независимости отошел на второй план по сравнению с проблемой денационализации в условиях проводимой российским правительством активной ассимиляторской политики. Значительно повлияли на ситуацию социально-экономические изменения в польских землях, о которых упоминалось выше. Как отмечает немецкий историк Х. Ханн, «модернизационные изменения создали в польских землях специфическую ситуацию. Началось соперничество в вопросе не только о том, кто извлекает пользу, но и о том, кто инициирует и реализует программу социально-экономической модернизации: правительства государств-захватчиков, стремящихся к интеграции, а на самом деле, ассимиляции поляков, или польское общество, которое должно возглавить эти преобразования, чтобы избежать грозящей ему гибели...»¹. Польское общество сумело приспособиться к новым условиям. Ответом на вызовы модернизации стало возникновение в кругах передовой интеллигенции идеи т. н. «органической работы» («praca organiczna») или «теории малых дел», получившей распространение на территории всех польских земель. Сторонники ненасильственных методов обретения национальной независимости ставили своей задачей пропаганду среди населения идей повседневного кропотливого труда, накопления материальных богатств, укрепления позиций поляков в освободительной борьбе с помощью хозяйственных и общественных организаций, создание системы школьного и высшего

¹ См.: Hahn H.H. Przymus modernizacyjny i ucisk integracyjny — rola państwa w kształtowaniu mentalności politycznej Polaków w drugiej połowie XIX wieku // Ideologię, poglądy, mity w dziejach Polski i Europy XIX i XX wieku. Poznań, 1991. S. 291.

образования на родном языке. По сути, «теория малых дел» означала включение польского общества в процесс «самомодернизации». Ф. Знанецкий анализирует ход этого процесса в крестьянской среде.

Когда идет речь о модернизационных процессах, существенное значение приобретает проблема т. н. «рычагов социальных изменений»¹. И если согласиться с мнением Ш. Эйзенштадта о том, что именно «развитие нового культурного стереотипа» образует «сердцевину» всего процесса модернизации², невозможно обойти вниманием вопрос о роли в этом процессе образования и прессы как способов формирования приверженности тем или иным культурным в (широком смысле этого слова) ценностям. Обратимся к анализу этой проблемы в концепции Ф. Знанецкого.

В ходе социальной реорганизации происходит как модификация старых схем поведения и старых социальных институтов, так и создание новых. Однако, как подчеркивает ученый, совершенно очевидно, что для того, чтобы крестьянское сообщество сознательно приняло какой-либо социальный институт, отличный от традиционного, необходимо, чтобы оно было «интеллектуально подготовлено ко встрече с новыми проблемами. Образование крестьян предстает, таким образом, первым и совершенно необходимым шагом социальной реконструкции»³.

При этом, отмечает Знанецкий, развить в крестьянской среде желание учиться — достаточно нелегкая задача, учитывая присущий крестьянину консерватизм. Распространенным являлось такое отношение крестьян к образованию: «Отец не отправлял меня в школу. Он всегда повторял: «Мы выросли и живем, не умея читать и писать. Поэтому и ты, дитя, проживешь без образования»⁴. Подобное неприятие крестьянским сообществом того, что Знанецкий определяет как «интеллектуальный интерес», объясняется, по его мнению, неприятием индивидуализации в любых ее формах: «Человек, который читает в нечитающем сообществе, имеет интерес, который сообщество не разделяет, идеи, которые отличают его от других, информацию, которой другие не обладают; он в некоторой мере изолирует себя от своего окружения, отчасти живет в сфере, которая неприемлема для других и — что самое

¹ Термин американского социолога Э. Тириакаяна.

² См.: Модернизация: зарубежный опыт и Россия. С. 9.

³ The Polish Peasant... P. 1304.

⁴ Op. cit. P. 1337.

худшее — представляется им странной и незнакомой; таким образом, он, в некотором отношении, выходит из-под общественного контроля»¹. Ситуация осложнялась еще и тем, что наличие образования рассматривалось крестьянством как признак принадлежности к другим социальным классам². Даже когда «интеллектуальный интерес» перестает быть исключением (проще говоря, с распространением в крестьянской среде грамотности), наиболее консервативная часть сообщества продолжает видеть в распространении образования негативную тенденцию, представляющую угрозу частичного или полного распада традиционной социальной системы. Как следствие, это вызывает оппозицию, наличие которой представляется, по мнению Знанецкого, вполне оправданным с точки зрения заботы традиционного крестьянского социума о своей безопасности. Именно в этих оппозиционных настроениях со стороны сообщества Знанецкий видит причину того, что крестьянина достаточно трудно убедить читать газеты или книги, в том случае, если он еще не стал отчасти независимым от влияния общественного мнения (являющегося, как известно, одним из важнейших социокультурных регуляторов в традиционном сообществе. — *Я.Е.*)³. Не менее важным является и еще одно, выделяемое Знанецким, препятствие к восприятию крестьянами просветительских идей. Крестьянин не видит в образовании того, что отвечает его традиционным ценностям и оправдывает в его глазах усилия, необходимые для приобретения образования: «Для объяснения неких необычных явлений он обращается к т. н. «мудрецам», к чьей информации он может применить старые и известные социальные стандарты, и кому он склонен верить даже больше, чем газетам или книгам, которые отражают стандарты, неизвестные ему. Кроме того, крестьянин не видит, как он может применить знания при решении практических вопросов, которые его интересуют, ибо эти знания в большинстве случаев означают радикальное изменение традиционных методов его хозяйствования, к чему он совершенно не готов»⁴.

¹ *Op. cit.* P. 1361.

² «Только богатые господа читают газеты. Для крестьянина достаточно того, что он узнает при чтении в церкви» или «Знаешь ли ты, кум, что твой сын собрался в господа, ведь он заказал себе газету?» — вот достаточно типичные примеры подобного отношения. *Op. cit.* P. 1347, 1338.

³ *Op. cit.* P. 1362.

⁴ *Op. cit.* P. 1362. Это достаточно типичная позиция крестьянства. Ср.: Крестьяне и рынок. С. 34–35.

Важнейшим стимулом, способствующим, по мнению Знанецкого, развитию у крестьянина интереса к образованию, становится преодоление изоляции крестьянского сообщества: «Увеличение контактов с внешним миром развивает в индивидах стремление к новому опыту, новым переживаниям, а книги и газеты выступают и как заменители реальных переживаний..., и как способ, с помощью которого индивид, хоть и не напрямую, может соприкоснуться с людьми и возможностями, превосходящими узкий круг его первичной группы...И все то же преодоление изоляции... ослабляет оппозиционность группы интеллектуальным устремлениям ее членов»¹.

Важное значение, подчеркивает Знанецкий, имело и то, что общественные лидеры сумели «легитимизировать» интерес к образованию, используя все то же общественное мнение. С одной стороны, подчеркивалась связь образованности с уровнем нравственности. Так, в традиционном крестьянском сообществе уважительное отношение к обучению ранее было связано с религиозностью: «Читать Евангелие в церкви признавалось за отличие; еще лучше было уметь читать «Жизнеописания святых» или другие подобные истории на частных встречах во время предрождественского или Великого поста, когда танцы были запрещены»². Отчасти поэтому, отмечает Знанецкий, переход от религиозного к серьезному светскому чтению был достаточно легким: «...последнее приобрело значимость и важность, став отличительным признаком людей серьезных и благопристойных... Отличительной тенденцией в крестьянском сообществе стала позиция морального превосходства его образованной части над «невеждами»³. Подобное отношение, поддерживаемое в народных газетах и популярной литературе, в достаточной степени помогало пробуждать в крестьянском сообществе интерес к интеллектуальным ценностям: «Публичная похвала или осуждение, объектом которых становились в крестьянской прессе индивид или группа в зависимости от их положительного или отрицательного отношения к образованию, по сути своей были похожи на похвалу или осуждение с позиций морали и имели тот же самый эффект, провоцируя соперничество или стремление к изменениям»⁴.

¹ Op. cit. 1362–1363.

² Op. cit. P. 1363.

³ Ibid.

⁴ Op. cit. P. 1364.

Наконец, в противоположность мнению о том, что распространение образования чревато угрозой дезорганизации крестьянского сообщества, среди молодого поколения популярным стал взгляд на образование как на панацею от всех социальных зол, и утвердилось мнение, что именно отсутствие просвещения является источником моральных недостатков, обнаруживаемых среди крестьян¹. Все это, как отмечает Знанецкий, распространило убеждение, что похвально проявлять интерес к образованию: «...теперь статус «читателя газеты» или «книжного червя» стал престижным, в отличие от прежней дискриминации, которой подвергались подобные люди. Обучение стало чем-то средним между моральной нормой и модой, не столь распространенным как первое, но рассматривавшимся гораздо более серьезно, чем последнее»².

С другой стороны, общественными лидерами всячески подчеркивалась важность знаний для экономического преуспевания. В данном случае, как отмечает Знанецкий, образование стало одним из факторов хозяйственной эволюции, т.к. давало возможность донести до крестьянства мысль, что работа на собственной ферме с применением новых методов хозяйствования — более стабильный и надежный способ получения постоянного дохода и улучшения собственного благосостояния, нежели эмиграция или просто увеличение количества земли в собственности. Существенную роль здесь сыграл пример более предприимчивых и подверженных влиянию печатного слова крестьян: «...подобные экспериментаторы, чтобы не утратить свой престиж, старались скрыть имевшие место неудачи, в то время как о каждом успехе стремились оповестить как можно большее количество людей. Именно поэтому убежденность в практической пользе книжных знаний распространялась очень быстро»³. По мнению Знанецкого, именно распространение «популярного просвещения» делало крестьянина «более способным к восприятию интеллектуальных убеждений», что, в свою очередь, являлось совершенно необходимым условием для создания и реформирования социальных институтов на рациональной основе⁴.

По мере распространения образования, имевшего своим следствием «интеллектуальное развитие крестьянина», как отмечает Знанец-

¹ Ibid.

² Ibid.

³ Op. cit. P. 1365.

⁴ Op. cit. P. 1426.

кий, значительно усиливается, по сравнению с непосредственными социальными контактами, и влияние печатного слова. Благодаря возрастанию роли прессы в крестьянской среде становится возможным появление того, что Знанецкий (посредством сравнения с «первичной группой»), определяет как «более широкое сообщество» («the wider community»), в рамках которого крестьянство формируется и начинает осознавать себя как класс, как часть польской нации¹.

Почему становится возможным, по мнению Знанецкого, говорить о существенной роли прессы в процессе формирования «человека экономического»? Хотя возможности функционирования и влияния «более широкого сообщества» основаны на действии такого традиционного для аграрного общества социокультурного регулятора как общественное мнение², его появление, по мнению польского ученого, имеет два положительных последствия. С одной стороны, — дает возможность индивиду выделиться из «первичной группы», проявив свое критичное отношение к распространенным в ней социальным ценностям или поддержав ценности, отличные от тех, которые преобладают в его непосредственном окружении: «Пропаганда новых идей среди крестьянства может быть наиболее успешной только в том случае, когда индивиды, первыми воспринявшие эти идеи, чувствуют независимость от мнения своего непосредственного окружения. Но для этого крестьянину необходимы некие социальные санкции... Именно осознание себя членом «более широкого сообщества» дает ему чувство безопасности, которое позволяет ему бороться против его первичной группы за отстаивание новых идеалов; и, конечно, он должен осознавать себя выше своего окружения, носителем более высоких социальных стандартов, иначе его реформаторские устремления не будут оправданы в его собственных глазах»³. С другой же стороны, как отмечает Знанецкий, с возникновением «более широкого сообщества» у макрообщества появляется новый способ влиять на первичную группу, вводя в нее новые социальные стандарты: «...недостающее ему (крестьянину — Я.Е.) признание он может получить

¹ Op. cit. P. 1305, 1368. По сути своей изначально «более широкое сообщество» представляло собой крестьян-читателей народных газет.

² Хорошей иллюстрацией этого являются письма крестьян в народные газеты. См.: Op. cit. № 139, 140, 149.

³ Op. cit. P. 1392–1393.

от «широкого сообщества» и его лидеров; он постарается объединить вокруг себя группу друзей и последователей, чье личное признание и отклик становятся противовесом безразличию или противодействию остального сообщества. Таким образом, сильная зависимость крестьянина от непосредственных социальных контактов делает его хорошим пропагандистом новых идеалов»¹.

Общественная значимость подобного социального образования для осуществления модернизационных преобразований, как определяет ее Знанецкий, заключалась в следующем: «Как само собой разумеющееся рассматривалось то, что все, кто принадлежит к ядру «более широкого сообщества», должны были активно интересоваться его благополучием и прогрессивным развитием, должны были быть первыми в распространении образования, вносить свой вклад в общие цели, продвигать новые и более эффективные формы экономической деятельности, основывать новые социальные институты, поощрять гармоничную социальную кооперацию — короче говоря, помогать поднять весь крестьянский класс на более высокий культурный уровень. Все, кто активно участвовал в работе по социальной реконструкции рассматривались как некое избранное меньшинство..., как «стража прогресса», как вид аристократии, чей престиж был основан не на социальных функциях в прошлом, но на важности для будущего»².

Характер модернизаций в разных странах, как известно, зависит во многом от того, как изменяются производительные силы, прежде всего, сами люди в процессе развития капиталистических отношений. Модернизация, будучи процессом многогранным, затрагивает все стороны жизни общества. В этом смысле изменения в культурной сфере столь же важны, как и в сфере политической, экономической, социальной. Образование и пресса в обществе, переживающем модернизационные изменения, выступают одним из факторов, стимулирующих стремление к переменам. Ведь как заметил один из теоретиков модернизации Ф.Харбисон, «центральная проблема всех модернизирующихся стран состоит в том, чтобы ускорить процесс формирования человеческого капитала»³, а роль образования и прессы в решении этой проблемы вряд ли можно подвергать сомнению.

¹ Op. cit. P. 1393.

² Op. cit. P. 1395.

³ Цит. по: Модернизация: зарубежный опыт и Россия. С. 8.

Оценивая взгляды Ф. Знанецкого, следует учитывать, что, для польского ученого характерна определенная абсолютизация роли образования и популярной прессы в процессе превращения крестьянства в активно действующий субъект социально-экономической и политической жизни польских земель. Это подтверждается и современными исследованиями. Так, отечественный историк М.А. Крисань, проанализировав процесс перехода к письменной культуре и восприятие печатного слова в крестьянской среде Царства Польского, делает следующие выводы: «Несомненно, грамота расширяла границы крестьянского сознания, однако она не привела на рубеже XIX–XX веков к разрушению традиционной культуры, а дала возможность для развития ее элементов на новом уровне» и далее: «В изучаемый период наблюдается начало процесса консолидации просвещенных крестьян на базе народных газет. Они воспринимали себя как отдельную группу людей, которым открылся мир просвещения. Несмотря на это, сложно сказать, понимали ли они до конца свое место и роль, которые им отводились не только издателями народных газет, но и различными политическими движениями»¹. Ни в коей мере нельзя говорить об исключительной и ведущей роли образования и прессы в процессе социокультурной трансформации крестьянского сообщества Царства Польского на рубеже XIX–XX столетий хотя бы потому, что даже в 1913 г. польские земли относились к числу территорий с высокой (свыше 30% населения) степенью неграмотности, а в 1850 г. неграмотным было свыше 50% взрослого населения польских земель². И все же тот факт, что Ф. Знанецкий уделяет столь большое внимание месту образования и популярной прессы в крестьянской среде, говорит о том, что письменная культура была одним из факторов, влияние которых приводило к постепенному изменению сознания польского крестьянства на рубеже XIX–XX вв.

¹ Цит. по: Крисань М.А. Цивилизационные изменения рубежа XIX–XX вв. в восприятии крестьян Царства Польского: Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата ист. наук. М., 2004. С. 16–17.

² См.: Хобсбаум Э. Век империи. 1875–1914. Ростов на Дону, 1999. С. 491.

СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КРЕСТЬЯНИНА В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН (НА ПРИМЕРЕ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX вв.)

Вторая половина XIX в. в Царстве Польском — это период глубокой социальной трансформации, которая в первую очередь затронула крестьянство. Катализатором перемен стала аграрная реформа 1864 г., определившая устройство крестьянского сословия в этой части Российской империи¹. Характер перемен зависел от интенсивности промышленного развития, решающее значение на которое имела отмена в 50-е годы XIX в. тарифных барьеров, ограничивавших торговлю между Царством Польским и Российской империей, а также строительство сети шоссейных и железных дорог. Промышленное развитие шло в нескольких направлениях. Наиболее интенсивно развивалась текстильная промышленность в Лодзинском, Варшавско-Жирардовском и Ченстоховско-Сосновском районах. Тяжелая промышленность занимала второе место, ее развитие было связано с угледобычей в Домбровском бассейне и в примыкавшем к Верхней Силезии Бендзинском уезде. Основным центром сталелитейного производства была Варшава².

Важными факторами развития Царства Польского во второй половине XIX в. становится углубление рыночных отношений, распространение массовой культуры, интенсивная по сравнению с предыдущими эпохами урбанизация. Глобальные перемены в правовых отноше-

¹ Костюшко И.И. Крестьянская реформа 1864 г. в Царстве Польском. М., 1962.

² См., например: *Wlobaum R.E. Rewolucja: Russian Poland, 1904–1907.* Ithaca; London, 1995. P. 19–22; Западные окраины Российской империи. Ред. М. Долбилов, А. Миллер. М., 2006. С. 202.

ях, промышленном и сельскохозяйственном развитии происходят на фоне демографического взрыва: городское и сельское население с 1865 по 1913 год увеличилось в два с половиной раза¹. Важные изменения в экономическом, правовом, социальном статусе крестьянства происходили одновременно с переменами в крестьянской культуре, которая может быть описана как культура крестьянского общества переходного типа.

Серьезное влияние на сельское хозяйство Царства Польского оказал аграрный кризис 80-х годов XIX в., а также начавшийся земельный голод². Именно это стало причиной активизации ставших одним из символов XIX в. миграционных процессов среди сельского населения: эмиграции, главным образом в Бразилию и США, отхода на заработки в Западную Европу, в основном в Пруссию, и отхода сельского населения в города. Основная волна экономической миграции пришлась на 1890–1914 гг.

Колоссальные перемены в правовой, экономической, социальной сферах, которые стали ощутимы уже во втором пореформенном поколении крестьян, открыли перед крестьянством возможность реализации стремлений, накапливаемых в течение нескольких поколений. Этот процесс универсален, вступая в «новый мир», т. е. становясь невольными участниками процесса модернизации, будь то польские или индийские крестьяне «делают это в надежде извлечь хоть какую-нибудь выгоду для себя, и тогда они изо всех сил используют ситуацию»³.

Целью данной статьи является представление возможного в крестьянской среде спектра желаний и их воплощения в эпоху перемен. Изучаемая реализация желаний, охвативших крестьянское общество,

¹ Население увеличилось с 5 366 тыс. в 1865 г. до 13 058 тыс. в 1913 г. См.: *Chomać R. Struktura agrarna Królestwa Polskiego na przełomie XIX i XX w. Warszawa, 1970. S. 43.*

² *Baines D. Emigration from Europe 1815–1930. Macmillan, 1993. P. 22–24; Brodowska H. Historia społeczno-gospodarcza chłopów w zaborze rosyjskim // Historia chłopów polskich. T. II. Red. St. Inglot. Warszawa, 1972. S. 306–311; Chomać R. Struktura agrarna Królestwa Polskiego na przełomie XIX i XX w. Warszawa, 1970. S. 48–49.*

³ См. работу Бэйли о восприятии модернизации крестьянством Индии: Бэйли Ф. Дж. Представления крестьян о плохой жизни // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. Сост. Т. Шанин. Ред. А.В. Гордон. М., 1992. С. 223.

дается в рамках самоидентификации. В литературе, начиная с Гегеля и Дж. Х. Мида, самоидентификация рассматривается как комплекс взаимосвязей, основанных на признании, когда чья-либо самоидентификация зависит от восприятия ее другими, а ее распознавание и понимание не требуют утверждения¹. Основой самоидентификации является накопление определенного капитала, который вслед за П. Бурдьё, может быть описан как символический. Как пишет Бурдьё: «символический капитал есть не что иное, как экономический или культурный капитал, когда тот становится известным и признанным, когда его узнают по соответствующим категориям восприятия, постольку отношения символической силы стремятся воспроизвести и усилить отношения сил, конституирующих структуру социального пространства»².

Понятие символического капитала приобретает особое значение, когда речь идет о крестьянах. Восприятие мира в рамках традиционного крестьянского общества носило не только устный, но и визуальный характер. Знак, как и слово, в крестьянском мире были равнозначны действию. Воплощение стремлений крестьянства находило выражение, прежде всего, в рамках определенной знаковой системы, которая может быть описана как идентификация.

В изучаемый период одним из важнейших элементов, повлиявшим на формирование символического капитала, стало стремительное развитие материальной культуры. По мнению польского социолога Антонины Клосковской, с этого времени можно говорить о начале развития массовой культуры³, которое было бы не мыслимо без расширения контактов между городом и деревней. Экономическая миграция крестьянства, о которой уже говорилось, оказала важное влияние на формирование символического капитала. Именно это явление, направленное на поддержание крестьянской экономики, дает ключ к пониманию того, к чему стремился крестьянин Царства Польского во второй половине XIX — начале XX вв.

Главной ценностью для крестьянина была земля, она являлась основой социального положения, без земли семья переставала считаться

¹ *Kellner D. Popular Culture and the Construction of Postmodern Identity // Modernity and Identity. Ed. S. Lash, J. Friedman. Oxford; Cambridge, 1992. P. 141.*

² *Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Начала. Choses dites. М, 1994. С. 199.*

³ *Kłóskowska A. Kultura masowa. Krytyka i obrona. Warszawa, 1980. S. 405.*

социальной силой¹. Владение землей являлось первостепенной задачей. Исследования, проводимые в рамках подготовки «Энциклопедии сельского хозяйства» в конце шестидесятых годов XIX в., показали, что в так называемых традиционных хозяйствах все свободные средства крестьяне использовали для покупки земли².

Примером «крестьянского счастья» может быть положение, в котором оказывались многие крестьяне, эмигрировавшие в Бразилию, где они получали значительные участки земли, а, кроме того, на несколько лет освобождались от уплаты налогов. Бразильские письма переполнены описанием полученных участков земли. Например, один из эмигрантов писал: «*Любимая Жена, доношу Тебе, что я получил земельный участок такой большой, что я сам не знаю, сколько в нем влок (польская мера площади $\cong 16,8$ га. — М.К.), а еще пара влок леса к нему. А урожай два раза в году, и все растет тут, как и в Польше: картофель и капуста, и пшеница, и кукуруза*»³. На ассоциативном уровне в крестьянском сознании такое положение вещей оказывалось возможным сравнить лишь с жизнью шляхты: «*Тут у нас люди уже 17 лет богатство имеют такое как у вас польская шляхта*»⁴. Подобным образом сравнивали свою жизнь и эмигранты в США. Один

¹ Литература по этому вопросу обширна. См., например: *Thomas W.I., Znaniecki F. Chłop polski w Europie i Ameryce*. Т. 1. Warszawa, 1976. S. 99 (перевод на пол. яз. по изд.: *Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Monograph of an Immigrant Group*. Т. 1–5. Boston, 1918).

² *Encyklopedia rolnictwa i wiadomości związek z niej mających*. Red. J.T. Lubomirskiego, Ed. Stańwickiego, St. Przystańskiego, przy współudziale L. Krasieńskiego, L. Kronenberga, J. Zamojskiego. Т. II. D-G (gosp), Warszawa, 1874. S. 1073. Хелена Бродовская приходит к выводу, что на протяжении всего XIX в. «крестьяне стремились к расширению хозяйства, забывая об инвестициях в него» (Brodowska H. *Historia społeczno-gospodarcza chłopów w zaborze rosyjskim // Historia chłopów polskich*. Т. 2. Red. St. Inglota. Warszawa, 1972. S. 301). Марек Пшенёсло отмечает, что источники фиксируют сильную привязанность крестьянства центральной Польши к земле (*Przeniosło M. Chłopi Królestwa Polskiego w latach 1914–1918*. Kielce, 2003. S. 124).

³ *Listy emigrantów z Brazylii i Stanów Zjednoczonych 1890–1891*. Do druku podali, wstępem opatrzyli W. Kula, N. Assordobraj-Kula, M. Kula. Warszawa, 1973. — List № 42: Jan Jaras z Sao Feliciano, Rio Grandę do Sul do żony (Żyrardów). 29.02.1891. S. 178.

⁴ *Ibid.* — List № 50: Józefa i Antoni Lewińscy z Indaial, Santa Catarina do szwagra (adres nieznan). 02.03.1891. S. 191.

из крестьян, сватаясь, писал: «Любимая Юлька, в Америке совсем другая страна чем в Польше, в Америке бедный человек ест как в Польше пан в фольварке, а женщинам — суций рай»¹.

Отметим, что сам факт эмиграции, отхода на сезонные работы за границу или в город выделял эмигранта, отходника и его близких на фоне односельчан. Массовый процесс миграции открыл, как представлялось крестьянам, возможность для социального роста. Польский историк Эльжбета Качиньская отмечает, что «с конца XIX в. переезд из деревни в город воспринимался как жизненный успех»².

Якуб Кузёр писал в письме в стихах о сельской молодежи:

*«В шахте или фабрике он поработает время какое,
уже тогда его не узнаешь, уже совсем на себя не похож;
уже куцый пиджак, уже шляпа трубой,
прикрепит галстук, часы и он уже как пан»³.*

Куцый пиджак, шляпа трубой, галстук, часы были демонстрацией определенного успеха, знаком, подчеркивающим инакость, более высокое положение в рамках противостояния понятий «городской» и «деревенский». Участник людовского движения, крестьянин Щепан Чекот вспоминал: «Осенью, когда приезжали «саксы» и «бандосы», как называли сезонных работников, в деревне становилось людно. Они привозили новую моду и по-разному были одеты, так что такой «лежебока», что в доме или у дома сидел, завидовал им, так как они приехали хоть и в дешевой одежде, но городской и «при часах», как тогда говорили, каждым таким парнем восхищались и завидовали ему»⁴.

На родине каждый должен был быть уведомлен об успехе в городе или в эмиграции. Валенты Менчикевич с женой просил родителей: «...если труда не составит известить о нашем успехе также всех знакомых и друзей»⁵. Марчин Кначеньский так начинал свое пись-

¹ Ibid. — List № 191: Johan Poił [?] z Erie, Pa. do nieznaniej adresatki 01.04.1891. S. 356.

² Kaczyńska E. Pejzaż miejski z zaściankiem w tle. Warszawa, 1999. S. 34.

³ Jakób Kuzior. Z Łośnia w gubernii piotrkowskiej // Gazeta Świąteczna. 1891. № 528. S. 7.

⁴ Ciekot Szcz. Wspomnienia 1885–1964. Warszawa, 1969. S. 68–69.

⁵ Listy emigrantów... — List № 51: Walenty Mięcikiiewicz z żoną z Nunes, Santa Catarina do rodziców (adres nieznaný). 02.01.1891. S. 193.

мо о жизни в Бразилии: «Здравствуйте дорогой кум и кума и дети ваши, Петр Возняк, а также кум Радумский вместе с будущей женой, а также и Войчех Возняк и жена его и дети, также и Павел Рачкоский с женой и детьми, здравствуй и ты кум Анджей Пац и жена твоя и крестник, и ты Пишибыш со всей твоей семьей, также и ты Ян Пишибыш с твоей семьей и ты Марчин Пишибыш с твоей семьей, и ты Юзеф Дзенгелеский с твоей семьей, приветствую вас мои должники, Валенты Януцик, и Мураский, и Заремба, и Осмул, приветствую и тебя занявшего мое место Вечкоческого вместе с женой и детьми и низко вам кланяюсь, любимые мои кумы и кумушки и все мои друзья и враги, и доношу я вам, что живу я как Пан Коцкий и не знаю, что такое беда, жизнь веду королевскую, вина тут столько, сколько в Польше воды и водки и любых напитков»¹.

Стремление к повышению своего статуса в условиях, когда отсутствовала возможность купить землю, выражалось в обладании вторичными видами собственности, к которым можно отнести одежду, убранство дома, еду и т. п.². Следует подчеркнуть, что демонстрация успеха в крестьянской среде Царства Польского корнями уходила, прежде всего, в сложившийся образ шляхетской культуры, а уже во вторую очередь была связана с городской культурой.

Польский этнограф Казимеж Добровольский считает, что процесс подражания высшим слоям общества начался еще в XV в.³ К. Гинсбург, рассматривает различные интерпретации взаимосвязи «высшей» и «низшей» культуры, в т. ч. крайнюю позицию Р. Мандру, по мнению которого, низшие слои получают в подарок плоды высшей культуры; концепцию (Ж. Боллем) молчаливого согласия с тем, что «низшая» культура является частично автономной (половинчатая культурная самостоятельность) в отношении «высокой» культуры; концепцию М. Фуко, представляющую низшие классы вне культуры. По мнению Гинсбурга, наиболее плодотворной является концепция Бахтина

¹ Ibid. — List № 45: Marcin Knaczeński z Silveiro Martinho, Rio Grande do Sul do nieznanego adresata. 06.04.1891 S. 183.

² Понятие вторичные виды собственности впервые введено социологами У. Томасом и Ф. Знанецким при описании польской эмиграции. См.: Thomas W.I., Znaniecki F. Op. cit. T. 3. S. 63.

³ Dobrowolski K. Trzy studia z teorii kultury ludowej // Etnografia Polski. 1964. T. 8. S. 25.

о взаимовлиянии между культурой низов и культурой верхов¹. Согласно последней концепции, начиная с XV в., можно говорить о ярко выраженном взаимном влиянии «высшей» и «низшей» культур, когда процесс ассимиляции элементов «высшей» культуры приводил к явлению, которое Александр Петров в статье, посвященной Добжиньской земле, называл «по-городскому на крестьянский лад»². Следует сказать, что описываемый процесс затрагивал не только материальную культуру, но касался всех элементов идентификации и оказывал непосредственное влияние на формирование символического капитала. «Пана-господина» характеризовала в сознании крестьян определенная манера поведения, речь, предметы, которыми он мог владеть, а также одежда. Понятие «пан» в крестьянской среде Царства Польского второй половины XIX — начало XX вв. носило знаковый характер³.

Важным в происходящих переменах было изменение отношения крестьян к деньгам, которые они постепенно переставали использовать в целях тезаврации. Крестьянин из галицийской деревни, расположенной на границе с Царством Польским, вспоминал: «Насколько мне помнится, денежный оборот в деревне долго был ограничен, серебро и золото редко появлялись, но если кто получал серебряный цванцигер (австрийская монета равная 20 крейцерам. — М.К.), а особенно если золотой дукат, так прятал его в доме и даже в крайних случаях с ним не расставался. Деньги закапывали в горшках, прятали в ларях, под бочками, за стропилом, или в каких-то еще укромных местах, где они порой сгорали, когда внезапно начинался пожар»⁴. О подобном отношении к деньгам крестьян из Люблинской губернии сообщалось и в «Энциклопедии сельского хозяйства»: «Деньги почти всегда в монете (крестьяне. — М.К.) прячут или закапывают. В крайних случаях, когда, например, надо откупиться от армии, они достают или выкапывают необходимую сумму, часто в заплесневелых рублях, давних золотых, а иногда

¹ Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М., 2000. С. 39.

² Petrow A. Lud ziemi Dobrzyńskiej // Zbiór wiadomości do antropologii krajo-wej. 1878. Т. II. S. 4.

³ Более подробно об образе пана в крестьянском сознании см.: Крисань М. Образ пана в крестьянской среде Царства Польского конца XIX в. // Метод доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/au_krisan1.htm

⁴ Słomka J. Pamiętnik włościanina od pańszczyzny do dni dzisiejszych. Tarnobrzeg, 1994. S. 50.

и в золоте. В редких случаях, особенно теперь, когда из-за нехватки разменной золотой и серебряной монеты они вынуждены принимать банкноты, дают их в долг без надлежащего ручательства, а процентом за них служит кусок поля под посев или луга под сенокос»¹.

Томас и Знанецкий отмечают, что «собственность в форме обладания наличными является целью самой по себе, так же как в жизни крестьянина — обладание землей»². Следует добавить, что обладание деньгами было связано и с определенными табу, операции с деньгами не поощрялись, основным гарантом была вера в честное слово. Деньги, зарабатываемые в хозяйстве и вне его, зачастую предназначались для решения разных экономических проблем. Если первые шли на обеспечение всей семьи, то вторые могли тратиться на покупку одежды, устройство праздников и т. п.³ Этот вывод можно проиллюстрировать несколькими примерами из писем с мест в народные газеты. Из Радомской губернии сообщалось, что *«насчет заработка благодаря железнодорожной станции, на которой постоянно есть работа, а также благодаря открытию рудника можно не беспокоиться, только заработанные деньги идут не на необходимые нужды, а на замену стародавнего кафтана на модную тужурку, пиджак...»*⁴. Из Велюньского уезда Калишской губернии корреспондент писал: *«Здесьняя молодежь ходит в Пруссию на заработки. Родители сами посылают туда взрослых сыновей и дочерей. А какая от этого польза? Молодежь, заработав немного денег, тратит их сразу на одежду и возвращается на зиму домой, одетая как чудачки в шляпы, куртки и пальто. А как весной придется идти снова на заработки, то нужно им занять денег на дорогу»*⁵. Крестьян-

¹ Encyklopedia rolnictwa... (Opis gospodarstwa cząstkowego we wsi Wólce Ratajskiej gubernii lubelskiej, powiatu janowskiego, gmina Kawenczyn, własność Wojciecha Chmiela). S. 1059.

² Thomas W.I., Znaniecki F. Op.cit. Т. 3. S. 62.

³ См.: Ibid. Т. 1. S. 254. Эдвард Петрашек приходит к выводу, что с конца XIX в. возросли расходы на покупку земли, сельскохозяйственного инвентаря и машин, а также дешевой фабричного производства одежды (Pietraszek E. Wymiana dybr użytkowych. Handel // Etnografia Polski. Przemiany kultury ludowej. Т. 1. Red. M.Biernarckiej. Wrocław [etc.], 1976. S. 408–409).

⁴ C.D. Z miasteczka Jastrzębia w powiecie radomskim // Gazeta Świąteczna. 1891. № 561. S. 6.

⁵ K.F. Ze wsi Białej Rządowej w powiecie wieluńskim // Ibid. 1894. № 695. S. 5–6.

ка Людвина, окончившая народную школу в Крушинке, сообщала, что в Сохачевском уезде Варшавской губернии молодежь заработанные деньги «тратила зимой на танцы, развлечения и одежду»¹. Обладание звонкой монетой было составной частью статуса. В одной из песен кавалер говорит барышне:

У меня в кармане два гроша

И носовой платок,

*Чего тебе от меня надо?*².

Лили Мария Швенгруб, занимавшаяся в 1952–1956 гг. изучением региона Курпи, в котором элементы традиционной крестьянской культуры сохранялись дольше, чем где-либо в центральной Польше, отмечает, что «рубеж XIX–XX вв. в памяти респондентов был периодом появления магазинов с определенным ассортиментом товаров, периодом, когда в деревне регулярно появлялся торговец не только скотом и свиньями, но также потребительскими товарами, продовольствием и галантереей. Характерной особенностью этого периода, по мнению респондентов, был отход от автаркической экономики Курпи, когда начали покупаться продукты питания, мебель, одежда»³. Воспоминания крестьян совпадают и с исследованиями Эдварда Петрашека, утверждающего, что по сравнению с началом XIX в. в его конце крестьянское хозяйство было в большей степени втянуто в товарообмен, хотя развитие в этом направлении и было медленным, а временами можно даже говорить и об определенном регрессе под влиянием экономических кризисов⁴.

Стремление инвестировать во вторичные виды собственности, такие как одежда, и за счет них поднять свой статус имело в крестьянском сознании глубокие корни. По словам Ирены Турнау, занимавшейся изучением истории одежды с XVI — до середины XIX вв., «народный наряд, так же как и наряд шляхты и мещан, должен был отличать своего владельца от членов других групп, показывая различия в поле,

¹ Kruszynianka Ludwina. Zpod Leoncina // Zariane. 1912. № 52. S. 1319.

² Petrow A. Op. cit. S. 54.

³ Szwengrub L.M. Kształtowanie się kultury dnia codziennego współczesnej wsi kurpiowskiej // Etnografia Polska. 1959. T. 2. S. 274–275.

⁴ Pietraszek E. Op. cit. S. 408.

возрасте и уровне расслоения в пределах деревни»¹. В деревнях Яновского уезда Люблинской губернии еще в 80-х годах XIX в. по обычаям, выговору, наряду можно было понять, из какого района происходит тот или иной крестьянин². Добровольский отмечает, что «осознание деревенской общиной своей специфики проявлялось и в ярко выраженном сознании отличия от других»³. Ян Станислав Быстронь для этого явления приводит давнюю поговорку, подобную русской версии «что город, то норов»: «что деревня, то новая песня»⁴.

Ромуальд Очиковский сообщал в 1900 г., что «когда-то можно было по количеству складок на тыльной части сермяги, не задавая вопроса, узнать, сколько у какого хозяина земли и сколько он из нее засекает, а по комбинации цветов, ширине кушаков на фуфайках, как и по цвету сермяг и по цвету ленты, которой они обшиты, можно было с первого взгляда сказать, из какой деревни крестьянин происходит»⁵. Одежда крестьянина отличалась от мещанской и шляхетской тем, что была короче и с меньшим числом складок⁶.

Одежда являлась одним из видов капиталовложений. Богатые крестьяне и мещане пытались одеться побогаче, что вызывало сопротивление со стороны шляхты: принимались законы против излишеств в одежде, предписания о соблюдении внешнего вида в соответствии со своим сословием⁷. Ко второй половине XIX в. законы, ограничивавшие излишества в одежде, утрачивают свою силу, однако визуальный образ и приписываемое ему значение остаются в крестьянском сознании.

Изменения в крестьянской одежде в изучаемый период шли в двух направлениях: либо традиционный наряд становился более красоч-

¹ Turnau I. Wpływ szlacheckiej i mieszczańskiej odzieży na polski ubiór ludowy w XVI–XIX wieku // Polska Sztuka Ludowa. 1977. № 2. S. 67.

² Encyklopedia rolnictwa... (Opis gospodarstwa cząstkowego we wsi Wólce Ratajskiej...) S. 1059.

³ Dobrowolski K. Chłopska kultura tradycyjna (Próba teoretycznego zarysu na podstawie materiałów źródłowych XIX i XX w. z południowej Małopolski) // Etnografia Polski. 1958. T. 1. S. 43.

⁴ Bystron J. St. Etnografia Polski. Poznań, 1947. S. 22.

⁵ Oczykowski R. Opis ubrań włościanek z księstwa Łowickiego w powiecie łowickim // Wisła. 1900. T. XIV. S. 618.

⁶ Kantor R. Ubiór — strój — kostium. Funkcje odzienia w tradycyjnej społeczności wiejskiej w XIX i w początku XX w. na obszarze Polski. Kraków, 1982. S. 42.

⁷ Karwicka T. Ubiory ludowe w Polsce. Wrocław, 1995. S. 26.

ным, либо на смену ему приходила городская одежда¹. Следует заметить, что вместо определения «городская» по отношению к одежде, привнесенной извне, в источниках зачастую понятие «городская одежда» функционирует наравне с — «панская одежда»².

Стремление к внешней демонстрации зажиточности, благополучия приводило к жизни не по средствам. Читатель одной из народных газет отмечал: *«Каждый подражает более богатым, чем он, хочет жить, одеваться и вести себя как они, хоть не имеет к этому нужных средств»*³. Изменившееся отношение к деньгам способствовало тому, что звонкая монета позволяла временами вести шикарную жизнь. Например, при описании крестьян Плоцкой губернии в «Энциклопедии сельского хозяйства» сообщалось, что «порой в городке на базаре крестьянин, желая перед чужим щегольнуть, потратит несколько рублей на вино и сигару»⁴. Кристина Хермановик-Новак отмечает, что в изучаемый период крестьяне демонстративно тратили деньги на одежду, дорогие ткани, украшения и бижутерию⁵.

Изменения в одежде, как уже отмечалось, демонстрировали две основные тенденции: традиционный наряд становился более богатым или сменялся городской одеждой. Петр Богатырев при исследовании моравско-словацкого наряда приходит к выводу, что: «сохранение крестьянами своего костюма не может всюду объясняться дешевизной местного производства в сравнении с городской одеждой. [...] Часто более бедные села скорее переходят к городской одежде, чем богатые села, особенно если в более бедной деревне можно найти более выгодную работу, чем выработка домашнего полотна»⁶. Стремление к кра-

¹ См.: *Bystron J. St.* Kultura ludowa, Warszawa, 1936. S. 49.

² Muzeum Etnografii im. Seweryna Udzieli w Krakowie (MESUK). Zbiory Działu dokumentacji kultury ludowej i historii muzeum. Materiały sztuki PAN. Kolekcja Romana Reinfussa. L.law.37769. Teka 455/291 — Rozmowa z respondentką (ur. 1896) przeprowadzona w 1956 r. we wsi Bartniki, gmina Karabiewice, powiat Skierniewice.

³ B. Z Brześcia Kujawskiego // Gazeta Świąteczna. 1885. № 245. S. 5.

⁴ Encyklopedia rolnictwa... (Opis gospodarstwa cząstkowego w osadzie Rembowo gubernii płockiej, powiat płocki, gmina Rembowo, własność Józefa Biernata). S. 1072.

⁵ *Hermanowicz-Nowak K.* Odzież // Etnografia Polski. Przemiany kultury ludowej. T. 1. Red. M. Biernarckiej. Wrocław [etc.], 1976. S. 403.

⁶ *Богатырев П. Г.* Функции национального костюма в Моравской Словакии // *Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. М, 1971. С. 319.

сочности, богатству традиционной одежды в пореформенный период в Царстве Польском было своего рода обретением запретного плода, в то время как обращение к городской одежде могло бы свидетельствовать о более модернизированном сознании крестьян. Например, Ирена Турнау указывает на то, что традиционный наряд удерживался в районах, отдаленных от «основных цивилизаторских направлений», в среде бедных крестьян¹. В связи с указанными крайними точками зрения о процессе перемен в традиционной одежде крестьян представляется интересным высказывание одной из респонденток из Люблинской губернии: «В деревне всегда одевались «на шляхетский лад», то есть в материалы, купленные в магазинах»². Можно предположить, что городская культура в крестьянском сознании была эквивалентом шляхетской культуры, а стремление приблизиться к ней носило достаточно традиционный характер, для того, чтобы стать паном, надо было «сбросить сермягу и купить немецкий шлафрок»³.

Основная тенденция, которая продолжает сохраняться в крестьянской среде, выражается в том, что «будничная одежда является, прежде всего, вещью, праздничный же костюм — преимущественно знаком»⁴. Разграничение на будничную и праздничную одежду видно в письмах эмигрантов, в письмах корреспондентов и в этнографических исследованиях и материалах. Винценты Польский писал из США: «ничего не оставляй, даже если кто тебе скажет, что там в таком не ходят. Тут все пригодится и для работы, и в праздник, тут нет никакой разницы ни в одежде, ни в моде»⁵. Анжей З. из Люблинской губернии сообщал: «Здесьняя молодежь не пренебрегает отцовской сермягой. За исключением праздничного сюртука и брюк они носят одежду домашнего производства. Девки также не одеваются в еврейское тряпье, хоть и живут рядом с городом. Правда, праздничная одеж-

¹ Turnau I. Op.cit. S. 72.

² MESUK. L.law. 55734. Tekal84/116 — Rozmowa z respondentką (ur.1863) przeprowadzona w 1960 r. we wsi Boisko, powiat Opole, Północne Lubelskie.

³ J. Maj. Ze wsi Babina w powiecie lubelskim // Gazeta Świąteczna. 1897. № 835. S. 7.

⁴ Богатырев П.Г. Указ.соч. С. 353.

⁵ Listy emigrantów... — List № 192: Wincenty Polski z Manistee, Mich. do M. Gierenia, Kleczew, powiat Koliński. 24.04.1891. S. 258.

да у них из фабричного материала»¹. Хелховский в материалах из Плоцкой губернии отмечает, что «будничную одежду женщины шьют сами, праздничную делают им деревенские и городские модистки. [...] Мужчинам модная одежда покупается на ярмарках и в храмовые праздники у еврейских торговцев на толкучке»². Крестьянка Хелена Ежило вспоминала, что еще до первой мировой войны хозяева из тех, что позажиточнее, использовали одежду домашнего производства только для работы. Праздничная одежда, как мужчин, так и женщин изготовлялась из фабричного материала³. Будничная одежда не всегда шилась специально: крестьяне могли донашивать сносившуюся выходную одежду. Как писал Антоний Малиновский из Петроковской губернии, «мы одеваемся в праздники по-городскому, а в рабочие дни как придется»⁴.

Развитие товарных отношений между городом и деревней приводит к тому, что в крестьянской жизни прочно утверждается понятие моды, которое, как будет показано далее, распространяется не только на традиционную одежду, но и на городскую. При этом модным считается, как пишет Анджей Возняк, выходной наряд. Он обращает внимание на то, что в отличие от будничной одежды праздничный наряд носили «чопорно, с благоговением, скорее как украшение, чем как одежду»⁵.

Символический капитал крестьянина, важной частью которого являлась одежда, по-прежнему базировался на знаках, свидетельствующих об имущественном различии и сословной принадлежности, однако в изучаемый период он создается за счет подмены одних знаков другими. Более того, знаковая система символического капитала начинает подвергаться влиянию моды. Иллюстрацией тому может служить цитата из письма Яна Навроцкого из Сувальской губернии: «Встречал ли кто раньше такие изыски, какие теперь увидишь у каждой девицы? Раньше даже дочка богатого пана не носила та-

¹ Andrzej Z. Ze wsi i gminy Majdanu-Górnego w powiecie tomaszowskim, gubernii lubelskiej // Gazeta Świąteczna. 1898. № 933. S. 6.

² Chelchowski St. Op. cit. S. 8.

³ MESUK. L.law.76817 Teka 316/135 — Rozmowa z Heleną Jeżyło (ur.1884) przeprowadzona w 1968 r. we wsi Kały, gmina Lipniki, powiat Kolno

⁴ Antoni Malinowski. Ze wsi Helenowa w powiecie piotrkowskim // Gazeta Świąteczna. 1901. № 1071. S. 2–3.

⁵ Woźniak A. Niedziela ubogiej damy, czyli o modzie wśród żywardowskich robotników na przełomie XIX i XX wieku // Materiały do etnografii miasta. Red. A. Stawana. Żyrardów, 1992. S. 17.

кого кафтана, как теперь крестьянка; хоть и бедна, она блестит украшениями в немецком кафтане. Когда войдет в костел, не держит в руке книги, только глядит на бахрому и ленты»¹.

До середины XIX в., а даже и позднее, как утверждает Ришард Кантор, характерной особенностью народной одежды на большей части территории Польши был ее архаический характер, она шилась из полотна домашней работы и не отличалась особой декоративностью². Подтверждение тому можно найти и в письмах в «Газету Сьвѣнтечную». Из деревни Менки Серадского уезда Калишской губернии корреспондент хвалил крестьян за то, что они «не меняют стародавних нарядов»³. О крестьянах деревни Батожа Люблинского уезда в 1896 г. читатель той же газеты писал: «Одеваются скромно, по большей части используют одежду собственного производства. Земля тут урожайная, и хоть у каждого небольшой кусок земли, однако после жатвы им есть, что отвезти в риги»⁴. В деревне Жарновицы Петроковского уезда крестьяне в 1902 г. продолжали носить одежду собственного производства⁵.

На рубеж XIX–XX вв. приходится расцвет стремления к декоративности традиционной одежды⁶. Корреспондент из Стопницкого уезда Келецкой губернии сообщал, что крестьянки платят за шитье и вышивку рубашки, или какого кафтана, или платка больше, чем сам материал стоил, а когда крестьянка «идет в костел так этими дырками в вышивке чванится и гордится»⁷. Достижение желаемого результата требовало, как отмечается в источниках, немалых средств. Ян З. из деревни Тшешковицы Люблинской губернии писал, что особенно на женскую одежду много денег уходит: «Разноцветные платки шерстяные или хлопчатобумажные по цене от пары золотых до нескольких рублей; юбки фабричные; фартуки обычно хлопчатобумажные; кофточки короткие до пояса или за пояс, так называемые «клинышками» из покупно-

¹ Jan Nawrocki. Ze wsi Kamienia w powiecie augustowskim, gubernii suwałskiej // Gazeta Świąteczna. 1905. № 1267. S. 6.

² Kantor R. Op.cit. S. 41.

³ J.P. Z Męki w powiecie sieradzkim // Gazeta Świąteczna. 1892. № 618. S. 6.

⁴ J.W. Ze wsi Batorza w powiecie janowskim, gubernii lubelskiej // Ibid. 1896. № 815. S. 6–7.

⁵ S.B. Ze wsi Żarnowicy w powiecie piotrkowskim // Ibid. 1902. № 1133. S. 7.

⁶ Hermanowicz-Nowak K. Op.cit. S. 381.

⁷ S.A. Z parafji Janiny w powiecie stopnickim, gubernii kieleckiej // Gazeta Świąteczna. 1900. № 1014. S. 6.

го материала. У каждой взрослой девицы или женщины есть коралловые бусы стоимостью от 5 до 25 рублей. Зимой носят длинные до самой земли кафтаны из красивого синего материала с подкладкой или на вате, с воротниками, спускающимися аж за спину. Цена такого кафтана от 10 до 20 рублей. Красивый это наряд, но дорогой»¹. Ромуальд Очиковский сообщил: «Народ из региона Лович консервативен, к земле привязан. Старшее поколение придерживается собственной традиционной одежды и следит, чтобы молодежь ничего нового не приносила. Раньше их наряд не был таким дорогим, как теперь, но везде время вершит свое — стремление к излишеству, полотно, сукно из шерсти собственной работы заменяют материалом, шелком и т. д.»². Каролина Сквишинская писала, что в Томашовском уезде Люблинской губернии «женщины побогаче появляются даже в бархатных кофтах»³.

В связи с дороговизной так называемого традиционного наряда интересны замечания и выводы Богатырева относительно русской деревни. Он отмечает, что «при встрече двух культурных фактов, принадлежащих двум различным народам или двум различным социальным слоям того же народа, нужно принимать во внимание не только силу нападающего, но и силу обороняющегося»⁴. Он приводит пример русских крестьян XVIII в., «которые покупали в городе шелк, парчу, кофе, французскую водку, но были при этом настолько мощными, что не уступали городу ни в чем и были способны сохранить свои обычаи, свой костюм, содержащий элементы, характерные еще для XVI века»⁵.

Представляется, что широко используемый в литературе термин традиционный наряд, а также эпитеты, подчеркивающие его давность, в случае праздничного наряда крестьян Царства Польского не до конца отражает сложившуюся в изучаемый период ситуацию. В письмах в народные газеты периодически подчеркивался отход крестьян от сермяг, что, по мысли авторов писем, должно было свидетельствовать о потере традиционного наряда. Вместе с тем, как отмечает Кантор, «символом богатства деревни были кожухи, чаще всего козы, в лучшем случае бараньи. Сукно было редкостью, крестьянские сермяги — это в основном

¹ Jan Z. Ze wsi Trzeszkowice, gminy Mełgiewskiej w powiecie lubelskim // Ibid. 1892. № 583. S. 6.

² Oczykowski R. Op. cit. S. 618.

³ Skrzyńska K. Wieś Krynice w Tomaszewskim // Wisła. 1888. T. II. S. 86.

⁴ Богатырев П. Г. Указ. соч. С. 321.

⁵ Ibid.

результат обогащения части крестьянства в XIX в., в особенности в его второй половине»¹. Интересны и воспоминания галицийского крестьянина Яна Сломки: «Около 1860 года летом, как и зимой, в праздники и будни одевались в белую одежду, белый цвет в одежде из домашнего полотна в основном господствовал, но любящие принарядиться женщины и девки надевали уже цветные юбки и запаски из магазинных материалов, а кроме того магазинные платки, безрукавки [...] Около 1870 года пришла новая мода. У некоторых женщин было более двадцати магазинных юбок, запасок, платков, чепцов — каждая старалась как можно более модно одеться, а на каждый праздник или свадьбу принарядиться по-новому [...] Была еще такая мода: женщины надевали по несколько юбок, по пять и шесть, наверху самая красивая, а на самом деле самая новая, да и по несколько рубашек надевали. Гордостью было, если женщина выглядело широкой и тучной, когда еле в двери проходила. Позднее пришла мода ужиматься, и женщины старались быть тонкими в талии [...] Около 1875 года появились блузки и рубашки из магазинных материалов, пришло короткое платье, но всегда удерживалась деревенская мода»². В приведенной цитате интерес вызывает понимание Сломкой слова «мода». Изменения в традиционной одежде он связывает с модой, а одновременно замечает, что, хотя многие элементы наряда покупались в магазине, деревенская мода сохранялась, т. е. сохранялась определенная знаковая система, содержащая элементы предыдущих эпох.

Традиционный костюм, который одновременно является праздничным, подвергался в изучаемый период воздействию моды, функционирующей в рамках признанного крестьянской средой знакового пространства. В этой связи интересно обратить внимание на то, как понятие моды использовалось самими крестьянами применительно к изменениям в традиционном наряде. Один из респондентов вспоминал, что «безрукавки женщины начали носить только около 1900 г., до этого они не были модными. Безрукавки были черные, бархатные. Безрукавки женщины шили дома, беря одна у другой выкройку»³. Катажина Гузек

¹ Kantor R. Op.cit. S. 54–55.

² Słomka J. Pamiętnik włościanina od pańszczyzny do dni dzisiejszych. Tarnobrzeg, 1994. S. 20–21.

³ MESUK. L.law.46493. Teka184/47 — Rozmowa przeprowadzona w 1958 r. we wsi Kłodnica, gmina Kłodnica powiat Bełżyce.

утверждала, что «согласно давней моде фартуки были в полоску на зеленом или голубом фоне. Когда ей было 10 лет, начали носить одежду по «ловицкой моде», тогда и фартуки изменились»¹. Респондентка из бывшего Ловицкого уезда Варшавской губернии вспоминала: «В Злакове Боровом женщины придумывали моду из головы. Когда я шла спать, так мне снилось, как узор так сделать, чтобы люди восхищались и удивлялись. [...] Часто пара девушек сходилась и думала, как что «улучшить», сидели, пока не придумывали, и была новая мода. Моды часто менялись — каждый год, что-то новое носили, потому что было такое соревнование: «ты красиво сделала, а я еще красивей»².

Соответствие моде свидетельствовало о богатстве и успехе — А. Бакаларский писал жене из Бразилии: «Теперь пишу тебе моя Катя, чтобы ты не покупала ничего из одежды, потому что в Бразилии можно гораздо лучшее купить, потому что тут только английские и французские товары, и можно почти за ту же цену, что в Польше купить, а во вторых, в такой одежде в Бразилии не ходят, только в тонком и легком, а в шерстяной одежде даже самые богатые не ходят, потому что в моде только такие товары»³.

Крестьянская одежда рубежа веков была результатом удивительного симбиоза деревенских представлений о красоте, престиже, связанном с пониманием «высокой» культуры, и возможностей, которые предоставлял начинающий развиваться рынок. Стремление к вычурности в народном костюме может объясняться последствиями глубокого влияния на польскую деревню эпохи барокко и контрреформации. Кристина Херманович-Новак пишет, что на рубеже XIX и XX вв. вплоть до первой мировой войны народный костюм переживает период «барокко», когда «не город, а шляхетская усадьба становятся непревзойденным образцом для подражания»⁴. В свою очередь Богатырев при изучении различий в традиционной одежде католиков и протестантов приходит к выводу, что «большая пестрота в костюме католиков не объясняется только меньшей строгостью в религиозных взглядах

¹ Ibid. L.law.34565 Teka 455/4 — Rozmowa z Katarzyną Guzek (ur.1912) przeprowadzona w 1956 r. we wsi Białynin, powiat Skierniewice.

² Ibid.L.law.37753. Teka 455/255 — Rozmowa przeprowadzona w 1956 r. we wsi Złaków Borowy, gmina Złaków Kościelny, powiat Łowicz.

³ Listy emigrantów... — List № 24: A. Bakalarski z Florianópolis, Santa Catarina do zony i dzieci (adres nieznan). 10.02.1891. S. 149–150.

⁴ Hermanowicz-Nowak K. Op. cit. S. 403.

(или более простыми церковными обрядами у протестантов). По-видимому, большее влияние барочного стиля объясняется здесь главным образом тем, что пропагандистами и распространителями этого стиля были во многих случаях католическое духовенство и в еще большей степени — ремесленники, мастера народно-церковного католического искусства, которые были близки к католической церкви и которые использовали в своей работе барочный стиль: это и образки в церковных книгах, и образки на стекле и других изделиях, продаваемых в костелах, при костелах, на ярмарках и т. д. Естественно, что все это способствовало распространению барочного стиля и барочной вычурности у католиков, а с другой стороны, вынуждало протестантов быть сдержанными по отношению к этому стилю»¹.

Тереза Карвицкая отмечает, что стремление к пестроте и красочности традиционного костюма проявлялось в вышивке, образцы которой крестьянки брали чуть ли не из печатных изданий и фабричных материалов². Адаптация определенных элементов в традиционном наряде была подобна механизму адаптации, характерной для народной живописи и прикладного искусства. Александр Яцковский и Ядвига Ярнушкевичова при изучении народных икон обращают внимание на то, что образец мог быть не до конца понят. «Непонятные элементы художник заменял, и так появлялись прекрасные в своей наивной поэзии «Святые Семейства», в которых сломанные наконечники стрел в руке младенца превращались в грозди черешни или букет цветов. Определенные упрощения были продиктованы и отличием используемой техники»³. Кристина Херманович-Новак показывает в своей статье возможные комбинации, характерные для традиционной одежды переходного периода: а) использование фабричного материала при сохранении традиционной одежды; б) адаптация модных частей или элементов одежды к традиционной одежде; в) введение в традиционный наряд готовых покупных частей одежды, служащих украшением праздничного наряда⁴. Изменения также могли происходить в крое: «*Наряд у нас собственного изготовления [...], но уже не тем кроем шит, какой носили наши деды.*

¹ Богатырев П.Г. Указ.соч. С. 324.

² Karwicka T. Op. cit. S. 135–136.

³ Jackowski A., Jarnuszkiewiczowa J. Sztuka ludu polskiego. Warszawa, 1967. S. 13.

⁴ Hermanowicz-Nowak K. Op.cit. S. 403.

Над тем кроем насмеваются зеленые юнцы-модники¹. Интересной особенностью было и стремление «подделать» собственную работу под фабричную: Антоний Абрамчик из Пултуцкого уезда Ломжинской губернии сообщал, что женщины «умеют так ткать, что мужчины говорят, чтобы им шили одежду из их материала, который выглядит как фабричный»². Элементы городского наряда настолько могли вытеснять традиционный наряд, что одной из переходных форм было ношение отдельных частей традиционной одежды³.

Изменения в традиционной одежде привели к тому, что, как с горечью замечал Ромуальд Очиковский, «наступило такое замешательство, что не только отдельный наряд каждой деревни или прихода перемешался, но и отдельные части наряда теперь по несколько названий имеют, так что не только мне, но и самому крестьянину в описании одежды Ловицкого княжества сложно сориентироваться»⁴.

На свадебных фотографиях крестьян конца XIX — начала XX в. невесты в традиционной одежде украшают голову фатой или в белых свадебных платьях со шлейфами идут под венец с женихами в сермягах. Такие важные части праздничной одежды как фата носили знаковый характер, были символом начала изменений в одежде, поведении. Например, одна из респонденток вспоминала в 1958 г., что в 1902 г., когда она выходила замуж одетая в светло-кофейного цвета платье, она одной из первых украсила голову фатой⁵. Новые привнесенные элементы носили, по мнению Добровольского, ярко выраженный чуждый характер по отношению к традиционной культуре, результатом чего становится культурная дисгармония, происходит распад традиционной крестьянской культуры⁶. Иллюстрацией тому могут служить результаты исследования Януша Сьвежи в Люблинской губернии, отме-

¹ J.M. Ze wsi Kępiny w powiecie łowickim, gubernji warszawskiej // Gazeta Świąteczna. 1901. № 1051. S. 9–10.

² Antoni Abramczyk, włóścianin. Ze wsi Ochodna pod Wyszkowem // Ibid. 1887. № 320. S. 4–5.

³ MESUK. L.law.76805. Teka 316/103 — Rozmowa z respondentką (ur.1891) przeprowadzona w 1968 r. we wsi Olszyny, gmina Bożejewo Stare, powiat Łomża.

⁴ Oczykowski R. Op.cit. S. 618.

⁵ MESUK. L.law.46476. Teka 184/2 — Rozmowa z respondentką (ur.1880) przeprowadzona w 1958 r. we wsi Zaranów, gmina Bałężów, powiat Bychowa.

⁶ Dobrowolski K. Trzy studia z teorii kultury ludowej // Etnografia Polski. 1964. T. 8. S. 13.

чавшего, что под влиянием мещанской моды второй половины XIX в. примерно до 1920 г. женщины носили тюлевые чепцы; в деревнях, где тюлевые чепцы пришлось по вкусу, вскоре исчез и традиционный наряд, там же, где они не вошли в моду, традиционный наряд еще сохранялся достаточно долгое время¹.

Читатели народной прессы неустанно информировали об изменениях в деревенской моде. Из Меховского уезда Келецкой губернии Франчишек К. в 1892 г. сообщал, что женщины ходят в драповых, бумазейных, фланелевых, люстриновых кофтах, накидывая сверху шерстяные платки, мужчины носят чаще всего черные лапсердаки, жилетки, куртки, черные бараньи шапки². В 1895 г. житель того же уезда сообщал, что «девицы [...] одеваются в платья с разными еврейскими украшениями, а челки носят такие длинные, что почти лба не видно. Каждая, что так оденется выглядит как еврейка, хоть и является дочерью крестьянина»³. Читатели из Яновского и Билгорайского уездов Люблинской губернии в 1891 и 1901 г. писали: «молодым людям захотелось «панамы» стать. Вместо давних красивых отцовских сермяг сыновья одеваются в какие-то короткие куртки, в которых они больше на чертей похожи, чем на людей. Белый из домашнего полотна кафтан заменяют на бумазейный»⁴; «начинают носить крапчатые жилетки и брюки, и ботинки на низких каблуках с острыми носами»⁵. Еще в 1888 г. Каролина Скиншинская отмечала, что в Томашовском уезде деревенские шеголи начали носить черные сюртуки⁶. Перечисленные уезды Келецкой и Люблинской губернии граничили с Австро-Венгерской империей, откуда, как сообщает Януш Камоцкий, крестьяне контрабандой провозили дешевую и лучшего качества одеж-

¹ Świeży J. Ludowe stroje głów kobiecych w województwie lubelskim // Prace i Materiały Etnograficzne. 1961. T. XVIII. Cz. I. S. 411.

² Franciszek R. Ze wsi i gminy Łętkowic w powiecie miechowskim, gubernii kieleckiej // Gazeta Świąteczna. 1892. № 599. S. 6.

³ N.Cz. Z Kazimerzy Wielkiej w powiecie miechowskim, guberji kieleckiej // Ibid. 1895. № 779. S. 6.

⁴ Ożarowski F. Wieś Krzemień w powiecie janowskim, gubernii lubelskiej // Ibid. 1891. № 539. S. 3.

⁵ K.D. Ze wsi Przymiarek w powiecie biłgorajskim, gubernii lubelskiej // Ibid. 1901. № 1053. S. 6–7.

⁶ Skrzyńska K. Op.cit. S. 86.

ду в обмен на табак, чай, еду и обувь¹. Один из респондентов сообщил ему, что в Галиции начали раньше одеваться на городской лад, потому что там «народ был более ученый»².

Влияние Пруссии (в приграничных зонах, также как и на границе с Австро-Венгрией крестьяне занимались контрабандой спирта, одежды и других товаров³) сказывалось на наряде крестьян, живущих в граничащих с ней уездах Царства Польского, хотя с другой стороны недалеко находилась лодзинская текстильная промышленность. Читатель из деревни Годово, расположенной на границе с Пруссией, сообщал, что крестьянки ходят в кофтах с браслетами, в юбках на застёжке, шляпах, перчатках и подстриженной челкой⁴. Хелховский, описывая Липновский уезд Плоцкой губернии, отмечал, что в праздники крестьяне надевают модные жакеты, тужурки, пиджаки, штiblеты, манжеты, воротники, галстуки. Крестьянки ходили в модных ситцевых или шерстяных платьях, на голове у них были чепцы с кучей ленточек или шляпы, а в жару они использовали зонтики⁵. Именно за такой наряд ругал крестьян Липновского уезда один из читателей в 1891 г.: «смотреть противно на эти платья с турнюром и модные шляпы»⁶. В соседнем Плоцком уезде в 1886 г. крестьянская молодежь в костел или на ярмарку отправлялась «в элегантных шляпах или шапочках, под подбородком торчал твердый воротник и галстук за пару золотых на шее», дальше шел узкий жакет, обязательным дополнением были черные тонкие перчатки и тросточка, «брюки у такого крестьянского сына, — сообщал читатель, — всегда модные, приспущены на штiblеты или обычные ботинки»⁷.

В удаленных от границ частях Царства Польского кое-где также царила городская мода. За воротники и галстуки ругал молодежь в 1911 г. читатель под псевдонимом Слуга Правды из Опатовского уезда Ра-

¹ MESUK. II/885. 1966 — Kamocki J. Badania terenowe na powiśle sandomiersko-tarnobrzeskim. S. 28.

² Ibid. S. 16.

³ См.: W.D. jeden z parafjan. Z pewnej wsi niedaleko od Częstochowy i od straży granicznych prusko-rosyjskich // Gazeta Świąteczna. 1885. № 225. S. 5.

⁴ Gospodarze wsi Godowa. Z okolicy miasteczka Opola // Ibid. 1892. № 615. S. 2.

⁵ Chełchowski St. Op.cit. S. 128–129.

⁶ M.C. Z okolic Lipna w gubernii płockiej // Gazeta Świąteczna. 1891. № 524. S. 6.

⁷ M.M. O zarzucaniu zwyczajów, które ojcowie nasi zawsze szanowali. 1886. № 306. S. 2–3.

домской губернии¹. Другой читатель сообщал: «в том, что касается одежды, если бы только могли, панов бы переплюнули. Отцы ходили в сермяге собственной работы, летом в соломенной шляпе, а зимой в бараньей шапке, а их сыновья летом и зимой ходят в фуражках, в красных бумазейных кафтанах и воротничках»². В деревне Ягодне Седлецкой губернии девицы «верхом моды и элегантности считали «магазинные» кофты и фартуки, открытые головы с цветами в косах»³. Из Варшавской губернии читатель сообщал: «Все стараются одеться по последней моде, хоть в кармане пусто [...] А кто побогаче, к нему лучше и не подходить, кажется ему, что всех он выше»⁴. Следует сказать, что влиянию моды была подвержена не только молодежь, но и крестьяне среднего возраста, имевшие уже собственное хозяйство. Как писал читатель из Ленчицкого уезда Калишской губернии: «А еще смешнее того, что молодым сумасбродам уподобляются некоторые солидные хозяева»⁵.

Важным дополнением наряда были прическа и головной убор. Очковский отмечал: «чем больше у девицы приданое, тем больше ленточек, тем они шире, дороже и длиннее»⁶. В костел девушки носили гипюровые шали в цветы, которые надевали на голову, или набрасывали на плечи⁷, иногда использовали живые или искусственные цветы, а также шиньоны⁸. Девицы берегли лицо от солнца и ветра⁹. Те крестьянки, что были побогаче и хотели это подчеркнуть, покупали у модисток шляпы и надевали их в праздничный день в костел¹⁰. «Рогатые»

¹ Sługa Prawdy. Ze wsi i gminy Częstocic w powiecie opatowskim, gubernii radomskiej // Ibid. 1911. № 1591. S. 6.

² W okolicach Zwolenia // Ibid. 1891. № 537. S. 3.

³ Wasilewski Z. Jagodne. Zarys etnograficzny. Warszawa, 1889. S. 20.

⁴ Wyszковиак Z. Wyszkowa w powiecie pułtuskim, gubernii warszawskiej // Gazeta Świąteczna. 1897. № 846. S. 6.

⁵ S.M. Z Tumu pod Łęczycą // Ibid. 1891. № 544. S. 6.

⁶ Oczykowski R. Op.cit. S. 620.

⁷ MESUK. L.law.33761. TeKa 435/10 — Rozmowa przeprowadzona we wsi Suraz, powiat Łapy, województwo białostockie.

⁸ Chelchowski St. Op.cit. S. 129.

⁹ Czytelnik. Ze wsi Jaklut-Wielkich w powiecie ciechanowskim, gubernii płockiej // Gazeta Świąteczna. 1904. № 1250. S. 6.

¹⁰ Stały czytelnik Gazety. Z okolic miasta Wyszogrodu nad Wisłą // Ibid. 1892. № 607. S. 6.

шапки (тип конфедератки. — М.К.), которые в Сувальской губернии называли шапками «на четыре губернии»¹, заменялись мужиками на «панские шапки и фуражки»², а возвратившиеся из Америки крестьяне щеголяли в «диких шляпах и галстуках»³.

Необходимым элементом одежды, а также важной частью статуса была обувь: башмаки, туфли с острыми носами, штиблеты, сапоги, калоши. Особой популярностью в начале XX в. в Келецкой губернии пользовались семирублевые на высоком каблуке сапоги гармошкой с лаковыми крагами⁴. При работе и в пути крестьяне снимали обувь⁵. Титус Смоджевский из Петроковской губернии сообщал: «Крестьянин, идя несколько верст к родителям, несет калоши в руках напоказ, только за несколько шагов до деревни надевает их на испачканные ботинки»⁶. В обуви входили в костел, в дома к незнакомым и в магазины, как правило, надевали ее в воскресные и праздничные дни⁷. Петр Богатырев писал о подобном отношении к обуви у российских крестьян, например, калоши они, а «главным образом молодежь, носили преимущественно не в грязь, а в праздничные и солнечные дни. Основной функцией калош в городе является предохранение ног от сырости и грязи, основной функцией тех же калош в деревне является функция эстетическая. В калошах каждый парень красавец»⁸. В наряде, о чем писал Богатырев, переплетаются различные функции, однако кроме эротической и эстетической, важное место занимает и функция престижа.

¹ MESUK. L. law. 16351 Teka 435/149 — Reinfuss R. Ubiory ludowe w powiecie suwalskim i augustowskim. Sprawozdanie łączne z penetracyjnych badań terenowych odbytych w dniach 11–14 IV 1953.

² Siennicznin. Z Siennicy Różanej w gubernii lubelskiej // Gazeta Świąteczna. 1900. № 1016. S. 6.

³ W.F. Z pod miasteczka Zaklikowa w gubernii lubelskiej // Ibid. 1908. № 1422. S. 6.

⁴ J.S. Ze wsi Brzezina w powiecie kieleckim // Ibid. 1901. № 1066. S. 7.

⁵ Chełchowski St. Op. cit. S. 129.

⁶ Tytus Smodzewski. Ze wsi Siemoni pod Będzinem w gubernii piotrkowskiej // Gazeta Świąteczna. 1903. № 1150. S. 7.

⁷ Oczykowski R. Op. cit. S. 625; Thomas W.I., Znaniecki F. Chłop polski w Europie i Ameryce. T. 1. Warszawa, 1976. S. 305.

⁸ Богатырев П.Г. Указ. соч. С. 362.

Праздничный наряд был неполным без носового платка¹, перчаток, тросточки, зонтика и карманных часов. Раньше часы носил ксендз, помещик, или управляющий², да и используемый носовой платок, судя даже по загадке, записанной Кольбергом (*Нос течет. Пан в карман, а мужик в землю. (С и без носового платка)*)³, не входил в крестьянский наряд. В воскресный или праздничный день приодевшийся крестьянин, закурив сигару, шел в костел⁴. Из Келецкой губернии один из читателей сообщал: «*Как придет воскресенье, как все нарядятся, тогда на кого ни посмотришь — истый граф и графиня. Мужики отпустили такие баки, как раньше носил граф, а как соберутся под костелом, так некоторые себя по бакам глядят*»⁵. Из Калишской губернии Н.Н. жаловался: «*И бабы не те, что были прежде [...] каждая надушится, на помадится, аж мутит. Что поделать, такая уж мода*»⁶.

Еще в 1894 г. Кароль Качковский, жалея о том, что крестьянин забросил свой родной наряд, отмечал: «на сегодня его удовлетворяет внешняя форма, имеющая большое значение, это первый знак стремления взойти по социальной лестнице, предвестник будущих желаний и стремлений»⁷. Тадеуш Северын в стремлении крестьян к городской одежде видел начало социального равенства⁸. Однако с этим мнением трудно согласиться, поскольку как в рабочей, так и в крестьянской среде моде было подвержено, прежде всего, то, что носило репрезентационный характер⁹. Одна из респонденток на вопрос о том, как одевались крестьяне во времена ее молодости, ответила: «*как кого было*

¹ Ibid. S. 619.

² Woźniak A. Op.cit. S. 17.

³ Kolberg O. Zagadki z Lubelskiego od Krasnego-Stawu i Gorzkowa // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. 1885. T. IX. S. 301.

⁴ Czytelnik Z. Piotrkowa-Kujawskiego // Gazeta Świąteczna. 1902. № 1096. S. 6.

⁵ J.B. Z Chrzastowa w powiecie włoszczowskim, gubernii kieleckiej // Ibid. 1894. № 720. S. 6.

⁶ N.N. Ze wsi Grodźca, w powiecie słupeckim gubernii kaliskiej // Ibid. 1887. № 313. S. 6–7.

⁷ Kaczkowski K. Gospodarstwo włościańskie // Encyklopedia Rolnicza. T. 3. Warszawa, 1894. S. 521.

⁸ Seweryn T. Rozdroża sztuki ludowej. Warszawa, 1948. S. 7.

⁹ Woźniak A. Op. cit. S. 17.

стать, так того было знать»¹. Такое отношение никак не могло привести к социальному равенству. Появившаяся в крестьянской среде мода и регулярная ее смена была скорее признаком динамической социальной структуры².

В заключение следует сказать, что способы выражения символического капитала касались не только одежды, но и убранства крестьянского дома, еды, манеры поведения и речи, возможностей отдыха. Одним из важнейших составляющих успеха было употребление определенных продуктов питания. Понятие хорошей еды являлось эквивалентом шикарной, господской жизни. Хорошее питание свидетельствовало о благосостоянии крестьянина и являлось частью его самоидентификации и символического капитала.

Подчеркнуть свое положение можно было не только с помощью наряда, но и с помощью определенной манеры поведения и с помощью речи. Кроме того, статус крестьянина зависел от того, каким образом он проводил свободное время. Новый образ жизни обязывал все чаще бывать на людях. Активизация социальной жизни произошла благодаря изменившимся экономическим условиям, появлению денег, заработанным вне хозяйства.

Важно отметить, что происходившие изменения в одежде, убранстве домов, манере поведения носили характер эпидемий, охватывая молодых и среднего возраста крестьян. Огромное влияние на состояние символического капитала крестьян оказали функционирующие на протяжении всего изучаемого периода стереотипы о жизни высших слоев общества, с оглядкой на них и строилась шкала ценностей, согласно которой оценивалась достойная жизнь.

¹ MESUK. L.law.9248. Teka TCXXXIII / 367 — Rozmowa z respondentką (lat 82) we wsi Rytwiany, gmina Rytwiany, powiat Sandomierz.

² См.: Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 125.

**III. НЕДОРЕШЕННЫЕ
ПРОБЛЕМЫ СТРОИТЕЛЬСТВА
НАЦИИ И ГОСУДАРСТВА**

НА ПУТИ К СЕРБСКОЙ НАЦИИ: ВЗГЛЯД СНИЗУ (1804–1835 гг.)¹

Известный чешский историк Мирослав Хрох выделил три фазы в развитии национальных движений «малых» народов Европы. На первой из них (фаза А) изучение культурных, языковых, социальных и исторических черт этнической группы диктует преимущественно академический интерес, а информирование о них носит просветительский характер. Во втором периоде (фаза В) новое поколение активистов переходит к национальной агитации для реализации сложившейся программы, с тем чтобы «разбудить» сознание соотечественников. Сначала они, как правило, не достигают значимых успехов (первая полуфаза), но затем аудитория становится более восприимчивой к их лозунгам (вторая полуфаза). В фазе С движение становится массовым, формируется полная социальная и партийно-политическая структура национального целого. Балканские движения, включая сербское, Хрох отнес к повстанческому типу, когда переход к фазе С происходит в рамках старорежимного (феодалного) общества, еще до промышленного переворота с его социальными переменами и гражданской унификации как следствия буржуазной революции и/или введения конституции. Именно этот тип в силу отсутствия необходимых источников и специфики научных интересов не получил эмпирической проверки в монографиях и статьях историков².

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 04-01-00047а.

² *Hroch M. Die Volkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Eine vergleichende Analyse zur gesellschaftlichen Schichtung der patriotischen Gruppen.* Praha, 1968. *Idem. Social preconditions of national revival in Europe.* Cambridge, 1985; *Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; Пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой,*

Очевидно, когда сроки развития национальных движений сжимаются, происходит наложение нескольких фаз друг на друга. Но это не значит, что они завершаются одновременно. Более того, последовательность может нарушаться. Движение носит «вспышечный» или скачкообразный характер: приливы активности сменяются спадом и возвращением к не пройденной фазе становления. Чересполосная периодизация повстанческого движения приобретает вид слоеного пирога.

В сербском случае необходимо учитывать разную динамику и характер развития австрийского и турецкого пространства, хотя они были связаны и влияли друг на друга. До начала восстания сербов Белградского пашалыка в турецкой части национальное движение (его не следует путать со стихийными выступлениями на этнической и религиозной почве) либо полностью отсутствовало, либо проявлялось крайне слабо. Идея гомогенной языковой и кровнородственной нации была привнесена в среду австрийских сербов вместе с просветительскими воззрениями. В конце XVIII века начался процесс ее словесного картографирования, каталогизации и описания, который интенсифицировался позднее. Уже в первых манифестах сербского «национального возрождения» можно видеть стремление сконструировать полную социальную структуру «славного» народа. Наличие пропагандистского элемента в них следует связать с длительным опытом конфессионального и церковно-административного конфлик-

М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М., 2002. С. 121–145; *Бобрович М.А.* Мирослав Грох: формирование наций и национальные движения малых народов // *Нация и национализм: Проблемно-тематический сборник / РАН ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отд. политологии и правоведения, Ин-т сравнительной политологии. Отв. ред. вып. А.И. Миллер и др. М., 1999. С. 80–103. Ср.: Heil F., Pražák R. Die Typologie der nationalen Wiedergeburt in der Ländern Mittel und Südosteuropa // *Problems of continuity and discontinuity in History. Published on the occasion of the XVth International Congress of Historical Sciences in Bucharest, 1980. Prague, 1980. P. 53–73. Под «малыми» народами подразумеваются этносы с неполной социальной структурой (отсутствие или слабость «своей» аристократии), входившие в состав полиэтничных государств. Ср.: Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. — 1849 г. М., 1980. С. 76–124, 281–284 и др.; *Фрейдзон В.И.* Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в. — начала XX в. Дубна, 1999. С. 9–33, 61–75.**

та: противостояние исламскому господству в Турции и насаждению униатства в Австрии. Вместе с тем, для идеологов первого призыва характерна свойственная просветительству вера в «короля-философа» и династическая лояльность. Согласно периодизации Хроха, рубеж XVIII–XIX веков в сербском национальном движении австрийского пространства следовало бы определить как сочетание фаз А и В.

С началом восстания 1804–1813 гг. инициатива в развитии национального движения переходит к турецким сербам. Структурный кризис Османской империи острее проявлялся на окраинных и пограничных территориях, особое место среди которых занимал Белградский пашалык. В XVIII веке он несколько раз становился ареной австро-турецких войн. В ходе реформ «низами-джедид», проводившихся султаном Селимом III, сербская райя была вовлечена в противостояние между правительством и мятежным янычарским корпусом и местными аянами. По мере углубления и усложнения конфликтной ситуации форма участия сербов менялась, благодаря поддержке России. В конце концов, они вступили на путь самореализации¹.

Перерастание внутриимперского конфликта в национально-освободительное движение произошло в силу исчерпанности поиска выхода в рамках прежней системы отношений. Центральная власть оказалась неспособной подавить сепаратизм на окраинах, а сама Османская империя — адаптироваться к новым историческим условиям. Однако турецкий кризис не создавал автоматически ресурсы, необходимые для успешной борьбы за независимость и государственность, в том числе идеологические. Потребность в адаптации национальных лозунгов в этих условиях многократно возросла.

Переход к фазе С еще до прохождения предшествующих этапов ставит вопрос о степени проникновения национальной идеи в сознание рядовых участников движения, о том, насколько «сознательно» было их участие. К сожалению, в исследовательской литературе до сих пор встречается смешение понятий национальная идеология и национальное самосознание. На самом деле существует большая разни-

¹ См.: Грачев В.П. Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. (Внутреннее положение, предпосылки национально-освободительных движений). М., 1990; Он же. Новый взгляд на проблему формирования предпосылок сербского восстания 1804–1813 годов // Славяноведение. 1993, № 1. С. 3–13.

ца между суждениями ученого монаха или же светского сочинителя и сознанием «простого» человека¹.

Идеология — продукт более целенаправленной, более сознательной волевой деятельности в верхних этажах общества (интеллектуальная и политическая элита), в результате которой преобразуются, переосмысливаются и дополняются элементы старой идеологии, а также стихийно складывающегося в нижних этажах общества самосознания. Оно приобретает национальную форму под влиянием распространяющейся со временем новой идеологии, представленной в политических декларациях, массовой печати, произведениях литературы и искусства и, конечно же, в образовательном процессе.

В свое время советские историки поставили вопрос о влиянии на процесс формирования национальной идеологии меняющегося этнического самосознания. «Таким образом, — заключил в коллективной обобщающей монографии А.С. Мыльников, — роль деятелей национальных культур заключается не только во “внесении” общенационального самосознания, но прежде всего в обобщении и критической переработке, говоря словами Бешенеи, “очистке и обработке” представлений, порожденных в народе объективными социальными процессами эпохи перехода к капитализму, в придании национальному сознанию определенной классовой, политической окраски, включая преодоления регионализма, локального “сельского” самосознания и пропаганду этнического единства нации (это имело место в большинстве движений)»². Думается, здесь кроется внутреннее противоречие. Если идеологи получают «национальное сознание» уже в «готовом» виде от народных масс, то зачем надо бороться с локальностью и вести пропаганду единства? При этом было бы странным обнажать классовые различия в борьбе за братскую общность.

В силу недостатка прямых свидетельств судить о восприятии «высоких» идей «снизу» достаточно сложно. Однако это не оправдывает ту или иную подмену. На различия в восприятии освободительной борьбы, развернувшейся во время Первого сербского восстания между образованной частью общества (австрийскими сербами) и рядовыми участни-

¹ Яркий пример смешения этих понятий: *Митровић Ј.Д.* Народна свест у Срба. Београд, 1989. Термин «народност», от которого образовано определение, можно перевести и как народность, и как национальность.

² Освободительные движения... С. 300–303.

ками движения по ту сторону границы (Османская империя) обратил внимание сербский литературовед М. Попович. По его заключению, сознание последних было по преимуществу фольклорно-мифологическим: «...языческие ратники идут в бой под знаменем со знаком “крестовликого” предка, который ведет их к некоей золотой свободе, как воспоминанию о мифическом *aurea aetas*. Они не имеют представлений о широких общественно-политических перспективах восстания»¹. Между архаическими представлениями большинства сербского общества и национально-политическим проектом независимой Сербии следовало навести смысловые коммуникации. Этим и занимались идеологи.

Однако даже восприятие главного легендарного сюжета — косовской битвы — в «ученом» и народном сознании значительно различалось. Вот пролог из второй части поэмы земунского «книговезца» Г. Ковачевича, опубликованной впервые в 1805 г.: «<...> / Кто сербин и сербского имени / И от сербского крови-племени / И сербинка кого родила, / Молоком материнским вскормила, / Быстро следуй на Косово поле / Во святое Иисусово имя / И за правую веру христову, / За закон, за любовь тоже царскую, / Чтоб Отечество, Царство бранить, / А юначества не щадить»². Это вариация фольклорного «Заключения князя Лазаря», в котором, однако, есть и такие колоритные строки, опущенные или неизвестные Ковачевичу: «Ничего от рук тех не родится, / Кто на бой на Косово не выйдет, — / Ни на поле белая пшеница, / Ни на склонах лозы винограда»³. В фольклорном тексте отсутствуют понятия Отечество и Царство (царская любовь), также как и христианская мотивировка. Речь идет о защите сербского рода и мести за его предательство, которую вершит сама природа. Очевидно, указанные мотивы были привнесены как обязательные в конструируемой системе ценностей автором поэмы и его предшественниками-интерпретаторами. При этом если ранее церковная идеология доминировала в «ученом» сознании, то теперь ее потеснили патриотические мотивы.

¹ Поповић М. Видовдан и часни крст. Београд, 1977. С. 134–135. По мнению Поповича, культ креста, символизирующий легендарного предка, зародился у сербов в дохристианскую эпоху.

² Ковачевић Г. Сражение страшно и грозно между сербима и турцыма на полю Косову, под князем Лазаром, случившесе у 1389-м лету юния 15 дана. Београд, 1836. С. 28–29.

³ Песни южных славян. М., 1976. С. 218. Пер. Н. Гальковского. Другой вариант, еще более колоритный — «Мусич Стефан».

Впрочем, и сами идеологи сербской нации отдавали в то время дань региональным различиям. Будучи русским профессором, Г. Терлаич поучал своего товарища-патриота Л. Мушицкого: «... ежели вы там, в Венгрии, счастливые сербы, тем несчастным единокровным своим [в Турции] даете название сервианцев, что почитаю ужасной имени сербов обидою, наипаче тогда, когда она делается своими братьями. Все инородные писатели именуют их чистым их именем!»¹. Единство сербов как территориальное, так и социо-культурное еще предстояло создать.

В свою очередь сознание фольклорной аудитории под действием катастрофических событий рубежа XVIII–XIX веков (последняя австро-турецкая война, последовавшие за ней голод, эпидемии и исход населения, янычарский террор и начало восстания сербов Белградского пашалыка) трансформировалось: на смену прежнему герою-защитнику «классического» эпоса пришел образ нового *героя-спасителя* — верховного вождя повстанцев Карагеоргия. Он призван разрушить старый миропорядок турецкой райи, чтобы пересоздать его, жестокими мерами обеспечив суровую справедливость. Легендарные рассказы о Карагеоргии-змеевиче и отцеубийце приобретали сакральный статус, присущий власти, вселяя веру в ее «спасительные» функции в отношении братьев-сербов. Магический потенциал этого образа был использован идеологами «народной монархии» для утверждения династической власти верховного вождя путем имитации «общественного договора», условием которого являлись не закон и гражданские права, но братская любовь и безусловное послушание старшему². А символом справедливости служила дубина Карагеоргия, которой тот мог «угостить» в случае злоупотреблений даже «великого вилайетского судью».³

¹ Први српски устанак: Акта и писма на српском језику. Књ. 1. 1804–1808 / У редакцији Р. Перовића. Београд, 1977. № 66. С. 121–122.

² См. подробнее: Белов М.В. «Воротися, отец, воротися!» Георгий Черный: генеалогия харизмы народного вождя // Славянский альманах. 2004. М., 2005. С. 405–445. Не выполнивший свои спасительные функции фольклорный герой мог заслужить, однако, довольно грубого обращения: «Джоко Петрович, ублюдок курвич! / Где теперь ты, что тебя не видно?» — эти слова вложил в уста вилы (женское мифологическое существо) автор песни «Прощание Карагеоргия с Сербией». Сербский эпос / Сост., вступ. ст. и ком. Н. Кравцова. Т. 2. М., 1960. С. 348. Пер. М. Зенкеича.

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 14209. Оп. 3/1636. Св. 24. Д. 12. Ч. 4. Л. 125–126. Ф.И. Недоба — М.Л. Булатову, 25 мая 1812 г. Вилайет — здесь родной край, страна.

Главнейшей институцией в условиях повстанческой борьбы, безусловно, являлась военная организация. Не случайно в сербскую историографию прочно вошла предложенная Васой Чубриловичем характеристика государства эпохи восстания 1804–1813 гг. как «военной монархии»¹. Еще до него на особую роль армии в создании основ повстанческой государственности указывал Никола Радойичич. Он, в частности, утверждал, что «...в обучении солдат [верховный вождь Карагеоргий] усматривал не только военное занятие, но и средство для создания людей порядка, ибо об этом он, конечно, думал, когда приказывал, чтобы воины тренировались и обучались»². Можно вспомнить и об известной формуле французских революционеров, согласно которой еще только предстоит сделать из крестьян французов. Как показали современные исследователи, инструментами такой «перековки» стали именно армия и школа³.

Сразу оговорюсь, что считаю оценки, высказанные Радойичичем, преувеличенными и продиктованными пафосом восхваления Карагеоргия как создателя «современной» сербской державы. «...Сербия была настоящим государством прежде всего потому, что имела, как и другие государства, упорядоченное и хорошо обученное войско, а не толпу вооруженных людей, — писал Радойичич. — Сербские крестьяне точно ощутили, что войско — фундамент государства. Вообще с [рядовыми] воинами трудности из-за обучения были только вначале и по городам, но с воеводами было мучение»⁴. И все же регулярная армия по большому счету оставалась только в проекте. Лишь после реформ 1808, 1811 гг., жертвой которых стали несколько «великих» воевод, сложилась иерархическая система (подчиненные Карагеогию «малые» воеводы — подвоеводы — булюбаша). Во многом же сербское войско до конца сохраняло черты народного ополчения. Воины сами должны были заботиться о своем вооружении (приобрести кремневое ружье, один или два пистолета и ятаган). То же касается и пропитания. Бедному крестьянину помогало вооружиться все село. В армии ополченцы получали только бое-

¹ Чубрилович В. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958. С. 70–81.

² Радойичич Н. Стварање војске у карађорђевој Србији [1934] // Карађорђевог устанак — настајање нове српске државе: Зборник радова са научног скупа и поводом њега / Приредио Н. Љубинковић. Велика Плана, 1998. С. 43–55 (53).

³ Weber E. Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914. London, 1979.

⁴ Радойичич Н. Ук. соч. С. 53.

припасы. Таковую армию трудно было оторвать от родных сел, поэтому для организации дальних походов требовалось наладить какое-никакое снабжение. Но находиться постоянно время под ружьем такая армия не могла, поскольку это подрывало ее экономическую основу.

Сопоставим два описания русских наблюдателей. Первое составлено дипломатическим агентом в Белграде К.К. Родофиникиным, прибывшим сюда в 1807 г.: «Войска им ничего не стоят, ибо крестьяне должны идти на войну со своим оружием и на собственном продовольствии и по выслуге четыре месяца сменяются другими. Начальники выписывали до сего оружие из австрийских пределов и потом продавали крестьянам за двойную цену...»¹. В другом рапорте Родофиникин сообщал: «Всякий сербин, идущий на войну, берет с собой кукурузной муки, сколько может поднять, по окончании коей, если дадут ему хлеба коменданты, остается, в противном же случае возвращается домой. Ныне заводится здесь по моему секретному распоряжению небольшой хлебный магазин»². Казалось бы, спустя время должно было многое измениться.

Но вот свидетельство ротмистра Эринга, наблюдавшего сербскую армию летом 1810 г. Ее тактику мы бы назвали сейчас партизанской: «...стараясь скрытно делать свои походы против малого числа неприятельских, убегая на сей конец лесами, горами и местами неприступными от неприятеля, не наблюдая ни малейшего порядка, ни дозора и не имея никакой предосторожности со стороны неприятеля... Люди же, идущие против неприятеля сражаться, обременены провиантом, мукою и разными припасами, так что они, упавая под тяжелым бременем своим, изнемогают, отчего от двух тысяч выступают в бой менее половины. К тому же всякой чиновник действует сам по себе, не имея ни малейшего согласия между собою. Даже и сам государь Георгий никакого согласного предположения не делает, что предпринимает. Когда и в какое время, о том никому не дает знать, начальники же, не имея сведения, какое у них число войск, хотя сами по себе очень храбры, но, не имея понятия, каким образом располагать командуемыми своими, не смеют вступать с неприятелями в бой»³. Все осталось как прежде. Примерно

¹ *Богишич В.* Разбор сочинения Н.А. Попова «Россия и Сербия». СПб., 1872. С. 122. К.К. Родофиникин — А.Я. Будбергу, получено 4 сентября 1807 г.

² Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 1. М., 1980. № 318. К.К. Родофиникин — А.А. Прозоровскому, 9 ноября 1807 г.

³ РГВИА. Ф. 14209. Оп. 170. Св. 24. Д. 670. Л. 53–54. Эринг — Е.Г. Цукато, 18 августа 1810 г.

в то же время сам верховный вождь рекомендовал одному из своих воевод Милошу Обреновичу заняться заготовкой продовольствия, «ибо голодный воевать не может, и то войско, которое голодным воюет, слабый какой кураж выказать может»¹.

Создание современной армии требовало планомерных усилий и немалых материальных затрат, не говоря уже о профессиональных военных кадрах. Первые попытки организовать обучение войска относятся к зиме 1804–1805 гг. Ею занимались, очевидно, бывшие участники фрайкоров и перебежчики с Военной границы. За основу был взят австрийский устав и порядок службы. Позднее будет использован и русский образец.

Однако вплоть до 1809 г. военное обучение имело эпизодический характер. Лишь после так называемой «конституционной реформы» конца 1808 г. был взят курс на формирование регулярных подразделений. Эти действия желчно критиковал русский дипломатический агент К.К. Родофиникин. 12–14 февраля он сообщил главнокомандующему Молдавской армией А.А. Прозоровскому сначала о формировании милиции, в которую были записаны все белградские жители «без изъятия купцов, мастеровых и хлебопашцев, назначили им офицеров и унтер-офицеров и начали собирать их для учения»². 250 человек из них следовало выделить к обучению регулярной службе. Затем — о формировании в каждой нахии регулярных рот, состоящих из 250 человек каждая. Общее число нового войска должно было приблизиться, таким образом, к 4500.

Но в первую очередь намеченные преобразования, по понятным причинам, затронули жителей Белграда. Вскоре в дом Родофиникина явилась «делегация» порядка ста человек. «Они громко у меня спрашивают: есть ли есть ли повеление от Московского Царя так немилосердно их мучить? что они до сего дрались с неприятелем и еще готовы пролить свою кровь за Россию и за свое отечество, но что солдатами быть не хотят и готовы все перерезаться, нежели на сие согласиться». Дело кончилось тем, что богатые купцы и мастеровые сумели откупиться от обучения в милиции и участия в регулярных формированиях, остальные же, как сообщает Родофиникин, вынуждены были отвлекаться от своих работ.

В этом эпизоде можно считать показательным как апелляцию к «московскому царю» — явно песенный образ, даром, что столицей России уже около века был Санкт-Петербург, так и возможность отку-

¹ Цит. по: *Радожичи Н. Ук.* соч. С. 52.

² РГВИА. Ф. Военно-ученого архива (ВУА). Д. 394. Ч. 5. Л. 117–119, 133–134.

питься от «патриотического долга», толкование которого узурпировали новые, казалось бы, «свои», народные власти. Их авторитет ничтожен, поскольку за «правдой» жители Белграда обратились не в Правительствующий народный совет, а в дом русского дипломата. Сам Родофиникин был уверен, что формирование регулярных войск ведется не для войны с турками, а для расправы с воеводами-оппозиционерами¹. Протестующие не захотели быть солдатами, то есть выполнять данные им приказы. Они верят в далекую мифическую Россию и родной вилайет (землю предков), именно в такой связке и в такой последовательности, если достоверно сообщение Родофиникина, но не верят в национальное государство.

Позволительно сделать вывод, что их воззрения аполитичны. И такова была позиция наиболее развитой части повстанческого общества, столичных купцов и ремесленников, приближенных к «политике». Выстраиваемая «национальная» система господства и подчинения вызывала отторжение в эгалитарно настроенной среде. Но и она уже не была имущественно однородной. Один из инициаторов реформы белградский комендант и председатель Совета Младен Милованович слыл самым богатым человеком в Сербии. У него были свои компаньоны². Складывающуюся ситуацию можно определить как переходную, противоречивую и неустойчивую. С одной стороны, патриархальная традиция, с другой — коррумпированная власть. Государственный долг в виде воинской повинности уже есть, а гражданских прав и юридических гарантий нет и в помине. Национальная идея в таком случае превращается в демагогию, успех которой сомнителен. Остается прежнее, рыхлое, наполовину мифологическое, наполовину локальное «родовое» сознание.

Но, может быть, прав Н. Радойчич, и сопротивление регулярной службе оказали лишь жители развращенных городов, а более сознательные крестьяне-патриоты с готовностью отдались государственной дисциплине. Нет, вовсе нет. Спустя некоторое время (25 февраля 1809 г.) Родофиникин сообщил о волнениях на Мораве, где крестьяне «...прибили до полусмерти своих старейшин и до 800 семейств со

¹ Другой тон взял Родофиникин в письме И.И. Исаеву, обеспечивающему коммуникацию с повстанцами (25 февраля 1809 г.): «Здесь, слава Богу, все спокойно, везде учат сербов регулярной службе, следственно, Ваше Превосходительство будет иметь ученых помощников». РГВИА. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 20. Д. 609. Л. 31.

² *Ристич М.* Младен Милованович. Београд, 1962.

всем имуществом отретировались к самой границе». Они готовы были лучше перейти к туркам, нежели служить в «своей» сербской армии. Русский агент так прокомментировал новое учреждение: «...будучи заводимо слепыми и учимо таковыми же, в сто крат должно казаться народу тягостнейшим, нежели оно в существе есть»¹.

Отправившийся на подавление бунта председатель Совета М. Милованович сообщил по прибытии, что нашел в Делиграде до 2 тысяч бунтовщиков, которые «...заклялись один другого не выдавать и приняли решимость идти прямо к Белграду, возбудить и другие нахии, убить всех старейшин и ввести новый порядок дел в Сербии, как они сами говорили, ... объявили, что они избавились от турецкого ига не для того, чтоб быть рабами опять, и что не хотят более быть употребляемы старейшинами на разные работы, ... что не хотят учиться, будучи в силах сопротивляться неприятелю прежним образом, за сим представили и другие многие статьи...»². Пообещав учесть все требования и пригласив попов, которые прочитали простительные молитвы, Милованович отпустил по домам ратников и отправился вместе с отрядом бунтовщиков к рисавскому кнезу для примирения. «Стрелочниками» были объявлены два перешедших с австрийской границы серба (капитан и унтер-офицер), очевидно, выполнявшие функции военных инструкторов. Их было повезли для суда в Белград, но повесили уже по дороге³.

Какие же такие порядки собирались ввести в Сербии взбунтовавшиеся крестьяне? Скорее всего, их «программа», как и в случае других народных движений, была в основном «отрицательной». Они отверга-

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 5. Л. 200–201.

² Там же. Л. 269–271 об. К.К. Родофиникин — А.А. Прозоровскому, 16 марта 1809 г.

³ По словам Миловановича, австрийские офицеры объявили крестьянам, что те теперь навечно останутся солдатами, из-за чего и вспыхнул бунт. РГВИА. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 20. Д. 609. Л. 47 об.—48 об. Записка разговора Ф.И. Недобы с М. Миловановичем, 30 апреля 1809 г. По предложению русского агента в Белграде, за урегулирование конфликта М. Милованович был награжден Прозоровским золотой медалью. Родофиникин язвительно прокомментировал его реакцию: «...[Милованович] лишился на несколько времени языка, сия самая радость воспрепятствовала ему понять...», что он сам был виновником случившегося. Там же. Л. 45–47. К.К. Родофиникин — А.А. Прозоровскому, 30 апреля 1809 г. В свою очередь Карагеоргий видел источник достигнутого «согласия» в суровых мерах, принятых к бунтовщикам. Там же. Л. 7 об.—8 об.

ли государственную эксплуатацию, надеясь на «свободу» без армии, без чиновников и без налогов. Это была анархическая программа.

Новые волнения прокатились по Сербии спустя год, когда правительство пыталось ввести подушную подать (один дукат с каждого представителя мужского пола) для финансирования регулярных подразделений. Верховный вождь Карагеоргий с горечью писал, что народ больше не верит старейшинам: «...лгали де нам шесть лет — помощи от России не видим... Теперь и сам не знаю, что делать и что народу говорить, ибо нет пользы больше лгать перед оным... Все, народ и старейшины, согласно определили наложить дань, чтоб купить муниции, и так все устроили как знали». Однако согласие оказалось мнимым: «...в великую беду я попал, — признавался верховный вождь, — ни два дня не был в дому, по всем уездам взбунтовались было в оное мутное время, люди убивались и грабили один другого и в непослушание пришли, для то[го] принужден я был сам по земле идти для усмирения»¹. Правда, Родофиникин объяснил отсутствие Карагеоргия в его топольской резиденции иначе: страхом за жизнь в условиях мятежа². Спустя несколько месяцев «с душевной скорбью» Карагеоргий жаловался в личной беседе русскому генералу Цукато, что «... большая часть простого народа, особливо пограничных уездов, отягченная долговременною войною с турками, уstraшенная прошлогоднею великою потерей самых отборных защитников своих, более склонна к миру с турками и до сих пор колеблется и старается уклониться от службы...»³.

Итак, о единстве интересов власти и народа, принятии новых государственных институтов и идеи суверенитета простыми сербами говорить затруднительно⁴. Казалось бы, Карагеоргию удалось преодо-

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 321. Оп. 580/1. Д. 159. Л. 51–53об. (рус. пер. современный оригиналу). Карагеоргий — Хаджи-Мелентию и М. Обреновичу, 31 марта 1810 г.

² Первое сербское восстание... Кн. 2. М., 1983. № 135. С. 151–152. К.К. Родофиникин — Н.М. Каменскому, 14 марта 1810 г.

³ АВПРИ. Ф. 321. Оп. 580/1. Д. 159. Л. 209–210. Е.Г. Цукато — Н.М. Каменскому, 21 июля 1810 г.

⁴ «Сии лица, — разъянял Родофиникин позицию сторонников сербского суверенитета, — желают быть независимыми, желают распространить владычество свое и, держа народ в рабстве, не давать никому отчета в своих деспотических деяниях». РГВИА. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 20. Д. 609. Л. 49–51. К.К. Родофиникин — А.А. Прозоровскому, 7 мая 1809 г.

леть анархию, устранить оппозицию в лице видных воевод Восточной Сербии и выстроить «вертикаль власти» путем «конституционной реформы» января 1811 г. Однако и тогда восприятие той же регулярной службы мало изменилось.

В середине июня того же года новый русский представитель в Белграде Ф.И. Недоба сообщил о возмущении местных жителей в связи инициативой попечителя по военным делам М. Миловановича сформировать из них отряд до 600 человек: «Люди формально отказались от сего, говоря, не хотим кострулек на голове носить, и притом объявили, что впредь не пойдут ни на какую работу для Младена, как-то, на копание кукурузов его, виноградов, жатву хлеба, кошение сена и прочие панщины, кои заставляют себе делать сербские сатрапы»¹. Для разбирательства в Белград был приглашен Карагеоргий с отрядом «шумадинцев». Из процитированного отрывка ясно, что регулярная служба ассоциировалась с отработочными повинностями, которые явочным порядком ввел главный сербский коррупционер М. Милованович. Любопытно и противопоставление жителей столицы крестьянам-«шумадинцам», составившим гвардию верховного вождя с карательными функциями².

Но еще более любопытно упоминание «каструлек» на головах, т. е. военной формы регулярных подразделений. Ранее Недоба сообщал,

¹ РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/1636. Св. 24. Д. 12. Ч. 4. Л. 51–53об. Ф.И. Недоба — А.П. Зассу, 17 июня 1811 г.

² Спустя время экзекуции повторились: «Младен Милованович, попечитель военных сил по врожденному, как замечается, сербам памятозлобию не мог никак забыть сопротивления, кое показали ему белградские жители... Почему по настоянию его 17 сего месяца по повелению верховного вождя расстреляли двух, а десятерых секли плетью на трех местах города, по сто ударов на каждом месте. Судили сих несчастных и приговорили к казни момки, т. е. телохранители или лучше сказать сателлиты Черного Георгия, что приняли себе за обиду прочие советники и судьи великого суда. Младен лично присутствовал при наказании, окружен будучи несколько[ми] десятками вооруженных момков своих, и когда били виновных, то он спрашивал у них, будет ли слушаться капитанов, будет ли учиться воинской тактике?» Там же. Л. 88–89об. Ф.И. Недоба — А.П. Зассу, 25 января 1812 г. Секира правосудия могла при случае обрушиться и на местных коррупционеров, берущих не по чину. В том же письме сообщается о заключении под стражу за злоупотребления властью одного из воевод пожаревацкой нахии Момировича и бывшего председателя кладовского магистрата Г. Поповича.

что верховный вождь воспользовался услугами четырех русских закройщиков из отряда полковника Баллы, находившегося в Белграде, для «покроения мундиров»¹. Нет нужды долго распространяться о знаковой функции одежды, поэтому ясно, что военный мундир был для Карагеоргия символом превращения Сербии в европейскую державу. Но именно этот символ отвергался рядовыми сербами. В свое время еще духовный владыка австрийских сербов митрополит Стефан Стратимирович советовал повстанческим руководителям: «И эти турецкие чалмы и другие только азиатам приличные одежды мало помалу истребляйте; вместо чалмы болгарскую капу, а если возможно и шешир (шляпу. — М.Б.) вводите»². Однако выполнить это предписание было не так-то легко. По свидетельствам мемуаристов, после сражений с турками повстанцы снимали с побежденных их одежду и надевали ее на себя, превращаясь таким образом в господ, т. е. в турок³.

Уважение к мундиру воспитать было еще труднее. 6 августа 1811 г. подпоручик Орлов написал рапорт на имя полковника Баллы об инциденте, произошедшем с ним в белградской бильярдной. Некий серб, назвавший себя первым помощником Карагеоргия, вне очереди занял стол, вел себя грубо и никак не хотел признать русский мундир: «...много вас таких дьяволов, которые носят такие, как мы мундиры», — заявил он Орлову⁴. Драться с ним подпоручик не стал, понимая, что накажут его, а не обидчика, находящегося под прикрытием беззакония. Отправившись выяснять отношения в Совет, но по дороге грубиян испарился, тем самым, продемонстрировав неуважение и к этому органу власти.

Воспроизводство архаических форм социальности и копирование ранее господствовавших турецких обычаев противоречило ожиданиям религиозного и национального преобразования. В уже цитированном письме митрополит Стратимирович рекомендовал вождям восстания: «Спахиев, янычар и, одним словом, все войско [турецкое] изгоните, чтоб

¹ Там же. Л. 49–50об. Ф.И. Недоба — А.П. Зассу, 11 июня 1811 г.

² Први српски устанак... № 78. С. 136. [К. Йованович] — Я. и М. Ненадовицам и Б. Груйовичу, 10 августа 1805 г.

³ Казивања о Српском устанку 1804. / Приредила Д. Самаршић. Београд, 1980. С. 42, 180. Љушић Р. Турско наслеђе у Кнежевини и Краљевини Србији // Ислам, Балкан и велике силе (XIV–XX век). Међународни научни скуп 11–13. децембар 1996. / Одговорни уредник С. Терзић. Београд, 1997. С. 282–283.

⁴ РГВИА. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 24. Д. 672. Л. 53–54об.

их не было, исторгните из вашего отечества, иначе безопасности быть не может; прочих турок, мирных торговцев, ремесленников, земледельцев, художников и всякого турка, который сам собой живет и не желает властвовать над райей, оставьте в своих домах жить, как и прежде, только поставьте под ваше управление, власть и суд, как прежде вы под их были, и распространяйте среди них ваш язык и учение и книжность, так что со временем перельются все в вас и преумножат язык ваш и державу»¹. Иными словами, в отношении турецкого (исламского) населения предлагалась политика постепенной культурной ассимиляции.

На практике все могло происходить с точностью до наоборот. Участник восстания В.С. Караджич свидетельствует: «Когда сербы в начале 1807 г. побили турок в Белграде, осталось много вдов и детей-сирот, которые вынуждены были попрошайничать, чтобы не умереть с голоду, и было их так много, что по улицам почти невозможно было пройти из-за них. Чтобы избавить сербов от этой досады, и чтобы еще этим несчастным и всем туркам поспособствовать, погрузили всех этих несчастных на две ладьи и отправили вниз по течению Дуная в Турцию. Когда ладьи эти прибыли в Пореч, Миленко [Стойкович] их задержал здесь и, взойдя на них, выбрал самых красивых женщин, девушек, девочек и детей женского пола и взял себе и так составил целый гарем»². Этот почти анекдотический эпизод как в капле воды отразил и то, каким путем могла пойти на практике ассимиляция турецкого населения, и то, насколько глубокими христианами являлись турецкие сербы.

Показательны призывы, обращенные повстанческими вождами к черногорцам с предложением совместного выступления против мусульман Боснии (в понимании австрийских интеллектуалов, они также являлись сербами) в ответ на их преступления против христиан, которых «турки» (босняки) сажали на кол, включая детей, а женщин превращали в рабынь: «Так и мы все вместе, и малые, и великие восстанем и побьемся с разбойничьей Боснией, коя нам столько против заповеди султана учинила, побьемся страшно, без пардона и без помилованья»¹⁴. Идея мести, безусловно, преобладала в сознании руководителей восстания, хотя из тактических соображений они готовы были идти на компромиссы и формальное прощение обид. Выше упомянутый М. Попович убежден, что восстание 1804–1813 гг., которое принято считать

¹ Први српски устанак... № 78. С. 134–135.

² Караџић В.С. Историјски списи. Књ. II. Београд, 1969. С. 98–99.

национально-освободительным движением сербского народа, на самом деле имело характер религиозной войны, причем христианские нормы воспринимались повстанцами с истинно языческим фанатизмом¹.

Многовековые традиции православной церкви ко времени начала восстания были уже в значительной степени поколеблены. После ликвидации Печского патриаршества (1766 г.) его епархии были переданы в управление грекам-фанариотам, которые не пользовались доверием населения. Они рассматривались как агенты турок или же, в лучшем случае, как случайные стяжатели. Сербское приходское духовенство оставалось малообразованным, а его прихожане заходили в церковь лишь по большим праздникам. Если верить словам русского агента в Белграде, «народа здешнего вообще вера состоит в том, чтоб посты свято содержать; в прочем все другие статьи веры вовсе или весьма мало сохраняются. Церковей весьма мало и о тех, кои имеются, вовсе не пекутся; как были при турках, в том самом положении и ныне»². Данная констатация подтверждается свидетельствами участников движения (М. Ненадовича и В.С. Караджича). Ограничение, введенное советом, на платы за требы в этой ситуации являлось популистским шагом. Вероятно, его с удовлетворением восприняли прихожане³.

Участие священников в организации национально-освободительной борьбе и, тем более, в военных действиях с оружием в руках уже само было грубым нарушением норм церковной жизни. Подобная практика по понятным причинам возмущала сочувствовавшего повстанцам С. Стратимировича: «Нехорошо, что священники и монахи оружие носят, в бой идут, церкви и службу оставили и приняли звания, которые им не подобают; но священники пускай держатся Бога, в церквях пускай учат народ, пускай церкви возводят и народ ободряют». Впрочем, учитывая дефицит кадров, карловацкий митрополит допускал: «Те священники, которые теперь среди воевод, пускай не возвращаются, и пускай только [эти] священники поучением, словом, советом

¹ Поповић М. Ук. соч. С. 134–137.

² Богишич В. Ук. соч. С. 122.

³ Ср.: Грачев В.П. Православная церковь и Первое сербское восстание 1804–1813 гг. // Церковь в истории славянских народов / Отв. ред. И.В. Чуркина. М., 1997. С. 161–175; Кашић Д.Љ. Прота Матија Ненадовић и црквене прилике у устаничкој Србији // Прота Матија Ненадовић и његово доба / Уредник Р. Самарцић. Београд, 1985. С. 453–486.

и ободрением, а не оружием, саблей и пушкой начальству[ют]»¹. Сама практика вооруженной борьбы вынуждала нарушать старые порядки. Понимая это, Стратимирович выступал за активное вовлечение всей церкви в систему религиозно-национальной пропаганды. Однако некоторые священники гораздо охотнее включались в политическую борьбу, раздел материальных богатств и сфер влияния.

В свою очередь светские власти стремились поставить церковь под свой контроль, сделав ее послушным инструментом официальной пропаганды. Эта тенденция, наметившаяся в период Первого восстания, развивалась далее во времена Милоша Обреновича — предводителя Второго восстания (1815 г.). Он примеривал на себя образы нового «отца» и героя-спасителя сербов, продолжателя славных традиций державы Неманичей. При этом сербизация церкви являлась необходимым требованием для ее использования в качестве рупора государства.

Удобный случай преподнесла греческая революция 1820-х гг., обратившая гнев турок против фанариотов. Милош умело разыгрывал антигреческую карту, поддерживая в белградском митрополите Агатангеле парализующий страх перед турецкой расправой. Ссылаясь на европейский опыт, сербский князь планировал реформы по передаче церковных сборов в пользу государства, содержанию священников за счет казны и подготовке духовных кадров. Хотя ему не удалось реализовать задуманное, именно княжеские распоряжения определяли нормы церковной жизни. В одном из них, адресованном белградской общине, предписывалось обязательное участие каждого православного в церковной службе от ее начала и до конца по воскресеньям и престольным праздникам, запрещалось использовать в качестве литургического языка какой-либо иной кроме «местного сербского». (Исключение делалось для тех, кто учредит специальную часовню или домовую церковь.) В день Св. Саввы², на Видов день (годовщина Косовской битвы), а также в дни поминовения сербских королей в церковь должны были являться все христиане восточного вероисповедания, будь то греки, болгары или цинцары. Особо запрещалось эллинизировать представителей других национальностей (сербов, болгар и цинцар): «...всякий пускай свой род любит и имя своего

¹ Први српски устанак... № 78. С. 136.

² Первый сербский архиепископ, представитель династии Неманичей.

рода сохраняет...», — говорилось в наказе, имевшем явный антигреческий акцент¹.

Одним из главных требований на переговорах с турками стали свобода богослужения и избрание сербского митрополита взамен фанариотов. При этом свобода веры понималась в национально ориентированном ключе. В пунктах требований сербских депутатов, составленных в сентябре 1827 г. в частности значится: христиане, принявшие турецкую веру, исключаются из прав наследования христиан и наоборот (п. 15). Исламизированные сербы, вернувшиеся на родину и возвратившиеся к вере предков «не могут быть ни обижаемы, ни требуемы назад» (п. 22). Мусульманам запрещено творить молитву, за исключением специально назначенных мест (п. 27) и т. д.². Проект акта по церковному вопросу (апрель 1830 г.) предполагал право назначать архиепископов из сербов по желанию князя и народа³. Однако предложение поначалу вызвало протест константинопольского патриарха, заявившего, что он не может решить такой вопрос без Синода, и предложил подождать, пока «вымрут» нынешние сербские архиепископы-греки. Сербский посланник Д. Давидович находился в отчаянии, понимая, что Синод, состоит из мирских фанариотов, не разбирающихся в духовных делах и к тому же «... народною мерзостью к сербам дышащих и сих низшими себя взирающих...»⁴. К счастью, при помощи русской миссии эту проблему удалось разрешить и в 1831 г. Княжество вслед за признанной автономией обрело первого митрополита сербского происхождения преданного Милошу Мелентия Павковича⁵.

Знаковым эпизодом 1830 г. стала установка колоколов на белградских церквях, вызвавшая протесты местной турецкой администрации. «Мы почти уверены, что толпа простого нашего народа к снятию там водруженных колоколов никак не преклонится и не простится с дра-

¹ Петровићи В. и Н. Грађа за историју Краљевине Србије. Време Прве владе Милоша Обреновића. Књ. I. Београд, 1882. С. 382–399. *Гавриловић М.* Милош Обреновић. Књ. II. Београд, 1909. С. 663–698.

² АВПРИ. Ф. 180. Оп. 1 (517). Д. 2669. Л. 44–45об., 46–47об. (перевод).

³ Там же. Д. 2672. Л. 34–35.

⁴ Там же. Л. 53–54. Д. Давидович — А.И. Рибопьеру, 15 марта 1830 г.

⁵ *Љушић Р.* Кнежевина Србија (1830–1839). Београд, 1986. С. 20–22. *Достян И.С., Карасев А.В.* Православная церковь и складывание сербской нации // Роль религии в формировании южнославянских наций / Отв. ред. И.В. Чуркина. М., 1999. С. 171.

гоценнейшим звуком...», — писал Давидович¹. И действительно этот эпизод вошел в предание. Возмущенный белградский визирь, согласно этому рассказу, пугал, что применит против колоколов пушки: «Вы звоните, а мой ходжа должен кричать: с этим никак нельзя согласиться». На что фольклорный Милош ответил: «А вы не кричите тогда, когда колокола звонят»². Свобода богослужения вошла в народную память как победа над турками, а главным героем ее обретения стал Милош Обренович: это вполне соответствовало сконструированному им самим пропагандистскому образу власти.

Деспотия М. Обреновича, пользуясь инструментом церкви, обеспечила себе монополию на ведение пропаганды, но ей труднее было поддерживать фиксированный градус национального напряжения в условиях «мира и тишины». Ритуализация пропагандистских усилий, апеллирование к чувствам и театральным эффектам на скупщинах с наложением идеологической повинности на «избранное» общество вело режим к демагогическому вырождению. Фаза С, не имея прочного фундамента в виде предшествующих этапов развития, деградировала, в то время как в австрийском пространстве национальная пропаганда подвижников-патриотов относительно стабилизировалась благодаря возникновению постоянных органов печати и просветительской организации Матица сербская (сочетание фаз А и В). Впрочем, круг сербских читателей и по ту сторону Савы и Дуная был еще очень невелик.

Ввиду потрясений, охвативших Балканский полуостров в начале 1820-х гг., русская дипломатия все чаще призывала Милоша Обреновича поддерживать «мир и тишину» в Сербии³. Тем самым она легитимировала его как главного гаранта стабильности и, следовательно, упочи-

¹ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 1 (517). Д. 2672. Л. 105–106. Д. Давидович — А.И. Рибопьеру, 2 августа 1830 г.

² *Милићевић М. Ђ.* Кнез Милош у причама. Новазбирка. Београд, 1900. С. 35–36.

³ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. М., 1997. № 159. С. 240–241; Г.А. Строганов — М. Обреновичу, 5 марта 1821 г. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. 2. Т. IV (XII). М., 1980. № 147. С. 410–411. Г.А. Строганов — М. Обреновичу, не ранее 31 декабря 1821 г. Прим. 162. С. 669. К.В. Несельероде — М. Обреновичу, 8 октября 1821 г. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1278. Оп. 1. Д. 190. Л. 126–136об. Г.А. Строганов — М. Обреновичу, 11 октября 1821 г. Л. 137–138об. Г.А. Строганов — М. Обреновичу, 23 января 1822 г. и др.

вала символическую позицию «народного монарха». Милош прекрасно отдавал себе отчет в этом. Ему был выдан мандат на подавление любого недовольства, в том числе вызванного его собственным правлением.

То, каким образом Милош использовал эту возможность, лучше всего демонстрируют события, последовавшие за так называемой «джаковой буной» (январь 1825 г.)¹. 6 февраля была распространена прокламация², в которой восстание, во главе которого встал Милое Попович (Джак), изображалось интригой греческих подстрекателей и их пособников-эмигрантов. На местах проводились кампании раскаяния с принесением клятв на верность князю и отечеству. Итогом этих верноподданнических демонстраций стали две скупщины, проведенные в мае 1825 г., где восхвалялась политика Милоша. Созыв второй скупщины был вызван получением письма главы русской дипломатии К.В. Нессельроде от 5 апреля с одобрением княжеского курса³. После читки письма был принят «народный адрес», соответствующий версии князя⁴. «Народное мнение» сводилось к тому, что поддерживать «мир и тишину» можно лишь на определенных условиях: «...Приступите как государь и глава народа, — обращались участники скупщины к Милошу, — и Вы с нами вместе к союзу, борясь за свободу братии нашей, одним разом или от ига избавимся несносного или на поле чести все помрем. Никоим образом из числа нашего [сербского народа] исключить не можем и не хотим до последней капли крови ту братию нашу, живущую в шести тех пределах, которая с нами вместе не только с 1804 по 1813 г. боролась за общую свободу и при заключении Бухарестского мира [1812 г.] в VIII статью оного вошли, но в этих пределах наша братия, наши родственники, а по большей части пополам фамилии наши разделены остались». Тогда как гнев населения, принявшего участие в восстание, был направлен против внутренней политики князя (высокие платежи и отработки, произвол чиновников, несправедливые условия торговли и т. д.), Милош стремился объяснить волнения внешней политикой, которая не удовлетворяет народ. Иными словами, буна рисовалась как национальное движение, являясь на самом

¹ Гаврилович М. Указ. соч. Књ. II. С. 568–616; Ђорђевић М. Ђакова буна: Политичко-историска студија. Београд, 1953; Стојанчевић В. Милош Обреновић и његово доба. Београд, 1966. С. 122–132.

² Ђорђевић М. Указ. соч. С. 154–156.

³ Внешняя политика России... Сер. 2. Т. VI (XIV). М., 1985. № 48. С. 159–160.

⁴ Ненадовић Љ. Указ. соч. С. 9–11; Гаврилович М. Указ. соч. Књ. II. С. 172–173.

деле социальным протестом. Национальная риторика призвана была затушевать социальные проблемы. В то же время князь был вынужден уменьшить основной налог и признать некоторые недостатки управления, которые обещал со временем исправить.

Требование о присоединении к Сербии «братских» территорий, отторгнутых после 1813 г., было вписано в обращение к министру иностранных дел России¹. Кредит доверия «народному монарху» вернулся в виде политического торга, оформленного как «воля народа». России следовало активизировать давление на Турцию, чтобы сохранить «мир и тишину» в Сербии. В демагогических упражнениях Милоша постоянно использовалась просвещенно-консервативная риторика русской дипломатии.

Противники Милоша, силы и возможности которых были не столь велики, при случае также пытались разыграть национальную карту. Идеологи следующей буны во главе с Г. Чарапичем (1826 г.) рисовали в своих прокламациях семейство Обреновичей как полутурков, которые собираются «потурчить» весь сербский народ. По словам М. Гавриловича, именно это развязало Милошу руки в отношении расправы над заговорщиками². На этот раз национальная риторика не потребовалась, точнее, она приобрела иной формат, тем более «заговор», в который, по мнению Милоша, были вовлечены греки-фанариоты и старейшины-эмигранты Первого восстания, сильно попахивал авантюрой и не получил существенного отклика снизу.

После этого в течение почти десяти лет Сербия не знала серьезных проявлений общественной активности. Признание автономии Княжества (1830–1833 гг.) сопровождалось «народными» скупщинами-манифестациями, организованными самими властями. Однако позиции Милоша не были столь уж прочными. Побывавший в Сербии летом 1830 г. русский офицер оставил свидетельство: «Многие в народе не в состоянии понять всех заслуг, оказанных Милошем отечеству, и, следуя склонности к ропоту, оскорбляли его нередко глухими укоризнами в корыстолюбии, жестокости и проч.»³. Наконец, конституцион-

¹ Политические и культурные отношения... № 185. С. 270–271.

² Гаврилович М. Указ. соч. Књ. II. С. 617–637. Особенно: 626–627.

³ Цит. по: Достян И.С. Об описании Сербии, сделанном в 1830 г. русским офицером Розелион-Сашальским // Славянское возрождение: Сб. статей и материалов. М., 1966. С. 112.

ный кризис середины 1830-х гг. поколебал политико-идеологическую монополию князя.

Изданию Сретенского устава (1835 г.) предшествовала новая буна во главе с великим сердаром расинской области Милетой Радойчичем («милетина буна»). Ее инициаторами выступили недовольные всевластием князя чиновники и старейшины, однако движение приобрело черты массового выступления. В вооруженной демонстрации в тогдашней резиденции князя Крагуевце приняли участие около шести тысяч человек. Правда, по некоторым данным, отдельные старейшины пользовались обманом, утверждая, что собирают народ для охраны боснийской границы¹.

Программа оппозиции была выражена в трех пунктах: 1) учредить народный совет и утвердить взаимные отношения между ним, князем и народом, 2) гарантировать жизнь и имущество всех граждан Сербии, 3) определить общую сумму платежей в виде единого налога, не обременительного для народа. Предводители движения оправдывали свои действия тем, что боялись стихийного и неорганизованного выступления «простоты», недовольной своей жизнью². Такой бунт мог быть слепым и беспощадным. По большому счету, требования оппозиции мало изменились с 1825 г., однако выразить их как «гражданскую» позицию от имени народа могли лишь представители старейшинского слоя. Сам Милош Обренович утверждал, что старейшины обманули народ, который не знал куда идет. Таким образом, обе стороны пользовались демагогическими приемами, придя к компромиссу на основе названных трех пунктов.

¹ Љушић Р. Кнежевина Србија. С. 124–125. Мотивом привлечения населения служило и требование о снижении налога с 6 до 1 талера. Данные о числе бунтовщиков колеблются от 1000 до 15000 человек. Там же. Прим. 19.

² Љушић Р. Кнежевина Србија. С. 129; АВПРИ. Ф. 180. Оп. 1 (517). Д. 2679. Л. 30–31. Суд народный — М. Обреновичу, 9 января 1835 г. Сам М. Обренович еще пытался играть роль «чадолюбивого отца отечества». Там же. Д. 2678. Л. 20–21. М. Обренович — народу великого сердарства расинского, 11 января 1835 г. А в письме А. Петрониевичу от 5 января, жалуясь на здоровье, в очередной раз заявлял о желании сложить с себя бремя государственной власти: «Я оставляю правление молодого нашего отечества. Вот оно Вам, вот народ, вот казна. <...> Умоляю Вас как христианина и как сербина, не возмущайте народ». Там же. Л. 18–19об.

«Так завершилась эта революция без единой капли крови на славу князя и на великое благо народа: какой народ такое еще прежде учинил! — писал либерально настроенный Й. Стеич В.С. Караджичу. — <...> Это простой серб учинил на стыд многим другим народам, которые его дикарем называли...»¹. Кровавым революциям Запада противопоставлялась бескровная победа конституции в Сербии, однако в отличие от этих революций вооруженный народ выполнял во время «милетиной буны» роль безмолвной массовки, а все решения были приняты в верхах. Массовое национальное движение и сформированная гражданская позиция не возникают на пустом месте. Их появление обусловлено длительными социокультурными переменами, которые затронули бы все общество.

¹ Вукова преписка. Књ. VI. Београд, 1912. С. 113.

ФЕНОМЕН БОЛГАРСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (1870–1940 гг.)

Религия, являющаяся частью жизни общества и временами даже определяющая его тонус, как и деятельность церкви в области социокультурных связей, входят в систему неотъемлемых факторов модернизационных преобразований. Роли обоих факторов в этом процессе уделяли большое внимание ученые разных специальностей, занимавшиеся и занимающиеся изучением сути модернизации, ее истоков и протекания в различных странах, характерных черт и особенностей.

Если говорить о христианской религии, то нельзя не видеть, что протестантизм, католичество и православие — три ее главных направления — проявили себя совсем не однозначно уже на раннем модернизационном этапе. Широко известна трактовка Реформации М. Вебером как разрушившей контроль церкви над социальной жизнью и обозначившей переход истории от Средневековья к Новому времени. *Протестантизм* способствовал формированию новых мотиваций трудовой деятельности человека, прославлению духа капитализма, буржуазной этики и культуры. Э.Хобсбаум указывал на несовместимость традиционного религиозного мировоззрения и идеологии национализма, свойственной Новому времени.

Католическая церковь и в еще большей степени православная не только не торопились следовать за социальными новшествами, но, наоборот, воспринимали модернизационные реформы, которые проводились светскими властями, оппозиционно и даже враждебно. Их священнослужители связывали прежде всего с разрушением многовековых традиций, наступлением на влияние церкви в обществе, с пугающим изменением ментальности народа. Эта позиция с течением времени оказалась способной к развитию: церковь, не желавшая быть пассивным инструментом, старалась, как все общественные структуры адаптироваться к меняющемуся миру. Насколько такое было

возможно в каждом конкретном случае. Ибо христианский этос — это этос любви, а не страсти к золоту, и по своей сути он антибуржуазен. Недаром М. Вебер отмечал, что католическое окружение в целом не благоприятствовало развитию буржуазной культуры.

Как бы то ни было в конце XIX в. папа Лев XIII провозгласил программу примирения католической церкви с современной цивилизацией. Призвав священнослужителей: уходите из ризниц в народ, он определил одно из главных направлений их деятельности — в *социальной области*. Поскольку именно в социальной помощи нуждалось население модернизовавшихся европейских стран, особенно его нижние слои. Другой их функцией было опекать души своей паствы, помогать ей в трудные, разрушительные для многих времена, когда человек в существенно изменившихся внешних условиях пытается найти себя, обрести свое новое внутреннее Я. При этом Рим не упускал цели укрепить собственные государственно-политические позиции, в том числе путем создания христианско-демократических партий и соответствующих социальных организаций, наставляя их лидеров на участие в избирательной и политической борьбе и т.п.

Православная церковь наиболее цепко держалась традиционных принципов. Большинство западных ученых проводят между Западом и Востоком цивилизационную границу, исходя при этом из представления, что центральной, определяющей характеристикой цивилизации является религия¹, что дескать не позволяет питать больших надежд на возможность интенсивного общественного развития в восточноевропейском регионе. Некоторые из них пишут об особой «православной цивилизации», подчеркивая, что Реформация, Просвещение и другие значительные события, имевшие место на Западе, коснулись православной цивилизации лишь своим крылом².

Но, полагаю, что православную церковь вряд ли правильно совсем игнорировать при обсуждении проблем модернизации. Ибо, как бы там ни было, она продолжала по-своему осуществлять свои функции в тех православных странах, в том числе балканских, которые постепенно со второй половины XIX в. также начали втягиваться в процессы реформ и социальных трансформаций. А значит православие оказывало

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. 2003. С. 59; см. также Досон К.Г. Боги революции. СПб. 2002.

² Хантингтон С. Указ. соч. С. 51.

то или иное воздействие на модернизирующееся население этих государств, на его традиционные связи и новые социальные отношения, действовало, возможно, косвенно, не прямо. Но как? Каким образом? В каком направлении? В этом состоит один из вопросов.

С. Хантингтон, например, считая полезным помогать населению, переживающему в модернизационные времена «ощущение отчужденности и распада», когда разрываются традиционные связи и социальные отношения, уверенно заявляет: «Решение проблем дает религия»¹. Вернее, на мой взгляд, было бы сказать: «может дать решение», и в таком качестве подобную формулу естественно применить и к православной церкви. В теоретических изысканиях последнего времени появилась даже концепция *религии как фактора стабильности общества*², хотя, конечно, деятельность церкви может быть и дисфункциональной, разрушительной с точки зрения задач модернизации. Во всяком случае поле деятельности для православной церкви в модернизирующемся обществе достаточно широкое. Но, естественно, в каждом конкретном случае картину получаем специфическую.

В том числе в случае с Болгарской православной церковью (БПЦ).

В болгарской историографии конца XX — начала XXI вв. появилось изрядное количество работ, посвященных БПЦ. Они содержат много нового конкретного материала, размышлений и констатаций их авторов — историков, этнологов, социологов, философов и других специалистов. Болгарские коллеги нередко связывают свои исследования исторического прошлого с проблемами сегодняшнего дня, в частности, с проявлениями морально-этического и психологического кризиса 1990-х гг., когда актуальными стали вопросы осмысления более чем тысячелетнего пути, пройденного болгарским народом, с пережитыми им многочисленными «ударами судьбы», вариантами самоидентификации, вплоть до появления в литературе печального образа болгарина как «человека на перекрестке» (по-русски: человека на семи ветрах). (Хотя издавна считалось, что перекрестье — удачное сочетание условий для жизни человека и общества). Появилось также довольно много научных и публицистических работ о типических чертах болгарина, сильных и слабых сторонах его характера, психологических особенностях.

¹ Там же. С. 108.

² Из истории цивилизации и современной религии. Отв. ред. Ш.М. Мунчев. М. 1997. С. 20.

Знакомство с этими трудами помогает лучше понять картины прошлого, условия и атмосферу, в которых осуществляла свою деятельность БПЦ в последней трети XIX — первой половине XX вв. Автор настоящего очерка старалась использовать доступную болгарскую литературу в максимальной степени.

Ооо—ооО

Известны заслуги «древних» болгар в распространении христианства и христианской культуры в раннефеодальном обществе. Известна и роль болгарской церкви в сохранении болгарского языка и этничности в 200-летний период византийского, а вслед за тем и 400-летнего османского владычества. Но в эти годы была потеряна государственность, что, как констатируют ученые, сопровождалось разрывом болгарского исторического континуета¹. На протяжении примерно 200–300 лет (XV–XVIII вв.) понятия «болгарин, болгары» выпало, исчезло из местного лексикона, в том числе из уст служителей церкви в болгарских землях, которые, защищаясь от наступления ислама, выступали в то время *общехристианских позиций*², т. е., очевидно, не делая упора на то, что разделяло, например, православие и католичество. Лишь мощная проповедь о. Паисия — болгаре, проснитесь! с выходом его «Истории славяноболгарской» в 1762 г. как будто пробудила народ от летаргии. Наступало Новое время, начинался переход мировой истории в то новое русло, которое организовывалось идеей прогресса и свободы. Эти импульсы стали ощущать на себе и балканские народы.

В развитии процесса модернизации современные исследователи отмечают *иницирующую роль светского просвещения*. Именно оно, считает английский философ К. Доусон, революционизировало европейскую мысль и изменило весь дух западной культуры³. Интеллектуальная революция способствовала довольно быстрой секуляризации западной культуры, сопровождавшейся развитием духовного кри-

¹ Дунов З. Българинът между разума и вярата // Философският образ на кръстопътният човек в съвременната българска култура — рационалност, духовност, религиозност. Сборник научни трудове. София. 1996. С. 180.

² Макарова И.Ф., Жила Л.И. Конфессии и формирование болгарской нации // Роль религии в формировании наций. М., 1999. С. 203–204.

³ Доусон К.Г. Боги революции. СПб. 2002. С. 67.

зиса. Его проявлением считали возникший *вакуум религиозности*. Несомненно, Западное влияние в свою очередь стало катализатором секуляризации восточных культур, сопровождавшейся *ослаблением восточных религий*¹.

Что в деятельности Паисия было самое важное с точки зрения интересующей нас темы? Это — проповедь развития болгарского просвещения, которое затем, уже может быть независимо от Паисия, быстро стало развиваться и как *светское*. Сколь бы узким ни был слой болгарской интеллигенции в 20–50-е гг. XIX в., ее деятельность в свою очередь способствовала спаду религиозности и стремлению, по крайней мере части населения, к собственной идентификации. Современный болгарский православный автор К.-А. Бойкикева, соблюдая строгость церковного подхода, пишет: через светское образование на болгарские земли стал вливаться яд вольнодумства, материализма, равнения на Европу; происходило «духовное раздвоение народной психологии, стремление «отторгнуть духовную православную сущность»»².

Говоря о периоде 1856–1878 гг., П. Петков замечает, что даже у представителей болгарской интеллектуальной элиты «отсутствовало ясное воспоминание о последнем болгарском государстве»³.

Если развивать эту тему дальше, то обнаруживается, что *новые духовные, «ядовитые» веяния* на болгарских землях, которые тогда находились в составе Османской империи, реализовывались через борьбу за церковь, т. е., с определенной точки зрения, — за ретро-институт, столп Средневековья. Казалось бы, — исторический парадокс! Но дело в том, что речь шла о возрождении собственной, *национальной* церкви, ибо до тех пор она целиком находилась в руках инородцев-греков. Школьное обучение также традиционно было в их руках. И самое важное — Вселенская патриархия в Константинополе, которой подчинялась болгарская церковь, проявляла недвусмыслен-

¹ Кажурин К.Я. Конец великой ереси: Французская революция и кризис западноевропейской культуры в оценке Кристофера Доусона // Доусон К.Г. Боги революции. СПб. 2002. С. 26.

² Бойкикева К.-А. Болгарская православная церковь. Исторический очерк. София. 2005. С. 151.

³ Петков П. Съдбата на българския възрожденски идеал (бележки върху развитието на идеите за държавно устройство и политическо управление и реализация им през XIX и XX век) // Двадесетият век. Опит за равностметка. София. 2003. С. 130.

ное стремление стать объединителем всех балканских христиан *под знаком эллинизма*. Кроме того, вековое сотрудничество с султанской властью Вселенской патриархии выросло в желание последней ничего не менять в этом отношении и сохранять «подчиненное положение православных христиан османской власти»¹.

Когда же в 1830 году Греция *первой на Балканах* приобрела статус независимого государства и на правах этого первого (успешного!) поторопилась заявить о своих *мегаломанских претензиях*, болгары оценили *опасность эллинизации* как нешуточную. «Мы хотим прежде всего сохранить нашу народную индивидуальность, — говорилось в передовой статье газеты «Македония» от 16 декабря 1867 г., — т. е. совокупность существенных отличительных черт нашей народной индивидуальности ... И в первую очередь сохранить свой язык, потому что именно он — корень нашей народности: пока мы имеем язык, сохраняем нашу народность, теряем язык — теряем и нашу народность»².

1830 г. многие болгарские исследователи называют годом начала борьбы за болгарскую церковь. Она приняла, по-видимому, действительно довольно широкий размах, хотя импульс вначале исходил от немногочисленной интеллигенции и экономически «продвинутых» деятелей. И что характерно: первопричиной явились не столько идеологические и патриотические мотивы, сколько *экономические* — выступления против церковной налоговой системы и злоупотреблений греческого духовенства, против его поведения в отношении болгарской паствы (конфликты с представителями константинопольской Патриархии во Враце, Самокове, Скопье и других местах происходили уже в 1820–1830-е гг.). Эти обстоятельства отмечает в своем скрупулезном исследовании Л. Любенова³.

¹ *Либератос А.* Вселенската патриаршия, национализъмът и българският църковен въпрос. 1856–1872 г. // Религия и църква в България. Социални и културни измерения в православие и неговата специфика в българските земи. Научна конференция. 27–29.XI.1997. София. 1999. София. 1999. С. 131. Автор подчеркивает, что далеко не все исследователи поддерживают его точку зрения относительно взаимоотношений Патриархии и Османов.

² Фотокопия полосы газеты «Македония», приведенная в кн. История на България. Т. 6. София. 1987. С. 151.

³ *Любенова Л.* Икономически основи на църковния живот. 1878–1920 г. // Религия и църква в България... С. 178.

Наступление Нового времени давало о себе знать не только экономически, но и *политически*. Как пишет болгарский ученый П. Петков, для «материалистов» было характерно не просто отрицательное отношение к Константинопольской (греческой) патриархии, но в определенной степени уже и *антирелигиозные и антицерковные настроения* вообще. Это проявилось в начавшейся широкой публицистической кампании, центральным тезисом которой явился постулат с фактически двойным содержанием: мы воюем за церковь, говорили его авторы, главное предназначение которой — *национально-политическое, объединительное, а ее духовные функции считаем анахронизмом*¹. Как тут не вспомнить мудрого английского ученого-психолога Э. Фромма, так оценившего радикальное изменение гуманистических этических принципов на Западе в XVIII в.: «экономическое поведение отделилось от этики и человеческих ценностей»². В нашем случае речь шла о том, что при подневольном положении болгарского населения внутри Османской империи и отсутствии, кроме церкви, каких-либо других болгарских представительных (перед турецкими властями) структур с рядом административных функций, именно ее хотели использовать в роли *традиционно объединяющей силы* (как это сложилось в Средневековье), на которую, считалось, единственно можно было попытаться опереться и в новых, меняющихся условиях.

В такой постановке вопроса просматривается довольно циничный расчет интеллигентствующей публики: использовать церковь прежде всего в политических целях, т. е. для объединения народа вообще, так сказать на перспективу, для создания основы политического общества. А дальнейшая судьба самой церкви как организации, традиционно несущей функции духовного окормления православного народа, молодых политиков интересовала мало.

Не удивительно, что годы 1830–1870 наполнились язвительной печатной пропагандой против греческого духовенства, в ней участвовали Г.С. Раковский, Др. Цанков, П. Славейков и другие молодые писатели и публицисты. Для большего возбуждения народа (но может быть, скорее, из-за недостатка собственной культуры, несмотря на

¹ Петков П. Православная церковь и государственная власть в Княжестве Болгария. 1878–1896 // Bulgarian Historical Review. Sofia. 2000. № 3–4. P. 73.

² Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990. С. 15.

уже приобретенный имидж писателя или литератора), они не стеснялись грубых слов, уничтожающих неприличных выражений¹. Между тем сами издательские центры находились за границей, где в то время группировались «люди дела» — революционно настроенные эмигранты, иступленно поддерживавшие идею народного восстания против турок, но не умевшие, несмотря на все попытки, претворить ее в жизнь. Если говорить строго, их «революционаризм» в свою очередь «подал» религиозную веру: известны факты, что собираемые в отряды четники целовали не Евангелие, а кинжал и пищаль; или о том, что популярный поп Грую, находясь в полном вооружении, чтение «Верую» на знаменитом собрании в Обориште начал словами: «Верую во единого четника балканского...»².

Поддержка поднятой кампании выражалась в отказе народа в ряде мест участвовать в богослужениях на греческом языке, что служило важным подспорьем для обоснования многократных письменных обращений к Вселенской патриархии и к султану с требованием независимой болгарской церкви. Лишь в 1870 г. последовал султанский ферман об учреждении Болгарской православной церкви со статусом Экзархии. Однако из-под ее руководства изымались города и села с греческим или эллинизированным населением, хотя бы оно и составляло меньшинство³.

А в 1872 г. из-за отказа Вселенской патриархии признать БПЦ, как обвиняемой в еретизме и отступлении от веры, она перешла на положение схизматической, т. е. отдельной, непризнанной, и находящейся в определенном смысле в изоляции от других православных церквей*. Схизма была отменена только в 1945 г.

¹ Еленков И. Католическата църква в България и общностите и идентичности на принадлежащите към нея верни през XIX и първата половина на XX в. // Балкански идентичности в българската култура от модерна епоха (XIX–XX в.) Ч. II. София. 2002. С. 105.

² Тодоров Г. 1876: априлската самоизмама или бесовете български // Тодоров Г. България, Православието, история. София. 2003. С. 51.

³ Косев Д. Борба за самостоятелна национална църква // История на България. Т. 6. София. 1987. С. 174.

* В болгарской историографии существуют разнящиеся друг от друга объяснения причин схизмы; судить, какая из них верна, не представляется возможным. Но обращают на себя внимание слова акад. Д. Косева о том, что болгарский народ отнесся к объявлению схизмы — «этому враждебному акту Патриархии *спокойно*» (выделено мн. — Р.Г.).

Итак, первая особенность — возрождение болгарской национальной церкви по времени совпало с общим духовным кризисом в Европе и спадом религиозности там. Но в известной мере и среди болгарского населения, что изначально делало почву под ногами БПЦ очень нетвердой. Столкновение явлений возрождения и кризиса, т. е. восходящего и нисходящего движений, как правило, разрушает саму систему. Что, возможно, и стало одной из причин ряда неблагоприятных для болгарской православной церкви последствий.

Некоторые из них проявились уже вскоре после того, как БПЦ получила независимость. Если частью общественных деятелей перед нею ставилась объединительная задача и еще в 1875 г. Хр. Ботев вновь напоминал в газете «Знаме»: «/Болгарская/ экзархия нужна лишь для того, чтобы собрать разрозненные части народа и соединить их в единое целое»¹, то едва став независимой, БПЦ оказалась разделенной — в Софии был составлен Св.Синод как руководящий орган церкви, но одновременно в Константинополе располагался (вплоть до 1913 г.) болгарский экзархат во главе с экзархом, который именно себя считал главой БПЦ. Так возник первый конфликт — **внутрицерковный**, знаменовавший слабость БПЦ как не имевшую, прежде всего, единства в руководстве. Допуская такое раздвоение и тем самым нарушая собственный Устав², БПЦ теряла часть своей законоустойчивости.

Болгарская экзархия в Константинополе являлась официальным османским институтом, хотя финансово содержалась Княжеством. При этом османская власть разрешала Экзархии создавать широкую сеть духовного и просветительского свойства в Македонии и Фракии. Не удивительно, что конституировавшаяся в 1870 г. Экзархия в период после Освобождения 1878 г. «вступила с самочувствием объединительницы болгарского народа»³; хотя забот у нее прибавилось в связи с территориальным переделом, проведенным согласно решениям Берлинского конгресса, когда Княжество понесло конкретные потери части земель и населения: так, болгарской пастве, находившейся в ведомстве Русенского и Варненского митрополита, пришлось перейти к румынскому владыке, а в Пиротской и Вранской епархий — к серб-

¹ Петков П. Указ. соч. С. 73.

² Там же. С. 60.

³ Любенова Л. Икономически основи ... С. 178.

скому¹. Но если целью Экзархии было «прибрать к себе всех болгар» в вилаетах Европейской Турции, развивая у них болгарское сознание, то интересы БПЦ в Княжестве, как пишет болгарский автор Х. Темелски², были более узкими.

Дело в том, что помимо внутрицерковного, в едва определившемся в 1879 г. Княжестве возник **конфликт по линии церковь — государство**. К моменту создания первых государственных структур в Княжестве Болгария именно церковь была единственным более или менее сформированным общенародным органом. К тому же православное священство обладало некоторым административным опытом: будучи под турецкой властью оно по традиции выполняло не только духовные, но частично и некоторые административные функции, касавшиеся общинных дел и семейных отношений.

Например, Пловдивское епархиальное церковное настоятельство в 1860-е гг. расширило свои функции и полномочия, наполнив новым содержанием традиционную форму церковного настоятельства и превратившись таким образом «в областное полифункциональное учреждение». В этом качестве, указывает болгарская исследовательница О. Маждракова-Чавдарова, оно выполняло обязанности не только церковной епархиальной власти, но и финансового и административного органа, поддерживавшего связи как с османскими структурами, так и с болгарским представительством в имперской столице (в свое время оно было выделено болгарским населением и направлено в Константинополь)³.

Казалось бы, исходя из такого управленческого опыта и наличия определенных навыков, представители БПЦ вправе были ожидать «законного места» во властных структурах нового государства. Но не тут-то было. Хотя поначалу и, наверное, под влиянием деятелей Русского гражданского управления, именно епископ (затем митрополит) Климент возглавил два правительственных кабинета (правда, оба очень краткосрочных), но восторжествовать в таком качестве священнослу-

¹ *Калканджиева Д.* Българската православна църква и новият закон за вероизповеданията // Религия и политика на Балканите. 2004. Силистра. С. 150.

² *Темелски Х.* Българската екзархия — защитник на българщина в Македония и Одринска Фракия // Религия и църква в България... С. 225.

³ *Маждракова-Чавдарова О.* Българското епархийско настоятельство в Пловдив и националната легална борба (1861–1870) // Религия и църква в България ... С. 161.

жителям не позволили. Уже в Учредительном собрании 1879 г. проявились трения между представителями БПЦ (среди «нотабилей»-учредителей Собрания их было около десятка) и светскими деятелями, настроенными антиклерикально¹.

Так родилась **оппозиция: правительство — Синод**, а фактически, — пишет К.-А. Бойкикева, — борьба за преобладание между церковной и светской властью. Это **второй существенный момент**, отметим мы, **характеризующий положение БПЦ в Княжестве Болгария**. Это положение было закреплено законодательно. В принятой в том же 1879 г. Конституции православие провозглашалось ведущей конфессией в Княжестве, однако сама БПЦ признавалась автономной. Таким образом отношения между церковью и государством должны были выстраиваться в рамках дуалистического разделения властей² (фактически по Хантингтону — на западный манер).

В 1880 и 1881 гг. в Софии созывались архиерейские соборы, на которых обсуждался главный вопрос — как управлять церковью. Усилия направлялись на выработку Экзархийского устава, основой которого стал бы Устав 1871 г. (первоначальный). Но пока суть да дело, деятель Либеральной партии Д. Цанков начал действовать через голову Св.Синода и без ведома экзарха: в июле 1880 г. он опубликовал «Временные правила духовного управления христиан, мусульман и евреев». «Это явилось первой попыткой, — пишет Л. Любенова, — изъять у церкви дела, связанные с просвещением, брачно-семейными отношениями и ее автономным правом вести свои финансы»³. Так было положено начало контроля государства над церковью, считает она.

За этим в 1883 г. последовало принятие Народным собранием официального Экзархийского устава, в который вошли положения, выработанные Д. Цанковым. Новый Устав 1895 г. в основном подтвердил складывавшуюся систему, в том числе принцип *несоборного* управления церковью (еще один факт, требующий, по нашему мнению, внимания!). Священство жаловалось, что его не допускают до «воспитания» молодежи, преподавания в школах. Как пишет К.-А. Бойкикева, в 1906 г. профсоюз учителей добился от министра народного просвещения И. Шишманова, чтобы уроки вероучения проводили учителя,

¹ Бойкикева К.-А. Указ. соч. С. 157.

² Ср.: Хантингтон С. Указ. соч. С. 98.

³ Любенова Л. Икономически основи ... С. 180.

а не священники¹. Установившиеся правила позволяли вести в отношении священнослужителей по-настоящему репрессивную политику.

Особенно усилились репрессии против церкви при правительстве Ст. Стамболова². Оно бесцеремонно вмешивалось в дела Стара-Загорской епархии, в 1891 г. объявило ее временно закрытой. В 1888 г. с использованием полиции правительство Стамболова разогнало Св. Синод, переместило его в провинцию, так что он надолго потерял возможность собираться. Годом раньше сторонники Стамболова, настроенные русофобски, ворвались в софийскую митрополию с требованием к митрополиту «убраться из столицы» и угрозами, если в течение трех дней он не сделает этого, с ним поступят «самым жестоким образом»³. В 1880 г. было закрыто духовное училище в Самокове, в 1886 — семинария около Лесковца.

О характере взаимоотношений Стамболова с церковными иерархами лучше всего свидетельствуют его собственные признания, отраженные в личной переписке. Так, в одном из документов (без даты) Стамболов требовал от пловдивского окружного управителя — лица административного — обеспечить победу на выборах митрополита Натанаила и не позволить выиграть их второму кандидату — митрополиту Кириллу. В другом документе — телеграмме в адрес премьер-министра диктатор пишет, что «способ ареста Климента произвел на европейский мир очень плохое впечатление» (выделено мною. — Р.Г. К тому же митрополитий сан Климента даже не упоминается). В отношении митрополита Симеона, избегавшего случаев видеть князя и тем как бы выражавшего «презрение к господарю», Стамболов требовал предупредить священнослужителя, что его поведение может иметь для него плохие последствия. Не стеснялся Стамболов и непосредственно угрожать «Его Блаженству», требуя от него выполнения неких договоренностей; если этого не будет сделано, говорилось в очередной телеграмме (без даты), то «Синоду не будет позволено приехать в Софию, и мы примем все меры перед Народным собранием для обеспечения интересов отечества от посягательств высшего духовенства»⁴ (выделено мною. — Р.Г.)

¹ Бойкикева А. Указ. соч. С. 172.

² Ваташки Р. Старозагорската епархия в защита на православието (20 и 30-те години на XX век). Шумен. 2003. С. 38.

³ Попов Ж. Бурният живот на Димитър Петков. София. 1998. С. 62.

⁴ Личният архив на Стефан Стамболов. Писма, телеграми, записки и дневници. Т. 1. София. 1994. С. 118, 103, 122, 125, 123.

Речь шла об отчаянном сопротивлении экзарха Йосифа стремлению Стамболова добиться изменения статьи 38-й Тырновской конституции, что позволило бы князю Фердинанду жениться на католичке. В борьбе с экзархом Стамболов использовал свои связи с турецкими чиновниками, натравливал их на зависимого от них по положению экзарха. В личном дневнике Йосиф I записал: «он угрожал мне, что предпримет меры против газеты «Новини», если она будет продолжать писать по этому вопросу, а меня заключит в монастырь ... Мне, Экзарху, не позволяется высказать свое мнение по вопросу, подвергающему веру народа серьезной опасности. Кто, впрочем, может в Болгарии высказать свое мнение или голосовать против правительства»¹.

Возможно, конфликт администрации со священнослужителями, его жесткость при Стамболове были связаны с прорусской ориентацией значительной части болгарских иерархов. Она проявлялась в поминании в ходе церковных служб русского царя-освободителя и отказе поминать главу болгарского государства — князя Фердинанда — как инославного, в сопротивлении прославлению католических святых, проведению панихид по католикам и протестантам, чего добивались кн. Фердинанд и Стамболов². И это не случайно: среди болгарского духовного клира было много русских воспитанников.

В довольно острой форме противоречия между светской властью и экзархом проявились накануне Балканской войны 1912 г.: Йосиф I выступал за мирную эволюционную политику, лояльную султанской Турции, позволявшей экзархии вести болгарскую пропаганду в македонских землях. Что стало противоречить настроениям правительственных кругов, подогреваемым руководством Внутренней македонской революционной организации³. Деятельность ВМРО и Верховного македонского комитета, расположенного в Софии, способствовали изменению доминирующего направления внешней политики Болгарии. В тревоге по этому поводу экзарх сетовал в 1900 г. в докладе Св. Синоду, что «революционные апостолы» стремятся насиловать время и «естественный ход событий»; по его мнению, правительство должно было прекратить поддержку революционного движения⁴.

¹ *Български екзарх Йосиф I. Дневник.* София. 1992. С. 230.

² *Бойкикева К.-А.* Указ. соч. С. 159.

³ *Темелски Х.* Указ. соч. С. 227.

⁴ *Михов М.* Църквата в националната доктрина на българите в края на XIX и началото на XX век // *Двадесетият век ...* С. 142–143.

Обобщая, болгарский автор П. Петков называет отношение государства к церкви «обидно пренебрежительным»; он подчеркивает, что такое отношение не могло не влиять негативно на духовно-нравственную атмосферу в стране¹. К этому следует прибавить, что в программах политических партий мы не найдем ни идей, ни простого интереса к проблемам православной церкви, словно никто из политиков не был заинтересован в урегулировании ее отношений с государством.

Пренебрежение государственной власти к церковным делам сказалось и в том, что после смерти экзарха в 1915 г., несмотря на неоднократные обращения Св. Синода к царствующей династии провести выборы нового экзарха, в этом отношении до конца существования буржуазной Болгарии так ничего и не было сделано.

В том же направлении — *складывание неуважения к институту церкви* в обществе, в том числе среди простого населения, — по-видимому, действовал на предыдущем этапе и характер борьбы за национальную церковь. Негатив, обращенный главным образом к иерархам Вселенской церкви в Константинополе, одновременно насыщал и внутриболгарскую атмосферу, что отразилось, по мнению некоторых болгарских авторов, на психологии нескольких поколений. И. Еленков, например, пишет, что ожесточенность выступлений против греческого духовенства *сломала благоговейное отношение и к духовенству, и к вере*, и что в результате длительной кампании болгары получили привычку не уважать греческих владык. А когда пришли «свои» — болгарские владыки, не стали уважать и их. По мнению этого автора, отрицание все больше приобретало общий характер, захватывая и духовенство — служители церкви в свою очередь охладевали к вере.

Этот момент представляется кардинально важным. К нему приложима, с определенными оговорками, известная констатация: гидра революции пожирает своих детей. Применительно к собственно Болгарской Православной Церкви, можно сказать, что, получивши долгожданную самостоятельность, церковь на пути к ней растеряла и свои внутренние силы, и, в известной степени, массовую опору для дальнейшего интенсивного развития.

«Греческое воспитание», распространявшееся не только на паству, но и на болгарское духовенство, имело и другое последствие. Сове-

¹ Петков П. Указ. соч. С. 75.

менные болгарские авторы прямо пишут: воспитанные греческим духовенством болгарские пастыри впитали его качества, стали повторять его образ жизни, сребролюбие, интриганство. Эти свойства, видимо, присущие грекам, но не соответствовавшие менее изощренной натуре болгар, становились в ряде случаев препятствием для единения болгарских священников с народом, они (болгарские пастыри), замечает И. Еленков, «не умели обращаться с населением», защищать его перед властями, стать его вождями, заслужить авторитет¹.

Профессиональные качества болгарского православного священства и не могли быть высокими. Экзарх Йосиф I отмечал в дневнике: «высшие иерархи слабы, без строгой дисциплины, без самоотверженности», на их «единомыслие и искренность невозможно рассчитывать»; а «низшее духовенство является слишком невежественным, непрофессиональным, невлиятельным и недисциплинированным, чтобы иметь больше влияния на народ, чем интеллигенция»². Религия у нас, отмечалось в софийском журнале «АБВ», не имела традиций дискуссий и диспутов даже в рамках богословской схоластики³.

Духовенство в целом консервативно, пишет болгарский автор Д. Василева, — службы происходили на староболгарском языке, и это лишало их эффекта; священники редко выступали как проповедники, что расчищало почву для деятельности католических и протестантских миссий⁴.

В сложный «перестроечный» период своего существования, строительства после Освобождения нового государства православные болгары вступили без признанного духовного лидера. У них не существовало ни общebolгарского религиозного центра, ни «общebolгарской святыни»⁵. Святые Кирилл и Мефодий, а также Иоанн Рильский, хотя и имели давнюю традицию, однако лишь как общеславянскую, и лишь со временем приобрели качества «небесных покровителей» именно болгар. В этом отношении Русская церковь со своим преподобным Сергием Радонежским или Сербская церковь со своим святителем Сав-

¹ Еленков И. Указ. соч. С. 106.

² *Български екзарх Йосиф I. Дневник.* С., 1992. С. 324.

³ АБВ. София. № 22. 31 май 1988.

⁴ Василева Д. Светската и духовната интеллигенция в България от Освобождението до Балканските войни // Бог и цар в българската история. Пловдив. 1996. С. 284.

⁵ Мельников Г.П. Небесные заступники // «Родина». М. 2006. № 4. С. 51–52.

вой¹, ассоциировавшимися в той или иной степени с объединительной тенденцией, находились в более благоприятном положении.

Не удивительно, что паства в основном соблюдала лишь обряды. По отзыву одного из современников: «Верующие не понимают литургии. Они появляются ненадолго во время службы, поклоняются, зажгут купленную у дверей свечу и уходят»². В ряде мест вообще не было священников с подходящим образованием. Некоторые села в течение 30 лет обходились без священнослужителей³.

На перо просто просится зарисовка из народной жизни и, главное, простодушное наставничество сельского священника из рассказа известного болгарского писателя Николая Хайтова, хорошо знавшего сельский быт Родоп: желая помочь свояку, попавшему в трудную ситуацию из-за пустячного дела, — пишет он, — местный поп советовал — сходи к такому-то и к такому-то из администрации; да не с пустыми руками, они — тузы-то наши не любят, когда к ним с пустыми руками приходят. И даже одолжил денег на мзду, сказав: «Своих у меня нету, дам тебе из церковных... Помни, что ты должен Иисусу Христу и святым и обязан их деньги поскорее вернуть!» Когда дело уладилось, священник продолжал наставлять в прежнем духе, дескать, теперь надо всех отблагодарить. Что совсем выбило свояка из равновесия: «Дураки вы набитые! Тому подарить, этому подарить, чтобы те, которые у нас в селе заправляют, связи имели и себе кошельки ворованными деньгами набивали!... Поп испугался: Свояк, — говорит, — на мне сан священнический, я в такие дела впутываться не могу! Мне архиерей уже и так замечание сделал, чтобы я не вмешивался, занимался своими молитвами, а потому ты уж не обессудь, если завтра мы с тобой на улице встретимся, и я не поздороваюсь. Ряса должна быть нейтральной»⁴.

В свете сказанного представляется полезным упомянуть о несколько неожиданном и, к сожалению, оставшемся нераскрытым, неаргументированным замечании Д. Василевой о том, что светская интеллигенция в первое десятилетие после Освобождения обсуждала вопрос

¹ *Св. Николай Сербский*. Сербский народ как раб Божий. М., 2004. С. 29.

² *Еленков И.* Указ. соч. С. 112.

³ *Ваташки Р.* Указ. соч. С. 66

⁴ *Хайтов Н.* Голая совесть (пер. М. Тарасовой) // Хайтов Н. Колючая роза. Рассказы. Эссе. Публицистика. М., 1983. С. 90, 93.

о создании православного проповеднического института, о попытках укрепить авторитет духовенства, в частности, путем приглашения церковников на различные праздники с богослужением и т. д. Речь шла также о попытках христианизации народной культуры в противовес праздникам языческого характера. Но эта «светско-духовная гармония», по мнению Д. Василевой, была недолгой; ее разрушило сближение БПЦ с государственными структурами, прямое или косвенное вмешательство в политическую борьбу¹.

Как бы то ни было, кое-какие меры для изменения положения принимались: в 1901 г. был построен комплекс зданий Софийской духовной семинарии, в 1923 г. в Софийском университете открылся богословский факультет. Отношения БПЦ с государством то улучшались, то вновь портились. Так, при правительстве А. Стамболийского БПЦ подверглась новым, специфическим гонениям — часть монастырских земель подлежала отчуждению по закону об аграрной реформе, чтобы затем поступить в государственный фонд, создававшийся для наделения крестьян землей. Поэтому нет ничего странного, что государственный переворот 1923 г. священством был встречен с облегчением и надеждой. 23 июня 1923 г. газета «Църковен вестник» писала: «Неужели в высокий исторический момент, переживаемый страной, правительство, пришедшее к власти во имя объединения народных сил, не захочет видеть церковь около себя?»². Жалоба была услышана: новый премьер и одновременно министр просвещения А. Цанков, несмотря на возражения ряда депутатов парламента, распорядился включить представителя Св. Синода в Высший учебный совет, а священников — в школьные настоятельства на местах. Аргументом было: «Во всяком случае священник все-таки имеет образование и может стоять часто гораздо больше, чем все члены сельского школьного настоятельства»³. Теперь церковь почувствовала возможность поучаствовать в распространении религиозного мировоззрения среди молодежи. В частности, был введен специальный день для христианизации молодого поколения — для посещения учащимися храмов, религиозных собраний и бесед, для полу-

¹ Василева Д. Указ. соч. С. 286.

² Цит. по: Стойчев Т. Из борбата на прогресивното учителство против религията // Народна просвета. София. 1974. № 6. С. 110.

³ Цит. по: Григоров Б. По пътя на реформа. Социал-демократията и борбите на трудещите се в България. София. 1981. С. 23–24.

чения религиозной литературы. Но еще и в 1928 г. БПЦ пришлось обращаться к властям со специальным посланием, в котором содержался призыв к широкому доступу христианской религии в школу¹.

Попытку поднять авторитет церкви, когда после неудачных войн и национальных катастроф 1913 и 1918 гг. и связанных с ними крушением всех внешнеполитических надежд, когда население погрузилось в пучину мрака и разочарования, предпринял митрополит Стефан. Своим вниманием к страждущим он хотел объединить их вокруг церкви, а ее саму сделать важным элементом общественного механизма. Митрополит Стефан был высокообразованным интеллигентным человеком, прекрасным оратором. Современники называли его Златоустом. В 1904 г. он окончил Духовную академию в Киеве, 1915–1919 гг. продолжил образование в Швейцарии, где специально изучал протестантское и католическое богословие, отведя по два года на знакомство с каждым.

Избранный в 1922 г. софийским митрополитом Стефан стал заметной общественной личностью. Интересен наказ под названием «От Вас Софийская епархия ожидает», данный ему верующими Софийской епархии при вступлении его на этот пост. На первом месте в наказе стояло: мы ждем, что Вы поднимете *духовно-нравственный и умственный уровень* духовенства, потому что по опыту известно, сколь многого следует желать в этом отношении. В Обращении низкий уровень духовенства объяснялся тем, что оно не имело возможности работать над собой, «как следует», ибо находилось в худших условиях, часто испытывало пренебрежение, забвение, унижения и оскорбления².

Слушать проповеди митрополита Стефана стекались большие массы народа. В 1927 г. по его инициативе был создан Общеболгарский союз «Отец Паисий». Эта преимущественно интеллигентская организация призывала к объединению всех общественных сил, к их солидарности, а в скрытой форме — и к мирной ревизии Нейсского мирного договора 1919 г. В ноябре 1929 г. в 10-ю годовщину подписания договора о мире Союзу «Отец Паисий» вместе с союзами офицеров и унтер-офицеров запаса удалось организовать массовое движение по всей стране с тре-

¹ Там же. С. 111.

² «Народен страж». София. 1922. № 7–8. Цит. по: Лазов Д. Екзарх Стефан I. Живот, апостолство и творчество. София. 1947. С. 87.

бованиями сокращения или отмены репарационных платежей. Больших последствий акция не имела.

Скорее всего, Стефан явился православному миру Болгарии слишком поздно. Принципиально изменить положение в церкви, а также в настроениях имевшихся священнослужителей и их паствы вряд ли было возможно.

Изолированное положение БПЦ из-за схизмы, вероятно, явилось толчком для активного вовлечения митрополита в экуменическое движение. Впрочем биограф Стефана открыто писал об этом: после схизмы болгарская экзархия оказалась в положении изоляции по отношению ко всем остальным православным церквям; «поистине международная атмосфера была невыносима для нас», приводит он слова Стефана¹; вот почему, — продолжает биограф, — Стефан еще в качестве архимандрита и епископа стал поддерживать зародившееся на Западе сближение всех христианских церквей, что нравилось далеко не всем болгарским церковникам². Еще в 1911 г. комиссия Святейшего синода констатировала, что БПЦ «живет жизнью одинокой, изолированной от других православных церквей ... и как следствие многие болгары принимают церковь нашу не как Божественное учреждение с чисто духовными задачами, а как светское, национальное или политическое учреждение»³. Если эти слова были произнесены действительно людьми верующими, то, очевидно, — это очень тяжелое признание. И не только само по себе, но и как признание недееспособности (или, по крайней мере, низкой дееспособности) БПЦ.

Современный болгарский православный публицист Г. Тодоров в свою очередь утверждает, что время схизмы (1872–1945 гг., т. е. на протяжении всего периода существования БПЦ в буржуазной Болгарии) явилось застойным для православной церкви. Ибо задерживалось богословское развитие болгарского духовенства, снижался престиж церкви, которая при конфликтах с властью не могла рассчитывать на поддержку со стороны других православных церквей⁴. Но, на наш взгляд, правильно было бы считать застой тем же кризисом, только растянутым на десятилетия, тягучим, нерешаемым. Что же касается экуменического движения, то, как указывают некоторые современные

¹ Лазов Д. Указ. соч. С. 67.

² Там же. С. 100.

³ Цит. по: П. Петков. Указ. соч. С. 71.

⁴ Тодоров Г. Указ. соч. С. 42.

ортодоксы, для православных, согласно церковной догматике, это явление противоестественное.

О состоянии БПЦ в конце 1930-х гг. весьма выразительно говорится в письме от января 1939 г., составленном кметами и церковными настоятелями общин Бургасского округа. Оно адресовано председателю Св. синода, премьер-министру Болгарии и ряду других министров, председателю Народного собрания, копии отправлены в десяток газет. Главная мысль послания — разрастающийся в стране духовно-религиозный кризис: «Народная церковь отступила от своей прошлой общественно-религиозной деятельности. Она стала мертвой без живой творческой воспитательной религиозной деятельности, занимаясь только требами. Ей не хватает творческих деятелей. Мы являемся свидетелями, как специально подобранные проповедники и миссионеры иноверных церквей снуют в народе, проводят религиозные беседы, открывают клубы, детские сады и школы и расходуют огромные суммы на «освоение» народа, и таким образом раскалывают народное единство. А наша церковь стоит в полном бездействии. Известно, что наше побережье, особенно город Бургас, населено смешением разных народов, вер и сект, а для отпора иноверной напасти у нас нет достойных подготовленных духовников...»¹.

Таков получался итог 70-летнего существования Болгарской православной церкви. Сколь ни медленно и непланово происходили в Болгарии процессы модернизации, они все-таки происходили. Но БПЦ оказывалась в стороне от них. Как показывают болгарские авторы, их православная церковь являлась не столько духовным, сколько политическим учреждением. Приведу наиболее емкую в этом отношении характеристику фактического статуса БПЦ, принадлежащую Л. Любеновой: «Из-за политики государства — поставить церковь под свой контроль, БПЦ постепенно теряла свой авторитет и престиж в обществе, — указывает она, — ее служители превращались в государственных чиновников, все более зависевших от политики дня. Общая незаинтересованность в финансовом укреплении церкви, частные действия для личного благодетельствования, политические интересы и т.п., все это постепенно вело к бесконтрольности, нарушениям закона и даже краже имущества. Что, конечно, отражалось на моральном престиже церкви — углублялась пропасть между клиром и народом,

¹ Централен държавен архив (София). Ф. 173. Оп.4. Д. 1158, Л. 13–14.

а также между низшим и высшим духовенством. В период после Освобождения церковь как институт оказалась не в состоянии сама конституироваться и превратилась в придаток государства, что делало ее легко уязвимой и неспособной связать свою деятельность с духовными и общественными потребностями православных христиан¹.

Но если БПЦ не могла в полной мере «присутствовать в обществе силой своего духовного и морального авторитета»², то и своего политического качества (вернее сказать — квазиполитического) не использовала в должной мере, не пыталась помочь модернизирующемуся государству обеспечить внутреннюю стабильность. Чем оправдывала жесткие слова одного из болгарских авторов: «Исторический путь БПЦ — ее пассивность»³. Впрочем в период до «национальных катастроф» никто из политической «элиты», которая сама была раздроблена и бесконечно «роилась», перед церковью такой задачи не ставил.

ooo—ooo

Религиозное сознание православных в болгарских землях Османской империи, а позже в Княжестве (с 1908 г. Царстве) Болгария постоянно подвергалось натиску приверженцев других конфессий. В одних случаях — *извне*, в других — еще и *изнутри*.

Католические и протестантские миссионеры вели тут активную работу с XVIII в. Протестантство не получило здесь большого распространения, хотя в некоторых местах к нему проявлялся интерес. В первую очередь, как считает болгарский автор В. Радева, — в среде зарождающейся буржуазии⁴. В Банско, например, протестантская пропаганда увлекала ремесленников, удивлявшихся, сколь выгодны рациональность и системность в работе: миссионеры подсчитали им, сколько денег и времени они сэкономят, если будут работать в многочисленные православные праздники. Хорошо воспринимало население и наставления на скромную и трезвую жизнь⁵. Протестантские

¹ Любенова Л. Указ. соч. С. 189.

² Кацарски И. Българското православие и императивите на модернизацията // Религия и църква в България... С. 25.

³ Там же. С. 21.

⁴ Радева В. «За» и «против» протестантството в Русе. 1878–1939 // Алманах за историята на Русе. Русе. 2002. С. 404.

⁵ Там же. С. 405.

школы были открыты в Пловдиве и Стара-Загоре. Но в общем протестантство не прижилось здесь. Очевидно, слишком контрастной была проповедуемая миссионерами трудовая этика по сравнению с общим замедленным темпом жизни и деятельности у балканских европейцев, к тому же столетиями впитывавшими в себя тягучий воздух Ориента. Всего по переписи 1934 г. протестантов в Болгарии насчитывалось около 5 тысяч из немногих более чем 5-миллионного состава населения.

Более активную деятельность развернули католические миссии.

В болгарской историографии признается, что для католиков Болгария была как бы автохтонной почвой. Сторонники этой точки зрения имеют в виду, что именно «родное» богомилство дало отмашку развитию ереси павликиан в Европе (в начале XVII в. павликиане окатоличились). В процессе последовавшего затем католического наступления на восток для нас особый интерес представляют уловки православных, к которым они прибегали, укрываясь от пропагандистских атак католических миссий, приезжавших извне: в пылу борьбы за собственную церковь и против засилья греков болгарские священники на местах не раз по собственной инициативе «заключали унии» и даже переходили в католичество¹.

Слова оправдания для них находил российский консул в Битоле. В ноябре 1863 г. он сообщал оттуда: «Крестьяне, не находящие со стороны своих епископов — их единственных законных защитников — ни малейшего сочувствия, перегруженные налогами, неуверенные в безопасности своего имущества и даже жизни, подвергаемые всевозможным оскорблениям и преследованиям, нигде не находящие ни защиты, ни справедливого суда, поневоле бросились в сети католической пропаганды как в единственное открывающееся перед ними убежище от лежащего на них так долго ига»².

Наиболее любопытен случай с тогда уже известным политиком Драганом Цанковым. В конце 1850-х гг. он открыто стал выступать сторонником унии с Римско-католической церковью, ища у нее защиты на условиях сохранения православного обряда. В декабре 1860 г. большая делегация болгар (100–150 чел.) во главе с Др. Цанковым прибыла в Константинополь, где все присутствовавшие болгары под-

¹ Там же. С. 404.

² Цит. по: Д. Косев. Указ. соч. С. 138.

писали протокол об унии с Римско-католической церковью¹. По приезде Др. Цанкова в Стара-Загору униатская пропаганда здесь получила возможность быстро расширяться, особенно среди зажиточных горожан, части интеллигенции и молодежи, «желавших получить образование на Западе»². Стара-Загора стала одним из центров униатской пропаганды. Известные успехи униатское движение имело также в Пловдиве, Видине, Тырново, Свищове, Шумене и др.

Униатская организация работала на болгарских землях с перебоями. Ватикан считал, что французское и итальянское духовенство мало подходит для униатской пропаганды среди славян, хотя и был создан Католический славянский комитет. На помощь Риму пришли поляки³. После Берлинского конгресса 1878 г. католическая церковь стала особенно активно работать в Македонии и Фракии, остававшихся под властью Османов. В 1879 г. во Фракии насчитывалось 15 болгаро-униатских сел, в Македонии — 36. В 1886 г. в Солуни была открыта болгарская униатская гимназия, где ежегодно обучалось 50–75 учеников (существовала до 1914 г.). Другим центром болгарских униатов становится Одрин, где располагалась католическая миссия.

Напор католичества *изнутри* имел характер не всегда прикрытого государственного давления. Князь Фердинанд, католик по вероисповеданию, обосновавшийся благодаря усилиям С. Стамболова на болгарском престоле в 1887 г., не слишком утруждал себя соблюдением православных обычаев. Он позволял себе, например, в нарушение постановления Св. Синода отправиться на несколько дней с компанией-свитой в Калоферский женский монастырь, где, помимо веселья и музыки, для гостей во дворе был сооружен католический алтарь и отслужена месса.

Но по-настоящему опасным явилось стремление дуумвирата Фердинанд-Стамболов, действовавшего в течение нескольких лет, основать в Болгарии легитимную княжескую династию. Стамболов из-за неурегулированности болгаро-российских отношений считал такой шаг, отвечающим болгарским государственным интересам. Его не смущало, казалось, несовместимое — католическая династия в православной стране! Прилагая титанические усилия, Стамболов добился

¹ Ваташки Р. Указ. соч. С. 17.

² Там же. С. 57.

³ Там же. С. 18.

от парламента изменения ст.38 Конституции, благодаря чему открывалась возможность для женитьбы князя на католичке. Так в 1893 г. была создана юридическая основа для утверждения в Болгарии католической династии, считает П. Петков¹.

Гневно записывал в своем дневнике «консерватор» К.Стоилов: «Князь и наследник другой веры никогда не срастутся с народом, навсегда останутся иностранцами. Как будут выглядеть в глазах народа крещение и другие таинства, совершаемые чужим духовенством? Какую роль будет играть наше духовенство в таких торжествах? ... Мы боремся против иностранной религиозной пропаганды в Македонии; а принимаем ее в нашем дворце»².

Сопротивлялся изменению ст. 38 Конституции, как уже говорилось выше, болгарский экзарх Йосиф. И особенно активно — митрополит Климент, прочитавший яростную проповедь, за что в грубой форме был арестован и отправлен в заточение.

Вышедший из схватки с «консерваторами» победителем Стамболов в поздравительной телеграмме князю Фердинанду по поводу его помолвки с принцессой Марией Луизой писал: «Весть об этом очень обрадует преданный Вам народ, который в закреплении Вашей династии видит обеспечение своего будущего и счастья»³. Тот же мотив — в телеграмме принцессе по случаю ее вступления в брак с князем Фердинандом, подчеркивавшийся ссылкой на якобы особую реакцию женской части населения: «Особенно обрадованы были этим великим событием, — утверждал Стамболов, — болгарские женщины, потому что в лице Вашего Царского Высочества они видят не только свою мать и кровительницу, но и основательницу первой болгарской династии»⁴.

Хотя женитьба князя на католичке состоялась, а после рождения престолонаследника Фердинанд успел торжественно оповестить папу римского об учреждении в Болгарии католической династии, с последней мечтой ему пришлось проститься: в 1896 г. дипломатическим путем были восстановлены русско-болгарские отношения, но условием этого успеха стал переход престолонаследника Бори-

¹ Петков П. Указ. соч. С. 65.

² Стоилов К. Дневник. Ч. 2. София. С. 143, 149.

³ Стамболов С. Личният архив ... С. 106.

⁴ Там же. С. 110–111.

са в православие. Кроме того, сам Фердинанд был отлучен папой от церкви. (Правда, Фердинанд заверял в узком кругу, что, несмотря на внешнеполитическое принуждение «перекрестить» малолетнего престолонаследника в православие, в семье он будет воспитываться по католическому обычаю).

Конечно, подобные религиозно–политические кульбиты вряд ли могли содействовать укреплению православной церкви и религиозного мировоззрения народа. Митрополит Константин из Врацы возмущался: в нашем дворце три вероисповедания — католичество, протестантство, православие, и это разрушает наше духовное единство¹.

Еще более опасный момент в ходе наступлении «внутреннего» католицизма на православие произошел после поражения Болгарии в Межсоюзнической войне 1913 г. «Национальная катастрофа» среди прочих тяжелых последствий вызвала новый кризис в отношениях между БПЦ и государством, что было связано с изменением внешнеполитического курса страны и началом ориентации на Германию — под давлением царя Фердинанда и главы правительства В. Радославова. Если Фердинанд понимал военное поражение как свалившееся на страну несчастье и выход из положения выражал словами: «нет другого спасения для Болгарии, кроме возвращения в Рим»², то в противовес ему БПЦ — традиционно пророссийская — заявила, что спасение возможно только в православии и славянстве. Возникший конфликт Св. Синод назвал «еще не объявленной, но незаконной войной»³. Показывая свою власть и силу, правительство прекратило выплату финансов БПЦ за второе полугодие 1913 г., внесло в Народное собрание предложение об изменении Экзархийского устава. И принятый курс на сближение с Германией менять не собиралось.

Одновременно в стране значительно усилилась католическая пропаганда. Более того, по слухам, якобы велись конкретные переговоры относительно принятия унии с Римской церковью. Причем в болгарских правительственных кругах подобный поворот рассматривался как возможный и даже желательный. По сообщению российского вице-консула в Софии Джакелли от 7 августа 1913 г., «мысль о необходимости унии усиленно проводилась министром иностранных дел

¹ См. Лазов Д. Указ. соч. С. 55.

² Елдъров С. Католиците в България. 1878–1989. София. 2002. С. 764.

³ Там же. С. 300.

Болгарии Геннадиевым и успела захватить широкие слои в государстве: «простонародье, чиновников и даже духовенство»¹.

Вопрос, по-видимому, действительно обсуждался в государственных структурах. Во всяком случае специалист по истории католичества в Болгарии С. Елдыров считает возможным говорить даже о большем: в сжатый срок трех войн и двух национальных катастроф, пишет он, болгарские католики–успенцы (с центром в Пловдиве) пережили большие надежды на возможность реализации проекта *Великой «католической» Болгарии*² (выделено мной. — Р.Г.).

Лишь после смерти экзарха Йосифа в июне 1915 г. «война» государства и церкви временно прекратилась. Новый наместник–председатель Св. Синода Партений целиком согласился с прогерманским курсом правительства Болгарии и принял его сторону. Прекратилось и выражение каких-либо симпатий к России.

Следует отметить, что роли католичества и униатства в общественной жизни страны, в болгарской историографии последних лет уделяется, на мой взгляд, чрезмерное внимание. Хотя и признается, что удельный вес приверженцев этого вероисповедания был малым. Например, в 1881 г., когда проводилась первая перепись населения, католиков насчитывалось всего 5,5 тысяч, что составляло 0,28% от всего населения³. В 1934 г. число их увеличилось до 41 тысячи, что при возросшем до 5,3 млн человек всего народонаселения составило 0,77%⁴. При этом общественное значение этого меньшинства некоторыми исследователями оценивается, как представляется, слишком высоко. Так, например, С. Елдыров пишет, что путь для эмансипации православной церкви от Константинопольской патриархии и создания Болгарской экзархии расчистило именно униатское движение эпохи Возрождения⁵. И, думается, совершенно права Л. Любенова, научно обоснованно возвышающая голос протеста против ряда преувеличений и диспропорций⁶.

¹ Цит. по: Жебокрицкий В.А. Попытка Ватикана навязать Болгарии церковную унию в 1913 г. // Советское славяноведение. Материалы IV конференции историков–славистов. М., 1969. С. 404.

² Елдыров С. Указ. соч. С. 764.

³ Там же. С. 36.

⁴ Les Minorites ethniques en Europe Centrale et Balkaniques. Paris. 1946. P. 22.

⁵ Елдыров С. Указ. соч. С. 9.

⁶ Любенова Л. Вечният двубой — православие и католицизъм // Проблемът Изток-Запад: историческа перспектива. София. 2003.

Так же высоко оценивает Елдыров распространение униатства в македонских землях, которое, по его мнению, явилось «средством национального спасения болгар в Македонии». Из дальнейшего следует, что этот автор считал бы положительным для Болгарского государства принятие униатства «в качестве возможного выбора всей нации, проходящее через несколько этапов». В этом смысле и идея 1913 г. о принятии унии, когда соответствующий вопрос был поставлен перед экзархом Йосифом в Константинополе, описывается им в том же благоприятном духе и настроении¹.

Но православная церковь подходила к оценке деятельности униатов и католиков, видимо, с другими мерками, примеры чего приводит сам Елдыров. Он, в частности, заявляет, что униатство, которое БПЦ считала «религиозным диссидентством», являлось ее главным врагом; но основным противником все-таки было католичество и его служители².

В межвоенный период при содействии западных представительств в Болгарии было открыто множество иностранных школ и церквей. В 1930-е гг. в католической пропаганде участвуют польские миссионеры. Католики открывают семинарии, приезжают униатские священники, учителя, устраиваются пансионы — речь идет, говорит автор, о подготовке кадров.

Характерный при этом момент: известный болгарский католический епископ Е. Босилков (1900–1952) отмечал падение религиозности среди болгар-католиков, как и повсюду в Европе. В одной из духовных бесед, правда, не датированной, он говорил: «В отношении состояния религиозности в наших кругах в настоящий момент мы не должны впасть в заблуждение ... Кто хорошо знает условия, мог бы ужаснуться пред бездною, открывающейся перед ним. Значительный процент воспитанных в католицизме в полной мере повернулись спиной к религии. Другая часть внешне остается равнодушной, хотя внутренне глубоко расстроена и сопротивляется. Наверное, еще большее число совершенно индифферентных составляют те, кто колеблется и неуверен в своей вере и в конечном счете примиряется одним: «может быть да, а может и нет». Поэтому религиозная активность ограничивается самым необходимым»³.

¹ Там же. С. 253.

² Там же. С. 302.

³ Босилков Е. (1900–1952). Документи от архивите на България и Франция. София. 2002. С. 81.

Униатство в свою очередь не способствовало повышению культурного уровня его болгарских приверженцев. И. Еленков указывает на глубокое невежество униатов, отсутствие элементарной грамотности, суеверие и, главное, на мой взгляд, — *неясность религиозных убеждений*¹, а отсюда и *неустойчивость веры*. Не один И. Еленков отмечает, что граница между православными и униатами не была четко очерчена, ибо не существовало формальностей при переходе в католичество, не проводилось и специальной подготовки для желающих приобщиться к новому вероучению. Отсюда, заключает автор, религиозная жизнь присоединившихся к Риму болгар была неотличима от православной. В частности, православные из-за высоких тарифов не стеснялись венчаться в униатских храмах в Пловдиве, или в православных храмах в одном из центров униатства — Одрине². Впрочем на нечеткость границы между конфессиями (своеобразная конфессиональная размытость) указывал в свое время еще русский философ В.С. Соловьев, имея в виду «белорусских и червонорусских мужиков», которые считали себя христианами римско-католического вероисповедания; «собственно в религиозном отношении, — писал В.С. Соловьев, — существенной разницы между ними и православными нет, и те, и другие верят и поклоняются одному и Тому же»³.

Лишь в 1905 г. Св. Синод БПЦ решил перенять опыт русской церкви в деле формализации перехода иноверцев в православие; стало действовать правило: если переходящий в прежней церкви не проходил миропомазания, то теперь ему предстояло его пройти, а кроме того, он должен был отречься от «неправильных учений церкви», в которой он родился⁴.

Интересны наблюдения относительно мотивов некоторых переходов из одной веры в другую: муж и жена 54 и 43 лет села Мыглиж, пишет Р. Ваташки, обратились к Стара-Загорскому митрополиту, говоря, что их смущает, что в селе только они являются католиками: «мы всегда чувствовали недостаток общения с восточно-православными, потому что, хотя и по-человечески относимся к ним, все же ощуща-

¹ Еленков И. Указ. соч. С. 106.

² Там же. С. 107.

³ Соловьев В. Задачи христианского государства // «Родина». М., 1990. № 8. С. 27.

⁴ Ваташки Р. Указ. соч. С. 87

ется некая пустота, которая нас разделяет и делает наши отношения не до конца откровенными. После долгого раздумья, не являющегося плодом увлечения, решили, что нужно перейти в религию наших дедов — в восточное православие»¹.

Веротерпимость, легкость перехода из одной конфессии в другую, отсутствие благоговейного отношения к собственному убогому в основном священству — все эти черты свидетельствовали о значительном размывании религиозного сознания болгар, о приверженности болгарской паствы главным образом к традиционной обрядовой стороне православия. Что и составило, пожалуй, одну из характерных черт ментальности болгарского народа.

000—000

Изучение процесса перехода болгарского общества от архаичности к более высокой цивилизации, даже когда автором поставлена сравнительно узкая тема (как в данном случае), накопление нового материала заставляет его еще и еще раз возвращаться к большим и важным вопросам, в той или иной мере уже обсуждавшимся. В частности, к вопросам образования нации, формирования национального сознания, понимания собственной идентичности и т. п. Не предпринимая здесь попытки полноценно актуализировать эту проблематику, хочу привлечь внимание читателя к части ее аспектов, с которыми пришлось попутно встретиться при знакомстве с болгарской историографией последних лет. Остановлюсь пунктирно и отрывочно, главным образом, на тех из них, что вызывают у меня понимание и внутренний отклик.

В первую очередь, это тезис З. Дунова, болгарского специалиста в области философии, об *отсутствии в науке определения нации*. В отличие от ряда исследователей, которые легко оперируют термином «нация» и с легкостью могут заявить, что болгарская нация сложилась к 1870 г. или к 1878 г., Дунов не склонен к поспешным выводам и, прежде всего, из-за неопределенности самого понятия. Он пишет: «И поныне в мировом масштабе спорят о том, что такое нация, когда она зарождается и формируется, каковы конструирующие ее фундаментальные характеристики, каковы ее перспективы, по край-

¹ Там же.

ней мере, в обозримом будущем»¹. На близкое понимание проблемы мы обращали внимание в первом нашем издании серии «Человек на Балканах и процессы модернизации»².

В этой связи, хотя и в другом аспекте, любопытны наблюдения другого болгарского специалиста — обществоведа Н. Аретова — о «глубокой фрагментарности» болгарского общества в эпоху Возрождения, причем не в классовом, а в территориальном смысле. Аретов, признавая, что основное направление движения было центростремительным, к единению, состояние общей идентичности характеризует как «драматическое»³. Конкретные материалы свидетельствуют, что такое положение сохранялось и в более позднее время. Так, Г. Граматиков, исследуя население южного города Хасково в середине XIX в., сообщает, что в нем доминировали мусульмане. Он же приводит доклад русского консула в Пловдиве Н. Герова графу Н.П. Игнатьеву о населении 206 сел Хасковской околии в 1876 г., среди которого насчитывалось 33,3 тыс. турок и 25,5 тыс. болгар⁴.

Еще большее этническое разнообразие существовало в Северной Болгарии — территории между Дунаем, Черным морем и горами Стара-Планина. Отсюда пестрота тогдашней региональной терминологии как основной: болгары, мизийцы, румелиоты. Причем до Освобождения именно эта часть ассоциировалась с наименованием «Болгария»⁵. Этническое разнообразие увеличивалось по мере того, как города по Дунаю и Черному морю становились транзитными центрами международной торговли, в них открывались консульства Австрии, Франции, появлялись немецкие, итальянские, польские колонисты. Это был, утверждает С. Елдыров, конгломерат различных наций, культур и традиций, по вере — в основном католики. Большая этническая пест-

¹ Дунов З. Указ. соч. С. 191.

² Гришина Р.П. Болгария: опыт социализированной модернизации // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX — первая половина XX в.) СПб. 2004. С. 106–107.

³ Аретов Н. Балкански идентичности в българската култура от модерната епоха. XIX–XX в. // Балкански идентичности в българската култура от модерната епоха. XIX–XX в. Сборник. София. 2001. С. 49.

⁴ Граматиков Г. Състав на населението и стопански промени в Хасково в края на XVIII в. до 1878 г. // Исторически преглед. София. 1990. № 11–12. С. 78.

⁵ Струкова К.Л. Об особенностях развития сербской и болгарской наций // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М. 1981. С. 67.

трота и смешение различных религий способствовали созданию школ по конфессиональному признаку. Например, в Русе в 1901–1902 гг. учились дети болгар, представителей Австро-Венгрии, румын, армян, русских, итальянцев, немцев; по вероисповеданию они являлись католиками, православными, иудеями, армяно-грегорианцами¹.

Но Северная Болгария, напомним, — это также область, осваиваемая болгарскими католиками, которые жили в селах, закрытыми общинами, мало общающимися даже между собой за пределами религиозных служб².

Само Освобождение Болгарии, скорее, пожалуй, усложнило процесс консолидации населения, чем ускорило его. Ибо Освобождение повлекло за собой усиление миграционных движений как в результате частичной перекройки карты Балканского полуострова в 1878 г. и заселения земельных пространств, освобождаемых турками, так и благодаря их планомерному заселению по указанию государственной власти (в мае 1880 г. был принят закон о заселении пустующих земель в Болгарии; в декабре 1881 г. последовало дополнение к нему). Происходил также самостийный захват земли, например, при спуске «балканджиев» с Балканских гор на равнину. Кроме того, тысячами возвращались с семьями болгары из Баната, их селили по дунайскому побережью, приезжали беженцы из Македонии, Одринской Фракии. Менялся образ жизни, хозяйственный уклад. Правда, новое расселение осуществлялось по старому принципу — по этническим кварталам-махалам (армянским, еврейским, румынским, болгарским, турецким, цыганским и т. п.)

Так что представляется, что, по крайней мере, в течение пары десятилетий после Освобождения, вряд ли правильно говорить о спрессованности населения в монолитную массу, о *консолидированной нации*, как об этом пишет российская исследовательница И.Ф. Макарова, не понятно почему в 1999 г. с легкостью соглашающаяся с выработанным болгарской историографией в конце 1970-х гг. выводом, будто уже к Освобождению произошло «завершение процесса духовного и культурного обособления» болгарской нации³. К сожалению, досадный промах И.Ф. Макаровой — интересного и в целом очень профессионального ав-

¹ Спасов Р. История на мъжкото католическо училище в Русе. 1871–1912 // Алманах за историята на Русе. Русе. 2002. С. 398.

² Елдъргов С. Указ. соч. С. 40, 41.

³ Макарова И.Ф., Жила Л.И. Указ. соч. С. 196.

тора — способствовал живучести тогдашней болгарской точки зрения и в российской историографии. Справедливости ради стоит отметить, что в недавно вышедшей монографии И.Ф. Макаровой «Болгарский народ в XV–XVIII вв. Этнокультурное исследование» (М., 2005) указанный тезис отсутствует. Вместе с тем дискуссионным, на мой взгляд, остается вопрос о предложенном Макаровой (в цитируемой статье и в новой книге) положении о высокой степени конфессионализации сознания болгарского населения — что относительно периода существования Княжества и Царства Болгарии приведенным в настоящем очерке материалом не подтверждается.

Другой российский автор — К.Л. Струкова также соглашается (возможно, по условиям времени, когда она писала свою работу), что к 1870 г. процесс формирования болгарской нации был в основном завершен¹. Однако наблюдения, которыми она делится с читателем, играют, скорее, роль контраргументов. Так, она отмечает, что при наличии национального ядра в болгарских землях в них отсутствовал национальный объединяющий центр, какими были Белград в Сербии и Нови-Сад в Воеводине. Ведущие болгарские культурные деятели, пишет далее К.Л. Струкова, как и *крупная* (!? — Р.Г.) буржуазия, действовали не на болгарской этнической территории, а в эмиграции, где издавали болгарские газеты, журналы, учебную литературу и художественные произведения. Так что до начала 1870-х гг. политическая деятельность болгар происходила в основном за пределами родины, т. е. наиболее активные силы формирующейся нации сосредоточивались вне ее границ и не были достаточно крепко связаны между собой².

Наконец, пожалуй, главное — отсутствие до 1878 г. какой-либо автономии в болгарских землях, что не могло не замедлять процесс *национальной* консолидации болгарских *этнических* групп. Поэтому этническое самосознание населения здесь дольше (чем, допустим, в сербских землях) сохраняло региональный характер в соответствии с административным делением Османской империи и так называемыми историческими областями.

Характерны в этом отношении наблюдения венгерского автора Э. Хьюша, отмечающего, что «национальные будители» балканских народов осознавали свою историю и свой язык, только попав в иностранную

¹ Струкова К.Л. Указ. соч. С. 73.

² Там же. С. 73–74.

среду, и что мечта о языковой нации, легитимизированной общим происхождением, общей культурой и историей является европейским экспортным продуктом. Даже о. Паисий, подмечает он, написал свою знаменитую Историю ставяноболгарскую не где-нибудь в болгарских землях, а «в монашеской келье в лесах Святой горы». Идея же национальной общности, воспринятая ученолюбивыми студентами из Юго-Восточной Европы, которые учились на Западе, была перенесена ими в свои страны¹.

Среди сложных построений Н. Аретова обратим внимание на своеобразии используемого им понятия нации (оно, по-моему, не «запирает» мысль своей определенностью, но инициирует ее!): «Нация, — утверждает Н. Аретов, — понимаемая как результат *сознательного усилия* *некоей элиты* консолидировать определенную общность вокруг некоторых «исконных ценностей», *нуждается в мифологии*, которая ее легитимизировала бы перед другими, а также, в первую очередь, в сознании своих членов»² (выделено мною. — Р.Г.).

Что это за центральный миф, вокруг которого, как вокруг эмоционального стержня, могла бы консолидироваться болгарская нация? И что это за болгарская элита, способная предложить такой миф? История сложилась таким образом, что в искомый момент такой элиты не оказалось. Пожалуй, это в полной мере ощутил З. Дунов. Он отмечает, что, получив Освобождение извне, болгарин не смог поверить в собственные способности «создать объединяющую национальную идеологию и проводить самостоятельную национальную политику»³; поколения болгарских политиков не сформировали у него веры ни «в единую болгарскую национальную политику», ни в самих политиков, ибо они стали символом коррупции, демагогии, цинизма. Отсюда, продолжает Дунов, — «перманентное внутреннее разделение и противостояние» социальных групп народа.

В свою очередь Н. Аретов, говоря о Сербии, примечает важное обстоятельство: *сербская национальная идеология*, указывает он, была доведена до письменной фиксации программы действия («Начертания» 1844 г.); и эта программа была «остро раскритикована болгарскими-националистами; более того, продолжает он, они «и *дoныне* почти неприкрыто завидуют своим сербским коллегам и *пытаются выковать*

¹ Хьош Е. Националната държава на Балканите в историческата перспектива // Двадесетият век ... С. 95.

² Аретов Н. Указ. соч. С. 29.

³ Дунов З. Указ. соч. С. 182.

собственные подобные программы»¹. В унисон с ним звучит мнение Дунова: болгарин «и *дони*не все еще не является членом крепко консолидированного народа и монолитно сплоченной нации»² (в обоих случаях выделено мною. — Р.Г.) Оба болгарских автора говорят по существу одно и то же, почти дословно.

Притом, что искомый «консолидирующий» миф — национальный идеал все-таки был выработан, существовал и проявил очень большую живучесть. Правда, создателем его явилась не столько болгарская интеллектуальная элита, сколько русская дипломатия, о чем уже приходилось писать³. В течение пары десятилетий после Освобождения этот миф внедрялся в народное сознание, главным образом, кругами литераторов, публицистов. Русская дипломатия позже ненароком подтвердила свою причастность к этому: после поражения Болгарии в Межсоюзнической войне 1913 г. российский посланник в Софии писал министру иностранных дел С. Сазонову в Петербург: «...в ту минуту, когда казался достигнутым весь объем *внушенного болгарскому народу идеала* — вдруг — в три недели времени наступает полное крушение всего...»⁴ (выделено мной. — Р.Г.).

К сожалению, после крушения «национального идеала» в 1913 г. болгарская политическая и интеллектуальная элита не смогла предложить взамен ничего другого, ничего нового, чтобы поднять дух и настроение поверженного народа. И на протяжении еще нескольких десятилетий продолжала эксплуатировать по существу «сказку о мертвой царевне». Думаю, что в родстве с этими обстоятельствами находится нынешний поток академической и другой литературы о болгарине как исторически пострадавшем от жизни на реальном (физическом и географическом) и символическом перекрестке (постулат о «перекрестном человеке»).

Хочу подчеркнуть, что цель этих отрывочных заметок состоит лишь в том, чтобы привлечь внимание к сложным и, на мой взгляд, остающимся дискуссионными, вопросам нации, национального государства, национальной идеи, национальных интересов, национального характера. Да и роли религии и церкви в формировании национального сознания, отношения религия / национальное сознание.

¹ Аретов Н. Указ. соч. С. 43.

² Дунов З. Указ. соч. С. 189.

³ См. Гришина Р.П. Конституционная монархия в Болгарии и ее подданные // Человек на Балканах. Государство и его институты. Grimасы политической модернизации (последняя четверть XIX — начало XX в.). СПб. 2006.

⁴ Цит. по: Жебокрицкий В.А. Указ. соч. С. 402.

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЧЕРНОГОРСКИХ ВЛАСТЕЙ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Черногорское княжество издавна привлекало внимание российских исследователей, о чем знает каждый славист и просто читатель, увлеченный историей славян. Повышенный интерес к маленькой горной области Балкан вполне соответствует тому вкладу, который внесли черногорцы в дело борьбы за свободу от османского ига. Несомненно, каждый обратил внимание на роль черногорской православной церкви в этой борьбе. Собственно история Черногории началась с того, что в XVI веке постепенно в труднодоступных изолированных провинциях бывшей Сербской державы произошло изменение социального и экономического уклада. На смену старосербским феодальным отношениям пришло племенное устройство и особый исторический быт, его некоторые ученые XIX века называли теократией. Государственные институты исчезли, а влияние церкви на народ сохранилось и даже возросло, так как православие стало идеологией свободы, символом этнической самобытности, оно делало черногорцев особыми, отличными от угнетателей. Османская империя не видела в этом влиянии покушения на свою власть, не заметила, как шаг за шагом православные священники превратились в идейных, а затем и политических лидеров своего народа.

Политическое лидерство черногорских митрополитов становится очевидным тогда, когда Данило Негош (1697–1735) стал бороться с племенной рознью и сделал попытку вывести свой народ из международной изоляции, установив контакты с Россией. Преемники Данилы, Петр I (1782–1830) и Петр II (1830–1851), продолжили дело превращения Черногории в политическую единицу, создавая подобие органов государственного управления и превращая обычаи в писаное право. К тому же владыки не боялись быть военными руководителями,

в нужные моменты становились полководцами и одерживали победы в стычках с турками. Усилия первых представителей дома Негошей не пропали даром, на созданном ими фундаменте в 1852 г. Данило Петрович, племянник Петра II, провозгласил Черногорию княжеством, а себя светским правителем. За короткий промежуток времени до 1878 г. самопровозглашенное княжество добилось независимости и расширения своей территории. *Начался период государственного развития Черногории, в котором церковная, религиозная жизнь заняла новое место.*

С одной стороны, переход от духовного к светскому правлению неизбежно ставил вопрос о том, какую роль теперь будет играть православная церковь в черногорском государстве, не станет ли она мешать укреплению светских порядков. С другой стороны, после Берлинского конгресса Черногория больше не была монолитной в конфессиональном отношении, в состав княжества вошли области, населенные мусульманами и католиками, из них предстояло сделать лояльных подданных православного князя. Эти проблемы не были самыми актуальными во внутренней политике Черногории конца XIX — начала XX в., но и нельзя не заметить, что от их успешного решения во многом зависела стабильность страны.

Светские власти Черногории довольно рано поняли, что необходимо изменить общественное положение православной церкви. Князь Данило начал, а его преемник Николай продолжил постепенно спускать черногорскую церковь с высокого исторического пьедестала. После провозглашения Данилы Негоша князем, а не владыкой, как было завещано Петром II, долго откладывались выборы нового митрополита, то есть церковь оставалась без руководителя. Только в 1857 г. Никанор Петрович был послан в Россию для посвящения в епископы, чтобы потом он мог стать митрополитом. Видимо, этих пяти лет хватило, чтобы организационно ослабить церковь. Митрополит Никанор не оставил заметного следа в черногорской истории, а конец его карьеры до сих пор окутан тайной. В 1860 г. в Которе, тогда входившем в Австрийскую империю, был убит князь Данило. Никанор уехал туда, якобы для сопровождения тела покойного правителя в Цетинье, но больше не вернулся в Черногорию, а доживал свои дни в Дубровнике и Задаре (1). До сих пор нет надежных свидетельств того, что заставило владыку так поступить. П.А. Ровинский предполагал, что Никанор Петрович опасался попасть под подозрение в причастности к убийству князя.

В начале правления Николая Негоша митрополитом стал очень популярный в народе настоятель Острожского монастыря Иларион Роганович, посвященный в сан епископа в России в 1863 г. До 1876–1878 гг. Иларион, по отзывам современников, был «самым деятельным сотрудником князя» (2). Князя и главу черногорской церкви сближало романтическое отношение к истории своего народа и патриотический настрой в отношении черногорского суверенитета. Вместе с тем, И. Роганович считал, что священники не должны заниматься светскими делами. По настоянию митрополита служителям церкви пришлось отказаться от участия в военных делах и не претендовать на роль вожаков в ополчении, как это было в эпоху правления владык. В Черногорско-турецкой войне 1876 — 1878 гг. церковь оказывала государству всю возможную помощь. Школы, открытые по инициативе митрополита, превратились в военные склады и госпитали, Цетинский монастырь стал резиденцией Общества Красного Креста. Иларион Роганович лично руководил этой работой.

После окончания войны митрополит продолжил укреплять церковные кадры, но неожиданно обнаружил, что отношения между государством и церковью круто изменились. В 1880 г. черногорская церковь была подчинена министру просвещения и церковных дел. Отныне в обязанности владыки входили регулярные доклады министру о состоянии церкви, а на проведение некоторых мероприятий нужно было испрашивать специальное разрешение светских властей. Если раньше рукоположение в священники было исключительной прерогативой И. Рогановича, то теперь требовалось представление Государственного совета и утверждение князя. Митрополит потерял право прямо обращаться к князю Николаю, со всеми вопросами он должен был идти к министру просвещения или в Государственный совет. Неприятным сюрпризом для церковных властей стало решение соединить церковную казну с государственной, часть доходов церкви стали поступать в Государственное казначейство. Понятно, что далеко не все церковные деньги шли теперь на восстановление разрушенных в войну храмов и монастырей. Эти нововведения испортили личные отношения между монархом и митрополитом. И. Роганович продолжал вести себя независимо, игнорировал высших чиновников страны, не боялся вступаться за тех черногорцев, которые, по его мнению, были несправедливо обижены светскими властями. В ответ княжеское окружение демонстративно не замечало владыку. Современники писали, что

И.Роганович постепенно потерял веру в себя, все меньше занимался делами и умер очень рано, в возрасте 54 лет. Даже смерть митрополита не смягчила князя Николая. И. Рогановича похоронили не по обычаю в Цетинском монастыре, а на простом сельском кладбище. В последний путь его провожала огромная толпа народа, который оплакивал своего защитника. По мнению самого авторитетного исследователя черногорской истории П.А. Ровинского, митрополит Иларион был последним владыкой — «носителем старых черногорских преданий». После него этот пост занимали выходцы из Приморья — районов, присоединенных к княжеству после Берлинского конгресса, «люди вполне достойные, но ничем не связанные со старым черногорским прошлым и потому более предрасположенные ко всем нововведениям в духе вступления Черногории на новый путь в церковном отношении» (3). Таким образом, мы можем довольно точно датировать время поворота в политике князя Николая в отношении православной церкви. В начале 80-х гг. XIX века черногорская церковь превратилась в составную часть государственного аппарата княжества, а священники в служащих. Князь Николай одним махом решал две задачи: пополнил немногочисленные и малограмотные ряды черногорской бюрократии и устранил в лице митрополита возможного конкурента в политическом руководстве.

С середины 80-х гг. XIX века черногорскую церковь возглавлял митрополит Митрофан Бан, которому пришлось в полной мере почувствовать давление и произвол двора. Финансирование церкви было очень скудным, а вмешательство чиновников беспрецедентным. Даже поменять крышу в одном из самых старых храмов Успения Богородицы священники не смогли без вмешательства светской власти и противоборства с нею. П.А.Ровинский описывал случаи внесудебной расправы местных чиновников над священниками по соображениям личной неприязни и возмущался тем, что виновные оставались безнаказанными (4). Эти стычки не были досадными недоразумениями. Они отражали политику княжества, *направленную на установление полного контроля государства над церковью*. В то же время государство не считало нужным взять на себя социальное обеспечение священнослужителей. Достигших преклонного возраста священников, их вдов и сирот ожидала скромная пенсия, которую выплачивал фонд, образованный из благотворительных взносов и отчислений самих деятелей церкви.

Законодательно новое положение православной церкви было оформлено в 1904 г., с принятием «Устава православных консисто-

рий в княжестве Черногории». Несомненно, только что признанному и быстро строящемуся государству необходим закон, который бы определил правовой статус духовенства. Этот закон нужен был и самой православной церкви, которая могла бы искать в нем защиту от чрезмерного вмешательства светской власти в дела духовные. Однако разграничение полномочий церкви и государства в Уставе явилось в пользу последнего. Священнослужители обязывались приносить присягу князю, который утверждал назначение на церковные должности. Главной обязанностью священников становилось воспитание в себе и своих прихожанах чувства «подданнической верности государю и послушности законным властям» (5). Устав так многословно и детально перечислял обязанности церковных лиц, что не оставалось никаких сомнений в их статусе. С точки зрения закона, они — чиновники на государственной службе. Поэтому за Государственным советом и самим князем было закреплено право полного контроля над церковным бюджетом, а любое, даже незначительное мероприятие деятелям церкви предстояло согласовывать с Министерством просвещения и духовных дел. В каждой епархии предписывалось создавать совет пресвитеров или консисторию, состоящую из трех постоянных и двух почетных членов, секретаря и писаря. Кандидатов в консистории вменялось в обязанность подбирать местному архиерею, а утверждать князю. Кроме собственно церковных дел, консистория должна была заниматься цензурой религиозных изданий, борьбой с народными суевериями, наблюдением за христианской моралью, обучением детей грамоте там, где не было школ, созданием библиотек и т. д. Статья 38 обязывала заводить специальную книгу, куда вносились даты совершения прихожанами исповеди. По мнению П.А. Ровинского, во всех нововведениях сквозил дух недоверия к священникам.

Непонятым оставалось положение закона о капеллах и капелланах, которых в Черногории вообще не существовало. Устав постоянно упоминал Св. Синод, которого тоже не было (формально создан в 1906 г.). Никаких следов реального существования этого органа ни в архивах, ни в общественно-политической литературе того времени не осталось. А вот о правовом статусе и полномочиях митрополита — главы православной черногорской церкви — в рассматриваемом акте вообще ничего не говорилось. На первый взгляд, это необъяснимо, ведь духовная власть митрополитов и их организационная деятельность имела вековые традиции и демонстрировала свою необходимость и жизнеспособ-

ность в светском княжестве. На самом деле, такое отношение законодателя к высшему церковному чину вполне соответствовало общему направлению политики государства в отношении православия. Монархия продолжала видеть в митрополитах конкурентов, понимала, что абсолютного подчинения владык воле князя она не достигла, и прибегла к такому приему, как замалчивание и игнорирование реально действующего института духовной власти. Логично предположить, что и учреждение Св. Синода было попыткой создать альтернативную власти митрополита руководящую инстанцию. Правда, у светских правителей не хватило времени и желания довести это начинание до конца. В целом, на рубеже XIX–XX вв. произошла бюрократизация черногорской православной церкви, ее деятельность усилиями черногорского двора пропиталась духом канцелярщины и формализма. Только личные заслуги некоторых высших руководителей церкви позволяли сохранять остатки ее духовной самостоятельности. В организационном отношении православная церковь попала под полный контроль государства, почти ничего не получив взамен.

Единственное, в чем государство помогло черногорской церкви — это профессиональная подготовка священнослужителей. Правительство приложило определенные усилия для создания системы образования православных священников, что было совсем не легко, если вспомнить ограниченные финансовые возможности княжества. Когда не хватило своих средств, черногорские власти обратились за помощью к России. Еще в 1863 г. в Цетинье была открыта богословская школа, которая проработала полгода и закрылась из-за отсутствия денег на ее содержание. Позже Россия выделила специальную субсидию для этого учебного заведения, в 1869 г. оно снова открылось в качестве учительско-богословской школы. Ее возглавил выпускник Киевской духовной академии М.Костич, главным помощником которого в разработке учебных программ стал известный в славянском мире протоиерей М.Ф. Равевский. В 1880 г. школа была преобразована в гимназию, но работала с большим трудом, испытывая острую нехватку кадров и финансов (6). Снова на помощь пришла Россия. Немало черногорских юношей продолжили свое богословское образование в духовных семинариях и академиях Российской империи. Это был канал русского влияния в княжестве, поэтому российские политики не жалели средств на поддержку студентов из Черногории. Трудности в деле получения образования вообще и богословского, в частности, не позволили черно-

горской православной церкви резко увеличить свой штат за счет образованных священников, однако необходимый минимум сотрудников был обеспечен. Количественный и качественный состав черногорского духовенства оставлял желать лучшего. И вообще, по мнению современников, *превратившись в составную часть государственной машины, церковь потеряла исключительное влияние на народ, которое имела во времена борьбы с османским игом*. Новая социальная роль православного священника-чиновника оказалась чужда простым черногорцам, для которых прежний образ священника-воина был намного ближе и символизировал старые идеалы племенного равенства и боевого братства. Прежние патриархальные стереотипы вступили в противоречие с новыми государственными доктринами. Вместе с тем, черногорская православная церковь, несмотря на все проблемы, с которыми ей пришлось столкнуться в автократическом государстве, смогла сохранить свой авторитет и уважение в обществе. Доказательством этого было постоянное добровольное участие черногорцев в деле строительства новых и ремонте старых храмов, а также их благотворительность в пользу церкви.

Новое содержание конфессиональная политика черногорского государства приобрела не только в свете борьбы за подчинение православной церкви светским властям и превращение ее в послушный отряд бюрократии. С 1878 г. в Черногории проживали представители, по крайней мере, трех религиозных конфессий. Правительству князя Николая предстояло убедить новых подданных в том, что их жизнь изменилась к лучшему. Нужна была такая политика в отношении католиков и мусульман, которая бы не допустила столкновений на религиозной почве, вражды и недоверия между «старыми» и «новыми» черногорцами. Соединить разнородные территории в один государственный организм было особенно важно в Черногории, где еще и в конце XIX в. сохранялись пережитки племенного сепаратизма среди «старых» черногорцев.

Потенциальную угрозу единству княжества могли представлять сторонники ислама, считавшие турецкого султана непобедимым наследником пророка Мухаммеда на земле. Переход под юрисдикцию черногорского князя они сначала восприняли как временную меру и, по словам П.А. Ровинского, ждали, когда султан победит всех царей и снова станет править в христианских землях. Потом среди черногорских мусульман началась паника, переросшая в желание переселиться из Никшича, Спужа, Колашина и других мест в Османскую империю

в знак верности своему исламскому сюзеру. Позже стали срабатывать экономические факторы. Тем мусульманам, для которых было легче вести международную торговлю под турецким флагом, не оставалось ничего иного, как навеки покинуть Черногорию. Но те, кто из поколения в поколение занимались ремеслом или морским делом в славянских регионах, предпочли остаться на насиженных местах. Черногорцы как производители, не составляли им серьезной конкуренции из-за старых племенных предрассудков и предубеждений, состоявших в том, что истинному воину-юнаку, не пристало заниматься ремеслом. В Турции же их ждала полная неизвестность. Прекращению выселений способствовало и то, что светское государство гарантировало мусульманам полную свободу вероисповедания, автономию в религиозных делах. Главой мусульман в княжестве был объявлен муфтий. Брачно-семейные и некоторые гражданские дела разбирали не светские суды, а кади (в Черногории — кадия) по законам шариата. Остался традиционным уклад жизни мусульманского населения. Их дома оставались закрытыми для посторонних, женщины не появлялись в общественных местах с открытым лицом, любая попытка нарушить эти правила строго каралась законом. Но сохранение старинного быта не означало, что мусульмане были полностью изолированы от остального общества. Напротив, их дети имели равные с христианами возможности получить образование не только в самой Черногории, но и за ее пределами, например, в Османской империи. Среди мусульман стали появляться воеводы, капетаны (начальники округа), окружные судьи и даже градоначальники. Князь Николай подчеркнуто уважительно обращался к старейшинам мусульманских общин. Своевременным оказалось решение властей освободить мусульман от воинской повинности и заменить ее специальным налогом, который назвался «низамия». Это означало, что исламским подданным князя ни при каких обстоятельствах не придется воевать против единоверцев. После первых беспокойных лет привыкания к новой жизни и к новой власти, мусульмане органично вписались в экономическую и общественную жизнь Черногории. П.А. Ровинский отмечал, что они составили самую дисциплинированную и работоспособную часть населения. «У них есть черты, которые желательно было бы видеть в христианах, это — трезвость, трудолюбие и умеренность в удовлетворении своих материальных жизненных потребностей, которой не достает черногорцам...», — писал славист (7). Умиротворению в княжестве также способствовала старинная традиция бережного

отношения к храмам и мечетям. Во времена османского господства мусульмане Черногории не оскверняли православных церквей и кладбищ, особо почитали некоторые христианские святыни. После освобождения от турецкого ига христиане соблюдали неприкосновенность мечетей как святых мест. Таким образом, и светская власть, и общество в целом проявляли толерантность в отношении сторонников ислама, что в свою очередь обернулось стабильностью и отсутствием серьезных конфликтов в отношениях православных и мусульман.

Правда, совсем бесконфликтной историю отношений христианского государства и мусульманского мира после Берлинского конгресса назвать нельзя. Серьезные разногласия возникали по вопросу о земле, принадлежавшей мусульманам, оставившим княжество и переехавшим в Турцию. Статья XXX-я Берлинского трактата сохраняла за выехавшими из Черногории турками право собственности на недвижимость (8), и княжеское правительство многократно подтверждало свое обещание не производить никаких конфискаций. Однако в стране ощущалась острая нехватка пахотных земель, часто бывали неурожаи и голод. Поэтому вскоре после окончания войны 1876–1878 гг. начался полустихийный, полуразрешенный властями захват турецких владений. Батальоны народного войска, штурмовавшие Колашин и Никшич, получали в награду освободившиеся участки. Немало полей, принадлежавших мусульманам, оказалось в руках семейства Негошей, родственников князя, крупных государственных чиновников. Это спровоцировало резкое ухудшение официальных черногорско-турецких отношений. Османская империя решительно требовала остановить дележ чужой собственности. Черногорское правительство считало, что имеет право распоряжаться земельным фондом страны по своему усмотрению, но все же сделало уступку: стало постепенно выкупать пустовавшие земли у бывших хозяев (9). К началу XX века с землевладением турецких бегов на территории княжества было покончено. В итоге, в этой ситуации возобладала та же тенденция к компромиссу и согласию, что и в общей политике княжества по отношению к иноверцам.

После Берлинского конгресса 1878 г. в состав Черногорского княжества вошла узкая полоса побережья Адриатического моря, где издавна проживали католики-славяне. Своим духовным главой они считали скадарского архиепископа, то есть организационно были связаны с католической церковью Османской империи. Князь Николай счел, что полезнее для страны будет переподчинить этих католиков непо-

средственно Римскому Папе. В 1886 г. между Римским Папой и Черногорским княжеством был заключен конкордат (10). Он наделал много шума в славянском мире и породил бурную полемику между сторонниками и противниками этого соглашения. С точки зрения современной истории конкордат выглядит вполне привлекательно и свидетельствует о намерении черногорских властей уравнивать в правах всех граждан, независимо от их религиозной принадлежности. Провозглашалась свобода католического вероисповедания в Черногории, Барский архиепископ становился главой всех католиков, организовывал новые церковные приходы, отвечал за школьное обучение католической молодежи, разбирал споры между своими прихожанами и т. д. Смешанные браки признавались законными. Черногорское правительство соглашалось на то, что ежегодно определенное количество молодых людей будет продолжать духовное образование в Риме. При этом, вступая в должность, архиепископ должен был приносить присягу на верность черногорскому князю, а черногорская казна брала на себя обязательство выплачивать ему жалование (11). То есть, католическая церковь в Черногории должна была находиться в том же положении, что и православная, служить интересам светских властей и в то же время осуществлять связь только что признанного государства с внешним миром. Интересно отметить, что у современников, представителей православной интеллигенции конца XIX в., соглашение Рима и Цетиньи вызывало тревогу и опасения, что католические миссионеры развернут слишком активную работу по распространению католичества в Черногории. Подобных прогнозов в связи с равенством прав мусульман и православных никто не делал. П.А. Ровинский действительно привел в своей монографии примеры того, как слишком ретивые католические священники пытались сеять рознь между православными и католиками. Он подсчитал, что количество католических священников на душу населения стало больше, чем число православных (12).

Однако не это активное миссионерство католической церкви явилось серьезным последствием конкордата. Камнем преткновения стал вопрос о вмешательстве той или иной великой державы в дела Черногорского княжества и Балканского полуострова. Две соседние державы — Италия и Австро-Венгрия — могли использовать возросшее влияние католической церкви для достижения своих политических целей в Черногории. Если Австро-Венгрия так и не смогла наладить хотя бы формально дружеские отношения с Черногорским княжеством, то Ита-

лия в начале XX века немало преуспела в деле проникновения в экономику и отчасти культурную жизнь Черногории. В 1903 г. итальянские дипломаты предложили ввести преподавание для черногорских школьников итальянского языка в одной из пограничных школ. Российские политики сразу же нашли деньги на преобразование этой начальной школы в среднюю с обязательным условием «полного устранения итальянского консульства от всякого вмешательства в дела школы» (13). Так же складывались и церковные связи Черногории с другими странами. Как только возникала угроза «чужого влияния», российская сторона тут же старалась это влияние нейтрализовать, тем более что связи русской и черногорской церковью были почти на два века дольше, чем история черногорского светского государства.

После Берлинского конгресса Русская православная церковь стала своеобразным донором черногорской, присылая все, что было необходимо для восстановления разрушенных войной храмов. В 1883 г. императорская миссия в Цетинье просила российский Св.Синод разрешить кружечный сбор денег по всей России, чтобы раз в год закупать на собранные средства церковную утварь и отсылать ее в Черногорию (14). Сложился определенный порядок «церковных поставок» из одной страны в другую. Сначала черногорские священники обращались в российскую дипломатическую миссию в Цетинье, затем их просьбы поступали в МИД России, оттуда к обер-прокурору Св.Синода. После положительного решения вопроса Хозяйственное управление Св.Синода проводило соответствующие мероприятия. В архивных материалах автору этой статьи не встретилось ни одного отказа черногорцам со стороны РПЦ. Единственным исключением стал случай, когда в 1897 г. митрополит Митрофан попросил прислать в княжество шрифты Московской синодальной типографии, чтобы наладить издание церковных книг в самой Черногории. Управляющий типографией опасался, что московские шрифты быстро попадут в Австро-Венгрию, и предупреждал К.П.Победоносцева, что это принесет большие убытки русской церкви, так как поддельные издания наводнят Балканы. Но даже этот единственный отказ был смягчен обещанием снабжать Черногорию церковными книгами на самых выгодных условиях (15). Кроме церковных книг из России в Черногорию непрерывным потоком шли иконы, утварь, облачение для священников. Нельзя забывать, что дарителями были и частные лица, считавшие своим долгом помочь братскому народу. Например, в 1882 г. петербургские купцы подарили

предметы религиозного предназначения, которых хватило на полное оснащение двенадцати черногорских храмов (16).

Финансовая щедрость российского правительства в отношении черногорской церкви становится понятной, если учитывать, как важно было для России укреплять «духовные связи» с черногорским народом. На рубеже XIX — XX вв. Россия выплачивала денежные субсидии черногорским монастырям и храмам, платила пенсии и пособия самым заслуженным черногорским священникам. Начало этой традиции положил Петр I, затем ее поддерживали Павел I и Александр I, продолжил Николай II. «Милостинные дачи» получали Рождественский монастырь в Цетинье, Пивский монастырь, монастырь Дайбабе около Подгорицы, монастыри в пограничных с Черногорией районах (Св. Саввы и Св. Стефана в Боке Которской). Немало русских денег было вложено в строительство новых церквей. Все началось с сооружения православного храма в Никшиче, который вошел в состав Черногории после Берлинского конгресса. Князь Николай лично обратился к российским покровителям с просьбой построить собор в память о погибших в войне с Османской империей. В 1891 г. эту просьбу удовлетворили, в апреле 1900 г. состоялось освящение храма. Во время торжеств по этому поводу было объявлено о поднесении Государственным советом титула королевского высочества черногорскому монарху (17). Светская власть использовала важное церковное событие для укрепления собственного авторитета. Да и русские благотворители были таким поступком несколько обескуражены. В 1902 г. министр-резидент П.М. Власов сообщал из Цетиньи: «Осматривая никшичский собор, построенный на субсидию из России, и читая надписи над главным входом в оный и на иконостасе, пожертвованном каким-то греком и снабженном иконами также из России, я тщетно искал надписи, указывающей, на чьи именно деньги был сооружен этот собор, таковой не оказалось: так что главная и великая заслуга по сооружению оного в глазах народа приписывается всецело одному князю Николаю» (18).

«Забывчивость» князя не остановила российских политиков. В 1903 г. новый российский министр-резидент в Цетинье А.Н. Щеглов обратился к Св. Синоду с предложением начать строительство православного храма при миссии, аргументируя эту просьбу тем, что западные страны проявляли чрезмерную активность в столице княжества. Итальянцы получили разрешение выстроить католическую церковь, австрийцы возводили храм при своей миссии, России не следовало от-

ставать. Св. Синод быстро выделил необходимые средства, было куплено место под стройку, в Цетинье приехал академик А.Н. Померанцев, составивший к весне 1906 г. окончательный проект. Однако отношения российского и черногорского правительств в этот момент были натянутыми. Князь Николай вдруг стал негодовать по поводу «религиозно-сепаратистских стремлений России» и заявил, что жители его столицы скорей дадут себя расстрелять, нежели переступят порог русского храма. Дело закончилось тем, что деньги, отпущенные на строительство, были переданы черногорскому правительству, и ее освящение опять-таки стало событием не церковной, а светской политической жизни: в эти дни княжество было провозглашено королевством (1910 г.) (19).

Политическая ситуация на Балканах и в самой Черногории существенно влияла на церковную политику Николая и на качество русско-черногорских церковных отношений. Когда в последней трети XIX в. российско-черногорские связи были на подъеме, черногорский монарх ни много, ни мало хотел сделать митрополитом своей страны русского священника, о чем информировал МИД России в 1884 г. Тогда князь получил решительный отказ: «На русского митрополита черногорский народ стал бы неизбежно смотреть не только как на духовного пастыря, но и как на представителя России и, хотя бы в силу этого, иерарх этот был бы едва в состоянии ограничивать деятельность свою сферой церковных дел и совершенно устранился от соприкосновения с местными политическими интересами... Таковое соприкосновение не только повлекло бы за собою неудобства с точки зрения внутреннего строя княжества, но и вызвало бы, пожалуй, ложные толки за границей» (20). Из этого ответа видно, что российская дипломатия еще не забыла о том давлении, которое на нее оказали западные страны на Берлинском конгрессе, и демонстративно соблюдала суверенитет Черногории в религиозных делах. В начале XX в. политическая атмосфера в корне изменилась, и это сразу же отразилось на церковных связях. В 1901 г. князь Николай принуждал митрополита Митрофана отказаться от русской субсидии на содержание учительско-богословской школы и от помощи беднейшим черногорским храмам, чтобы продемонстрировать русским политикам свою независимость от них. К слову сказать, от своей личной субсидии и от субсидии своего старшего сына черногорский правитель отказываться и не думал (21). В 1906 г., когда российско-черногорская дружба, казалось, закончилась навсегда, князь долго не пускал в Россию протосингела Кирилла из Котора, которому пред-

стояло принять сан епископа и занять место настоятеля Острожского монастыря. Скандальность ситуации была не только в том, что вопрос о назначении игумена решался не митрополитом, а князем, но и в том, «что по внушению господаря решено совершить это посвящение в Цетинье, и этим как бы выставить полную независимость и обособление Черногории от России в духовно-религиозном отношении» (22). После боснийского кризиса 1908 г. контакты двух правительств оживились и стали более доверительными, что тут же отразилось на церковном сотрудничестве. Митрополит Митрофан обратился в Св. Синод России с просьбой «об иерархическом подчинении черногорского священника Илии Капичича, назначенного настоятелем православной церкви в Бют-Монтане — в Северной Америке (где уже проживало немало черногорцев — В.Х.), епископу Алеутскому», то есть главе РПЦ на Аляске. Понятно, что без согласия своего монарха глава черногорской православной церкви не решился бы на такую просьбу. РПЦ не замедлила с ответом, в декабре 1910 г. Св. Синод разрешил преосвященному Платону принять Илию Капичича в «каноническое подчинение» (23).

Из приведенных фактов читателю становится ясно, что католическая церковь никогда не занимала такого места в двухсторонних отношениях Черногории с западными странами, как православная в российско-черногорских связях. Католичество стало для князя Николая скорее инструментом регулирования дипломатических проблем с Российской империей, чем вопросом о религиозном равноправии его подданных или каналом культурного и политического сближения с европейскими державами. Хитроумный правитель Черногории никому не доверял контроля над умонастроениями и душой своего народа. Это наиважнейшее дело он оставлял за собой.

Особенно ярко высвечивается полная подчиненность церковных проблем политическим в вопросах регионального масштаба, возникавших в начале XX века на Балканах. Вспомним историю соперничества двух династий Карагеоргиевичей и Негошей в деле объединения всех сербов в одном государстве. Оба правящих дома надеялись прибрать к рукам земли Старой Сербии, еще остававшиеся под властью Османской империи. В 1888–1889 гг. произошли кровопролитные стычки между мусульманами и православными в окрестностях Дечанского монастыря. Турецкие власти обвинили в подстрекательстве к беспорядкам настоятеля монастыря Рафаила и посадили его в тюрьму. Черногорские власти стали настаивать на возвращении Рафаила в монастырь,

а сербские политики подыскивали новую кандидатуру на освободившееся место. Разгорелись нешуточные страсти, обе противоборствующие стороны обращались за содействием к России, интрига набирала ход. В следующем году константинопольский патриарх решил сменить еще и игумена Печской патриархии. Снова оба двора предложили своих кандидатов, и снова России предстояло выступить в роли арбитра. Особенно активно действовал в Константинополе черногорский посланник Митро Бакич, не дававший покоя русскому послу (24). Накануне Балканских войн соперничество за влияние на православные общины Старой Сербии достигло своего апогея. Тогда оказалось свободным место прирзенского митрополита. Черногорское и сербское правительства приложили максимум усилий, чтобы с помощью российских дипломатов прибрать этот пост к своим рукам (25).

Таким образом, не только в процессе укрепления черногорской государственности или в вопросах извлечения материальной выгоды из соперничества великих держав на Балканах использовал князь Николай церковные дела. Религиозная политика была также неразрывно связана с национальным вопросом, с тем, какое влияние Черногория оказывает на славян-соседей в конце XIX — начале XX в. Стремление к *территориальному расширению княжества и к лидерству на Балканах* тоже манифестировалось посредством усиленного вмешательства черногорских властей в проблемы церковного устройства. Духовные и материальные интересы церкви снова уступали место потребностям государства.

Итак, рассмотрев основы конфессиональной политики Черногорского княжества на рубеже XIX—XX вв., можно прийти к заключению, что эта политика имела несколько важных аспектов, связанных с внутри- и внешнеполитическим состоянием молодого государства. Во внутренней политике религиозные вопросы играли определенную роль в достижении единства и целостности вновь образованной державы. Светская власть правильно определила главное направление церковной политики, поставив в равное положение представителей основных конфессий, наделив их полной свободой вероисповедания. Обеспечив православным, католикам и мусульманам одинаковые возможности в отправлении религиозных обрядов, взяв всех жителей страны под общую правовую защиту, государство создало почву для мирных и добрососедских отношений представителей разных религий. Если в историческом прошлом, когда шла борьба против господства Османской

империи, православная вера для черногорцев была символом свободы и самобытности, то после освобождения она стала частным делом каждого гражданина. У жителей старых областей Черногории не возникало чувства национального превосходства над иноверцами, у граждан вновь присоединенных областей не было ощущения национальной ущемленности и религиозной несвободы. Таким образом, в межконфессиональных отношениях правительство добилось стабильности и предсказуемости. При этом социальный статус католиков и мусульман заметно повышался в черногорском обществе.

Что касается православных, они, конечно, ощущали себя комфортно и уверенно, понимая, что их государство по сути православное. Однако мало кто из простых черногорцев задумывался над вопросом, какой статус получила православная церковь как общественный институт в только что признанном княжестве, насколько этот статус отвечает интересам самой церкви. Как видно из приведенных сведений, положение черногорской православной церкви в светской монархии изменилось кардинально. Она больше не была самостоятельным учреждением, у нее отняли право считать себя духовным лидером народа и предложили ей совсем другую роль. Церковь была поставлена под полный контроль правительства, которое решило соединить государственный и церковный организмы в единое целое, сделать духовенство составной частью черногорской бюрократии. Теперь священнослужители отвечали не столько за нравственность и здоровую обстановку в обществе, сколько за то, чтобы возвращать в новых поколениях черногорцев верноподданнические чувства по отношению к князю. К тому же государство навязывало священникам несвойственные им функции контролеров и доносителей. Обычно подобное место официальная церковь занимает в абсолютной монархии. Но в начале XX века, когда времена абсолютизма уходили в прошлое, это означало понижение социального статуса черногорской церкви в обществе, ограничение ее влияния на народ. В сочетании с весьма скромными финансовыми возможностями православного духовенства того времени такое сокращение «зоны действия» было губительным для черногорской церкви.

Весьма важным представляется внешнеполитический аспект религиозной политики черногорских властей на рубеже XIX–XX вв. Черногория приобрела суверенитет во многом благодаря помощи Российской империи, которая не допускала мысли, что младший партнер может изменить предпочтения во внешней политике и сблизится

с другими великими державами. Однако вскоре выяснилось, что свою преданность князь Николай оценивает в крупные денежные суммы в виде различных субсидий. В сущности, России пришлось взять на себя значительную долю того, что уходило на содержание черногорского госаппарата, а значит, и православной церкви. Причем, расходы на церковь, судя по донесениям российских дипломатов, тяготили их гораздо меньше, чем траты на нужды светских властей. В этом деле была видна отдача, русофильские настроения в черногорском обществе оставались неизменными, в отличие от настроений княжеского окружения. Может быть, поэтому не только официальные круги, но и рядовые россияне охотно помогали черногорской церкви. Видимо, князь Николай понял, что нашел тот рычаг в двухсторонних отношениях, который действовал безотказно. Он неоднократно давал понять, что готов обратиться к помощи других держав и церквей, если русские не будут достаточно щедры. Маневры князя всегда приносили ему успех: поворчав для виду и посетовав на неблагодарность черногорской верхушки, Россия доставала кошелек и платила за дружбу. Она сумела удержать Черногорию в орбите своей внешней политики, хотя трудно сказать, насколько полезно это было для Российской империи. Но нет никаких сомнений, что русская помощь принесла большую пользу и облегчение положения черногорской православной церкви, которая до сих пор владеет ценными дарами РПЦ и гордится духовными связями с нею. В общем, можно утверждать, что никакая другая религия не играла такой роли во внешней политике Черногории, как православная. Православие оказалось бесценным помощником светской власти в достижении тех или иных целей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1915. Т. III. С. 191.
2. Там же. С. 193.
3. Там же. С. 193 — 197.
4. Там же.
5. Там же. С. 212.
6. Државни музеј — Цетиње. Архивско одељење. Фонд «Приновљени рукописи», фас. XLIX, 1901 г. (Далее — ф. Прин. рук.)
7. Ровинский П.А. Черногория... С. 274.

8. *Перазих Г., Распоповић Р.* Међународни уговори Црне Горе 1878–1918 Зборник докумената са коментаром. Подгорица, 1992. С. 128.
9. *Хлебникова В.Б.* Политика черногорског правителства в области економики и финанси в последней трети XIX — начале XX вв. // Югославянская история в новое и новейшее время. М., 2002. С. 103.
10. Уговор између Свете столице и Црногорске владе // В кн.: Перазих Г.; Распоповић Р. Указ. соч. С. 223–225.
11. Там же. С. 224.
12. *Ровинский П.А.* Черногория... С. 274.
13. Ф. Прин. рук., фас. CIA, 1903 г.
14. Ф. Прин. рук., фас. XXXI, 1883 г.
15. Там же. Фас. LXVI, 1897 г.
16. Там же. Фас. XXX, 1892 г.
17. Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), Ф. Политархив, Оп. 482, Д. 3322, Л. 131.
18. Там же. Д. 3326, Л. 248.
19. Там же. Д. 3326, Л. 248.
20. Ф. Прин. рук., фас. XXXII, 1884 г.
21. АВПРИ, Ф. Политархив. Оп. 482, Д. 3349, Лл. 111–111об., 112.
22. Ф. Прин. рук., фас. LIVA, 1906, донесение Максимова от 10 августа.
23. Там же. Фас. LXIV, 1911 г.
24. Там же. Фас. XXXVII, 1889 г.; Државни архив Црне Горе, ф. Посланство у Цариграду, фас.3, 1890 г.; АВПРИ, Ф. Политархив. Оп. 482, Д. 3574, Л. 5–5об. и др.
25. Државни архив Црне Горе, ф. Посланство у Цариграду, фас.19, № 1312.

СОЦИАЛЬНАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА ХОРВАТСКОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПАРТИИ (ХРКП) В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

В Королевстве сербов, хорватов и словенцев¹ в 1920-е гг. лидеры крупнейших партий (таких как Народная радикальная, Словенская народная, Хорватская республиканская крестьянская, Самостоятельная демократическая партии и т. д.) не столько считали себя руководителями политических организаций, сколько претендовали на роль единоличных представителей интересов того или иного народа. В этом отношении абсолютное первенство принадлежало Степану Радичу — главе Хорватской народной крестьянской партии (ХНКП), переименованной в 1920 г. в Хорватскую республиканскую крестьянскую партию (ХРКП), а в 1925 г. — в Хорватскую крестьянскую партию (ХКП). Сравниться с Радичем не могли даже лидер сербских радикалов Никола Пашич и король Александр Карагеоргиевич, имевшие в лице друг друга сильного конкурента. Отнюдь не выглядят преувеличением слова Г.В. Чичерина, передающие самооценку С. Радича: «По его схеме, хорваты — это его партия («хорватское народное представительство»), а его партия — это, в сущности, он»².

¹ Королевство СХС появилось на европейской карте в результате объединения бывшего Королевства Сербия, Королевства Черногория и югославянских земель распавшейся Австро-Венгрии. Создание нового государства было провозглашено 1 декабря 1918 г. Международный статус и границы Королевства СХС были зафиксированы Версальским, Сен-Жерменским, Нейским мирными договорами 1919 г. и Трианонским и Рапалльским мирными договорами 1920 г.

² Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала-середины 1920-х годов. Часть 2 (июнь 1924 г. — декабрь 1926 г.). (ответственный редактор Гришина Р.П.) М., 2003. С. 48.

Радичевское высказывание, достойное «короля-солнце», относится к июлю 1924 г. и служит ничем иным, как констатацией реального положения вещей — на тот момент ХРКП была единственным политическим представителем хорватского народа, или «хорватской части триединого народа сербов-хорватов-словенцев», как сказали бы национальные унитаристы того времени. Успех Радича выглядит особенно впечатляющим, учитывая, что «до 1918 г. мало кто принимал Степана Радича всерьез. Он был депутатом Сабора, но говорил от имени словения, по большому счету лишённого права голоса. Только в 1920 г., когда в новом государстве было провозглашено всеобщее право голоса для мужчин..., радичевское влияние на массы стало явным»¹. Настолько явным, что на югославской политической сцене не осталось места другим партиям, которые бы носили атрибут «хорватский».

Монополия ХРКП на хорватский электорат свидетельствовала, по мнению уже процитированного нами американско-хорватского автора Иво Банца, о «завершении процесса хорватской национальной консолидации»². «Благодаря деятельности партии Радича, — продолжает автор, — хорватская национальная идеология охватила и самые отдаленные деревни, все селения, где живут хорваты». Мнение апологета ХРКП разделяет и более критично настроенный белградский профессор Джордже Станкович. Заслугой Радича он называет «окончательное формулирование хорватской национальной программы в Югославии» и «тотальную гомогенизацию хорватского народа»³. Единодушие двух видных исследователей, столь различных меж собой, побуждает нас принять на веру их оценку лидера ХРКП. Однако в некоторое замешательство читателя приводит естественно встающий вопрос: каковы же были основы «национальной программы» Радича, которого при жизни нельзя было упрекнуть в идейной и моральной стойкости. Без преувеличения, за время политической деятельности он отрекался от всего и предавал всех. Перечисление всех этапов идеологической «эволюции» Радича представляло бы весьма утомительное чтение. Дадим слово его современникам. Интересно, что и они, невзирая на свою «разношерстность», выступают в оценке лидера ХРКП на удивление согласно.

¹ Банас I. Nacionalno pitanje u Jugoslaviji. Zagreb, 1995. S. 184.

² Банас I. Op. cit. S. 186.

³ Станковић Ђ. Никола Пашић и хрвати. Београд, 1995. С. 322.

Бывший австро-венгерский наместник в Боснии генерал Степан Саркотич, после мировой войны один из лидеров прогабсбургской хорватской эмиграции, за беспринципность назвал С. Радича «ненормальным человеком» (курсив мой — А.С.)¹. «Я не могу считать нормальным человека, который из апологета Марии Терезии, Франца Иосифа, одним словом, обожателя Габсбургов, превратился в габсбургоненавистника и поклонника династии Карагеоргиевичей... Нормальным не может быть человек, который присвоил чистейшую программу Анте Старчевича, смешал ее с несколькими каплями социалистического масла и выдает теперь за свою собственную. Потом он клянется на могиле Старчевича. Там и везде на митингах произносит ультрахорватские речи о «Святой Хорватии», а на следующий день от всего отрекается, включая «Святую Хорватию», и все это кладет как жертву на алтарь великосербства... Такая постоянная перемена мнения и позиции без сомнения ненормальна... Переход от монархизма через республиканизм к советизму, а от советизма через республиканизм к монархизму за столь короткое время показывает, что мы имеем дело с каким-то редким ненормальным клоуном... Эта моральная и душевная ненормальность, которую, несомненно, констатировали бы психиатры, и есть единственная причина бесчинств и злодеяний, совершенных Радичем по отношению к собственному народу»².

Солидарно с реваншистом-монархистом Саркотичем выступает и его политический антипод Войислав Маринкович — представитель сербского истеблишмента, деятель Демократической партии: «По-видимому, нашему государству суждено бороться с сумасшедшими. Не успели еще избавиться от Д'Анунцио в Риеке, а в Загребе уже появился Степан Радич»³.

Призыв «Остановите безумие» подхватывает и лидер социал-демократов хорват Витомир Корач: «Во многих отношениях Стипа Радич напоминает тех патологических типов, которые, благодаря стечению обстоятельств, играли большую роль в хорватской политике. Он не только похож на них, но и сам классический представитель такого

¹ Цит. по: *Казимировић В.* Србија и Југославија: 1914–1945. Књига друга. Крагујевац, 1995. С. 507

² Цит. по: *Radić S.* *Politički spisi.* Zagreb, 1971. S. 442

³ Архив Српске Академије Наука и Уметности (далее — АСАНУ). Заоставштина Воје Маринковића. Бр. 14.439/283.

рода людей. Это была бы очень благодарная тема, если бы какой-нибудь специалист по душевным болезням обратил внимание на столь классический пример политической патологии... Мы все, занимавшиеся в Хорватии политикой и знающие Стипу Радича, дошли до твердого убеждения... что он совершенно *ненормальный человек*. Но в политике приходится считаться со всеми обстоятельствами — и с ненормальными, и с *патологическими типами*. Только нужно открыто об этом говорить, чтобы и широкие массы знали, о чем речь¹.

К мнению «широких масс» апеллировала белградская газета «Политика», назвавшая Радича «впавшим в детство дураком», «шарлатаном» и «*патологическим типом*, за которым стоит сегодня весь хорватский народ»². Солидарно с сербскими коллегами выступал Иван Херцог, выпустивший в загребской «Новой Европе» статью «*Патологическая политика*»³. Больного алкоголизмом Радича автор квалифицирует как «винного политика», «чьи принципы — пустые фразы, которыми он скрашивает свои тосты».

«Достоверно известно, что в последнее время он был абсолютно неспособен что-либо воспринимать, если не вливал в себя привычный объем — 3 литра вина. Естественно, это оказывало сильное влияние на его психическое состояние. Вследствие этого более или менее постоянного *патологического* состояния... Радич не мог находиться в уравновешенном расположении духа... а также следовать правильному систематическому ходу мысли. Наоборот, в этом психопатологическом состоянии с ним постоянно случались эксцессы. Он кидался из одной крайности в другую... Это яснее всего видно на примере его выступлений, в которых он все время перескакивает с одного предмета на другой. Поэтому они часто выглядят бессмысленными и неразумными»⁴. Данные слова принадлежат перу Михаила Банковича, который в 1928 г. откликнулся на обращение Саркотича и Корача, выпустив в Вене «Stjepan Radić — Eine Psychoanalytische Studie». Идеологические «скачки» председателя ХРКП, «ярко выраженного истерика, который войдет в анналы психопатологии», Банкович объ-

¹ Архив Србије и Црне Горе (далее — АСЦГ), ф. 305 (Ђура Поповић), фасцикла 40.

² Политика, 17 април 1923 г., «Дете или Будала? Шарлатан или лудак?».

³ *Hercog I. Patološka politika (Politički pregled)*. // Nova Evropa (Далее — NE). Knjiga III, broj 10, s. 315. Zagreb, 11 Novembra 1921.

⁴ Цит. по. *Станковић Ђ*. Изазов нове историје. Београд, 1992. С. 163–178.

яснял присущей тому «моральной невменяемостью» и «психической анархией». Последняя «лучше всего проявляется в его так называемой политической деятельности. В 1898 г. он предстал перед нами как самый убежденный сторонник идеи объединения сербов и хорватов под лозунгом «сербы и хорваты — один народ, братья». Несколько лет спустя, выжав из этого лозунга всю возможную пользу, он не только отказался от этого объединения, но стал главным его противником. Всю свою враждебность он концентрирует в неопишную ненависть по отношению к Сербии и сербам. В 1914 г. он обвиняет их в убийстве Франца Фердинанда, называет сербов прямыми виновниками той «заранее подготавливаемой войны». При этом он был верноподданнейший восхвалитель императора Франца Иосифа и всей династии Габсбургов... В новом государстве из убежденного монархиста Радич превратился в яростного республиканца... В 1924 г. мы видим Радича на пути в Москву, где он ведет себя, как самый главный коммунист. Но на следующий день 14 июля 1925 г. он опять превращается в первейшего монархиста, высказывает одобрение всему, против чего боролся... Как только его положение укрепилось, Радич продемонстрировал, что остался верен своим старым разрушительным принципам... Радич подписывает договор с Италией, Венгрией и Россией, заключает соглашения с разными партиями внутри Югославии, но всех их обманывает, всех до одного... Он берет на себя обязательства, но не выполняет ни единого, оправдываясь удобной формулой, которую он озвучил на заседании Лиги Наций в Женеве в 1925 г.: «До сегодняшнего дня я был безумен, но в любом безумии есть свой предел»¹.

* * *

Необходимость придерживаться источниковедческой методологии требует от нас осмотрительного, если не сказать скептического, отношения к тому, что выглядит как наветы врагов и завистников. Однако наш подход к вышеприведенным мнениям не может быть столь однозначным. С одной стороны, отмести их полностью мешает обстоятельство, что уж слишком широк и неоднороден круг радичевских недоброжелателей. К тому же эскапады Радича, особенно на европейской арене, вызывали неприятие и в его ближнем кругу. Так в июле

¹ Там же.

1924 г. жена Радича Мария жаловалась школьному другу мужа, что тот «весь переменялся», и что «когда-нибудь все здание (партия Радича) рухнет... Вступление Радича в московский Крестьянский интернационал противоречит всему, что он говорил ей в Вене, и она боится, что этот его шаг, — результат того болезненного состояния, в котором он находится... что его сумасшествие скоро станет явным»¹.

С другой, в процитированных характеристиках нельзя не разглядеть стремления дискредитировать Радича. Многим современникам лидера ХРКП, особенно хорватам, трудно было признать в этом, по словам Керубина Шегвича, «вожде озлобленных, ослеплённых и пьяных» нового и единственного хорватского «апостола». Найти выход из наметившегося логического затруднения не составит труда, если предположить, что критики Радича не столько ошибались в своем суждении о нем, сколько имели слишком комплиментарное представление о тех, кто за него голосовал. Нам с высоты исторического опыта известно, что в межвоенный период в Европе черты «ненормальности» и «патологии» можно обнаружить равно как у лидеров народных (национальных) движений, так и у самих народов.

Наше предположение снимает мнимое противоречие между точкой зрения Банца-Станковича и оценками политиков 1920-х гг. Именно те черты Радича, которые некоторыми современниками воспринимались как слабости ненормального человека, в политической практике были его сильными сторонами. Они позволяли лидеру ХРКП соответствовать послевоенным настроениям хорватского крестьянства, которое Радич, по собственному признанию, «никуда не вел, ... а только верно и честно интерпретировал»². Общий принцип этой «интерпретации» всегда оставался неизменным, как не менялись и некоторые основные лозунги, соответствовавшие константным настроениям хорватских масс. Что же касается отсутствия идеологической устойчивости, то в начале XX века, когда события происходили стремительно и непредсказуемо, она могла только уменьшить достоверность пресловутой «интерпретации». По словам хорватского публициста Йосипа Хорвата, «Степану Радичу была чужда любая политическая догма, ...обладая способностью предугадывать ход событий, он всегда руководствовался тем, как в дальнейшем сложатся обстоятельства... Для него самой

¹ АСЦГ, ф. 335, фасцикла 21.

² Banac I. Op. cit. S. 188.

важной догмой было прислушиваться к пульсу крестьянского мира, подстраивать под его ритм концепцию и тактику своей политики. Это было единственной постоянной в его политической активности...»¹.

* * *

На рубеже первого десятилетия XX века Радич в «кардиограмме» «крестьянского мира» прочитал явное раздражение от послевоенного национально-территориального переустройства. По словам Анте Трумбича, Радич «хорошо разгадал душу хорватского крестьянина, вернувшегося домой после четырехлетних страданий за чужие интересы, полного разочарований, злобы и бешенства оттого, что свою страну обнаружил под сербской оккупацией»². С бывшим главой Югославянского комитета согласен и Й. Хорват: «Радич увидел, что югославянство как политическое понятие абсолютно чуждо хорватскому крестьянству. Ему также отвратительна и жесткая государственно-правовая политика. Но он знал, что если югославянство не понятно крестьянству, то в его душе вызывают резонанс хорватские националистические лозунги. Это он принимал в расчет, выстраивая свою тактику»³. Проще говоря, апеллируя к хорватскому плебсу, лидер ХРКП ориентировался на его сербофобские настроения, или, по словам «Арбайтер Цайтунг» от 18 июля 1921 г., на «стремление католических малоземельных крестьян стать независимыми от безбожных и некультурных сербов»⁴.

Следует отметить, что антисербская риторика составляла основу пропаганды основанной в 1904 г. радичевской партии и в австро-венгерский, и в югославский периоды ее активности. Но со временем в силу известных геополитических изменений радичевские речи эволюционировали от агрессивности в сторону высокомерия. Приведем две цитаты. Первая относится ко времени, когда лидер ХНКП «был никем» при Франце Иосифе, а вторая к периоду, когда глава ХКП состоял членом югославского правительства.

¹ *Horvat J. Živjeti u Hrvatskoj 1900–1941 (zapisci iz nepovrata). Zagreb, 1984. S. 143.*

² Цит. по: *Казимировић В. Указ. Соч. С. 501*

³ *Horvat J. Živjeti u Hrvatskoj 1900–1941 (zapisci iz nepovrata). Zagreb, 1984. S. 143.*

⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 33. Д. 580. Л. 48.

Так после опубликования осенью 1902 г. в газете «Србобран» известной статьи Н. Стояновича «Сербы и Хорваты»¹ Радич произнес следующую тираду: «Нечего жаловаться на судьбу, как мы делали раньше, а в то же время своими руками поддерживали элемент, который поступил с нами хуже, чем любой другой враждебный народ. Мы должны постараться ослабить этот элемент. Чем он будет сильнее, тем для нас опасней. ...или мы так низко пали, что нам действительно нет дела до нашей национальной гордости, или мы сумасшедшие, что греем на груди змею, которая готовится впрыснуть яд в нашу кровь... Поднимемся все как один! Не давать работы и заработка ни одному сербу! Нечего этого стыдиться, они давно на нас плюют!... Ударьте по этой гнусной братоубийственной руке!»².

Спустя четверть века, будучи министром Его Королевского Величества Александра Карагеоргиевича, Радич ненамного уменьшил остроту своих выступлений. На вооружение был взят стереотип о культурном превосходстве хорватов над сербами: «Сербия отстает в плане современного сегодняшнего знания... Сербский крестьянин не верит в плуг. Он верит в меч и пистолет. Он не уважает плуг и не знает, что плуг сильнее пистолета»³.

О том, какое значение придавал Радич антисербскому характеру собственной популистской деятельности, дает представление донесение агента премьер-министра Николы Пашича, вошедшего в доверие к руководству ХРКП в качестве представителя македонской сепаратистской организации ВМРО: «Господин Радич рассказал мне историю основания партии и потом перешел к настоящему времени, то есть с 1918 г. Тут он долго обосновывал... бойкот сербов хорватским племенем. Сербы в его словах представляли разбойниками и людьми некультурными... Господин Радич утверждает, что действуя таким образом, ему удалось собрать вокруг себя всех хорватов, включая даже лучших представителей интеллигенции»⁴.

¹ В статье говорилось, что хорваты не могут считаться отдельным народом, а являются «авангардом чуждых сил, в то время как сербы — сторонники принципа «Балканы балканским народам». Хорватам автор сулил «войну на уничтожение — вас или нас».

² *Radić S. Op.cit. S. 235–239.*

³ Политика, 2 февруар 1926 г., «Изборна кампања Г. Радића».

⁴ АСЦГ, ф. 143 (Никола Пашић), фасцикла 1.

Этот впечатляющий политический успех был достигнут ХРКП уже на первых выборах в Конституционное собрание. Именно тогда хорватские избиратели отказали в поддержке политикам, принявшим участие в создании Королевства СХС с хорватской стороны¹. В 1923 г. один из идеологов ХРКП Рудольф Херцег вспоминал: «Это были судьбоносные дни. Решался вопрос, хочет ли хорватский народ передать полномочия Радичу, или тем своим *господам* (курсив мой — А.С.), которые... решили вручить власть над Хорватией Белграду. Хорватский народ должен был высказаться или за свое самоопределение, или добровольно отдаться в рабство господам»².

Помимо последних, антисербская пропаганда ХРКП позволила опередить в борьбе за народные симпатии и коммунистов. Те проповедовали чуждые хорватской черни идеи руководящей роли пролетариата и интернациональной «солидарности трудящихся». В отличие от Радича коммунисты не видели, «что война... несет идею национализма. Радич ее воспринял и, таким образом, укрепил хорватский национализм, который был лучшим щитом от всякого интернационализма»³. Душан Иванчевич писал: «Хорватская республика» рождается из ненависти к сербам. Поэтому хорватские массы, которые сначала принимают коммунизм, затем стремительно обращаются к Радичу, который гораздо больше, чем коммунисты, соответствует их антигосударственным и антисербским настроениям. Коммунисты, хотя бы, были против сепаратизма, племенных и религиозных разногласий»⁴.

* * *

Следует отметить, что Радич не был единственным антисербски настроенным хорватским политиком. Но именно он завоевал право говорить от имени крестьянских масс. Партия оправдала свое название — Hrvatska Pučka Seljačka Stranka (Хорватская народная крестьянская партия). При этом слово «пука» следует переводить на русский как «люди», «толпа», «плебс». Последовательная самоидентификация орга-

¹ К такому следует отнести Хорватское объединение, А. Трумбича и др.

² *Herceg R. Seljački pokret u Hrvatskoj*. Zagreb, 1923. S. 33.

³ *Horvat J. Politička povijest Hrvatske*. II. Zagreb, 1990. S. 143.

⁴ *Иванчевич Д.Г. Стjepан Радич и његова «Миротворна република»*. // Српски књижевни гласник. Нова серија. Књ. 10. Бр. 8. С. 604. 16 децембра 1923.

низации как «крестьянской» позволила, в конце концов, стать ей, по общему признанию, «хорватской народной» «Для нас крестьянство не класс, а народ; господа буржуи — это класс притеснителей; рабочие — это класс притесняемых; крестьянство — это народ мучеников»¹, — писал в 1924 г. Радич в Москву «товарищам Домбалою и Красному». Возможно предположить заочное согласие Радича с другим специалистом по корреляции классовых и национальных процессов — И.В. Сталиным, заявившим в марте 1925 г. на Югославской комиссии 5-го пленума Исполкома Коминтерна, что «национальный вопрос... по сути дела крестьянский. Не аграрный, а крестьянский, ибо эти две вещи разные. Совершенно верно, что национальный вопрос нельзя отождествлять с крестьянским, ибо кроме вопросов крестьянских, национальный вопрос включает в себя еще вопросы национальной культуры, национальной государственности и проч. Но, несомненно, также и то, что основу национального вопроса, его внутреннюю суть все же составляет вопрос крестьянский. Этим именно и объясняется, что крестьянство представляет основную армию национального движения... Это именно и имеют ввиду, когда говорят, что национальный вопрос есть по сути дела вопрос крестьянский»².

Сербофобия объединяла Радича с конкурентами — «поповской» Хорватской народной партией, «господской» прогабсбургской Хорватской партией права (франковцами). А выгодно отличало не только крестьянское самоназвание ХРКП, но и способность «артикулировать» весь широкий спектр «гнева и разочарований»³ наиболее многочисленной части «третьего сословия». После распада Австро-Венгрии возросший национализм не был единственной особенностью масс. Широкое распространение получили «антимилитаристские», анархические, антиклерикальные, антиурбанистические настроения.

«Массами овладела мораль проигравших, — рассказывал в 1925 г. в частной беседе Радич, — с одной стороны — габсбургщина. С другой — большевизм. Тут нужен был сильный «шлягер». За рес-

¹ РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 2. Д. 190. Л. 19.

² Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала-середины 1920-х годов. Часть 2 (июнь 1924 г. — декабрь 1926 г.). (ответственный редактор Гришина Р.П.) М., 2003. С. 408.

³ *Rothschild J. East Central Europe Between the Two World Wars. Seattle & London, 1974. P. 212.*

публиканизм мы ухватились из-за Вильсона, Америки, Германии, Австрии и Венгрии... Только с республиканизмом в этих краях мы могли одолеть габсбурговщину и остановить распространение большевизма...»¹.

«Психологическое состояние масс, — вспоминал Витомир Корац, — было опасным. Измученные и истерзанные тяжелой войной, они по своей наивности надеялись на немедленные перемены к лучшему сразу по ее окончании. Но тяготы войны продолжались и дальше. Из России возвращались пленные солдаты бывшей австро-венгерской армии, проповедовавшие «зарю с востока»... Глухой ропот масс слышался со всех сторон... Массами овладел психоз. И тогда появляются разные «спасители», которые обещают спасение в 24 часа, если только пойти за ними»².

«Пред народом мы появились с республиканским «шлягером», — продолжал Радич — потому что это выглядело чем-то новым, неизвестным и казалось великим. Другого «шлягера», впрочем, у нас в то время не было...»³.

«Шлягер» назывался «Государственное устройство или Конституция нейтральной крестьянской республики Хорватия», в которой «следовало владеть и править по человеческой справедливости»⁴. Эта «земля обетованная» кардинально отличалась от прежнего «ига фараона»: «Судя по опыту предвоенных лет и войны, для крестьян монархия это организация власти сверху вниз. Когда император объявил войну, он позвал министров, министры — великих жупанов... а эти весь народ: «Пуускай идет и бьется... И весь народ должен был слушаться». Новое государство должно было превратиться в «культурно-хозяйственную организацию. Власть в чем осуществляется снизу вверх. Решения принимает народ, а чиновники не приказывают, а исполняют народную волю... В монархии (да и в такой республике, где буржуи правят сверху вниз) принимаемые сабором законы вступают в силу, когда их подписывает царь, король или президент господской респуб-

¹ АСЦГ. Ф. 335 (Војислав Јовановић-Марамбо), хартије двора, фасцикла 6; См. также: Krizman B. Dva pisma T. Schlegela o razgovorima sa Stjepanom Radićem u zatvoru 1925. godine. // Časopis za suvremenu povijest. 1974, № 2. S. 136.

² АСЦГ, Ф. 305 (Ђура Поповић), фасцикла 40.

³ АСЦГ. Ф. 335, хартије двора, фасцикла 6.

⁴ Herceg R. Op. Cit. S. 34.

лики. В республике крестьянской... законы имеют силу... когда большинство народа общим голосованием выскажется за их действие».

Как все утопические проекты, «конституция» рисовала идеальное государство, по определению сербского историка Горана Милорадовича, «настолько хорошо устроенное, что оно раз и навсегда освобождает людей от бед, которые испокон веков приносил им исторический процесс»¹. И как все утопии, реализуемые в межвоенный период XX века, радичевский «шлягер» указывал врагов «человеческой справедливости и морального гуманизма». «Хуже, чем с тягловым скотом, — писал лидер ХРКП, — обращались разнообразные официальные и неофициальные господа с нашим крестьянином — настоящим рабом государства...»²; «Крестьянство в течение тысячелетий давало всем и каждому, и за это принимало... только удары и призрение или только... сладковатое господское сожаление и протекцию...»³.

После этого, напомним, «господа» отправили «народ» на войну и, проиграв её, «решили вручить власть над Хорватией Белграду» — «по дешевке уступили хорватский народ Сербии»⁴.

Таким образом, налицо связь внешнего врага «республики» с «местными предателями»⁵, такими как Хорватское объединение. Логово первого было в Белграде. Вторые проживали в городах, которые, по психологически точному наблюдению современника, виделись хорватскому селянку одновременно и «носителями сербофильства»⁶, и источниками государственного «господского» насилия. Конец последнему обещала положить «конституция»:

¹ Милорадович Г. Роман Замятина «Мы»: между историей и утопией // Русский сборник. № 4. Москва, 2007. (в печати)

² Radić S. Politički spisi. Zagreb, 1971. S. 336.

³ РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 2. Д. 190. Л. 20.

⁴ Самоуправа. 12 январ. 1924.

⁵ То, как должна была выглядеть картина «продажи-предательства», Радич в 1923 г. живописал, передавая слова сербского радикала Любы Йовановича, якобы сказанные лидеру ХРКП в доверительной обстановке: «Мы, сербиянцы, не виноваты перед вами. Мы знали, что в Хорватии живет хорватский народ, который не отрекался от своего имени, своего духа, своего прошлого и будущего. Но приехал ваш Трумбич, ваш Дринкович, приехали Смодлаки, приехал Томленович. И они сказали: «Мы, хорваты, хотим быть югославами, хотим быть вашими, а не своими»... Так мы и объединились».

⁶ Horvat J. Politička povijest Hrvatske. II. Zagreb, 1990. S. 118.

- «У крестьянского народа регулярная армия особенно разрушительна для основ морали (честности), хозяйства, культуры и свободы»¹. (Херцег: «Крестьянская республика должна быть нейтральной, пацифистской миротворческой... Ей не нужна регулярной армии. Ибо в республике меньшинство не правит большинством, а народ правит сам собой... Из нейтральности сам по себе вытекает пацифизм, то есть разоружение и упразднение регулярной армии»).
- Все крупные землевладения, будь то государственные, церковные и частные, упраздняются в принципе. Ни одно землевладение не может быть большим, чем самый крупный крестьянский надел в данной жупании:
- Таможенные пошлины в принципе отменяются. Законом предусматриваются пошлины только на предметы роскоши...» (Херцег: «Когда крестьянский народ обеспечит себе власть, многие вопросы, особенно экономические, будут решены легко, быстро, справедливо, в интересах народа. Речь идет об аграрной реформе, о создании кооперативов вместо капиталистических банков...».)
- «Университет как ложная высшая школа упраздняется... Упраздняются все сегодняшние так называемые средние школы (гимназии, реальные училища, лицеи), а вместо них основываются народные общеобразовательные школы...».

Попыткой, хоть и неудачной, задушить «сербофильские» рассадники были «крестьянская забастовка», объявленная по поводу ареста Радича в Загребе в 1919 г., и крестьянское восстание 1920 г., поводом к которому стала перепись крупного рогатого скота в интересах армии. «Хорватский крестьянский народ! — гласила партийная листовка — Председатель ХНКП и вождь хорватского крестьянства Степан Радич противозаконно арестован, потому что он бесстрашно защищает хорватские права и права крестьян, а еще бесстрашнее борется за хорватскую крестьянскую республику... Не остается нам ничего другого, как на это нарушение человеческой и политической свободы ответить еще более сильным средством. Скажем своим правящим господам: «Пока вы нарушаете наши права и свободу, не будете есть нашего хлеба». Поэтому объявляем всеобщую крестьянскую забастовку... Пока непустят на свободу председателя Степана Радича... ни один крестьянин

¹ Radić S. Op. Cit. S. 370.

не смеет 1) привозить в города зерно и живность, 2) продавать на ярмарках рогатый скот и свиней, 3) продавать перекупщикам что-либо, необходимое для продовольственного обеспечения городов... А кто нас предаст — предаст себя и своих детей, а также хорватскую республику. Крестьянский мир вынесет таким предателям свой приговор...»¹.

Итак, Степан Радич в первые послевоенные годы старался, по словам А. Трумбича, «навязать Хорватии борьбу между мнимыми господами и крестьянским народом, представляя господ как старых графов, баронов и богачей, которые пили народную кровь»². Сам же лидер ХРКП преподносил себя как реинкарнацию Матии Губца, возглавившего в XVI веке антифеодальное крестьянское восстание. Только в отличие от мученически погибшего предшественника Радич лучше распознавал врагов народа: «Матия Губец отправился в Вену к императору, потому что искал у того справедливости. Но он забыл, что справедливости нет ни на императорском престоле, ни в церкви. Справедливость в сердце человеческого и нигде больше»³. Таким образом, третьим врагом республики, наряду с «габсбурговщиной» и «большевизмом», Радич называл «клерикализм».

Клир председатель ХРКП видел своим главным идеологическим конкурентом в борьбе за право «интерпретировать» крестьянские фобии: «Клерикалы агитировали, что сербы превратят хорватов во «влахов»⁴, и им почти удалось привлечь народ на свою сторону. А вы знаете, как тяжело потом скинуть клерикальную власть с народа?... Велика была опасность от клерикализма. Вот, пожалуйста, Корошец⁵. Он и патриот, и словенский националист. Но голова у него в Риме...»⁶.

У хорватов должна была быть только одна голова — голова Радича, который не хотел ни с кем другим делить власть над мыслями и чув-

¹ Цит. по: *Banac I.* Op. cit. S. 200.

² Цит. по: *Smith Pavelić A. Dr. Ante Trumbić. Problemi hrvatsko-srpskih odnosa.* München, 1959. S. 293.

³ Изборна кампања г. Радића. Ревизија устава одмах по изборима // Политика. 4 фебруар 1926.

⁴ Презрително назив, дато Србима Хорватима.

⁵ Антон Корошец — словенски политик и католически свештеник. С почетка XX века — један из лидера клерикалне Словенске народне партије.

⁶ АСЦГ. ф. 335, хартије двора, фасцикла 6

ствами крестьянского народа¹. Иллюстрация — мнение последователей ХРКП: «Степан Радич не является шефом некой партии, какие существуют в Западной Европе. Он вождь, чьи решения выполняются беспрекословно... даже тогда, когда он кого-нибудь исключает из партии, из рядов хорватского народа. Патриархально он вершит свою власть, которой плебисцитарно наделил его народ. Он наставляет, грозит, карает, хвалит, но при этом всегда остается в душе добрым отцом...»².

Победу Радича над клерикалами можно объяснить тем, что, выступая с антицерковных, но отнюдь не с атеистических позиций («Слава Иисусу и Марии. Долой попов»³), ему удалось обратить в свою пользу крестьянское восприятие церкви как орудия государства, ответственного за лишения военного времени. Падение авторитета духовной власти, пусть непродолжительное, способствовало усвоению массами утопического радичевского учения. Справедливо мнение Г. Милорадовича: «Духовный вакуум необходим, чтобы одна идейная система пришла на смену другой. Так как эту нишу обычно занимает религия, присущая данной области в данное время, можно говорить, что религиозный кризис есть необходимое условие для появления утопий»⁴.

Для чад своих у Радича была собственная квазирелигия: «Крестьянское движение, требующее справедливого устройства жизни общества, предстает перед нами как та вера, которой следует обновить, вдохнуть жизнь в учение Христа о человеческом равноправии и социальной справедливости»⁵. Как священнодействие описывал Радич свою деятельность в письме московским «товарищам»: «Все у нас делается самым идеальным образом — апостолатом, то есть... пропо-

¹ Антиклерикализм характеризовал деятельность ХКП на протяжении всего межвоенного периода. Приведем относящийся к 1938 г. отрывок донесения правительственного информатора: «ХКП начала организационную работу сред женщин. Их следует эмансипировать от католических объединений и на всякий случай привлекать к партии. Не исключено, что в будущем женщины станут решающим политическим фактором, особенно если получат право голоса». (АСЦГ. ф. 38 (Пресбирио Министарског Савета Краљевине Југославије), фасцикла 16.)

² Цит. по: *Horvat J. Politička povijest Hrvatske. II. Zagreb, 1990. S. 249.*

³ Цит. по: *Banaš I. Op. cit. S. 186.*

⁴ *Милорадович Г. Указ. Соч.*

⁵ Цит. по: *Herceg R. Op. Cit. S. 44.*

ведью освобождения крестьянского народа»¹. Таким образом, председатель ХРКП видел себя не только принципсом, но и первосвященником Хорватской республики. Тогда последняя предстает не просто крестьянским государством, а «раем, в который, не сворачивая, идет человеческая пацифистская крестьянская процессия. Крестьянские ряды принимают только тех, кто присоединяется добровольно, и чьи души чисты»².

Забегая вперед, отметим, что после смерти ересиарха Радича в 1928 г. осиротевшие «апостолы» сняли с его чела тиару и водрузили терновый венец спасителя. Прочитируем отрывок из резолюции Главного комитета ХКП: «Степан Радич, — Богом данный Вождь хорватского народа, — после своей телесной смерти не перестал быть народным вождем. Он возглавлял хорватский народ посредством Хорватской крестьянской партии, будучи ее председателем со дня основания. Он, естественно, останется ее председателем и после смерти»³. Воистину, «в белом венчике из роз — впереди — Иисус Христос». Новый глава партии Владко Мачек был провозглашен только «исполняющим председательские обязанности».

Возвращаясь к началу «похода за Синей птицей» — в первую половину 1920-х гг., приведем результаты участия ХРКП и прочих хорватских партий в парламентских выборах — суть количественное выражение роста праведности электората, а также подтверждение обоснованности радичевской самооценки.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДЕПУТАТСКИХ МЕСТ ПО ВЫБОРАМ⁴

ПАРТИЯ	1920	1923	1925
Хорватская народная (республиканская) крестьянская партия	50 мандатов (230,590 голосов)	70 (473.733)	67 (545.466)
Хорватская земледельческая	7	—	—

¹ РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 2. Д. 190. Л. 19.

² Цит. по: *Herceg R.* Op. Cit. S. 47.

³ Цит. по: *Boban Lj.* Маček i politika Hrvatske Seljačke Stranke 1928–1941. Prva knjiga. Zagreb, 1974. S. 4.

⁴ *Čulinović F.* Jugoslavija između dva rata. I. Zagreb, 1961. S. 309, 408, 455.

ПАРТИЯ	1920	1923	1925
Хорватское объединение (ХО)	4	–	–
Хорватская партия права (ХПП)	2	–	–
Партия буневцев и шокцев и Хорватская народная партия (ХНП)	13	3	–
Список Трумбич-Дринкович	1	2	–

Таким образом, в 1924 г. при вступлении в Крестьянский интернационал Радич с полным правом описывал собственные достижения на хорватской политической арене: «Мы, хорваты, работаем совсем независимо от своих старых и своих новых властителей... Римский папа не имеет у нас ни малейшего влияния на ход нашей общественной жизни. То же наши владыки и священники... Габсбурги не имеют в Хорватии про себя ни одного щенка»¹.

* * *

Амбиции Степана Радича не исчерпывались вышеописанным достижением. Этот тактический результат лишь приближал главу ХРКП к главной политической цели. Последняя, разумеется, не состояла в создании республики. В 1925 г. Хорватская крестьянская партия вошла вместе со своими прежними злейшими врагами сербскими радикалами в состав двухпартийной правительственной коалиции, официально признав и монархию, и централистско-унитарное устройство Королевства СХС. Степан Радич был не мучеником Матией Губцем или средневековым ересиархом, а исполнителем политического «шлягера», который не был готов «пойти на костер» ради буквы «р» в аббревиатуре названия своей партии. Цену собственным политическим декларациям Радич определил сам, ответив бывшему стороннику,

¹ РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 2. Д. 190. Л. 20. (так в тексте)

упрекнувшему его в предательстве республиканского дела: «Молчи, дурак! Ты ничего не понимаешь! Лучшая республика та, в которой король президент»¹.

Для С. Саркотича и К. Шегвича данное высказывание, несомненно, послужило лишним подтверждением радичевского безумия. Нам же кажется, что «капитуляция» свидетельствовала о том, что в условиях социально-экономической, внешне- и внутривосточной стабилизации Королевства СХС Радичем был сделан выбор в пользу политических приемов, более тонких и эффективных, чем открытая борьба с Белградом. Ведь присяга на верность белградскому «королю-президенту» была принесена в обмен на фактически официальное признание тезиса, определявшего стратегию Хорватской крестьянской партии: «В своем доме хорватский народ должен быть сам себе хозяин»².

Фанатичной преданности адептов не хватало для строительства независимого хорватского государства, но ее оказалось достаточно, чтобы заставить «белградских правителей» принимать его всерьез. Воспользуемся еще раз работой Д. Станковича для того, чтобы понять, какое впечатление от Радича сложилось у сербского политического бомонда к концу 1922 г.: «Руководство радикалов осознавало тот факт, что Радич все активнее выходит на политическую сцену страны. Но они никак не могли определить его силу. Поэтому иногда для радикалов Радич был предателем и сепаратистом, а иногда политиком, с которым надо серьезно считаться», «радикалы находились под впечатлением политической мощи Хорватского блока и были готовы при условии сохранения правящих позиций партии пойти с ним на компромисс»³.

Союз с реальной силой — королем и радикалами — помог председателю ХКП преодолеть пропасть от подпольщика и «агента Коминтерна», до «хозяина Хорватии». В Европе даже доброжелатели называли Радича лишь «агитатором», неспособным стать «государственным деятелем»⁴. В Белграде — провозгласили «вождем хорватского

¹ Цит. по: *Stojadinović M. Ni rat ni pakt. Jugoslavija između dva rata. Rijeka, 1970. S. 201.*

² *Станковић Ђ. Никола Пашић и хрвати. Београд, 1995. С. 129, 197.*

³ *Станковић Ђ. Никола Пашић и хрвати. Београд, 1995. С. 205, 239.*

⁴ *R.W. Seton-Watson and the Yugoslavs. Correspondence. 1906–1941. II. London — Zagreb, 1976. P. 115, 120. (Р.У. Сетон-Уотсон восклицал: «Если бы только Хорватия могла пойти за нормальным лидером!»)*

народа»¹: «Наступил новый период сербскохорватской кооперации на основе союза сильнейшей сербской партии и мощнейшей партии Хорватии, — писал главный идеолог радикалов Лазар Маркович, — два главных ствoла нашей нации — сербский и хорватский — примирились...»².

«Примирение», как и хождение Радича во власть, не было продолжительным. Сербско-хорватское согласие интересовало С. Радича ничуть не более, чем строительство «Небесного Иерусалима» — Крестьянской республики. Существенным итогом первой половины 1920-х гг. было то, что достижение абсолютного превосходства над конкурентами в Хорватии наряду с признанием, полученным в Белграде, предоставляло Радичу возможность перед лицом страны, а подчас и всей Европы выступать в качестве фигуры, от которой зависит состояние всего комплекса религиозных, национальных, экономических и прочих проблем, имевших решающее значение для стабильности Югославии и объединенных термином «хорватский вопрос». Способность им спекулировать предопределила политический вес Радича и его наследников в Хорватской крестьянской партии.

¹ *Marković L.* Jugoslovenska država i hrvatsko pitanje. Beograd, 1991. S. 273.

² *Marković L.* Op.cit. S. 260–270.

КОСОВО В НАЧАЛЕ XX в.: СТОЛКНОВЕНИЕ ЭТНОСОВ, РЕЛИГИЙ, ЭПОХ

Модернизация вообще и модернизация на Балканах, в особенности, — суть явления противоречивые и неисчерпаемые. Анализируя историю балканского региона с его этнической и конфессиональной чересполосицей, наглядно понимаешь всю условность и даже пагубность механического перенесения на эту почву моделей и шаблонов, пусть и прошедших апробацию в западноевропейском обществе, но от этого не ставших ни универсальными, ни однозначно прогрессивными. Сложная и противоречивая история Косово как нельзя более точно свидетельствует о специфике балканской модернизации, своеобразном и личностном понимании его жителями тех ценностей, которые стали демократическим фетишем в объявившей себя оплотом цивилизации Западной Европе.

Одной из основных отличительных черт албанского общества начала XX века являлась его крайняя отсталость даже по сравнению с соседними балканскими народами, а также значительный разрыв между общественно-культурным уровнем основной массы населения и немногочисленной национальной элиты, пытавшейся взять на себя роль выразителей интересов албанцев и организаторов и идеологов освободительного движения и в этих целях организовывавших различные культурно-национальные структуры и объединения. Среди последних следует в первую очередь выделить созданный в 1905 г. в городе Битола комитет «За свободу Албании». Его главные цели были сформулированы в первой статье устава, гласившей, что «комитет, который основан в Албании уважаемыми людьми и местными патриотами, ставит целью возродить Албанию; воспитывать чувства братства, любви, единения; открыть дорогу цивилизации путем книгопечатания; посылать людей во все концы Албании, чтобы они сеяли знания; привлекать на свою сторону горцев, разъясняя им цели комитета, и употреблять все

возможные средства ради защиты нации и спасения ее от гнета и темноты».¹ В скором времени подкомитеты Битольского комитета были созданы в других городах албанонаселенных районов Османской империи, в том числе в Косово — в Джяковице, Пече и Приштине. Они объединяли в своих рядах учителей, чиновников, крупных землевладельцев — то есть представителей той узкой прослойки носителей прогрессивных для традиционного албанского общества идей, которые в сложившейся социально-экономической ситуации могли пропагандировать и развивать национальную идеологию, пропагандирующую необходимость переустройства основ жизненного уклада албанцев.

Главным препятствием к консолидации албанского общества, складыванию системы общенациональных ценностей и идей, не позволявшим модернизационным процессам достичь даже такого весьма относительного уровня, как в соседней Сербии, выступала ее раздробленность — в том числе этническая и лингвистическая. Состоявшийся в ноябре 1908 г. в Битоле I всеалбанский конгресс попытался для начала хотя бы выработать единый алфавит для североалбанцев-гегов и южноалбанцев-тосков. В результате максимум, на что оказались способны делегаты, — это согласиться на равноправное употребление двух алфавитов — латинского и арабского («стамбульского»). Пожалуй, можно согласиться с мнением британской исследовательницы Миранды Виккерс, указавшей, что хотя это решение «трудно назвать идеальным», но оно «все же сделало возможным, чтобы материал, опубликованный на севере, мог быть прочитан на юге, и наоборот».² Оба алфавита рекомендовались для использования в школах, однако добиться реального равноправия на практике оказалось сложнее, чем принять «соломоново решение». Албанцы-мусульмане Косово с трудом воспринимали алфавит, отличавшийся от того, на котором был написан Коран, и выступали против преподавания албанского языка в школьных учебных заведениях, поскольку не видели необходимости отказываться от государственного турецкого языка. Правда, и само понятие религии применительно к Косово (как и к другим районам Балкан) приобретало свою специфику; как справедливо указывала один из ведущих российских ученых-албанистов Юлия Иванова, ислам расколол балканское общество «не по этниче-

¹ Цит. по: *Смирнова Н.Д.* История Албании в XX веке. М., 2003. С. 40.

² *Vickers M.* The Albanians. A Modern History. London, New York. P. 55.

скому признаку, а по религиозному, который в действительности был признаком социальным».¹

«Невежество» — о котором шла речь в первой статье устава Битольского комитета — в албанском обществе Косово царила действительно ужасающая. Даже не скрывавший своих симпатий к албанцам и считавший их естественными союзниками Сербии лидер сербских социал-демократов Димитрие Туцович в своих трудах по албанскому вопросу рисовал мрачную картину. В опубликованной 3 ноября 1909 г. в газете «Радничке новине» статье «Резня в Турции» он выделил в жизненном укладе албанцев следующие четыре отличительные особенности: 1. Практически полное отсутствие влияния чужой культуры; 2. Прочный родовой строй; 3. Сохранение кровной мести как основного права «для решения взаимных споров и споров с иноземцами»;² 4. Высокий уровень военной организации. «Они никогда сами не хотели подчиниться государственной власти, и турецкие чиновники давно отказались от бесполезных попыток вовлечь их в государственный организм», писал Д. Туцович³. На основании этого он сделал вывод о том, что культурная отсталость албанских племен и их внутренние распри служат препятствием для возникновения в их среде национального движения, аналогичного сербскому и болгарскому; более того, именно в силу данных особенностей их общественной жизни, к которым Туцович добавляет также «страстное желание грабежа», султан мог использовать албанцев в борьбе против вышеупомянутых движений, что не мешало ему, однако, осуществлять регулярные, но в целом бесполезные попытки на деле подчинить албанское население своей власти. Все это дало автору основания охарактеризовать Албанию как «кульминационную точку турецкой анархии и убожества».⁴

Несмотря на заявленные в уставе Битольского комитета культурно-воспитательные цели, его лидеры прекрасно понимали, что одним развитием книгопечатания проблемы албанцев решить не

¹ *Иванова Ю.В.* Албанцы и славяне: закономерно ли противостояние? // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов 15–22 марта 1999 г. Санкт-Петербург. Издательство Санкт-Петербургского университета. СПб, 1999. С. 24.

² *Туцовић Д.* Сабрана дела. Књига трећа. Београд, 1980. С. 42.

³ Там же. С. 42.

⁴ Там же. С. 43.

удастся. Уже в январе 1906 г. комитет принял решение об организации албанских вооруженных чет, призванных подготовить и поднять всеалбанское антитурецкое восстание. Однако оно вспыхнуло в Косовском вилайете лишь весной 1910 года и, несмотря на героическое сопротивление албанцев, было подавлено — не в последнюю очередь благодаря умелому использованию турецкими властями в отношении албанцев принципа «кнута и пряника» — когда военные карательные экспедиции сочетались с подкупом крупных албанских землевладельцев путем предоставления им денежных средств и государственных должностей.

Взаимоотношения Константинополя и албанцев в рассматриваемый период были неоднозначными. Турецкая власть в Косово зачастую носила номинальный характер, а реальный контроль в крае осуществляли лидеры влиятельных албанских родов. Подобная ситуация позволяла Константинополю не без успеха позиционировать себя в качестве гаранта интересов албанцев и их защитника от политической, экономической, культурной и религиозной экспансии соседних славянских государств и народов. Подобной политики придерживались и султанский режим, и пришедший ему на смену младотурецкий. С другой стороны, в Белграде также не спешили форсировать события в том, что касается освобождения Косово и его воссоединения с Сербией — однако не уставали апеллировать к великим державам с требованием заставить Константинополь уважать права православного населения своих балканских областей в соответствии со статьей XXIII Берлинского трактата 1878 г., гласившей следующее:

«Блистательная Порта обязуется ввести добросовестно на острове Крите органический устав 1868 г., с изменениями, которые будут признаны справедливыми.

Подобные же уставы, примененные к местным потребностям, за исключением, однако, из них льгот в податях, предоставленных Криту, будут также введены и в других частях Европейской Турции, для коих особое административное устройство не было предусмотрено настоящим трактатом.

Разработка подробностей этих новых уставов будет поручена Блистательной Портой в каждой области особым комиссиям, в коих туземное население получит широкое участие.

Проекты организаций, которые будут результатом этих трудов, будут представлены на рассмотрение Блистательной Порты.

Прежде обнародования распоряжений, которыми они будут введены в действие, Блистательная Порта посоветуется с Европейской комиссией, назначенной для Восточной Румелии».¹

В начале июля 1907 г. в Белграде побывал российский посланник в Софии Д.К.Сементовский-Курило. Он также имел беседу с Н.Пашичем по актуальным балканским вопросам и, в том числе, по взаимоотношениям Белграда с Константинополем. Слово дипломату: «В заключение я перевел беседу нашу на слухи о переговорах Пашича с Мюнир-пашой (турецкий посол в Париже. — П.И.) и о будто состоявшемся между Сербией и Турцией соглашении, указав на то, что такие слухи естественно могут волновать умы в Софии и тем способствовать обострению взаимных отношений. Министр-председатель самым категорическим образом отверг эти слухи и заявил мне, что он никогда не вступил бы в соглашение с Турцией против братского болгарского народа; что в своих интересах Сербия естественно должна стремиться поддерживать, особенно в настоящее время, когда недоразумения с Австрией еще не улажены, добрые отношения с Турцией; что это особенно важно для некоторых пограничных дел, и более всего в предвидении сооружения железной дороги к Адриатическому морю, мысль о которой не оставляет в настоящее время сербов и что на этой почве переговоры с Мюнир-пашой получают вполне естественное объяснение».²

Младотурецкая революция, происшедшая в июле 1908 г., и приход к власти комитета «Единение и прогресс» ознаменовали собой новый этап в развитии албанского освободительного движения. Сближение албанского национально-освободительного движения с младотурками произошло за несколько месяцев до этого — весной 1908 г. Младотурки, выдвинувшие программные требования восстановления конституции, равенства и гражданских свобод для всех жителей империи, сумели привлечь на свою сторону значительную часть албанского населения. Кроме того, в Македонии и Косово ряд членов Комитета «Единение и прогресс» установили непосредственные связи с некоторыми лидерами местных албанских революционных комитетов. В городе Дибра даже произошло их организационное объединение.

¹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 192.

² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 515. Л. 75.

А находившийся в Салониках один из идеологов албанского освободительного движения Мидат Фрашери обратился к албанцам с непосредственным призывом поддержать революцию.¹ Особую помощь младотуркам оказали албанские мусульмане. Один из них — Ахмад Ниязи-бей — уже 3 июля сформировал вооруженный отряд в составе 200 человек, готовый выступить против Абдул Хамида II. Поддержали младотурецкое движение практически все влиятельные албанские лидеры территорий вокруг Охридского озера. Представители южно-албанского города Корча также откликнулись на призыв младотурок, но, в свою очередь, потребовали в качестве условия предоставления Албании автономии. А более консервативные албанские мусульмане Косово обусловили свою поддержку сохранением фигуры султана как верховного правителя Турции.²

В конечном итоге, в свержении власти султана Абдул-Хамида II именно албанцы приняли самое активное участие — и в том числе выходцы из Косовского вилайета, традиционно являвшиеся опорой султана и служившие в дворцовой гвардии и отрядах башибузуков. Младотурки, со своей стороны, пообещали албанцам целый ряд уступок — смягчение налогообложения, подтверждение права носить оружие, разрешение на использование в школах албанского языка, наконец, предоставление им широких конституционных прав. Последнее, правда, было понятно далеко не всем. Английская исследовательница Эдит Дурхэм так описывала албанские «страсти по конституции», разыгравшиеся в портовом городе Дуррес: «Что-то таинственное и неизвестное случилось со страной. Было 27 июля, и весь Скутари [Шкодер] был взбудоражен новостями о Конституции. Что? Где? Как? Когда? Почему? — никто не знал... Все, что было известно, это слово «Конституция»... Невозможное случилось. Столетиями сдерживавшиеся эмоции вырвались наружу, и народ-ребенок с быстротой ветра был вовлечен в водоворот игры и надежд».³

«Неформальные» отношения, сложившиеся между Константинополем и албанцами, были вынуждены учитывать в Белграде и Цетинье. Там хорошо понимали всю условность албанского «антиосма-

¹ Poulton H., Vickers M. The Kosovo Albanians: Ethnic Confrontation with the Slav State. P. 143.

² Ibid. P. 143–144.

³ Durham E. High Albania. London, 1985. P. 222–223.

низма» и ненадежность албанцев в качестве возможных союзников в грядущем военном противостоянии с Османской империей — хотя объективно мечтавшие об освобождении, национальном объединении и возрождении албанцы, сербы и черногорцы имели общие интересы и общего неприятеля. Как справедливо отмечает Лиляна Алексич-Пейкович, внешнеполитические действия Черногории и Сербии в отношении Северной Албании в целом соответствовали задачам национального освобождения сербского и албанского народов, а их пропаганда рассчитывала на возникновение общего восстания против Турции с учетом тогдашних антитурецких интересов населения Северной Албании — которое, правда, также имело собственные религиозные и племенные особенности.¹

А для того, чтобы наглядно проиллюстрировать вышеприведенные особенности албанского общества Косова и протекавшие в нем в начале XX в. неоднозначные процессы, представляется как нельзя более уместным дать срез некоторых событий, происходивших почти сто лет назад в косовском городе Призрен — торгово-экономическом центре средневековой Сербии и — одновременно — месте провозглашения в 1878 г. Албанской (Призренской) лиги — впервые выдвинувшей *великоалбанскую программу объединения всех балканских земель с албанским населением в одно государственное образование*. Данные события наглядно продемонстрировали всю условность и своеобразие применения к Косово и понимания местными албанцами таких, казалось бы, универсальных принципов, как религиозная терпимость, уважение к правам и интересам других народов, презумпция невинности, наконец, само понятие конституции.

В марте 1908 года хозяйственная жизнь Призрена оказалась фактически парализованной в результате «инцидента со свиной головой». Дело было так. 15 января (2 января по старому стилю — в первый день Курбан-Байрама) над дверью одной из городских мечетей с наружной стороны была подвешена голова свиньи (неслыханное оскорбление для мусульман!). Первым ее заметил житель Призрена — слесарь по профессии и мусульманин по вероисповеданию. Он подозвал прохо-

¹ Подробнее см.: Љиљана Алексић-Пејковић. Северна Албанија у спољно-политичким плановима Црне Горе и Србије // Становништво словенског поријекла у Албанији. Зборник радова са међународног научног скупа одржаног на Цетињу 21, 22. и 23. јуна 1990. године. Титоград, 1991.

дившегося мимо турецкого офицера, который снял голову, выбросил ее в ручей и дал наказ слесарю держать язык за зубами. Однако тот проболтался, и спустя три дня, как сообщал управляющий российским вице-консульством С. Разумовский, «самые разнообразные и вздорные слухи пошли по городу». ¹ 19 января мутесариф (губернатор) провел особое совещание с участием командующего войсками Призрена, кадии, заместителя прокурора и бин-баши. Они «обстоятельно допросили» офицера и слесаря, однако те «никаких новых данных кроме упомянутого факта не могли сообщить». ²

С 4 марта в городе начали появляться албанцы из Люмы, организованные в небольшие вооруженные группы численностью в 10–15 человек. После того, как их численность достигла 200, рано утром 7 марта группа из почти 40 албанцев во главе с двумя призренскими мусульманами обошла все городские лавки — принадлежавшие как мусульманам, так и христианам — и потребовала от владельцев их закрытия. Недовольство некоторых турок — владельцев магазинов — было быстро пресечено побоями. К полудню все прибывшие албанцы вместе с примкнувшей к ним уже в Призрене огромной вооруженной толпой местных мусульман собрались в главной городской мечети для... — дальнейшее нуждается в цитировании донесения Разумовского — «выяснения условий, при которых была подвешена свиная голова на одной из призренских мечетей 2 января (15-го по новому стилю. — П.И.) текущего года. На совещании возникли разногласия между албанцами и местными турками, никакого решения не было вынесено». ³ В совещании, по данным российского дипломата, приняли участие более тысячи местных турок.

Российский дипломат вместе со своим австрийским коллегой обратились к недавно назначенному в Призрен мутесарифом Али Хайдарбею, настаивая «на принятии мер к ограждению интересов христиан». Губернатор однако, попросил дать ему возможность попытаться уладить дело путем переговоров, не прибегая пока к решительным мерам и военной силе.

На следующий день, 8 марта 1908 г., прибывшие к Призрен албанцы продолжили безрезультатные совещания, в продолжение которых

¹ АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 1099. Л. 8 (об.).

² Там же.

³ Там же. Л. 7.

городская торговля оставалась фактически парализованной. К ночи в город вошли около 50 албанцев из Подрима и Сухареки.

9 марта призренские лавки вновь не открылись. Как сообщал управляющий российским вице-консульством, «торговая жизнь города замерла; купцы несут убытки; албанцы продолжают совещание и никак не могут согласиться на требования для предъявления властям».¹

11 марта совещание наконец-то принесло результаты. В присутствии приглашенных на него пяти католиков призренской общины было принято решение возложить вину за осквернение мечети на представителей католической общины города, и потому — цитирую донесение Разумовского — «мусульманское население Призрена объявляет местным католикам бойкот, то есть прекращает с ними все торговые и частные сношения. В течение суток от названного решения католические купцы, снимавшие у мусульман под наем лавки, должны выйти из этих помещений; католикам-слугам должно быть отказано турками от мест; купля-продажа прекращается».² К мутесарифу была направлена особая депутация для объявления ему данного решения.

Российский консул не скрывал серьезности положения. По его словам «власть ничем себя не проявляет. Албанцы — фактические хозяева города. Возможно, что с приходом войск губернатор заговорит иначе, но пока он остается безучастным зрителем и успокаивает нас с австрийским консулом заверениями, что угрозы албанцев не осуществляются».

Между тем число вооруженных албанцев, приходящих из деревень, все возрастает и в данный момент (на 12 марта. — П.И.) доходит до 500. Все лавки базара уже шестой день закрыты».³

Ситуация в Призрене стала приобретать внешне нормальный облик на следующий день — 13 марта. Открылись лавки (кроме принадлежащих католикам), большинство албанцев начали покидать город (правда, за исключением своих главарей).

Однако происходившее в последующие недели в Призрене и его окрестностях с местными католиками при всем желании трудно было назвать нормализацией. 15 апреля 1908 г. коллежский асессор Разумовский сообщал в Константинополь, что история с осквернением

¹ Там же.

² Там же. Л. 9.

³ Там же.

призренской мечети сломила «вековую к ним дружбу албанцев; началось поголовное преследование фандов (католиков. — П.И.) с пожарами и разгромами их домов по всему Призренскому округу. По многим причинам австрийцы не смогли отстоять интересов покровительствуемых ими католиков, со стороны последних посыпались вполне понятные жалобы и нарекания на недейтельность моего австрийского коллеги г-на Прохаски».¹

В этих условиях развернувшийся в Призренском округе процесс перехода местных католиков в мусульманство удивления не вызывал. Причины были отнюдь не религиозные. Встревоженный австрийский консул даже направил в Селогражды — ставшее центром «омусульманивания» — священника для «увещевания». Однако Разумовский в донесении от 6 мая выразил серьезные сомнения, чтобы «уговоры патера» возымели действие. По его словам, происходившая смена религии была связана с «тяжелым положением католиков со времени объявления арнаутами бойкота... Ни присутствие Шемси-паши (прибывшего в Призрен в ночь на 13 марта из Митровицы. — П.И.), ни увеличение численности войск нисколько не помогли фандам. Шемси-паша за 2-х месячное сидение не сделал ровно ничего. Время от времени он приглашал к себе албанских главарей, давал им советы жить в мире с католиками, выслушивал отрицательные ответы и успокаивался».²

Разумовский считал, что положение католиков остается прежним: мусульмане не возобновляют с ними прерванных торговых сношений, и так как число католиков Призрена (около 250 домов) не так велико, чтобы жить самостоятельной единицей, не обращаясь за помощью к мусульманам, то результаты такого стеснения могут быть для них губительными.

«Сегодня местные католики взволновались, — говорилось в его донесении. — Неизвестным лицом был произведен, через окно, выстрел в дом австрийских сестер милосердия, где в это время находился католический священник дон Пашко. Пуля ударила в стену на расстоянии нескольких сантиметров от головы священника».³

Впрочем, и сами призренские католики были не промах. Иерархи албанской католической церкви в то время находились на щедром

¹ Там же. Л. 12.

² Там же. Л. 14.

³ Там же.

финансировании непосредственно Австро-Венгрии — по линии ее министерства иностранных дел, выделявшего им крупные денежные субсидии.¹ Средства подчас использовались на весьма своеобразные нужды.

В ночь с 20 на 21 августа в Призрене сгорел дом, расположенный во дворе местной католической церкви и служивший квартирой католическому священнику дону Николе. Последующее развитие событий вновь нуждается в цитировании российского дипломата Разумовского: «Застигнутый врасплох дон Никола не успел принять мер к недопущению сбежавшихся мусульман войти в дом, и перед глазами изумленной публики спасавшие имущество начали вытаскивать ящик за ящиком, полные маузеровских ружейных патронов. Я лично насчитал семь ящиков, но меня уверяли, что их было гораздо больше; так как в каждом ящике вмещается 1000 штук, то в общем у священника нашлось по меньшей мере 7000 патронов. На гасивших пожар турок и албанцев такой склад оружия произвел неприятное впечатление».²

Если католический священник чуть было не получил пулю в голову, то Шемси-паша удостоился более приятной награды. Очевидно, за успешное разрешение кризиса султан пожаловал ему в начале мая ранг первого дивизионного генерала (биринджи ферик) со 145 лирами месячного жалованья.³

Турецкие офицеры рангом пониже, расквартированные в Призрене, о подобных почестях могли только мечтать. Ситуация, в которой они оказались, была настолько плачевной, что вынудила их обратиться за помощью к дипломатическому представителю православной России. 23 мая они прислали к Разумовскому свое доверенное лицо, который попросил дипломата принять двух представителей от офицеров трех батальонов. Суть жалоб сводилась к следующему: «В продолжение 4^х месяцев они не получают жалованья. Многие из них сильно нуждаются и живут буквально впроголодь. На все ходатайства о высылке денег их начальство, исправно оплачиваемое, дает неизменно успокоительные обещания, и только. На такой почве возможны серьезные беспорядки. Офицеры просят помочь их затруднительному положению».⁴

¹ Краткая история Албании. М., 1992. С. 220.

² АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 1099. Л. 43.

³ Там же. Л. 14.

⁴ Там же. Л. 15.

Принять представителей Разумовский отказался, поскольку, по его словам, «не мог бы гарантировать пришедших ко мне лиц от преследования их начальников»; однако передал просьбу о содействии в выплате жалования российскому диппредставителю в Константинополе Зиновьеву.¹

Четырехмесячный бойкот католиков был прекращен лишь в середине июля. 13 июля в призренском хукумете собрались представители мусульманских общин Ипека, Дьяковицы, Приштины, Вучитрна, Митровицы, Гостивара, Тетово и Призренской казы и в присутствии губернатора приняли соответствующее решение. Однако оно явилось не проявлением доброй воли, а следствием осложнения обстановки в Феризовиче. В тот же день оттуда пришла подписанная начальником жандармерии вилайета Галиб-беем телеграмма, содержащая просьбу к вышеназванным представителями придти немедленно в Феризович и привести с собой полторы тысячи вооруженных албанцев. 14 июля Разумовский сообщил в Константинополь: «Сегодня утром ушли старейшины, за ними потянулась масса албанцев Призрена, Дьякова и окрестностей. Ипекцы посылают пока 20 человек, оставаясь на страже границы».²

Тем временем грянула младотурецкая революция с ее главным демократическим лозунгом — требованием конституции. Утром 30 июля 1908 г. Али Неджет-эфенди с двумя офицерами прибыл в сербскую митрополию Призрена, где уже собрались духовные и светские лидеры сербской общины города. Вот как описывает дальнейшее Разумовский:

«Али Неджет заявил сербам, что мусульмане Призрена предлагают сербам забыть о прежних обидах и распрях, — бывших следствием старого режима, от коего страдали и турки, — и поклясться на евангелии, что отныне местные сербы будут стоять за родину и нацию... вместе с мусульманами как братья... и что они (Али Неджет и 2 офицера) тоже поклянутся от имени мусульман на Коране быть верными братьями для православных во всех делах, защищать их и жестоко наказывать обидчиков мусульман, буде таковые нашлись бы. Затем произошел торжественный обмен клятв, и при уходе на прощание все три мусульманина поцеловали руку о.наместника. Аналогичные затем

¹ Там же.

² Там же. Л. 16.

церемонии произошли в греческой школе с греческой общиной и в католической церкви с католиками».¹

Албанское население восприняло младотурецкую революцию и ее декларации о конституции по-своему. 11 августа 1908 г. Разумовский доносил в Константинополь: «Главари албанцев, бывших на июльском собрании в Феризовиче, смогли добиться согласия всей албанской массы на поддержку требования конституции лишь путем обмана. Массе объяснили, что конституция означает отмену светских судов, европейского контроля и прочное установление шариата.

В результате такого обманного толкования получилась благодатная почва для возбуждения массы отдельными единицами, самолюбие коих было задето потерей их бывшего всеислия и переходом авторитета в руки младотурецких комитетов».²

События в различных уголках региона развивались словно бы по одному сценарию, в Ипекском санджаке — албанское население которого до того не знало ни воинской повинности, ни государственных налогов, уже с 20 июля стали раздаваться голоса против изменения вековых порядков страны. Инициативу взял на себя албанский разбойник из Дьякова Хассан Шлак. Он пригласил себе на помощь также албанцев Малесии, и 28 июля (10 августа по новому стилю) послал глашатая объявить по городу, что, в силу Феризовической бесы (клятвы), отныне отменяются в Дьяковской (Джяковицкой) казе так называемые «адлие» (светские судебные установления) и все органы какого бы то ни было европейского контроля над шариатом; остается лишь кади, который будет судить и рядить по предписаниям Корана. Как свидетельствовал Разумовский, «уже были приготовлены телеги для джеза реиси (председатель уголовного суда), прокурора и членов суда (аза).

На вопрос председателя, не выгоняется ли он с товарищами по личной неприязни, албанцы ответили, что изгоняется вообще непригодное для них учреждение, против же данного состава суда они не имеют возражений, и в подтверждение своих слов выдали изгоняемым соответствующую бумагу. Изгнанники прибыли в Призрен.

Каймакам Дьякова бежал в Ипек, так как ему дали понять, что и его пребывание излишне. Полиция тоже бежала».³

¹ Там же. Л. 28.

² Там же. Л. 37.

³ Там же. Л. 38.

Неудивительно, что на призренских младотурок развитие ситуации в Дьякове произвело тяжелое впечатление; тем более, что, как выяснил российский дипломат, «в Ипекке аналогично с Шлаком действует Зейнель-бег, причинивший уже и раньше много бед сербам. С своей шайкой он держит и мутесарифа и город во власти и ничего не будет невероятного, если и из Ипека будут изгнаны светские суды».¹

Впрочем, в Ипекке присяга албанцев на верность конституции прошла гораздо спокойнее. 18 августа в город прибыла младотурецкая депутация из города Бераны в составе шести офицеров, двух мулл и одного серба. Население устроило прибывшим торжественную встречу, и к вечеру город был иллюминирован. Что касается самого торжества демократии на ипекской земле, то она, по свидетельству Разумовского, прошла следующим образом: «После долгих и трудных переговоров беранцы убедили албанских главарей Ипека поклясться в верности конституции. 6 августа [19 августа по новому стилю], сперва Зейнель-бег, самый непримиримый враг сербов произнес заклинательную формулу на Коране, в мечети, за ним последовали все его единомышленники; уломать меньших разбойников было легче.

Сербы приносили присягу в церкви, мусульмане в мечетях».²

2 сентября 1908 г. Разумовский направил в Константинополь целую серию донесений, поднимающих проблему положения призренских сербов. По его словам, в конце августа сербы создали особый комитет под председательством секретаря православной митрополии, в задачу которого входила подготовка к провозглашенным младотурками выборам. Актуальность подобной подготовки была, по словам российского дипломата, продиктована тем, что в последнее время стало заметным «стремление мусульманской черни освободиться от занятия христианами каких бы то ни было служебных должностей».³ Ярким примером стала история с отстранением от должности единственного офицера призренской полиции — христианина-сербя Петра Алюшича по наущению призренских мусульман, обвинивших его в том, что «он, якобы, во время производства ареста одного турка, поносил Пророка и говорил об окончании мусульманских насилий над христианами».⁴

¹ Там же.

² Там же. Л. 50.

³ Там же. Л. 58.

⁴ Там же.

1 сентября — осуществляя расследование по жалобе одного из призренских сербов — Алюшич попытался арестовать турка, нашедшего убежище в мусульманском квартале города. «Дерзость серба, — писал Разумовский, — рискнувшего войти в мусульманский квартал для поисков виновного турка, вызвала дружный отпор всего квартала; виновный, конечно, не был выдан, а депутация мусульман, по наущению полицейского Реджеба-эфенди, обратилась в хукумет с жалобой, что Алюшич, будто бы, поносил Пророка и говорил об окончании мусульманской власти над христианами».¹ Мусульманская депутация потребовала от Салиха-паши немедленно изгнать полицейского-серба, что, в конечном итоге, несмотря на возражения главы хукумета, и было сделано.

«Здесь положительно устанавливается царство черни, — писал Разумовский, — и если офицеры не наложат железной руки на всю местную безудержную массу турецких и албанских бродяг и проходимцев, резня неизбежна. Никто из чинов хукумета не может быть гарантирован от изгнания, да не только чины хукумета, но и консульские агенты, в случае требования многотысячной вооруженной толпы, вынуждены будут покинуть город. Ведь, черню так легко вертеть в разные стороны, а любители такого опыта находятся повсюду».²

«Жертвой своеволия черни — сообщал также Разумовский — сделался, равным образом, местный казначей (муасебеджи), младотурок Али Неджет, проявивший большое влияние и умение при улаживании дел между христианским и мусульманским населением города. Недовольные этим влиянием лица обвинили Али Неджета в умышленном задержании жалованья, причитающегося жандармам и полиции, когда же эти попытки не увенчались успехом, то они, при содействии толпы мусульман, ворвались в дом Али Неджета, схватили его» и «через город с насмешками и издевательствами вывели на дорогу к Феризовичу».³ Поводом послужило отсутствие казначея 1 сентября на приеме в хукумете по случаю годовщины восшествия на престол турецкого султана. В тот же день — 1 сентября — по представлению учеников турецкой гимназии был снят с должности и также изгнан черню из города ее директор. Разумовский описал последнее собы-

¹ Там же. Л. 56.

² Там же.

³ Там же. Л. 58.

тие следующим образом: «Ученики представили комитету подробное прошение с целым рядом обвинений директора, по их мнению, человека ленивого, небрежного и нечестного. Шериф эф[енди] высказал неодобрение по адресу директора, нашлись приспешники, подстрекнули мусульманскую чернь, и директор с поразительной быстротой был изгнан из города».¹ Одновременно Призрен был вынужден спешно покинуть и старший секретарь Али Неджет-эфенди — вообще без всяких видимых причин.

История с изгнанием Али Неджет-эфенди имела свое продолжение. Она вызвала серьезный раскол в рядах местного младотурецкого комитета и несла более серьезную угрозу. Два влиятельных призренца — албанец Дестан Кабаш и турок Расим-ага, поддержанные несколькими офицерами и частью ставшей уже знаменитой призренской черни — решили убить председателя младотурецкого комитета Шерифа-эфенди «за превышение полномочий».² «Встреча сторон» произошла во дворе хукумета, причем и сам Шериф-эфенди, и его противники привели с собой вооруженных приверженцев. Столкновения удалось избежать в последний момент. Спасло ситуацию обращение Шерифа, заявившего, что он стоит за султана и конституцию, в то время как изгнанный Али Неджет пренебрег праздником в честь султана и не явился 1 сентября в хукумет — и потому любой, кто, также как и глава младотурецкого комитета, стоит за султана и конституцию, должен отречься от Али Неджета.

8 сентября Шериф-эфенди сообщил Разумовскому через одного призренского серба о желании поведать дипломату «кое-какие сведения по поводу неладов в комитете».³ Тот послал на встречу своего драгомана, которому Шериф-эфенди рассказал следующее:

«Ему, как председателю младотурецкого комитета, было бы в высшей степени желательно правдивое и соответствующее истине освещение сведений, исходящих из русского В[ице]-консульства. Ему на своих плечах исключительно пришлось вынести всю тяжесть переговоров с албанцами на конференции в Феризовиче, и он головою своей поклялся в том, что конституция отнюдь не исключает султана. Все его, Шерифа, слова и действия неусыпно контролируются высшими

¹ Там же. Л. 54–55.

² Там же. Л. 63.

³ Там же.

и низшими албанцами и в случае нарушения им клятвы его беспощадно убьют. Вот почему он вынужден был 19 августа [1 сентября по новому стилю] публично заявить, что если муасебеджи не признает султана, то и комитет не хочет знать муасебеджи, и если бы в то время он, Шериф, хоть единым жестом выразил колебание, он подписал бы себе смертный приговор. Что касается директора гимназии, он был изгнан главным образом за свои непочтительные выражения по адресу султана, жалоба учеников была только случайным совпадением.

Дестан Кабаш и Ресим-ага, продолжал Шериф, лишь креатуры чьих-то искусных рук (слово «Австрия» не было произнесено), которым выгодны и милы волнения в Албании; но лица, сеющие теперь зло и вражду среди новой молодой организации, сильно обманываются в своих расчетах, так как у него, Шерифа, достаточно силы.

В заключение Шериф поручил драгоману передать мне, что местный комитет отлично понимает отсутствие у России оккупационных стремлений по отношению к Македонии и что охрана жизни и собственности сербов в этих краях служит особою заботой местного комитета».¹

На этом мы пока завершаем путешествие в Косово столетней давности. Какой неповторимый колорит, какое кипение страстей — и какая балканская специфика того рутинного и скучного процесса, который в Европе принято называть «модернизацией»!

¹ Там же. Л. 63–64.

**«МЕТАНАСТАСИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ»,
«КУЛЬТУРНЫЕ ПОЯСА»
И «ПСИХИЧЕСКИЕ ТИПЫ»
ЙОВАНА ЦВИИЧА В СВЯЗИ
С БАЛКАНСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИЕЙ**

В данной статье пойдет речь о некоторых теоретических разработках выдающегося сербского географа и этнографа Йована Цвиича (1865–1927)¹. Древнее греческое слово *μετανάστας*, означающее «переселение, выселение», составило в работах ученого весьма удачный термин — «метанастасические движения». Концепция «метанастасических движений», а также выделенные и описанные Цвиичем «культурные пояса» («зоны цивилизаций») и «психические типы» имеют большое значение для историко-этнографических исследований и, как мы считаем, открывают путь адекватному и эффективному

¹ Библиография о Й. Цвииче обильна. См., например: У спомен тридесетогодишњице смрти Јована Цвијића / Уред. П. Јовановић. Београд, 1957; *Радовановић В.* Јован Цвијић. Београд, 1958; Цвијићев зборник у спомен 100. годишњице његовог рођења / Уред. М. Лутовац и др. Београд, 1968; Спомен-ца посвећена стогодишњици рођења Јована Цвијића. Београд, 1970; Научно дело Јована Цвијића / Уред. Р. Лукић и др. // САНУ. Научни скупови. Књ. 11. Председништво. Књ. 2. Београд, 1982; *Чубриловић В.* Живот и рад Јована Цвијића // Цвијић Ј. Сабрана дела. Књ. 1. Карст (Географска монографија). Нови резултати о глацијалној епоси Балканског полуострва / Одг. уред. акад. П. Стевановић. Београд, 1987. С. 13–156; *Васовић М.* Јован Цвијић. Научник. Јавни радник. Државник. Нови Сад, 1994. На руском језику см. *Токарев С. А.* Проф. Јован Цвиич (К 35-летию со дня смерти) // Славянский архив. Сборник статей и материалов / Отв. ред. С. А. Никитин. М., 1962. С. 95–116; *его же*, Научная методология Йована Цвиича и антропогеографическое направление в западноевропейской науке // Научно дело Јована Цвиича... С. 353–364.

анализу современных процессов на Балканском полуострове. Кроме того, обращаясь к упомянутым теоретическим разработкам, можно, как мы надеемся, показать социально-культурные рамки балканской модернизации.

Как известно, европейская научная мысль сыграла решающую роль в становлении балканской антропогеографии. Разработанный в Германии антропогеографический метод (Ф. Ратцель и др.) проникает в сербскую географию на рубеже XIX–XX вв. Затем в первой четверти XX в. здесь укрепляются позиции французской географической школы — «géographie humaine» (П. Видаль де Ла Блаш и др.). Во всем этом времени отражается исполинская фигура Й. Цвиича¹. Верна формулировка Б.Ж. Милоевича: «географическая наука у югославов развилась и достигла высшей точки в трудах Цвиича. <Он> много занимался изучением народа. По его указаниям собраны обширные материалы о переселениях, происшедших в югославском населении во время турецкого владычества»².

¹ Изучавший географию в Вене Й. Цвиич с 1893 г. преподавал в Белградском университете. Почетный доктор Сорбонны с 1924 г., он читал там лекции в 1917–1918 гг. по приглашению главы французских географов Видаля де Ла Блаша, а также в зимний семестр 1924/1925 гг. В 1918 г. в парижском «Librairie Armand Colin» вышла его «толстая» монография «La Péninsule balkanique. Géographie humaine» («Балканский полуостров. Человеческая география»), что сделало построения сербского ученого в полном объеме доступными европейской публике. Например, П. Видаль де Ла Блаш в своих «Принципах человеческой географии» трижды ссылается на эту книгу (*Vidal de La Blache P. Principes de Géographie humaine publiés d'après les manuscrits de l'Auteur par Emmanuel de Martonne. Paris, Librairie Armand Colin, 1922. P. 42, 90, 188*). Историк Л. Февр в «Земле и человеческой эволюции» допускает четыре ссылки на Цвиича (*Febvre L. La Terre et l'Évolution humaine. Introduction géographiquе a l'histoire. Paris, 1938. P. 254, 282, 285, 368*). Во Франции Цвиич имел авторитет «геолога и географа», руководившего работами по человеческой географии в Сербии еще в довоенный период (*Brunhes J. La géographie humaine. Essai de classification positive, principes et exemples. Paris, 1910. P. 214 прим.*). Нельзя не упомянуть о деятельности Цвиича в качестве научного эксперта Антанты. В 1916 г. увидели свет его «Questions balkaniques», а в 1919 г. на Парижской мирной конференции Цвиич являлся председателем Этнографическо-исторической секции при югославской делегации.

² Милоевич Б. Ж. Географическая наука у югославов // Известия Всесоюзного Географического Общества. Вып. 1. М.-Л., 1948. С. 93.

Говоря об этих переселениях и «изучении народа» вообще, трудно переоценить значение двух трудов Цвиича, между публикацией которых лежат два десятилетия. В первом из них — «Антропогеографические проблемы Балканского полуострова» (1902) — Цвиич отмечает, что «задача наших исследователей изучить согласно Руководствам новые миграции, их влияние на структуру населения Балкан и жизнь поселений»¹. При этом, как считает ученый, при этнографическом изучении народов Балканского полуострова следует учитывать «культурные пояса» — территории влияния различных культур². Во второй работе — «Метанастасические движения, их причины и последствия» (1922) — вводится понятие «метанастасических движений». Это продолжающиеся с конца XIV в. переселения, в результате которых «в значительной степени изменилось расположение народов на Балканском полуострове»: «Во многих областях одно население сменилось другим, имеющим иные особенности, часто другой диалект, а иногда и другой язык. Население, разнородное вследствие миграций, испытало скрещивания, и совершились различные этнические и этнобиологические процессы, во многом изменившие этнический тип отдельных областей — часто прежний местный или исторический средневековый народный тип исчезал, и появлялась новая этническая амальгама»³.

¹ *Цвиич Ј.* Антропогеографски проблеми Балканскога Полуострва // Српски етнографски зборник. Књ. IV. Насеља српских земаља. Расправе и грађа. Књ. 1. Београд, 1902. С. CLV. См. полностью раздел «Миграције и порекло становништво» на с. CLIV–ССХI. Упомянутые Руководства (Упу(т)ства) — детальные инструкции-вопросники Й. Цвиича для антропогеографической работы с населением, использовавшиеся его последователями с 1896 г.

² Там же. С. XXXVII.

³ *Цвиич Ј.* Метанастазичка кретања, њихови узроци и последице // Српски етнографски зборник. Књ. XXIV. Насеља српских земаља. Расправе и грађа. Књ. 12. Београд, 1922. С. 3–4. В действительности, эта работа представляет собой главу из упомянутой монографии Цвиича «La Péninsule balkanique. Géographie humaine» (1918). Книга эта была написана вдали от родины в весьма трудных условиях. Автор выразил в предисловии надежду на второе, более полноценное, издание. Увы, надежда эта не сбылась. В 1922 г. был опубликован сербский перевод первой части монографии, а в 1931 г., уже после смерти Цвиича, второй ее части. Только в 1966 г. первая и вторая части были изданы вместе под названием «Балканско полуострво и јужнословенске земље» (переиздано в 1987).

Наконец, следует упомянуть второй том фундаментального труда Цвиича «Балканский полуостров», имеющий название «Психические особенности южных славян» и посвященный сложнейшей проблеме классификации и анализа южнославянской ментальности¹.

Как мы видим, изучить «метанастасические движения», «культурные пояса» и «психические типы» означает получить картину сложных социально-культурных процессов, развернувшихся на Балканах со времени утверждения здесь турок. Так как рассматриваемые нами концепции Цвиича не получили должного освещения в российской научной литературе, представим здесь некоторые его размышления на эту тему, совершенно не намереваясь предложить какой-либо реферат указанных трудов сербского ученого, представляющих собой, если прибегнуть к английскому выражению, «high yield» — «высокую выработку»².

В работе 1902 г. звучит тезис Цвиича о том, что с конца XIV в. направление миграций на полуострове изменилось с юга и юго-востока на север и северо-запад. Яркий пример этих переселений — «Велика сеоба» сербов 1690 г. Кроме экономических, политических или культурных причин переселения называются кровная месть и изменение политических границ, когда определенная часть жителей уходила в «освобожденные земли»³. Выделяются земли «активные» (те, которые «отдают» население и где много старых жителей, например, Герцеговина или Македония), «пассивные» (конечная цель переселенцев, например, Шумадия или Болгария) и «смешанного типа» («отдают» и «получают» население примерно в равной степени, например, Стара Рашка или Босния)⁴. Введено понятие «транзитных земель», ярким

¹ Цвијић Ј. Балканско полуострво и јужнословенске земље. Основи антропогеографије. Књига друга. Психичке особине Јужних Словена. Београд, 1931. Мы цитируем издание 1987.

² Обращаясь к публикации 1922 г., мы не касаемся главы, отведенной причинам метанастасических движений, и главы, посвященной их последствиям, чтобы не увеличить объем статьи. Они содержат интереснейший этнографический материал, в частности, прекрасные страницы о формировании несколькими волнами переселенцев населения Лозницы, родины Цвиича (Цвијић Ј. Метанастасичка кретања... С. 54–56). Также мы не задерживаемся на характеристике «культурных поясов» и «психических типов», что требует специального и многолетнего исследования.

³ Цвијић Ј. Антропогеографски проблеми... С. CLXIV–CLXXII.

⁴ Там же. С. ССХ.

примером которых стал для Цвиича Нови-Пазарский санджак (пути с адриатического побережья во внутренние районы полуострова)¹.

Заслуживает внимания замечание Цвиича о том, что миграции способствуют ментальному «скреплению» разных территорий между собой и могут обусловить политический интерес к определенным землям (один из примеров здесь — Македония)². Цвиич отмечает то, как хорошо люди помнят имевшие место миграции, особенно в северо-западных краях (Черногория, Герцеговина, большая часть Боснии). Но и в Македонии очень крепкая народная память (помнили о семьях, отселившихся в Сербию сто лет тому назад)³. С другой стороны, по наблюдению Цвиича, прибывшие в шумадинские села македонцы настолько уподобились местным жителям, что теперь их совершенно невозможно отличить от шумадинцев (последние, однако, продолжают называть тех «цинцарами»)⁴.

В труде 1922 г. Цвиич различает «родную землю» и «землю колонизации», а также «промежуточную, или этапную землю», на которой переселенцы могли оставаться некоторое время с тем, чтобы после продолжить свой путь. Важно, что участники «метанастасического движения», как правило, предварительно располагают весьма подробной информацией о той территории, куда стремятся⁵. Выделен «инверсный» тип переселений, связанный с «обратным» движением — возвращением мигрантов в родные края («земля матица»), как, например, в 1913 г. образовался «инверсный поток» из моравской Сербии в Косово, Метохию и Вардарскую Македонию⁶. Появляются понятия «метанастасических областей» (много переселенцев, разнородность населения, например, моравская Сербия, Далмация, Славония, Срем) и «аметанастасических областей» (мало переселенцев, характерны в основном внутренние перемещения, например, шопская область, Словения, Южная Македония)⁷. Цвиич пишет, что менее всего испытали на себе метанастасис мусульмане Боснии и Герцеговины, а также Нови-Пазарского санджака. Именно у них больше всего старинных родов («старинци»). Наиболее

¹ Там же. С. CLXL.

² Там же. С. CLXLIV–CLXLV (прим. 3).

³ Там же. С. CLVII.

⁴ Там же. С. CLXIII.

⁵ Цвијић Ј. Метанастазичка кретања... С. 4.

⁶ Там же. С. 21–22.

⁷ Там же. С. 13.

сложный, с «метанастасической» точки зрения, регион — Сербия, в которой представлены «потоки»: динарский, косовско-метохийский, моравско-вардарский, а также, впрочем, слабее, шопский и инверсный¹.

В 1902 г. Цвиич определяет следующие направления или «потоки» («струје») миграций:

- **«Западный поток»** (в котором выделяются «рашко-черногорское» и «герцеговинско-боснийское» направления) — из Герцеговины, Черногории, Нови-Пазарского санджака, Боснии в Стари Влахи, Шумадию, Валеvскую область и Подринье. Прибывшие из этих краев получали на новом месте разные названия. Выходцев из Старой Рашки («рашане») в Шумадии признавали за «арнаутов», и потому существовали здесь «арнаутские концы» сел («арнаутска мала»). Прибывших из Македонии звали «цинцари», из южной Сербии — «бугари», «из прека» (т. е. с территории Австрийской монархии) — «швабами», ужичан — «эрэ». Остальных называли по областям: «херцеговцы», «бошняци», «сьеничане», «косовцы». Из области Лика («личане») приходили всегда по одному, не группами, выполняя поденную работу, а со временем формировались «личке» или «хрватске мале»²;

- **«Моравский поток»** — прежде всего, из Косово и Скопско, а также из Македонии в долины р. Морава и ее притоков. Представляет интерес замечание Цвиича о том, что на северные склоны горы Ястребац переселенцы из Тетовской области (Полога) пришли со своей «положской» яблоней³;

- **«Косовский поток»** (переселенцы из Косово и Призренской области) найден Цвиичем в Восточной Сербии (села возле Заечара, Браничево) и т. д. Любопытно, что в начале XX в. здесь жило немало семей, члены которых владели сербским и влашским, помнили косовскую историческую традицию и говорили, что пришли сюда из Румынии. Некоторые называли при этом не Румынию, а Россию, но утверждали, что они из Косово⁴.

В 1922 г. Цвиич называет четыре главных направления миграций для западных и центральных областей Балканского полуострова⁵:

¹ Там же. С. 13–14.

² Цвиич Ј. Антропогеографски проблеми... С. CLXXXII–CLXXXIII (прим. 1), CLXXXIV (прим. 1).

³ Там же. С. CLXXXVII (прим. 1).

⁴ Там же. С. CLXXXIX.

⁵ Цвиич Ј. Метанастазичка кретања... С. 5–11.

1. **«Динарский поток»** — с территории средневековой Рашки, Зеты, но особенно из Герцеговины, Черногории, Сьеницы в подринские края и Шумадию, а также на север (в Боснию и др.);

2. **«Косовско-метохийский поток»** — с территории между Скадаром и Копаоником, из Зеты, Метохии, Призренской области и Косово в Моравскую Сербию, а еще раньше в Шумадию;

3. **«Вардарско-моравский», или «южный поток»** — с территорий севернее Демир-Капии, особенно из Прилепа, Битола, Охрида и Дебара на север долинами Вардара и Моравы, в т. ч. в Белград;

4. **«Поток», пересекавший Саву и Дунай** — на основе косовского и вардарского потоков, а также населения моравской Сербии (Смедерево, Пожаревац и др.) через Саву и Дунай этот «поток» «разливался» по Паннонской низменности. В XVI–XVIII вв. состоялось 8 главных перемещений («сеобе») — в Банат, Бачку, Срем, Славонию, Северную Венгрию. Кроме того, чисто динарский «поток», минуя Сербию, выводил в Славонию, Хорватию, Штирию, Крайну, Бачку и Баранью жителей Боснии и Герцеговины, а также «рашан» и черногорцев. Католики из различных балканских областей достигли, следуя этим маршрутом, Бараньи и Бачки («шокцы»), северной Бачки («буньевцы», из Герцеговины).

В отношении албанского «метанастасиса» Цвиич выделяет в 1922 г. четыре «потока»¹:

1. **«Малисорский поток»** — переселение албанцев-малисоров из долин горного хребта Проклетие в Косово и Метохию, а также на запад от Нови-Пазара;

2. **«Дукагинский поток»** — жители областей Мирдита, Мати и Люра в шар-планинские жупы, Призренскую область, Косово и Метохию, до Лесковаца в долине Южной Моравы. Здесь Цвиич упоминает любопытную деталь. Следуя за сербскими переселениями, часть албанцев в 30-е гг. XVIII в. направилась на север, но около Валево их почти всех истребили турки. Спасшиеся семьи сумели перейти Саву, поселились в сремских селах Никинци и Ртковци (Хртковци) под Сремскими Карловцами и были впоследствии ассимилированы хорватами².

¹ Там же. С. 16–18.

² В «Балканском полуострове» их ассимилировали «хорваты и сербы» (Цвиич J. Балканско полуострво // Сабрана дела. Књ. 2. Београд, 1987. С. 137).

Со своей стороны, отметим, что переселенцы были из фиса Клементи (Kellmendi) и поселились в сремских селах, вероятно, в конце 30-х гг. XVIII в. Это были, по всей видимости, католики. Некоторые из их потомков, родственники Карагеоргия, как рассказывают, по специальному распоряжению властей вынуждены были изменить фамилию¹.

3. «Шкумбинский поток» — население центральной Албании древним путем Via Egnatia попадало в Македонию. Вне Via Egnatia, севернее Струги и Охрида, пастухи перешли р. Црни Дрим и высокие горы, усиливая албанское присутствие в горных областях возле Дебара и ассимилируя местное славянское население. Они также спустились в Тетовскую котловину, окрестности Скопье, достигли Куманово, а разрозненными группами р. Вардар;

4. «Поток тосков» — православные албанцы южной Албании и Эпира в центральную Грецию и Пелопоннес (самая большая албанская миграция).

Как можно заметить, вопрос об албанском этническом влиянии вызывает большой интерес сербского ученого.

В 1902 г. он отмечает процесс албанизации сербов в Косово и Метохии — рост так называемых «арнауташей», как православные называют там албанизированных сербов². Еще более разнообразны «этнографические процессы» в Македонии, влияние на которые оказывает и большое количество мухаджиров (беженцев-мусульман) из Сербии, Болгарии, Боснии и Герцеговины и Черногории. Цвиич подчеркивает исключительное значение недавних албанских переселений в западную часть <географической> Македонии (прежде всего, в Тетовскую область, а также в Гостиварский край, Охридский и Преспанский край, Кичево, Поречье). Перемещение албанцев совершается на пространстве от Корчи до Скопье, вследствие чего «*смещается на восток этнографическая граница между славянами и албанцами*»³. Цвиич предлагает читателю сделанные во время поездок по Македонии заметки, в которых представлена яркая картина албанского «метанастасиса»⁴.

¹ Интервью с проф. М. Корачем в г. Панчево (Сербия) 28 июля 2003 г. Согласно информанту, произошла смена фамилии Карагеоргиевич на Петрович.

² Цвијић Ј. Антропологеографски проблеми... С. CLXLIX–CC.

³ Там же. С. CCIV.

⁴ Там же. С. CCV–CCIX.

«Этнографический процесс» в западной части Македонии, который застал Цвиич, вкратце можно представить следующим образом:

1. Горные села, расположенные на склонах горы Шар, заняты албанцами, а в Тетовской котловине пока сохраняется большинство славянского населения (в отличие от Горнего Полога, где из-за близости Дебара более половины жителей — албанцы);

2. Шарские албанцы не знают «сербского»¹, но почти все тетовские славяне (в большинстве своем мяки) говорят по-албански, мужчины носят арнаутскую одежду, знают арнаутские песни, перенимают в какой-то степени их образ жизни и труда;

3. Заработки («гурбетлук») — чрезвычайно распространенное явление и у славян, и у албанцев (вследствие этого в шарских селах в 20–30 раз больше женщин, чем мужчин). В дальних краях (Сербия, Болгария, Стамбул и др.) они кондитеры, мясники, строители и т. д.

Как полагает Цвиич, албанцы стали населять Полог не так давно (около середины XVIII в.). Они мусульмане, однако некоторые пришли сюда католиками. Албанскую миграцию Цвиич называет «почти мирной и тихой», это «устойчивый процесс» — «будто эта раса <простим лексикон XIX в. — Р.И.> в последние два столетия получила какую-то особенно сильную жизненную силу и экспансивную мощь»².

Первоначально албанцы заняли горные села. «Вестниками миграции» были албанские разбойничьи шайки, отнимавшие скот, разорявшие становища на горных пастбищах, т. е. наносившие удар по сложившейся системе хозяйствования. Одновременно в славянских селах появлялись албанские семьи, которые затем приглашали к переселению своих родственников и соплеменников. Кроме мотива лучших и более просторных пастбищ, свою роль здесь сыграла, по наблюдению Цвиича, важная психологическая особенность — готовность прийти на помощь людям своего «братства» или «племени», как бы далеко те не находились.

¹ Другие впечатления о Пологе вынес, например, А.М. Селищев, писавший о том, что многие болгары владеют албанским языком, многие албанцы хорошо говорят по-болгарски» (Селищев А.М. Македонские кодичи XVI–XVIII веков. Очерки по исторической этнографии и диалектологии Македонии. София, 1933. С. 31, см. также его Полог и его болгарское население. София, 1929). Нет нужды останавливаться здесь на сербско-болгарской дискуссии в отношении македонских славян.

² Цвиич Ј. Антропогеографски проблеми... С. ССVI.

Точно таким же образом вытесняя славянский элемент, албанцы спускаются из шарских сел в Тетовскую котловину. Чаще всего, это переселенцы из Дебара, Мати, Дукагина, Мирдиты, Косово и Призренского края (а именно шарских жуп — «арнауташи»). Похищения детей и взрослых с целью выкупа и общая экономическая нестабильность (прежнему населению становится опасно заниматься скотоводством, обработкой удаленных от села нив) стимулируют переход к системе заработков и последующему отселению из ставшего уже албанским села¹.

Описание этого своеобразного этнического «выдавливания», свойственного для Метохии, Косово, Тетовской, Дебарской и Кичевской областей, Поречья вошло и в труд Цвиича 1922 г. Однако той впечатляющей картины «тихой» экспансии албанцев в западной части Македонии, которая была нарисована в 1902 г., мы уже не найдем. Цвиич жил в другой, большой стране — Королевстве сербов, хорватов и словенцев, имеющей много иных сложных проблем². В любом случае, подчеркнем, что в приведенных здесь наблюдениях Цвиича нет ничего враждебного по отношению к албанцам. Их «метанастасис» занимает ученого как интересный этнологический феномен, который очень важен еще и потому, что одновременно с ним происходит *выселение славян* с рассматриваемых территорий. Причины этого Цвиич видит в традиции населения северной части Македонии участвовать в больших переселениях («велике сеобе»), а также в характерных для Македонии заработках («заработки, хоть и по отдельности, постепенно, но постоянно уводят население с родной земли»³).

В 1902 г. Цвиич выделяет четыре главных «культурных пояса», или «культурных круга»⁴:

¹ Там же. С. CLXXI (прим. 1).

² Тем не менее, в последнем абзаце этого труда Цвиич отмечает: «Много сербского населения увели с юга на север метанастасические движения. В некоторых областях (Метохия, Косово, Скопский край) остались пустоты, ослабили проявления сербского образа жизни и духа. Вследствие этого, наряду с другими причинами, произошло проникновение албанцев в центры древней сербской государственности» (Цвијић Ј. Метанастазичка кретања... С. 87).

³ Цвијић Ј. Антропогеографски проблеми... С. ССIX.

⁴ Там же. С. XXII–XXXVII (раздел «Культурные пояса Балканского полуострова»).

1. **«Византийско-аромунский»**, или **«византийско-цинцарский»** (Фракия, Восточная Румелия, Македония, Греция и Эпир, самые южные части Албании, долина Моравы в Сербии, черноморское побережье Болгарии), совпадающий с областью средиземноморского климата. Носители этой культуры в основном греки и цинцары;

2. **«Патриархальный»** (Босния и Герцеговина, Черногория, северная, центральная и горная южная части Албании, Сербия, северная часть Болгарии без восточного побережья)¹;

3. **«Итальянский»** (западное побережье Балканского полуострова);

4. **«Центральноевропейский»** (Посавье и Подунавье в Сербии, многие сербские вароши, особенно вдоль железной дороги)²;

Цвиич отмечает также «турецкие культурные влияния», или **«турецкий культурный пояс»** (исламское население, прежде всего, турки-выходцы из Малой Азии — «османлии»).

В статье «Культурные пояса Балканского полуострова», опубликованной в 1918 г. на английском и французском языках³, Цвиич употребляет иные названия «кругов», например, «пояс измененной византийской культуры» вместо «византийско-цинцарского» или «пояс западной культуры» вместо «итальянского» и «центральноевропейского», но это никак не затрагивает сущность концепции 1902 г., представленной также в отдельной главе книги «Балканский полуостров»⁴.

Большую ценность данной классификации Цвиича признавал наш известный этнограф С. А. Токарев: «В особую заслугу надо поставить Цвиичу и его смелую попытку широкого историко-этнографического

¹ Генетически связанный с общественной организацией ранних славян, этот «патриархальный режим», по мысли Цвиича, значительно от него отличается. Поэтому ученый уточняет, что имеет в виду «новый патриархальный режим».

² Цвиич пишет, что «в большинстве сербских варошей все еще идет едва заметный, но лютый бой между византийско-цинцарской и центральноевропейской культурами, сопровождающийся многими экономическими явлениями, изменением мировоззрения, особенно моральных представлений» (Цвиич J. Антропогеографски проблеми... С. XXXV).

³ Цвиич J. Културни појаси Балканскога полуострва // Цвиич J. Сабрана дела. Књ. 3 (т. 1). Говори и чланци / Одг. уредник Р. Лукић. Београд, 1987. С. 71–81.

⁴ Цвиич J. Балканско полуострво... С. 116–126. Здесь при большом сходстве со статьей 1918 г. употребляется и термин «цивилизация», например «измененная византийская цивилизация».

синтеза... Ближайшая терминологическая аналогия «зонам цивилизации» может быть найдена разве лишь в понятии «историко-этнографической области», употребляемом советскими этнографами, — но они не доработаны до такой степени точности, как у Цвиича¹.

Сюжетом, равным по значению «албанскому метанастасису», для Цвиича был «македонский вопрос», при изучении которого ученый широко пользовался антропогеографической методологией и, прежде всего, понятием «культурных поясов»².

В работе 1902 г. говорится, что вследствие «смешения разных культур Македония похожа на шахматную доску, и часто резкие переходы из области одной культуры в область другой культуры еще острее, если они также границы между культурами и этнографические границы»³ (то же расширенно в 1918 г.: «Смешение балканской культуры и патриархального устройства, смешение средиземноморских и левантских влияний, которые распространялись вдоль эгейского побережья, а также влияний турецких делает из Македонии своеобразную шахматную доску; границы различных культур еще более бросаются в глаза, когда совпадают с национальными границами»⁴). «Только в Македонии представлена такая пестрота культур, усиленная еще этнографической разнородностью... Огромную важность имеет культурный момент, из-за которого, главным образом, существуют различия и противоположности между македонцами и сербским и болгарским народными ядрами. Из всех славянских областей полуострова Македония находится под самым сильным влиянием византийско-цицикарской культуры, в то время как указанные ядра — под влиянием патриархальной культуры»⁵. Цвиич допускает, что «так называемое

¹ Токарев С. А. Научная методология Йована Цвиича... С. 360–361.

² Как исчерпывающе высказался К. Мисирков, успехи македонской политики Сербии «благодаря необыкновенной настойчивости и строгой систематичности, колоссальны. Сербия не пренебрегала ни одним из средств, которые им предоставляла современная наука: ни общее языкознание и сравнительная грамматика славянских языков, ни история и археология, ни устная и письменная народная словесность, ни география, ни дипломатия не остались без внимания сербов» (Мисирков К. Национальность македонцев // Македония. Сборник документов и материалов. София, 1980. С. 786).

³ Цвиич Ј. Антропогеографски проблеми... С. XXVII.

⁴ Цвиич Ј. Културни појаси Балканскога полуострва. С. 74.

⁵ Цвиич Ј. Антропогеографски проблеми... С. XXVIII, XXXVII (прим. 1).

македонское население» под влиянием сербской или болгарской государственности «легко и очень быстро возвращает или приобретает свойства сербов или болгар»¹.

В 1906 г. он высказывает мнение о том, что народная масса македонских славян не имеет определенного народного чувства, народного сознания — ни болгарского, ни сербского², а в 1913 г. утверждает, что эта колеблющаяся масса, несомненно, превратится в сербов или болгар, в зависимости от того, в границах которого из соперничающих государств окажется³.

Здесь следует обратиться к выполненной Цвиичем классификации «психических типов» южнославянского населения. С.А. Токарев говорил об этой концепции, как о, «может быть, самой смелой попытке этнографического синтеза», и полагал, что «даже если беспристрастная проверка не подтвердит правильности характеристик «психических типов», намеченных Цвиичем, — за ним все равно останется заслуга по крайней мере смелой постановки сложной и даже острой проблемы»⁴.

Итак, Цвиич выделяет четыре «психических типа», внутри которых различает «разновидности» («вариетети»)⁵:

1. Динарский (Динарское нагорье и территории, освоенные «динарцами» в результате миграций, например, Шумадия)⁶;

¹ Там же. С. XXXVII (прим. 1).

² Цвијућ Ј. Неколико проматрања о етнографији македонских словена // Цвијућ Ј. Сабрана дела. Књ. 4. Т. 1. Антропогеографски списи / Уред. М. Лутовац и др. Београд, 1987. С. 243–271.

³ Цвијућ Ј. Распоред балканских народа // Цвијућ Ј. Сабрана дела. Књ. 3. Т. 1. С. 133.

⁴ Токарев С. А. Научная методология Йована Цвиича... С. 361.

⁵ Цвијућ Ј. Балканско полуострво... С. 336–517.

⁶ Весьма позитивная характеристика «динарцев», данная Цвиичем, вызывала острую критику. Так, в пору советско-югославского противостояния известный советский этнограф П.И. Кушнер писал: «Цвиич, сербский гегемонист, т. е. шовинист, стремился своей теорией доказать, что сербы являются идеальным физическим, социальным и психическим типом наиболее совершенного народа». И, как кажется, совсем несправедливо обвинял: «Й. Цвиич, с его националистической узостью научного кругозора, был плохо знаком с историей и этнографией других стран» (Кушнер (Кнышев) П.И. Этнические территории и этнические границы // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 15. М., 1951. С. 21–22).

2. Центральный (население Южной Моравы, Вардара, шопские края на западе Болгарии);

3. Восточнобалканский (земли на восток от р. Искыр, Нижнедунайская равнина — «здесь сформировался славянско-болгарский народ и здесь развивалась болгарская государственность», Фракия, родопские и пиринские долины);

4. Паннонский (южнославянское население, находящееся по большей части вне Балканского полуострова, в Паннонской низменности).

В интересующем нас здесь центральном «психическом типе» Цвиич находит следующие «разновидности»: косовско-метохийская, западно-македонская, моравско-вардарская, шопская, южно-македонская, а также называет относящиеся к этим «разновидностям» этнические группы: битольско-прилепская, мавровско-реканская, мяцкая, группа Биначкой Моравы, преспанско-костурская, стружско-охридская, дебарская, положская, сириничско-средская группа, группа Враньского Поморавья¹.

Психические черты данного типа можно представить следующим образом²:

1. Наличие архаических элементов в культуре;

2. Мощное влияние «моральной мимикрии», обусловленное веками турецкого господства («и после освобождения в 1912 г. по многим христианам заметно, что свое новое положение они осознают неполностью, на их лицах еще виден страх»³). Особенно сильна «мимикрия» в переходных албанско-славянских зонах и проявляется, например, в использовании албанской одежды, языка и привычек с целью избежать насилия («если неизвестный зайдет в дом метохийского серба, тот начнет говорить с ним по-албански, чтобы не выдать свое происхождение»⁴);

3. «Реализм» — практическое отношение к жизни. Особое значение имеет понятие «работа» (физический труд, торговля, сделки и пр. — то, что приносит доход). Существование обеспечивают скотоводство, извоз («кириджијање»), переживающие упадок, а также заработки, значение которых возрастает;

¹ *Cvijić J.* La Péninsule balkanique. Géographie humaine. Paris, 1918. P. 381–467; *Цвијић Ј.* Балканско полуострво... С. 405–479.

² *Цвијић Ј.* Балканско полуострво... С. 405–431.

³ Там же. С. 410.

⁴ Там же. С. 409.

4. В варошах набожное «византийское» или «греческо-цинцарское» православие, отличное от «динарского»: в церкви, «бывает, падают на колени с такой силой, что пол гудит»¹;

5. Тактичность, ловкость и умение владеть собой²;

6. Искусство приспособиться к самой разной общественной среде и стать «своим», пусть внешне.

Конечно, с высоты прошедших ста лет легко порицать Йована Цвиича за добропорядочный патриотизм. В самом деле, почему Цвиич не акцентировал внимание на *длительности* конфигурации культур в македонских землях, а также на *устойчивости* соответствующего «психического типа»? Действительно ли он был убежден в том, что писал: «столь легкая восприимчивость, несомненно, приведет к быстрому изменению характера центрального типа»³? Ведь собранные им факты, по нашему мнению, в значительной степени противоречат этому выводу. С другой стороны, с близкой временной дистанции не всегда можно осуществить адекватный анализ имеющегося материала. В любом случае, именно Цвиичу обязаны мы научной постановкой вопроса об «этнографических процессах» в западной и центральной части Балканского полуострова. «Албанский метанастасис» и македонская идентичность — важнейшие темы истории и этнографии Балкан.

Подчеркнем, что мы не намекаем на прямое приложение принципов исследования столетней давности к современным процессам. Однако не учитывать рассмотренные концепции Цвиича не следует⁴. Тем более что они важны, в частности, для понимания актуальной ситуации

¹ Там же. С. 422.

² Как пишет Цвиич, известный сербский государственный деятель Никола Пашич «утверждал, что его предки переселились в Заечар из Тетовской котловины, из села Рогачево. Основываясь на других сведениях, я думал, что он из шопской зоны. Так или иначе, он — центрального типа» (Там же. С. 475).

³ Там же. С. 414.

⁴ Это понимал, в частности, М. Барьяктарович, рассматривавший этническую идентичность в тесной связи с «метанастасическими движениями»: *Барьяктаровић М. О етничком опредељењу* // Гласник Етнографског музеја. Књ. 33. Београд, 1970. С. 69–92. Несколько переработанный вариант этой статьи на русском языке см. *Барьяктарович М. К вопросу об изменении этнического самосознания (на материалах Югославии)* // Советская этнография. 1974. № 2. С. 51–64.

на территории, которую занимала Югославия еще двадцать лет назад. Выполненный Цвиичем чрезвычайно любопытный очерк «патриархального режима»¹ будто ожидает нового настойчивого исследователя, чтобы быть продолженным, и обещает интереснейшие результаты. Также любопытно было бы рассмотреть «восточные влияния», несомненно, возрастающие последние два десятилетия. Мы уже не говорим о «евроамериканской культуре», из-за которой сломано много копий.

Нам кажется весьма продуктивной идея французского историка Ф. Броделя (1902–1985) о так называемом «долгом времени» (*la longue durée*)². В самом деле, «длительные» структуры представляют немалый интерес для изучения. При этом чрезмерное обособление этих структур при анализе глобальных процессов было бы не совсем верно. Ведь уникальное «долгое время» образуется именно вследствие сплетенности географических, социальных, психологических и др. факторов.

Возьмем на себя смелость отнести к «долговременным» структурам выделенные Цвиичем «метанастасис», «культурные пояса» и «психические типы». На наш взгляд, зафиксированное Цвиичем во времени начало «метанастасиса» (конец XIV в.) предзнаменовало зарождение своеобразного «долгого периода» взаимосвязанных структур Европы и Балканского полуострова, который еще не окончился.

Предложим своеобразную «долговременную» периодизацию, в которой, впрочем, не будет ничего неожиданного:

1. XV–XVII в.: постепенно формируются связанные между собой структуры с большим будущим, или «долговременные» структуры (специфические, но находящиеся во взаимодействии системы управления, производства и торговли; модель «метанастасиса»; «психические типы»; устойчивая конфигурация «культурных поясов» и т. д.);

2. XVIII — начало XIX в.: «золотой век» рассматриваемого «долгого периода», мощное функционирование европейских и балканских «долговременных» структур, их расцвет — «совместная история»;

3. С первой половины XIX в. до настоящего времени: постепенная трансформация глобальных «долговременных» структур.

¹ Цвијић Ј. Балканско полуострво... С. 122–126.

² Отсылаем к известным работам Ф. Броделя, особенно *Histoire et sciences sociales: la longue durée* // Braudel F. *Écrits sur l'histoire*. Paris, 1969. P. 41–83. Во взглядах Цвиича и Броделя можно обнаружить немало общего, что неудивительно, так как влияние французской школы географии на двух ученых — известный факт.

Как пишет Р.П. Гришина, теория модернизации помогает нам «приблизиться к ответу на вопрос о причинах, обусловивших невысокое место балканских государств в европейской экономической и политической системе конца XIX–XX столетия и не позволивших им, несмотря на все усилия, существенно повысить сложившийся статус, преодолеть традиционное отставание»¹. С нашей точки зрения, результаты балканской модернизации были предопределены мощными «долговременными» структурами — балканскими и внешними. Именно они совместно порождали различные факторы нестабильности при всякой попытке местной элиты «подтянуть» балканское общество к тому или иному идеалу.

Поэтому мы полагаем, что в текущем «долгом времени» даже не повышение статуса Балкан в глобальной системе, но *какое бы то ни было кардинальное изменение на этих территориях вряд ли возможно*. Балканские «долговременные» структуры продолжают с успехом «лоббировать» по всему миру. Известный пример — Косовский кризис 1998–1999 гг.

* * *

Рассмотрим актуальный «албанский метанастасис» в западной и центральной части Македонии и некоторые особенности центрального «психического типа» в связи с балканской модернизацией. Можно утверждать, что в упомянутых, по преимуществу аграрных районах модернизационные процессы в XX в. усилили тенденции, зафиксированные Цвиичем (рост албанского населения, выселение славянского элемента).

Как следует из имеющейся историографии, у истоков которой стоял Й. Цвиич, с конца XVI в. начинается албанская миграция в западные и центральные области Македонии, в XVIII и XIX в. она имеет массовый характер. Пришедшие из горных областей албанцы с трудом акклиматизировались на равнинах — первые переселенцы вымирали или переходили в соседние горные пределы. С конца XIX — начала XX в. началось новое движение албанцев в равнины Вардарской

¹ Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX — первая половина XX в.). Сб. статей. СПб., 2004. С. 5.

Македонии, прежде всего, *вследствие высокой рождаемости*. Тогда албанцами массово заселяется Полог, Кичевская, Скопская, Кумановская области, Овчеполе. Они уже свыклись с местным климатом, так как их предки и они сами жили по соседству в Скопской Црной Горе и на Шаре¹.

Утверждая, что среди представленных в Республике Македония албанских родов нет ни одного, который не имел бы предков переселенцев, Й. Трифуноски отмечает, что 85% македонских албанцев — северные албанцы, или геги, 15% — южные албанцы, или тоски. Албанцы-геги живут смешанно с македонским и др. населением в северных, северо-западных, некоторых западных и центральных областях Республики Македония. Албанцы-тоски живут также смешанно с македонцами в ее юго-западной части². М. Филипович находит среди македонских албанцев три слоя: албанцы по происхождению; рано исламизированные и албанизированные славяне; славяне, албанизированные в течение XVIII-XIX вв.³ В области Скопско Поле Й. Трифуноски выделяет настоящих албанцев (из Северной Албании) и албанизированных цыган из Косово, Метохии, Горной Моравы, прибывавших в эту область с начала XX в.⁴

Исследователи в целом подтверждают предположение Цвиича о времени албанского расселения. В Полог албанцы активно переселялись с середины XVIII в., еще интенсивнее — с первой половины XIX в., оценив хорошие условия для жизни и хозяйственной деятельности (прежде всего, скотоводства). Это были как албанцы (из Север-

¹ Паликрушева Г. Етносите и етничките групи во Македонија // Етнологија на македонците / Уред. К. Томовски, Г. Паликрушева и А. Крстева. Скопје, 1996; Константинов М. Македонци. Скопје, 1992; *Trifunovski J.F. O stanovništvu SR Makedonije* // Zbornik za narodni život i običaje. Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. Knj. 45. Zagreb, 1971; *Трифуноски Ј.Ф.* Податоци за потеклото и миграциите на поедини албански родови во северо-западна Македонија // Годишен зборник на Филозофскиот факултет на Универзитетот во Скопје. Ист.-фил. оддел. Кн. 5. № 4. 1952.

² *Trifunovski J.F. O stanovništvu SR Makedonije...* P. 704.

³ *Филиповић М.* Етничке прилике у Јужној Србији // Спомена двадесетпетогодишњице ослобођења Јужне Србије (1912–1937) / Уред. А. Јовановић. Скопје, 1937. С. 487–488.

⁴ *Трифуноски Ј.Ф.* Албанското население во селата од Скопско Поле // Годишен зборник на Филозофскиот факултет на Универзитетот во Скопје. Ист.-фил. оддел. Кн. 7. 1954. С. 5–19.

ной Албании), так и албанизированные славяне, которые пришли сюда как мусульмане (из Призренской Горы, Северной Албании и др.), но албанизировались только в Пологе. Считается, что с помощью переселенцев турки хотели разбить компактное славянское население — мысль, на которую Й. Трифуносского наводит и то обстоятельство, что албанцы заняли все въезды-выезды на положских путях сообщения. Таким образом, славянское население в Положской котловине оказалось окруженным со всех сторон албанцами¹. Также Кумановская область, испытывавшая с конца XVII в. неуклонное выселение славянского элемента, приняла албанских переселенцев в старые христианские села (сначала западной, а после Второй мировой войны и центральной своей части)².

Одним из эффектов балканской модернизации в македонских землях стали границы, установленные Бухарестским мирным договором 1913 г. В XX в. они оказали заметное влияние на «албанский метанастасис».

Так, государственная граница пресекала переселения из Албании в Полог. Они оживились на краткое время в 1941–1944 гг., когда западная часть нынешней Республики Македонии вошла в состав Албании в качестве префектуры с центром в г. Дебар. Под запрет попали окончания фамилий западномакедонских славян-мусульман — «ич», «ски» и «ов», менявшиеся на албанские «и», «у», «а». Власти заставляли жителей носить белую шапочку (кече), символ албанства. Было введено обучение албанскому языку³. В этот период в некоторые подгорные и равнинные положские села пришли новые переселенцы из Северной Албании⁴. Затем югославно-албанская граница оказалась закрытой на десятилетия, и только с 90-х гг. XX в. из Албании в Стружскую область легально и нелегально стала приезжать деше-

¹ Трифуноски Ј.Ф. Полог (антропогеографска проучавања) // Српски Етнографски Зборник. Књ. 90. Насеља и порекло становништва. Књ. 42. Београд, 1976. С. 71–76.

² См. подробнее Трифуноски Ј.Ф. Кумановска област. Сеоска насеља и становништво. Скопје, 1974.

³ Лиманоски Н. Исламизацијата во Битолскиот вилает и етничките карактеристики на македонците муслимани // Фолклорот и етнологијата на Битола и Битолско. Научни собир. Битола. 1980. Материјали. Битола, 1981. С. 440–441.

⁴ Трифуноски Ј.Ф. Полог... С. 74.

вая рабочая сила, задействованная в земледелии, строительстве и пр. Наблюдается и заключение «трансграничных» браков (из Албании в Стругу выходят замуж)¹.

В то же время укреплялись и развивались связи албанцев Косово и Македонии, оказавшихся в одном государстве — Югославии. Они заключали между собой браки и поддерживали тесные отношения. Напряженность на югославско-албанской границе и существование различных организаций крайнего толка в Косово и Македонии оказывали на протяжении всего послевоенного периода сильное влияние на югославских албанцев. По мнению Ю.В. Ивановой, за 80 лет развития в составе славянского государства албанское население южной Сербии и западной Македонии составило «этнографическую общность со своими чертами культуры, особенностями языка» и является частью албанского этноса, наиболее поздно сформировавшейся его диаспорой². Поэтому неслучайно то, что в 1999 г. в результате Косовского кризиса Республика Македония приняла 360 тысяч беженцев из Косово, которые проживали в палаточных лагерях Стенковец, Бразда, Радуша, Бояне, Непроштено, Сенокос, Чегране, Форино и Маврово³. В настоящее время македонские албанцы ездят в Косово работать или временно живут там.

В 60-х гг. XX в. албанцы стали укрепляться в равнинных селах Полога. В Гостиварской области, например, началась новая фаза «албанского метанастасиса»: переселение в г. Гостивар и окрестные равнинные села⁴. С точки зрения Трифуносского, Полог служил и служит транзитной областью для продвижения албанцев на восток⁵.

В послевоенный период город Тетово испытал значительный рост албанского населения. Сейчас в Тетово, насчитывающем 86 580 жи-

¹ Интервью в г. Струга (Республика Македония) 24 августа 2000 г.

² *Иванова Ю. В.* Косовский кризис. Этнические аспекты проблемы // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 128. Москва, 1999. С. 16.

³ Подробнее см., например, *Цаневска Арсовска К., Салев П.* Македонија и косовската криза / Одг. уредник Б. Димовски. МТВ, 2001 (документарна емисија).

⁴ *Трифуноски Ј. Ф.* Антропогеографски одлики // Гостиварскиот крај. Кн. 1. Гостивар, 1970. С. 105–108.

⁵ *Трифуноски Ј. Ф.* Полог... С. 77–80.

телей, 60 886 албанцев¹. С 60-х гг. XX в. здесь наблюдался продолжающийся прилив косовских албанцев. Тактика «этнического продвижения» в городе проста — покупка в квартале одного дома приводит к тому, что другие жители довольно быстро и недорого отдают свое жилье. К концу века стали реальностью преступные группировки, составленные по этническому признаку, приобретение земли силой, акции устрашения (стрельба в местах, где проживают люди другой национальности, граффити на стенах государственных организаций). Тетовские албанцы богаты, у них прекрасные дома.

Следует отметить снижение рождаемости у албанцев последние десять лет, особенно в городах. Причиной тому эмансипация женщин, они стали работать и потому ограничиваются 2–3 детьми². Албанец из Струги также считает, что образованные албанцы обыкновенно имеют 2–3 ребенка, не больше³. По словам одного албанца из Битола, все образованные («эмансипированные») албанцы имеют по два ребенка (у него, например, двое, и у тех, в свою очередь, тоже по два ребенка). У тех же, которые занимаются сельским хозяйством, много детей, так как им нужна рабочая сила⁴. Наконец, иметь десять детей — большая ответственность, ведь каждому из них нужно обеспечить в наследство лавку или что-нибудь в этом роде.

Но подозрения в отношении албанцев бытуют и питаются иногда предвзятым наблюдением и слухами. Например, в Скопье женщины-албанки носят светлые плащи, повязывают платки так, чтобы закрыть шею. У мужчин одежда обыкновенная, но носят шапочку. Это необычно и настораживает обывателя. Циркулирует убеждение, что большинство многочисленных албанских семей жертвуют одного ребенка для преступной деятельности (торговля оружием, наркотики

¹ Попис на населението, домаќинствата и становите во Република Македонија, 2002. Дефинитивни податоци. Книга XIII. Вкупно население, домаќинства и станови. Скопје, 2005. С. 34.

² Интервью в г. Тетово (Республика Македония), 4 сентября 2000 г. См. также на <http://tetova.gov.mk> сообщение от 10 февраля 2006 г. о том, что последние шесть лет в Тетово наблюдается падение рождаемости у албанского населения. Вместо прежних 4–5 детей в среднем сегодня можно говорить о 2–3. Среди причин указывается экономический кризис и распространение образования среди женщин.

³ Интервью в г. Струга (Республика Македония) 23 августа 2000 г.

⁴ Интервью в г. Битола (Республика Македония) 25 августа 2000 г.

и пр.). Вспоминают, что в 1970-х гг. массово приезжали женщины из Косово, чтобы родить в Скопье, но ведь таким образом можно получить гражданство!

Известны случаи, когда в македонском селе принималось решение о том, чтобы не продавать албанцам недвижимость. С другой стороны, часть людей больше пугает разрыв связи между поколениями и обособление молодежи. Она, полагают, глуха и нетолерантна, «им неизвестно, что такое уступить», не боятся войны. Знаком времени стало избегание контактов. По мнению некоторых, албанцы, жившие в Битольской области раньше, и их было немного, лучше общались с соседями. Те, которые появились сейчас, и их немало, закрыты для общения¹. Объективной причиной отсутствия диалога все чаще выступает язык — на прием к македонскому врачу молодой албанец может прийти со своим дедушкой, который знает македонский и переводит своему внуку слова врача².

Коснемся проблемы албанизации мусульман-неалбанцев.

В Кичевской области жители-албанцы другие, не такие, как в Тетово, куда пришли косовары. Человек, приехавший в с. Заяс, где живут албанцы, хочет задать вопрос и мучается, как же он спросит. А женщина в албанской одежде спрашивает на чистом македонском языке: «Что ищешь?» Оказывается, эта женщина из с. Гарани, в котором говорят по-македонски. В другом селе, Црвивци, аналогичная ситуация, женщина пояснила, что ее бабка говорила по-македонски³.

О «славянской подкладке» албанских сел свидетельствует и македонский этнолог А. Светиева. Она приехала в с. Чегране (Гостиварская область): страшно туда въезжать, все окружено высокими стенами. Но постучала в одну дверь, вышла бабка, которая стала отвечать на чистом македонском языке⁴. Около с. Доленци находится построенный в середине XIX в. монастырь Пречистой Богородицы, внутри фрески, однако в одном отделении церкви их нет. Дело в том, что туда приходят со всей Кичевской котловины мусульмане (торбеши

¹ Интервью в г. Битола (Республика Македония) 25 августа 2000 г.

² Благодарю за предоставленные сведения этнолога Л. Ристеского. Интервью в г. Скопье, 8 сентября 2000 г.

³ Благодарю за предоставленные сведения археолога г. Спасовску-Димитриоску. Интервью в с. Кнежино, Кичевско, Республика Македония, 6 сентября 2000 г.

⁴ Интервью в г. Скопье, 8 сентября 2000 г.

и албанцы), ставят свечи, кланяются и уходят. В с. Бачишта при том, что носят албанскую одежду, говорят по-македонски. Сами албанцы также сообщают о существовании христианских обрядов у албанцев-мусульман Кичево, в частности, использование символа креста (в выпечке, украшениях и пр.)¹.

Таким образом, вера — это еще далеко не все. Очень важен язык. Интересен обычай мяцкой этнической группы собираться каждый год в монастыре Св. Йован Бигорский. На этой встрече присутствует также исламизированная часть мяцкой группы — «торбеши». И они говорят на одном языке.

Отдельно следует сказать о своеобразной эндогамии македонцев-мусульман. Для них, с точки зрения македонских этнологов, брак с албанцами редкий и вынужденный. Когда не остается выбора, только тогда выходит на сцену фактор общей веры. Вообще это новейшее явление, причем очевидно, что такие браки не одобряются (Велешко). А. Светиевой известен следующий любопытный факт в Стружском Дримколе: за маленьких девочек (12–14 лет) македонцы-мусульмане дают выкуп с тем, чтобы если из окрестных албанских сел посвадуются, то можно было бы отказать. И так с малых лет девочки уже сосватаны. Л. Ристески заключает, что если мусульмане окружены православными, вот тогда они пользуются возможностью заключить брак с албанцами. Причём интересно, что в последнее время в одном из сел Прилепской области, где живут мусульмане, распространился обычай покупки жены в Албании. Как следствие, начался процесс албанизации, так как жены/мамы говорят по-албански².

В последнее время у македонцев-мусульман можно наблюдать один любопытный процесс. Например, в с. Дебреште (Прилепско) совершается переход мусульман в «турок», школьники изучают турецкий³. С 90-х XX в. некоторая часть македонцев-мусульман в р-не Долна Жупа декларируют себя как «турки». При этом они не знают турецкого языка, пользуются македонским, но запрещают изучать его своим детям, и те изучают турецкий. Причина подобного поведения в том, что после провозглашении независимости Македонии (1991 г.)

¹ Данные г. Спасовской-Димитриоской. Благодарю за предоставленные сведения журналиста С. Муслиу (интервью в г. Скопье, 11 сентября 2000 г.).

² Интервью в г. Скопье 8 сентября 2000 г.

³ Там же.

эти люди поверили в слухи о том, что если не объявить себя турками, то можно подвергнуться христианизации. Вместе с тем в Горной Жупе, действительно, живут турки (например, с. Коджаджик — родина отца Кемаля Ататюрка; Брештани)¹.

Появление в Македонии границ, разделивших страны-победительницы одряхлевшей Османской империи, подорвало существовавшую модель отгонного скотоводства, благодаря которой, по мнению Трифуносского, территория Македонии была и остается этнически пестрой². До 1912 г. в географической Македонии насчитывалось 245 000 кочевых скотоводов: 70 000 влахов, 130 000 выходцев из мяцкого края Река, из Полога, Кичевской области и других горных пределов, 10 000 албанцев с горы Шар и др.³ Пережившее расцвет в первой половине XIX в., масштабное отгонное скотоводство ориентировалось на зимние пастбища и рынки Эгейского побережья. В области Горна Пчинья (северная Македония) еще в 60-е гг. XX в. помнили о том, как до 1912 г. отсюда гнали скот на продажу в Стамбул⁴. С разделом Македонии все это ушло в прошлое.

С конца XIX в. началась массовый выезд мячков на заработки, которые стали более надежным способом прокормить семью, чем скотоводство (в первой половине XIX в. мяцкое село Галичник имело 150 000 овец, после 1912 г. — 50 000: кроме возникших таможенных барьеров, негативное влияние на скотоводство оказала угроза мате-

¹ Интервью с С. Мерсимовским в с. Броштица (Долна Жупа, Республика Македония) 4 сентября 2000 г.

² *Трифуноски Ј.* Сточарска кретања у СР Македонији // Одредбе позитивног законодавства и обичајног права о сезонским кретањима сточара у Југоисточној Европи кроз векове. Зборник радова со Међународног научног скупа одржаног 6. и 7. новембра 1975, у Београду / Уред. В. Чубриловић. Београд, 1976. С. 181.

³ *Милески г.* Историко-географски осврт на номадските и полуномадските движења во Македонија до Балканските војни и меѓу двете светске војни // Природни и социо-географски карактеристики на зоните на номадските и полуномадските сточарски движења во Македонија / Уред. М. Апостолски. Скопје, 1984. С. 78.

⁴ *Трифуноски Ј. Ф.* Горња Пчинја // Српски Етнографски Зборник. Књ. 77. Насеља и порекло становништва. Књ. 38. Београд, 1964. С. 83.

риальной и личной безопасности¹). Уезжали в Салоники, Сера, Воден (Греция), Софию, Стара-Загору, Лом, Видин, Варну (Болгария), в Румынию, Украину. Отъезд из родных мест усилился в 1920–30 гг. — мняки отселялись в города Югославии, особенно в Скопье, где были известны как «галичанцы», долго сохраняли свою одежду, обычаи, свадьбы, жили компактно².

Параллельно протекал процесс выселения в Турцию турок, не желавших остаться в границах христианского государства. Многие из них уехали после Балканских войн, в период 1923–1928 гг. и после Второй мировой войны с 1954 по 1960 г. В оставленные ими села и городские кварталы двинулись переселенцы и колонисты из Сербии, Воеводины, Боснии, Лики, Далмации, Черногории³. Из населения Македонии вне больших миграционных движений долгое время оставались славяне-мусульмане. Для них время миграции в Турцию наступило после Балканских войн (до 1938 г.) и, в большей степени, с 1955 по 1964 г.⁴

Развернувшийся после 1945 г. этап модернизации, связанный с развитием промышленности и образования, стимулировал миграции «село-город» для македонцев и «горы-равнины» для албанцев. В результате некоторые македонские села и даже районы остались почти без молодежи. Дальнейшее развитие получила судьбоносная

¹ *Тодоровски г.* Малореканскиот предел. Скопје, 1970. С. 132–148; *Тодоровски г.* Сточарство во Малореканскиот предел во втората половина на XIX век до крајот на Првата светска војна // Одредбе позитивног законодавства... С. 236, 246.

² *Смиљанић Т.* Мијаци, Горна Река и Мавровско Поље // Српски Етнографски Зборник. Књ. 35. Насеља и порекло становништва. Књ. 20. Београд, 1925. С. 41–44.

³ *Trifunovski J.F.* O stanovništvu SR Makedonije... P. 706–707. См. также Тодоровски г. Етничките процеси во Македонија предизвикани од иселувањето на Турците во педесеттите години од овој век // Современные этнические процессы в СССР и СФРЮ. Советско-югославское совещание. Охрид, 1–3 октября 1990 г. / Отв. ред. К. Томовски, М. С. Кашуба, Г. Паликрушева. М., 1992. С. 175–203.

⁴ *Лиманоски Н.* Исламизацијата во Битолскиот вилает и етничките карактеристики на македонците муслимани // Фолклорот и етнологијата на Битола и Битолско. Научни собир. Битола. 1980. Материјали. Битола, 1981. С. 446.

эмиграция в далекие страны — сначала в большей степени для македонцев, затем и для албанцев¹.

Согласно В. Янеской, дальняя эмиграция усиливается во второй половине 60-х гг. XX в., но все еще представляет собой временную экономическую эмиграцию. В последней четверти XX в. начинается самовоспроизводство миграционного контингента, и временное пребывание постепенно становится весьма продолжительным. Во второй половине 1980-х гг. эмиграционные потоки усиливаются, а с 1991 г. до настоящего времени идет самая большая эмиграционная волна за всю историю македонской экономической эмиграции, причем растет эмиграция высоко подготовленных специалистов.

Всего граждан Республики Македония, покинувших страну после 1945 г., насчитывается, по сведениям В. Янеской, более полумиллиона человек, из них около 165 тысяч — турки. В 90-е гг. XX в. из Македонии выехало свыше 100 тысяч ее граждан. По данным Совета Европы, в Германии, Италии и Швейцарии в период 1996–1999 гг. количество македонских граждан увеличилось на 41 000 человек. Без эмиграционных процессов население Республики Македония было бы больше на 15%².

Последняя семья православных македонцев уехала из села Броштица (Долна Жупа) в 1974 г. Большая часть их выселилась в поисках заработков (много броштичан в Скопье, Битоле, Софии и др. краях). Однако

¹ О «дальних» миграциях населения Македонии см. интересные статьи: Попвасилева А. Народно стваралаштво и етнички идентитет македонских исељеника у Канади // Прилози проучавању етничког идентитета. (Зборник радова Етнографског института САНУ. Књ. 20). Београд, 1989. С. 57–68; Паликрушева г. Етноасимилациони процеси код припадника торбешке етничке групе насељене у Измиру // Там же. С. 69–73. В отношении своих сыновей выходящих из македонских земель в Канаде до второй мировой войны практиковали эндогамию — девушки из родного края с фотографией жениха в руке переплывали океан, чтобы встретить свою судьбу (Попвасилева А. Народно стваралаштво... С. 60–61). Сербская историография располагает любопытными исследованиями о заокеанской диаспоре, см. Павловић М. Срби у Чикагу: проблем етничког идентитета. Београд, 1990, Лукић-Крстановић М. Срби у Канади: живот и симболи идентитета. Београд, 1992 и др.

² Јанеска В. Процеси на иселувањето // Македонија. Илустрирана ревија за иселениците од Македонија. Година XLVIII. Бр. 592. 15 февруари 2001. С. 12–14; Јанеска В. Причини и последици за иселувањето // Македонија. Илустрирана ревија за иселениците од Македонија. Година XLVIII. Бр. 594. 15 март. 2001. С. 26–27.

стали уезжать и македонцы-мусульмане. Причина — отсутствие коммуникаций, необходимость идти 5 км пешком, чтобы попасть к врачу и т. д. В других удаленных селах Жупы также страдали от этого — 5–6 часов идти на базар (в Дебар). Сейчас стало немного лучше (в 1997 г. дорога в Броштицу была асфальтирована). 150 семей македонцев-мусульман из Броштицы живут в одном из кварталов Стамбула. В Долной Жупе много экономических эмигрантов, особенно молодых — для них нет работы, и они уезжают в Италию (последние два года около 40% населения Жупы работает там), а также в Германию. Но не забывают родной край и приезжают каждый год, строят дома, улучшают жизнь сельчан, дорогу поправили они¹.

Как мы помним, Цвинч пытался анализировать «разновидности» и этнические группы центрального «психического типа». Эти группы достаточно древние, что видно из следующего наблюдения македонского этнолога Г. Паликрушевой. В Македонии существует много терминов в отношении исламизированных групп славянского населения: у мяков — «торбеши», у брсяков — «аповцы», в Повардарье и Малешево — «помаци» и др. Паликрушева считает, что такое разнообразие свидетельствует о значительной групповой дифференциации населения в момент принятия ислама. С ее точки зрения, этноним «торбеш», применяющийся исключительно для исламизированных членов мяцкой группы, возможно, происходит от старого племенного названия «торбачеи», которое после исламизации стало этнонимом исламизированных мяков².

По мнению той же исследовательницы, определенная часть атрибутов македонских этнических групп, пусть фрагментарно, но сохраняется. Некоторые пережитки и различия могут до сих пор ощущаться у мяков, брсяков и шопов³. Но для чего продолжают существовать эти группы, несмотря на явное изменение их прежнего характера? Попытка ответить на этот вопрос, раскрыть причины группового разнообразия стала большим шагом вперед в этнографическом изучении населения Македонии.

¹ Интервью с С. Мерсимовским в с. Броштица.

² Паликрушева Г. Этнонимы исламизированных групп южнославянских народов // VI Меѓународен конгрес за проучување на Југо-источна Европа (Софија 1989). Прилози на учесниците од Македонија / Уред. одбор: Д. Зографски и др. Скопје, 1991. С. 124–125.

³ Palikruševa G. Ethnographic conditions in Macedonia // Socialist Republic of Macedonia / Ed. by M. Apostolski, H. Polenakovich. Skopje, 1974. P. 95.

Г. Паликрушева сосредоточилась на анализе функций сохранившихся этнических групп. Групповая эндогамия, культ группы, диалект и одежда были для нее основными признаками отличия одной группы от другой. Разумеется, промышленное развитие, миграции, улучшение коммуникаций, образование и культура должны были нанести удар по групповым отличиям и ускорить их исчезновение. Большая часть членов группы покинула родную область, так что вроде бы создались предпосылки для исчезновения групповой идентичности. Но с 60-х гг. XX в. ясно наблюдается тенденция сохранения группового единства.

В качестве примеров Паликрушева приводит малешевцев и мячков. Первые относятся к шопской этнической группе. Большинство их живет вне родного края, но все малешевцы каждый год обязательно собираются на совместный праздник курбан у себя на родине, например, в Берово или Пехчево, привозят своих детей, родившихся уже в другом месте, приглашают музыкантов. Члены мяцкой группы, которые стараются на чужбине жить вместе, хранят свои традиции и помогают друг другу в продвижении по службе, раз в год устраивают неперенные встречи в больших ресторанах — так называемые «мячки средби». В целях сохранения своих оставленных сел мячки организовали специальный комитет и фонд. Взносы для фонда идут на строительство дорог, электрификацию, проведение водопровода или на вселение новых жителей. Дома восстанавливаются, но никто из спонсоров не торопится вернуться на родину. Поэтому обновленные дома служат летними дачами для мигрантов-пенсииеров. Усилия прилагаются и в сфере туризма: рассчитанные на зрелищный успех пышные свадьбы в селе Галичник на Петров день — также результат мяцких инвестиций¹.

Как известно, мячки долго не ассимилируются, высоко ценят свою «мяцкую» идентичность. Т. Смиляничу был известен, например, один софийский фабрикант-кондитер родом из Галичника, который старательно сохранял все мяцкие привычки и даже заходил слишком далеко в своем стремлении доказать, что он настоящий мячок².

¹ Паликрушева Г. Тенденции на групното единство кај некои етнички групи во Македонија // Етничките традиции и современоста. Меѓународен научен сбор. Охрид, 14–15 септември 1981 г. / Уред. одбор: К. Томовски, Г. Паликрушева, К. Пенушлиски. Скопје, 1989. С. 57–62.

² Смилянич Т. Мијаци... С. 41–44.

Не все, однако, гордятся принадлежностью к своей группе. Как показывает А. Светиева, приехавший в Скопье шоп из Македонского шоплука никогда не назовет себя шопом, так как этот этноним уже не пользуется авторитетом и в его родной области, он стал насмешливым и уничижительным прозвищем. Шоп идентифицирует себя как македонец и в соответствии с локальными административными центрами в его родном краю (кривоаланчанин и др.)¹. Наконец, шопская территория, поделенная между Сербией и Болгарией, предоставит своему уроженцу возможность определить себя соответственно или сербом, или болгаринном.

Интересный пример адаптации шопских мигрантов приводит Г. Паликрушева. В конце XIX в. некоторые шопские семейства (из Кривоаланачко, Кратовско, Пиянечко и др.) переселились в Радовишскую область и составили так называемый Радовишский шоплук. Контакты со славянским нешопским окружением складывались с трудом, и шопы больше и охотнее контактировали с жившими поблизости юрюками. После Второй мировой войны радовишские шопы стали переселяться в г. Радовиш, где поселились в отдельном районе «Шопско маало». Еще в начале 80-х гг. XX в. их продолжало избегать старое население².

А. Светиева обращает наше внимание на идентичность мигрантов. В XIX в. македонские славяне переселялись в основном на север и восток (в Сербию и Болгарию). В Сербии прибывшие мигранты назывались «турци», «арбанаси» или «дебралии» (если приезжали из Дебарской области), «бугари», «шопи» (не обязательно в этнографическом смысле, так же называли себя строительные рабочие), «цинцари» (так как часто переселялись и работали вместе с влахами), «гоги» (от алб. строитель), «срби (южносрбијанци)», «чокалии» (разные версии). В Болгарии всех переселенцев из Македонии называли «бугари», иногда «арбанаси»³.

Исследовательница полагает, что «мияк» и «брсяк» в наши дни все еще этнонимы с определенным значением. Однако мияк и брсяк, приехавшие в Скопье, считают себя, прежде всего, македонцами, хотя од-

¹ Светиева А. Миграции — прашања на идентитетот (рукопись).

² Паликрушева Г. Современите етнички процеси во Радовишкиот Шоплук // Сборник од XXXI конгрес на Сојузот на здруженијата на фолклористите на Југославија. Радовиш 1984 / Уред. Ц. Органџиева и др. Скопје, 1986. С. 33–40.

³ Светиева А. Миграции — прашања на идентитетот.

новременно с гордостью говорят о своем локальном происхождении. Прибывшие в Белград мяки, брсяк и шоп представляются македонцами. Но если Белград станет их постоянным местом жительства, то они попытаются включиться в новую среду, по крайней мере, добиться, чтобы их дети ни в чем не отличались от окружающих. Еще более это выражено, когда мяки, брсяки и шопы уезжают за границу. Поэтому А. Светиева убеждена в том, что *миграции заключают в себе проблему трансформации идентичности мигрантов*. Мигранты с территорий, на которых сосуществуют несколько общностей, более или менее смешанных этнических групп, показывают большую готовность утратить на новом месте свою идентичность. Готовность сменить идентичность показывают представители народов, долгое время не имевших государственности или создавших ее позже своих соседей¹.

Данная готовность *отожествить себя с другим* походит на один из атрибутов выделенного Цвиичем центрального «психического типа» (умение приспособиться к различной социально-культурной среде). Но не следует утрировать изменчивость характера этого типа в целом, ссылаясь, подобно Цвиичу, на безукоризненное функционирование одной из его особенностей. Конечно, миграционные процессы выводят на первый план искусство приспособиться, но и в этом случае дух «длительной» структуры витает над новым семейным очагом.

Согласно проекту колонизации Воеводины после окончания Второй мировой войны из Македонии выехали 10 000 македонцев (2 000 домохозяйств), чтобы поселиться около Панчево, Вршаца и в других «пречанских» краях Сербии².

Банатское село Ябука находится возле г. Панчево (автономный край Воеводина, Сербия)³. После выселения немцев в 1945 г. там остались в большинстве румынские семьи, которые и встречали македонских колонистов, прибывавших в Ябуку с начала 1946 г. Больше всего переселенцев было из окрестностей Кривой Паланки, но имелись представители самых разных македонских областей. Поэтому довольно трудный контакт со старыми жителями (румынами) протекал на фоне сложного процесса приспособления друг к другу самих

¹ Там же.

² *Trifunovski J.F.* O stanovništvu SR Makedonije... P. 700–704.

³ Подробнее о селе и македонской колонизации см. *Младеновски С.* Банатско село Јабука. Скопје, 1988 (книга издана также на македонском языке).

колонистов. Старожилы вспоминают: когда одна девушка, приехавшая из Кривой Паланки, связала свою судьбу с парнем, прибывшим из Битольского края, мать молодой разразилась проклятиями, «будто та перешла в чужую веру»¹.

Первое время колонистам приходилось тяжело (1 пара коней на 7 хозяйств). Довольно быстро они стали использовать универсальную городскую одежду. Некоторое время (первые 2–3 года) соблюдались обычные для родного края праздники, главным образом, в среде многочисленных групп, прибывших из Кривой Паланки и Поречья². Любопытно, что женщины могли стесняться исполнять песни в присутствии общества — боялись насмешек со стороны румын³. Дети переселенцев перешли на сербский язык, и вскоре о Македонии, кроме состарившихся колонистов, напоминал только сельский «социалистический» праздник 2 августа (Ильин день).

Жители села сами отказались от идеи школы на македонском языке — где продолжить образование после окончания такой школы? Скопье далеко. В Ябуке большинство потомков македонских переселенцев при проведении переписи определяют себя, как «югославы» или «сербы». В домах говорят по-сербски, несравненно реже по-македонски. Полагают, что через десять лет в Ябуке и Глогони (еще одном селе с колонистами из Македонии) македонский язык исчезнет⁴. А ведь еще в 60–70-е гг. XX в. многие пожилые люди, выходцы из Македонии, жившие в Белграде, говорили только по-македонски⁵.

В село Глогонь выходцы из Кумановского края сербы Йовановичи переселились в 1946 г. в поисках лучшей жизни. Они сохраняют связи со своими родственниками в Кумановской области. Супруга из с. Джерман (или Герман), супруг — из с. Дубочица. По словам хозяйки, она — больше вранянка, а муж ее — кумановец. Песни и обычаи своего края знают слабо, ведь сюда, в Глогонь, они приехали совсем молодыми, так что не успели научиться «своему» в родных селах, а здесь учиться уже было не у кого — соседями колонистов, как и в Ябуке, были румыны. Старое население не любило и не любит

¹ Младеновски С. Банатско село Јабука. С. 207–208.

² Там же. С. 208.

³ Там же. С. 208–209.

⁴ Интервью в с. Ябука (Сербия), 14 июля 2002 г. Информант Маринко Дуковски, 1923 г. р., выходец из горного македонского села Лупште (Поречье).

⁵ Данные А. Светиевой. Интервью в г. Скопье, 10 сентября 2000 г.

переселенцев, так как еще свежа память о создании коллективных хозяйств — задруг¹.

Для Миле Додича (1950 г.р.) его «старый край» — с. Метежево (Кривоपालаначко). Некоторое время он жил в Ябуке, куда переехали родители, затем семья поселилась в Панчево. В Метежево сейчас мало жителей — разъехались по Македонии. Мать была из с. Джерман. Отец (1925 г.р.) учился в сербской школе в с. Огут, которое было своеобразным культурным центром. Семья брата деда Миле осталась в Метежево, их фамилия — Додевски. В Кривоपालаначко люди разделились, одни называли себя сербами, другие — македонцами².

Действительно, после Второй мировой войны возникла дискуссия по поводу принадлежности некоторых сел в сербско-македонском пограничье. В 1948 г. жители сел Герман, Нерав, Метежево, Огут (Кривоपालаначко) и Магленце (Кумановская область) обратились в Белград с просьбой о присоединении к Сербии. Созданная специальная комиссия пришла к выводу о том, что села Герман (кроме Средней махалы) и Нерав следует присоединить к Народной Республике Сербия, а села Огут и Метежево (где жители назывались македонцами) оставить в Народной Республике Македония. Решение вопроса о принадлежности села Магленце, как и окончательное разграничение между республиками предполагалось произвести силами смешанной комиссии правительств НР Сербии и НР Македонии. Предприятие это осуществлено не было³.

* * *

Итак, предварительные выводы, к которым нас привело рассмотрение концепций «метанастасических движений», «культурных поясов» и «психических типов» в связи с балканской модернизацией, следующие:

1. «Метанастасис» был и остается «длительной» структурой в истории Балканского полуострова. Перефразируя высказывание Ф. Броделя, можно сказать, что этот «корабль» еще плывет;

¹ Интервью в с. Глогонь (Сербия), 14 июля 2002 г.

² Интервью в г. Панчево (Сербия), 14 июля 2002 г.

³ *Lekić B., Zečević M. Državne granice i unutrašnja teritorijalna podela Jugoslavije. Beograd, 1991. P. 29–31.*

2. «Психические типы» населения Балканского полуострова продолжают оставаться достаточно устойчивыми;

3. Балканская модернизация осуществлялась в той степени, которая не угрожала функционированию взаимосвязанных структур текущего «долгого периода»;

4. Дальние экономические миграции, отпочковавшиеся от «метанастасической» модели, все сильнее влияют на процессы в регионе.

Судьбу новых тенденций покажет время. В любом случае, можно говорить об актуальности принципов исследования сербского ученого Йована Цвиича.

Л.В. Кузьмичева

БАЛКАНСКИЕ ПРИНЦЕССЫ В СЕМЬЕ ЕВРОПЕЙСКИХ МОНАРХОВ (К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ РАВНОРОДНОСТИ ЧЕРНОГОРСКОЙ И СЕРБСКОЙ ДИНАСТИЙ)

«Сама по себе, обыкновенно только гениальная личность способна столь глубоко выражать национальный дух, как это потребно при монархической власти. Но очевидно, что форма правления не может быть основана на такой случайности, как гениальность правителя. Поэтому повсюду, где состояние народных идеалов допускает возникновение монархии, сама собой возникает идея династичности.

Л.А. Тихомиров (бывший народоволец,
теоретик монархизма)

Две прелестные девушки, две Елены прекрасные — тетья и племянница — героини нашего очерка родились в крошечной Черногории в конце XIX в. Тетья была старше своей племянницы на 12 лет и нянчила малышку. Они любили друг друга и были очень дружны. Старшая Елена была дочерью князя Черногории Николы, а младшая Елена его внучкой. Тетушка стала королевой Италии, а племянница вошла в семью правящей в России династии Романовых. Королева Елена Савойская и супруга Князя императорской крови Елена Романова так стали именовать их после свадеб.

Итак, представительницы двух весьма сомнительных с точки зрения легитимности правящих в Черногории и Сербии династий — Петровичей и Карагеоргиевичей в конце XIX — начале XX вв. были приняты в европейскую монархическую семью, что означало признание равнородности. Этот поразительный факт, как нам кажется, еще не стал предметом специального исследования. Общеизвестно, что из всех молодых государств, возникших в XIX в. на развалинах Османской им-

перии — Болгарии, Греции, Румынии, Сербии и Черногории — только в двух последних правили национальные династии. Причем в Сербии их было две — Обреновичи и Карагеоргиевичи, попеременно сменявшие друг друга на протяжении всего XIX в. Крестьянское происхождение сербских династий не скрывалось, а их родоначальники — Карагеоргий и Милош Обренович так и не выучились грамоте. Но все же они были признаны законными в рамках международного права и даже равнородными правящим европейским домам.

В современной отечественной историографии уже сделаны шаги в изучении феномена монархического правления на Балканах в новое и новейшее время. Особого внимания заслуживает глубокое исследование Р.П. Гришиной о форме и характере монархического правления в Болгарии¹. Автор исследует весь комплекс проблем вставших перед балканскими традиционными обществами в условиях установления конституционных монархий и парламентаризма.

Нам представляется важным в контексте проблематики настоящего сборника обозначить круг вопросов, которые помогли бы понять характер монархического правления на Балканах. Это, в частности, становление и институирование правящих династий и их взаимоотношения с Домом Романовых и другими европейскими дворами. Особого внимания заслуживает изучение интеграции новоиспеченных династий в систему высшей европейской аристократии. В более широком понимании проблемы следует говорить о роли и месте собственно монархов и их семейств в истории молодых балканских государств. Социокультурный аспект этой проблемы также важен.

Речь идет, во-первых, о совершенно новом явлении в социальной структуре общества — складывании касты высшей родовой аристократии, пусть и очень малочисленной, а, во-вторых, о формировании особой национальной монархической идеологии, когда вопрос о нравственном императиве правителя, его преемников и вообще правящей фамилии становится общественно значимым.

Для России, покровительствовавшей новым государствам, одним из важнейших был вопрос авторитета правящих династий, соответ-

¹ *Гришина Р.П.* Конституционная монархия в Болгарии и ее подданные // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX в. — начало XX в.) Сборник статей. М., 2006. С. 125–165.

ствия их представителей категории «православного монарха». Эта важная и сложная миссия оказалась, по мнению русского правительства, по плечу не всем из молодых балканских государей.

Изучение русских дипломатических документов последней четверти XIX в. свидетельствует, что до прихода в 1903 г. к власти династии Карагеоргиевичей в русской политике по отношению к Сербии тесно переплетены два главнейших вопроса — стабилизация политического режима в Сербии и престиж национальной династии. Ни король Милан, ни его сын Александр не внушали доверия русским дипломатам. В отчетах из Белграда содержатся весьма нелестные и достаточно исчерпывающие характеристики обоих Обреновичей, дискредитировавших себя и в общественной и в личной жизни¹. В своих работах последних лет А.Л. Шемякин подробно исследовал падение престижа династии Обреновичей в сербском обществе². Он подчеркивает, что ни Милан, ни Александр Обреновичи не соответствовали патриархальным представлениям сербского народа о монархе как «главе семьи».

Но еще больше не соответствовали они представлениям русского императора Александра III о православном монархе³. На полях донесений русских представителей в Белграде о неблагоприятных поступках короля Милана русский император с горечью писал: «И это православный государь!».

Укрепление престижа правящей в Сербии династии становилось важной задачей балканской политики России.

Пришедший на смену Обреновичам в результате кровавого переворота 1903 г. Петр Карагеоргиевич оказался в ситуации бойкота европейских государств. Брак его дочери с представителем Дома Романовых должен был содействовать признанию легитимности династии Карагеоргиевичей. Не менее важным было для русского правительс-

¹ Кузьмичева Л.В. Сербия в 1878–1903 гг. в отчетах русского министерства иностранных дел // Годишњи извештаји министарства иностраних дел Руске империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878–1903). Нови Сад. 1996. С. 31–36.

² Шемякин А.Л. Народ и власть в независимой Сербии // Двести лет новой сербской государственности. М., 2005. С. 175–190.

³ Кузьмичева Л.В. Сербский посланник при русском дворе (1886–1887) // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. М., 2004. С. 253–254.

тва и поддержание тезиса о равнородности европейским монархам и черногорской династии Петровичей-Негошей.

Таким образом, две балканские принцессы Елены способствовали включению молодых балканских династий в европейскую монархическую семью.

Елена Савойская

Адриатическое море, уютно расположившееся между двумя полуостровами — Апеннинским и Балканским, поражает путешественника необыкновенной прозрачностью воды и ее удивительным лазурным и аквамариновым цветом. Итальянский берег Адриатики чрезвычайно живописен, но ему трудно равняться с красотой Балканского побережья, изрезанного бухтами, узкими заливами, ошеломляющего немолчным стрекотом цикад и красотой цветущих апельсиновых и гранатовых деревьев. Особенно впечатляет Черногорское приморье, где почти сразу же над морем высятся громадные и действительно черные горы, увенчанные снежными вершинами.

Отсюда, с Черногорского побережья привез в октябре 1896 года на итальянский берег молодой престолонаследник Итальянского королевства, будущий король Виктор Эммануил III, свою невесту. Ему было 28 лет, и он носил титул принца Неаполитанского, его невеста была на четыре года моложе и звалась черногорской принцессой Еленой. Молодые на корабле отплыли в итальянский город Бари, что находится прямо напротив маленького одноименного черногорского порта — Бар. Плыть предстояло недолго, всего несколько часов — расстояние между черногорским и итальянским берегом невелико. Но осеннее море коварно, и можно было ждать любых сюрпризов. Путешествие к счастью прошло благополучно, и в Бари жених и невеста поклонились главной святыни города — мощам святого Николая Мирликийского — покровителя мореплавателей. В тот же день они отправились в Рим, где их с нетерпением ждали родители жениха — король Италии Умберто I и королева Маргарита.

Пышная свадьба единственного королевского сына стала предметом всеобщих пересудов. Пока принц и принцесса направлялись к церкви Санта Мария дель Анжели по длинной ковровой дорожке усыпанной цветами, толпа изумленно ахала — невеста была хороша — высокая, стройная, темноволосая с правильными чертами смуглого

лица. А вот счастливый жених смотрелся хуже — он был далеко не красавец, а главное, едва доходил до плеча своей суженой. Как и его отец, Виктор Эммануил был не просто невысокого, а крошечного роста, что-то около 150 сантиметров. Точнее сказать сложно, ибо король старался носить обувь на толстой подошве, шляпы с высокой тульей, но такую разницу в росте было трудно скрыть во время брачной церемонии. В толпе перешептывались: «Вряд ли будет счастливым брак нашего «принца-шелкунчика» с этой славянской красавицей».

Если римскую толпу поражало внешнее несоответствие молодоженов, то присутствующую в качестве почетных гостей при венчании итальянскую аристократию куда больше занимал вопрос о династическом мезальянсе.¹ Савойская династия, к которой принадлежал жених — старейшая из европейских правящих династий. Она ведет свое начало с XII века и связана родственными узами с блестящими дворами Европы. Представители Савойского, а с 16 века — Савойско-Кариньянского дома известны в истории многими славными делами и военными победами. Чего стоит имя одного Евгения Савойского, доблестного победителя турок. Именно Савойская династия отправила свой корпус воевать в Севастополь с русскими во время Крымской войны. За это Сардинское королевство получило право участвовать в решении европейских дел на равных правах с другими «великими державами» — Австрией, Англией, Францией, Пруссией и Россией. Наконец, объединение Италии в 1861 г. произошло под знаменами именно Савойской династии. И никто иной, как дед жениха — Сардинский король Виктор Эммануил II стал в 1861 г. первым королем возрожденной Италии.

Многим не по вкусу пришлось возвышение Пьемонта — северо-западного итальянского государства, и его доминирующая роль в период Риссорджименто — времени возрождения национальной целостности Италии. Но пришлось смириться — Савойская династия, представители которой говорят с сильным северным жестким акцентом, невыносимым для музыкального итальянского уха — стала правящей династией объединенной Италии.

¹ Обстоятельства сватовства и брака Виктора Эммануила и Елены Петровиц реконструированы на основании монографий: *Katz Robert. The fall of the House of Savoy. N-Y. 1971*; *Bartoldi Silvio. Vittorio Emanuele III. Torino. 1970*; *Hindley Geeffrey. The Royal families of Europe. London. 2000*.

А кто такая эта худородная черногорская принцесса? Ее отец — князь Черногории Никола Петрович-Негош, еще двадцать лет назад был подданным турецкого султана, его вассалом, хотя и не признавал этого. Эта крошечная нищая Черногория, где живет чуть больше ста тысяч бедных крестьян, а в единственном городишке Цетинье, гордо именуемом столицей, всего три двухэтажных домика, эта страна, которую издавна итальянцы знали как турецкую территорию «Монте-негро», лишь в 1878 году обрела независимость. Черногорцы, правда, доблестно сражались с турками в союзе с Россией в 1877–1878 гг. В награду за это Черногория, согласно решениям Берлинского конгресса, в работе которого участвовала и Италия, получила независимость и статус европейского княжества. Но что заставило наследника итальянского престола выбрать будущую итальянскую королеву из этого полудикого племени? Это неслыханно, ведь династии черногорских Петровичей (если можно назвать династией правивших в Черногории митрополитов) всего-то около двухсот лет. А если подходить формально, то отец невесты и есть первый независимый князь Черногории — то есть родоначальник династии. Кроме того, невеста воспитана в православной вере и лишь незадолго до свадьбы перешла в католичество. Станный брак! Неравный брак! Обреченный брак!

Однако все пророчества не сбылись — получился долгий и счастливый брак. Супруги прожили вместе 51 год, воспитали пятерых детей, имели и многочисленных внуков. Исследователи Савойской династии говорят, что это был самый удачный пример супружества в королевском Доме. А ведь супругам пришлось пройти множество испытаний — две мировые войны и несколько локальных войн, в которых участвовала Италия, фактическое устранение королевской династии от власти в период правления Муссолини и, наконец, отречение от престола и изгнание из страны без права возвращения на родину. Все это время верной спутницей Виктора-Эммануила, ставшего после смерти отца в 1900 г. королем Италии, была королева Елена¹. Правда,

¹ Елена Савойская (девичья фамилия Петрович-Негош) (1872–1952) — черногорская княжна, итальянская королева (1900–1946) в 1896 году вышла замуж за наследника итальянского престола Виктором-Эммануила III Савойского (1869–1947), будущего короля Италии (1900–1946), недолго носившего также титулы короля Албании (1939–1943) и императора Эфиопии (1936–1943). Умерла в изгнании, похоронена в Монпелье, во Франции. Она была королевой 46 лет, и оставила по себе не худшие воспоминания.

доказывать свое право быть королевой ей пришлось всю жизнь¹. Ведь неравенство знатности родов жениха и невесты было очевидным

Правда, жениха она выбирала не сама, это заслуга ее отца — князя, а с 1910 года — короля Черногории.

Никола Черногорский

Черногорский князь (а с 1910 г. король) Николай, или по-сербски Никола, родился в 1841 г. и прожил долгую восьмидесятилетнюю жизнь². На престоле Черногории он находился 58 лет — с 1860 по 1918. Последние три года жизни прожил в изгнании, на Лазурном берегу, поскольку не согласился признать объединение Черногории и Сербии в единое югославское королевство. Он больше не увидел своей страны и был похоронен вдали от нее³. Только в 1989 г. черногорцам удалось добиться, чтобы останки короля Николы и его жены королевы Милены, пережившей мужа на два года, перенесли на родину в Черногорию.

Как странно тасуетса колода! Вот уже и итальянцы добиваются возвращений на родину останков Виктора Эммануила и его жены Елены, похороненных соответственно в Египте и Франции. Вышло так, что отец и дочь пережили одинаковый финал своих королевских карьер — изгнание, смерть на чужбине, могила в чужой земле.

Но осенью 1896 года, в Риме они оба были счастливы и полны надежд. Елена, становясь женой престолонаследника итальянского престола, входила в таинственный недоступный мир европейской монархической семьи, где все в той или иной степени родственники, мир не просто высшего света, а элиты европейской аристократии. Отец же ее, черногорский князь Никола, доволен был вдвойне. Брак этот сулил

¹ Елене Савойской посвящена переведенная на сербский язык книга итальянского исследователя Ренато Барнески. — *Barneski Renato. Jelena Savojska. Beograd. 1988.*

² Подробную биографию короля Николы см.: *Писарев Ю.А. Шесть десятилетий на троне. Черногорский монарх Николай Петрович-Негош // Новая и новейшая история. 1991. № 6. С. 113–132.*

³ О жизни короля Николы и его семьи в эмиграции см.: *Расходер Шербо. Петровићи у екзилу — сутон једне династије // Династија Петровић Ње-гош. Радови са међународног научног скупа. Подгорица 29 октобар- 1 новембар 2001. Подгорица. 2002. Т. 2. С. 227–301.*

ему не только чрезвычайно престижные родственные связи (подумать только он может стать дедом итальянского короля!), но и политическую, и экономическую поддержку его маленькой и бедной стране.

Князь Никола принадлежал к славному черногорскому роду Негошей, давших Черногории храбрых воинов, талантливых поэтов и искусных политиков. Но особую славу роду принесли митрополиты, осуществлявшие не только духовное, но и политическое управление Черногорией в XVIII и первой половине XIX века. Черногория де-юре была составной частью Турецкой империи с XV века, но де-факто себя таковой не признавала. Черногорские митрополиты, получавшие поддержку из единой России сменяли друг друга, передавая власть своим племянникам, также избиравшим путь монашеского служения. Самым славным и известным из этих митрополитов-воинов был двоюродный дедушка короля Николы — митрополит Петр II Петрович-Негош. Этот почти двухметровый гигант стал править Черногорией в 1831 году, когда ему едва исполнилось 17 лет. И за последующие двадцать лет, что было ему отмерено прожить на свете, заслужил славу воина и поэта, философа и политика. Каждый черногорец наизусть знает его героическую поэму «Горный венок». Король Никола старался подражать своему славному предку и тоже писал стихи и философские сочинения, но гениальность усидчивостью не приобретается.

То, что в Черногории управляли не турецкие наместники, а православные митрополиты, власти в Стамбуле еще могли терпеть. Но когда в 1851 году очередной кандидат на митрополичью кафедру из рода Негошей — Данила — отказался принять постриг и объявил себя светским князем Черногории, турецкие войска двинулись на усмирение мятежного края. Лишь дипломатическими усилиями Австрии и России удалось спасти Черногорию от разгрома. Удалось даже договориться о некотором формальном разграничении. Дело князя Данилы продолжил после его смерти в 1860 г. уже известный нам князь Никола. Именно он стал первым и последним правителем независимой Черногории.

Образование он получил во Франции, в парижском лицее, владел несколькими языками, занимался стихосложением, но, главное, обладал большим дипломатическим талантом. Все его усилия были направлены на завоевание независимости и укрепление Черногории. Он по завету своих предшественников искал союзников в братском сербском народе. Собственно черногорцы и считали себя в то время сербами, ибо язык, нравы, обычаи были общими. Существовал и план

объединения Черногории и Сербии в одно государство в случае освобождения от турецкой власти. Когда же в Сербии начались династические споры и распри князь Никола стал подумывать — а не стать ли ему самому правителем будущего объединенного государства «Великая Сербия». Планы его в Сербии были известны и, хотя правящая династия Обреновичей военный союз с князем заключила, до конца все-таки ему не доверяла.

Сербия и Черногория — два крошечных вассальных турецких государства в июне 1876 года начали войну против своего сюзерена — Турции. Это спровоцировало русско-турецкую войну 1877–78 гг. и серьезный конфликт между великими державами, с трудом разрешившийся во время работы Берлинского конгресса. Черногория стала независимым государством, а ее князь излюбленным персонажем иллюстрированных изданий по всей Европе. Действительно, он был чрезвычайно живописен в своем ярком черногорском костюме, украшенном позументами и вышивкой, в неизменной маленькой круглой черногорской шапочке на голове. Романтический ореол ему придавали как героическая борьба его народа, в которой он активно участвовал, так и его поэтический дар.

А вот отношения с Сербией осложнились, особенно после того, как старшая дочь князя Николы девятнадцатилетняя Зорка в 1883 году вышла замуж за представителя соперничающей с Обреновичами династии — Петра Карагеоргиевича (1844–1921). Это уже был политический вызов и, как считали в Сербии, предательство и интрига со стороны князя Николая.

Многие современники вообще считали князя Николу непревзойденным мастером политической интриги. Так, русский дипломат, Ю.Я. Соловьев, находившийся при дворе князя Николы в Черногории в 1905 году, и отозванный по требованию князя в Россию, писал в своих воспоминаниях: «Николай был прирожденным актером. Он всячески старался произвести впечатление на окружающих, поражая их деланной простотой и добродушием. В действительности он был весьма хитрым и прошедшим через многие политические трудности политическим интриганом»¹.

В 1903 году в Сербии произошел кровавый государственный переворот. Последний из Обреновичей, король Александр был убит

¹ Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1959. С. 149–150.

и к власти пришли Карагеоргиевичи. Королем Сербии стал зять князя Николы, Петр Карагеоргиевич, а престолонаследником его внук. Дочь Николы, Зорка до этого дня не дожила, она умерла в 1890 г., оставив сиротами дочь и двух сыновей.

Независимое черногорское государство просуществовало сорок лет и в 1918 г. вошло в состав Королевства Сербов, хорватов и словенцев, которое с 1929 года стало называться Югославией. Во главе этого нового, ненавидимого и непризнанного королем Николой государства, встали его зять и внук — король Петр Карагеоргиевич и принц-регент Александр.

Но это не были единственные его высокопоставленные родственники. Князя Николу называли всеевропейским тестем и свекром. Действительно, он очень удачно, как ему казалось пристроил, своих дочерей и сыновей. А их у него было двенадцать — девять дочерей и три сына.

Совершеннолетия достигли семь дочерей князя (Софья умерла младенцем, Мария прожила 16 лет). Старшая его дочь — Любица-Зорка (1864–1890 гг.) стала женой будущего сербского короля Петра Карагеоргиевича. Вторая и третья дочери князя — Милица (1866–1951) и Анастасия (1867–1935), сестры-погодки, стали русскими великими княгинями Романовыми. О Елене Савойской уже говорилось выше. Следующая за Еленой, шестая дочь Анна (1874–1971) замужем (с 1897 г.) за Францем-Иосифом Баттенбергским. Две младших дочери князя Николы Ксения (1881–1960) и Вера (1887–1927) замуж не вышли.

Его три сына — Данило (1871–1939), Мирко (1879–1918) и Петр (1889–1932) взяли жен из известных европейских родов. Причем князь Никола старался породниться с представителями обеих враждующих европейских группировок — и будущей Антанты и будущего Центрального блока.

Такая тактика вызывала негодование многих русских политиков. Так, министр финансов С.Ю. Витте писал: «...князь Николай в своей политике держался всегда и нашим, и вашим; вообще он был дружен с тем, кто ему что-нибудь давал, а потому он заигрывал и искал то при дворе австро-венгерском, то при русском, а в последнее время, с тех пор как выдал свою дочь за итальянского короля он очень заискивает при дворе итальянском. Когда ему нужно было демонстративно показать свое особое православие, подчеркивать заблуждение католи-

цизма, он это делал самым охотным образом; а потом, когда случайно наследный итальянский принц влюбился в его дочь и пожелал на ней жениться, то князь Николай конечно, с громадной радостью на это согласился и не встретил никакого препятствия к тому, чтобы его дочь приняла сейчас же католичество»¹.

Можно понять гнев министра финансов, ведь львиную долю бюджета Черногории составляли русские дотации. Россия не только полностью содержала черногорскую армию, но самого князя Николу, его семью и двор. 500 тысяч рублей, выплачивалось ежегодно безвозмездно Черногории, а после 1910 года эта сумма достигла 2 млн рублей. Так соблюдалась давняя традиция, уходившая еще в петровские времена.

Итак, Витте брак черногорской принцессы не одобрил. Также сдержанно отнеслись к нему и в русском министерстве иностранных дел, о чем записал в своем дневнике в день помолвки 7 августа 1896 г. товарищ министра иностранных дел В.Н. Ламздорф².

А ведь этот брак устроился именно в России, в Москве, где и познакомились итальянский принц и черногорская принцесса.

Он повстречался с ней в Москве

Да именно в Москве, по странному или наоборот запланированному стечению обстоятельств, и встретились итальянский принц и черногорская принцесса в конце мая 1896 г. Они оба прибыли в Москву — она с отцом, он с многочисленной свитой, чтобы принять участие в грандиозных торжествах — коронации Николая II и его супруги Александры Федоровны. Москва ожидала семь тысяч гостей и приготовления были пышными и роскошными. Сама церемония коронации прошла блистательно и, наверное, поразила молодых гостей. Правда страшная Ходынская катастрофа испортила праздник, но торжественный обед для высоких гостей все же состоялся в Кремле. Именно там, сидя рядом за парадным столом, наши герои и познакомились. О том, как Виктор Эммануил сразу же пленился своей соседкой поведала в своих мемуарах находившаяся неподалеку красавица — язвительная и наблюдательная внучка Александра II — принцесса Мария,

¹ Витте С.Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911. М., 1991. С. 274–275.

² Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 385.

будущая королева Румынии¹. Она считала, что молодые люди были посажены рядом совсем не случайно. Об этом же рассказывал Ю.Я. Соловьеву ее муж румынский король Фердинанд, полагавший, что «со стороны князя Николая и его русских родственников было затрачено много усилий, чтобы наладить этот брак»².

Впечатление от первой встречи с Еленой было настолько сильным, что уже вечером принц Виктор Эммануил записал по-английски в своем дневнике — «я ее встретил», а через четыре дня пометил — «я решился»³. Это означало, что он сделал Елене предложение. Оно было с радостью принято, договорились, что оба вернутся к себе домой, а затем жених приедет в Черногорию для официальной помолвки. Он прибыл в Цетинье уже 7 августа, и помолвка состоялась.

Несколько поспешный брак изумил многих. Но было бы наивно полагать, что встреча эта была случайной и молодые люди не знали, что увидят друг друга в Москве. Подготовительная работа велась, по-видимому, давно. Главными действующими лицами здесь были собственно сам князь Никола, кровно заинтересованный в сближении с Италией. Ведь эта соседняя страна могла бы способствовать развитию экономики Черногории. В восьмидесятые годы XIX века это сближение начало активизироваться. Интерес был взаимным — Балканы являлись важным пунктом в стратегии Италии. Экономическое освоение Балканского побережья Адриатики и политический контроль над молодыми государствами составляли важную часть плана возрождения «Великой Италии». Заветной мечтой многих итальянских политиков, которую пытался реализовать впоследствии Муссолини — сделать Адриатическое море «внутренним итальянским морем». Соперницей Италии тут выступала Австро-Венгрия, которая после присоединения начале XIX веке Далмации стала активно укрепляться на Балканах. Союз с Черногорией, а тем более династический, отвечал интересам итальянской балканской политики. Князь Никола, давно добивавшийся этого сближения, по-видимому еще в 1893 г. во время официального визита в Италию вел переговоры о возможном родственном союзе. Продолжил эту миссию его сын Данило, очень благожелательно принятый при римском дворе.

¹ *Mary Queen of Romania. The story of my life.* London. 1924. P. 163.

² *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1959. С. 154.

³ *Katz Robert.* The fall of the House of Savoy. N-Y. 1971. P. 162.

Не меньше отца были заинтересованы, по-видимому, в судьбе Елены и две ее старшие замужние сестры — Милица и Анастасия. О, эти дамы заслуживают особого разговора, ибо их роль в русской политической жизни конца XIX и начала XX века и по сей день вызывает споры и пересуды.

Сестры-черногорки

Современники отмечают замечательную красоту практически всех дочерей князя Николая и княгини Милены. Хотя и подчеркивают, что их красота была своеобразной, южной, диковатой. Черноволосые смуглянки мало отвечали эстетическим нормам женской красоты севера Европы.

Наиболее известными в России из пяти замужних сестер стали знаменитые «черногорки № 1 и № 2» — Милица (1866–1951) и Анастасия-Стана (1867–1935). Они вместе со своей младшей, умершей в шестнадцать лет, сестрой Марией учились в Смольном институте в Петербурге, и после замужества остались в России. Замуж они вышли за близких родственников российского императора Александра III.

Милица стала женой внука Николая I — великого князя Петра Николаевича (1864–1931). У них было трое детей — Марина, Надежда и Роман. Младшая Анастасия, которую чаще звали на черногорский манер Станой, дважды выходила замуж и оба раза за представителей Дома Романовых. Первый раз в 1889 г. она вышла замуж за внука Николая I герцога Георгия Лейхтенбергского, князя Романовского (1852–1911).¹ Он был сыном старшей дочери императора Николая I Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского, то есть являлся двоюродным братом Александра III. Герцог Лейхтенбергский уже был прежде женат и, овдовев в 1883 году, вел не слишком праведный образ жизни. Витте писал о нем: «...принц Юрий Лейхтенбергский, третий сын великой княгини Марии Николаевны, ... женившись на черногорке № 2 (вторым браком), продолжал свою связь с куртизанкой за границей, где большею частью и проживал. Такое его поведение, конечно, не могло нравиться такому в высшей степени нравственному человеку, как Александр III ...»¹

И хотя по выражению все того же Витте, герцог был «в сущности безобидный человек и совсем недурной», Анастасия Николаевна раз-

¹ Витте С.Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911. М., 1991. С. 425–426.

велась с мужем в 1906 г. В следующем году она стала женой великого князя Николая Николаевича-младшего (1856–1929), верховного главнокомандующего русской армией в первую мировую войну. Николаю Николаевичу пришлось добиваться разрешения Священного Синода на этот брак. Главным препятствием являлось то, что старшая сестра невесты — Милица была женой родного брата жениха, а подобные браки не допускались православной церковью. В браке с герцогом Лейхтенбергским Анастасия родила сына Сергея и дочь Елену. Детей от второго брака у нее не было.

Таким образом обе сестры стали русскими великими княгинями, да еще и замужем были за родными братьями. Последнее обстоятельство вызывало пересуды и возмущение, многие современники считали эту ситуацию очередным скандалом в царственном семействе и осуждали Анастасию.

Сестры были очень близки к семье Николая II. Они сумели завоевать доверие молодой императрицы Александры Федоровны. Современники считали, что одинокой и холодно принятой русским двором молодой императрице остро не хватало дружеского участия, и «черногорки», воспользовавшись этим, быстро нашли путь к ее сердцу. Они часто бывали в доме молодой царской четы, оказывали различные услуги и постепенно стали почти членами семьи.

Репутация у них была далеко не идеальной — оккультистки и любительницы всяческих новых религиозных течений. Милица особенно преуспела в этом, она даже специально изучала восточные языки, чтобы ознакомиться с сочинениями восточных мистиков, а в 1900 г. получила в Париже диплом о присвоении ей степени доктора алхимии. Именно сестры-черногорки впервые познакомили императорскую семью с Григорием Распутиным, о свидетельствуют записи в дневнике Николая II за 1905–1907 годы. Распутин не был первым чудотворцем, которого сестры приводили в царский дворец. Пятью годами раньше, великий князь Петр Николаевич и Милица познакомили царскую семью с французским мистиком и врачом Филиппом Вашо, помогшим их сыну Роману излечиться от припадков падучей.

Высшие сановники Российской империи сестер-черногорок не жаловали и иронично называли их «черногорка № 1» и «черногорка № 2». Злоязычный С.Ю. Витте дал им уничижительную характеристику: «Ох уж эти ... черногорки, натворили они бед России... Чтобы рассказать какие пакости они натворили, нужно написать целую ис-

торию; не добром помянут русские люди их память... Это две дочери князя Николая Черногорского. Он их девочками отдал в Смольный институт, там на них очень мало обращали внимания. Они кончили курс, как раз когда император Александр III разорвал традиционные узы с Германией и союз с Францией был в зародыше. Тогда он за обедом, данным в честь князя Черногорского, провозгласил знаменитый тост: «За моего единственного друга, князя Николая Черногорского». Тост этот, конечно, был провозглашен не столько по любви к князю Николаю, как для того, чтобы сказать всему свету: «У меня нет союзников, и я в них не нуждаюсь». С своей стороны, князь Николай сделал все от него зависящее, чтобы заслужить расположение императора. Это расположение, впрочем совершенно естественно вытекало из того, что князь Николай был князь рыцарского народа — черногорцев, из всех славян всегда заявлявших свою наибольшую привязанность к нам, русским. При таком положении вещей естественно, что император Александр III оказывал внимание кончившим в Смольном институте черногорским княжнам. Этого было достаточно, чтобы явились из царской семьи женихи. Ведь в это время у нас всяких великих князей размножилось целое стадо»¹.

Рассказывая о бесконечных требованиях денег, поступавших к нему от черногорок, Витте пишет: «Я воображаю сколько эти сестры потом на меня клеветали императрице. Вообще эти особы крепко присосались к русским деньгам».

В первые годы революции сестры-черногорки, их мужья и дети жили в Крыму в имении Ай-Тодор. 31 марта 1919 году им удалось бежать из Советской России вместе с другими представителями семьи Романовых на английском военном корабле «Мальборо», который английский король Георг V предоставил своей тетушке, вдовствующей императрице Марии Федоровне.

Дальнейшая жизнь сестер протекала на юге Франции. Но в 1929–1931 годах один за другим ушли из жизни великие князья — Николай Николаевич, а затем его брат Петр Николаевич. После смерти в 1935 году Анастасии, великая княгиня Милица с сыном Романом перебралась к своей младшей сестре — королеве Италии Елене и поделила ее судьбу, бежав вместе с ее семьей в Египет в 1946 г.

Но ровно за пятьдесят лет до этого бегства, в 1896 году в Москве, во время коронационных торжеств Николая II, Милица и Анастасия,

¹ Там же.

уже опытные великосветские дамы, опекали свою юную сестру Елену — Елу, как звали ее дома.

Наверное, она робела, когда впервые говорила по-французски с молодым итальянским принцем, которого прочили ей в мужа. Когда им стало легче беседовать? Может быть между переменной блюд обозначенных в сохранившемся меню торжественного обеда — «филе из цыплят с трюфелями» на «холодное из омаров» или между «горячим сладким» и «мороженым»? Ясно одно, нелегко общаться, когда за тобой наблюдают сотни любопытных глаз. Общее мнение обедающих было таково: «Конечно, эта смуглянка — черногорская принцесса сделает блестящую партию, если сумеет увлечь неказистого карлика — наследника итальянского престола». А одиннадцать наследных принцев и пятнадцать просто принцев и принцесс, присутствовавших вместе с другими высокопоставленными и царственными особами на этом обеде, сошлись мысленно в одном — эта захудалая черногорка все отдаст за то, чтобы стать и с ними вровень. Наверняка ей хочется пожить настоящей королевской жизнью.

Королевская жизнь

Высокая честь стать женой престолонаследника, а затем и короля требовала и серьезных жертв и испытаний. Первой такой жертвой стала перемена религии. Хотя было совершенно естественно, что в католической Италии будущая королева должна исповедывать именно эту религию, сам факт перехода Елены из православия в католичество, как уже говорилось выше, вызвал реакцию изумления и даже некоторого негодования в России. Невеста выполнила это непереносимое и, пожалуй, единственное условие своей будущей свекрови еще до венчания, сразу же по прибытии на итальянскую землю в городе Бари.

Собственно, по мнению многих исследователей, одной из причин побудивших итальянскую правящую семью искать невесту в Черногории, был вопрос о религиозной принадлежности невесты. Исследователи отмечают, что католические принцессы не соглашались на брак с Виктором-Эммануилом из-за напряженных отношений Савойской династии с Папой Римским. Православные же русские великие княжны никогда бы не согласились на перемену религии.

Главной задачей молодой жены Виктора-Эммануила было стать ему верным и истинным другом. Он в этом очень нуждался. Этот маленький итальянский принц, который сам себе дал прозвище «Щел-

кунчик», чувствовал себя очень одиноким. По странным обычаям Савойского Дома в детстве он имел счастье видеть своих родителей всего два раза в неделю во время совместного ужина. Его нянькой была англичанка, и по-английски он говорил и писал свободно. Замкнутый, тихий, скрытный и немногословный ребенок — он получил весьма основательное домашнее образование. Хотя его занятиями руководил полковник, к войнам и оружию наследник особой склонности не питал. Крошечного роста, щуплый с карикатурным лицом юноша красотой не отличался, хотя в детстве, судя по фотографиям, был вполне симпатичным ребенком.

Видимо внешность причиняла итальянскому принцу серьезные проблемы и порождала комплексы. Во всяком случае его родители начали уже опасаться за его будущую семейную жизнь. Поэтому двадцатитрехлетняя княжна из молодого государства Черногория, была долгожданной невестой. Некоторые колебания были лишь по вопросу «равнородности» этого брака. Аргументов в пользу брака нашлось два: во-первых, уже был прецедент — равнородным признали для себя брак с черногорскими принцессами — сестрами Елены русские великие князья, двоюродные братья Александра III; а второй аргумент привел очень влиятельный в Италии политик Криспи — «Савойской династии, где сплошь и рядом были браки между ближайшими родственниками грозит вырождение, ей необходимо вливание «свежей крови». Надо сказать, что эта «свежая черногорская кровь» дала отличные результаты: все четыре дочери Виктора-Эммануила и Елены — Иоланда, Мафальда, Джованна и Мария Франческа были высокими и стройными красавицами, а их единственный сын Умберто и просто гигант.

Елена оправдала надежды принца. Она сумела понять и полюбить Виктора-Эммануила, смогла разглядеть и оценить лучшие качества его души. Все знавшие ее, отмечали ее добрый нрав, абсолютную преданность и верность мужу. С ним она прошла нелегкие испытания королевской жизнью.

В 1900 году король Италии Умберто I был убит анархистом. В неспокойное время вступил на престол Виктор-Эммануил. Ему предстояло решиться на внутренний поворот в жизни государства в сторону либерализации и определиться с выбором союзников в расколовшемся на два блока мире европейских великих держав. Парадоксально, но на правление этого очень миролюбивого короля пришлось больше всего войн, в которых участвовала Италия: итало-турецкая, итало-

абиссинская, две мировых и множество локальных военных конфликтов. Суровые реалии XX века, безжалостно стирающие империи и монархии с карты мира, заставляли итальянского короля идти на компромиссы.

Главным таким компромиссом, определившим как судьбу Италии, так и судьбу династии стал приход к власти Муссолини и его партии фашистов в октябре 1922 года. С этого времени правление Савойской семьи становится номинальным, хотя внешне Муссолини демонстрирует почтение и уважение к королю и дважды в неделю является к нему для доклада. Именно приход фашистов к власти при одобрении его королем Виктором-Эммануилом и стал основанием в 1947 году для постановления республиканского правительства о вечном запрете для членов Савойской династии находиться на территории Италии. После многолетних дебатов и споров лишь в 2003 году потомки Виктора-Эммануила смогли вернуться на родину.

Отношения Виктора-Эммануила и Муссолини не были однозначными. Исследователи полагают, что в целом итальянский король относился к Муссолини неплохо и искренне верил в его способности навести в стране порядок. Признают и то, что он был недоволен, когда дуче первенствовал во время визитов иностранных государственных лиц, и когда Муссолини и себе, и Виктору-Эммануилу присвоил одинаковые звания фельдмаршала.

Они впервые увиделись в 1914 году, когда итальянский король посетил госпиталь, где лежал раненный в ногу молодой солдат — анархист и социалист Бенито Муссолини. Последний раз они увиделись в июне 1943 г., когда король во время традиционного доклада дуче сообщил ему, что он поддерживает решение Большого фашистского Совета об отстранении Муссолини от власти. Это решение и выход Италии из гитлеровской коалиции заставило короля скрыться вместе с семьей от нацистского гнева на Сицилии.

Но расплата за решение выйти из войны для королевской семьи стала страшной. Гитлер, который и прежде был в весьма натянутых отношениях с итальянским королем, жестоко ему отомстил. 9 сентября 1943 года по обвинению в измене арестованы принц Филипп Гессенский и его жена принцесса Мафальда, вторая дочь Виктора-Эммануила и Елены. Филипп Гессенский, входивший в ближайшее окружение фюрера обвинен в передаче информации итальянской стороне, а его жена в том, что она помогала ему и была его шифровальщицей.

29 августа 1944 года принцесса Мафальда (1902–1944) погибла в концлагере Бухенвальд. Ее муж уцелел и скончался в 1980 году.

Следующим испытанием стала гибель монархического устройства страны. Виктор-Эммануил, пытаясь разрешить политический кризис, возникший в Италии после окончания второй мировой войны, отрекся от престола в мае 1946 года в пользу своего сына Умберто Второго (1904–1983). Но через месяц и тот вынужден был покинуть страну вместе со всей семьей, так как общенациональный референдум признал необходимым ввести республиканское правление вместо монархического. 12 миллионов итальянцев проголосовало за республику и 10 миллионов за монархию. Это и стало концом правления Савойской династии в Италии.

Виктор-Эммануил III и Елена прожили длинную и трудную жизнь, в которой хватало и радости и печали.

На многочисленных фотографиях их редко можно увидеть стоящими рядом — обычно она сидит, а он стоит; или же он — наверху лестницы, она — на несколько ступенек ниже. Придворные фотографы старались не афишировать карикатурную разницу в росте, по-видимому, это им было строго приказано. И лишь на двух фотографиях можно увидеть их рядом. Первая фотография 1896 года — свадебная, в храме. Здесь они молоды и полны надежд и тревог, свойственных молодости. И вторая, ровно через пятьдесят лет, 1946 года — репортажный снимок отъезда королевской четы (уже отрекшейся от престола) из страны навсегда, в изгнание. На этом снимке — маленький, сухонький король с измученным и несчастным лицом опирается на руку высокой дородной старой женщины — величавой и скорбной одновременно. Видно, что они уже давно не стесняются своей «разновысокости», их сравнивала жизнь. Жизнь, которая подошла к концу. Через год, 28 декабря 1947 года, Виктор-Эммануил Савойский, простудившись на рыбалке, умер в пыльном египетском городе Александрия. Жена выхаживала его и была рядом с ним до последней минуты, а когда он умер, сказала: «Он был моим сыном». Она пережила его на пять лет. Бывшая королева Италии, бывшая черногорская принцесса Елена умерла 30 ноября 1952.

Легко ли быть королевой? Это знают только королевы, но они редко об этом говорят и пишут. Каково быть королевой в изгнании? Об этом они и вовсе предпочитают молчать. Не менее драматична была и судьба любимой племянницы Елены Савойской.

Елена Романова

Романовы правили на Руси чуть более трехсот лет (1613–1917), Петровичи фактически управляли Черногорией около двухсот пятидесяти (1683–1918), Карагеоргиевичи занимали сербский престол с перерывами 68 лет с 1804 по 1945 г.¹ Династии — разные не только по хронологической протяженности своего царствования, но и по легитимности, методам и способам борьбы за престол. Но случилось так, что в 1911 г. в Петергофе в присутствии царской семьи и многочисленных представителей Дома Романовых был заключен брак, благодаря которому все они породнились — Петровичи, Карагергиевичи и Романовы. Невеста — сербская принцесса Елена, дочь короля Сербии Петра, была одновременно и внучкой короля Черногории Николы. Жених — Иоанн Константинович Романов был правнуком императора Николая Первого и стало быть троюродным братом императора России Николая Второго. В детях от этого брака сошлась кровь Романовых, Петровичей и Карагеоргиевичей.

Брак этот был символическим — признание равнородности династии Карагеоргиевичей и Романовых знаменовало русскую поддержку Сербии и ее короля.

«Сделай все, чтобы нас венчали в России...»

Так писала в июле 1911 г. из Сербии жениху в Петербург внучка короля Черногории Николы Петровича и дочь короля Сербии Петра Карагеоргиевича сербская принцесса Елена (1884–1962). Ее жених князь Иоанн Константинович Романов (1886–1918) — старший сын русского великого князя Константина Константиновича Романова, известного поэта и драматурга, писавшего под псевдонимом «К.Р.»

¹ Полное родословное древо Карагеоргиевичей см.: *Недельковић Миле. Карађорђевићи // Даница. Београд. 1997. С. 151–165. Полное родословное древо Петровичей см.: Вујадиновић Желько. Династија Петровић // Даница. Београд. 1998. С. 175–198; Он же. Владарска лоза Петровић-Његош. Поријекло, родослов, династичка обиљежја // Династија Петровић Његош. Радови са међународног научног скупа. Подгорица 29 октобар — 1 новембар 2001. Подгорица. 2002. Т. 1. С. 555–563. На русском языке о черногорской и сербских династиях см.: *Кудрявцева Е.П.* Югославия. Перипетии престолонаследия в Сербии и Черногории // *Монархи Европы. Судьбы династий.* М., 1996. С. 546–562.*

Письма Елены полны тревоги и опасений по поводу предстоящей свадьбы. Волновалась она вполне обоснованно, ибо препятствий к браку было немало. Во-первых, всего месяц назад скончалась бабушка жениха великая княгиня Александра Иосифовна¹, а стало быть препятствием мог быть семейный траур, во-вторых, официальной помолвки еще не было, и жениху только предстояло приехать просить руки Елены у ее отца, ну а в-третьих... В-третьих, — это уже обстоятельства политические, касающиеся как характера русско-сербских и русско-черногорских отношений, так и очень сложных личных отношений отца принцессы короля Петра и бабушки принцессы черногорского короля Николы.

Отношения тестя и зятя резко ухудшились в этот сложный для Балкан период, когда полуостров устойчиво приобрел славу порохового погреба Европы. Приближались решающие события — война молодых балканских государств с Османской империей, получившая название первой балканской войны. Сколачивался очередной балканский союз, в котором неизменно лидировали Сербия и Черногория. Мучительно шли переговоры об условиях сербско-черногорского союза зимой и весной 1911 г., обнаружилось и споры по поводу будущего территориального разграничения отвоеванных у Турции областей. Правительственные чиновники обеих стран искали возможности компромисса². Но вот согласия между сербским и черногорским монархами не наблюдалось, оба претендовали на главенствующую роль в будущем возможном югославянском объединении. Оба искали поддержки своих амбиций у неизменной покровительницы — России, оба использовали и свои родственные связи. По этой части, безусловно, лидировал король Никола Черногорский.

Никола Петрович был честолюбив, тщеславен, амбициозен и границы крошечной Черногории были ему тесны. Он мечтал стать сербским королем, ну в крайнем случае болгарским князем. Но эти его мечты не только не реализовались, но более того, он лишился и того, чего добился — короны Черногории. Умер он в изгнании и такая же участь постигла всех его дочерей, которые вышли замуж за представителей знатных и царствующих европейских династий.

¹ Александра Иосифовна (1830–1911) — урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская — вдова Константина Николаевича сына Николая Первого.

² *Распоповић Радослав*. Дипломатија Црне Горе. 1711–1918. Подгорица-Београд. 1996. С. 529–537.

Но лукавая судьба преподнесла ему подарок — один из его внуков стал королем Югославии, куда вошла и Сербия, и Черногория, второй — королем Италии, а правнук — царем Болгарии. Александр Карагеоргиевич — сын старшей дочери князя Николы Зорки — был с 1921 г. до своей трагической смерти от рук террористов в 1934 г. королем Югославии. Старшая же сестра Умберто, принцесса Джованна, вышла замуж за болгарского царя Бориса (приняв имя Иоанна). Ее сын, недавний премьер-министр Республики Болгария Симеон Кобургский, после скоропостижной кончины отца стал в семилетнем возрасте болгарским царем. Любопытно, что на югославском престоле в это время находился его троюродный брат, тоже правнук князя Николы — четырнадцатилетний юноша Петр Карагеоргиевич. Болгарская царица Иоанна и югославский король Александр были детьми родных сестер, черногорских принцесс Зорки и Елены. Сын королевы Италии Елены, а значит дядя болгарского царя Симеона — Умберто Второй был королем Италии, правда недолго, всего один месяц.

Итак — Карагеоргиевичи, Савойские, Кобурги, — царственные потомки черногорского правителя. Но, пожалуй, не меньшую гордость доставляли ему его внуки и правнуки — Романовы. Ведь две его дочери и внучка сочетались браком с представителями Дома Романовых.

Русско-сербско-черногорский союзный брак

Дочери Николы Черногорского стали великими княгинями Романовыми, а теперь предстояло породниться с Романовыми и королю Сербии Петру Карагеоргиевичу. Он очень рассчитывал на этот брак, но не будет ли противиться дедушка принцессы? Как отнесутся с этому ее августейшие тетки Милица и Стана? Не сорвется ли ее свадьба с нежно любимым Иоанчиком, как называли Иоанна Константиновича близкие — вот что волновало сербскую принцессу в июле-августе 1911 года. А главное — дадут ли благословение на этот брак русский император и его жена?

О Милице и Стане известно немало.¹ А вот их родная племянница, единственная дочь рано умершей старшей сестры Зорки — Елена Карагеоргиевич менее известна читателям. А ведь она тоже стала Рома-

¹ Боханов А. «Черные сестры». Черногорские княгини при царском дворе // Родина. 2003, № 3. С. 78–81.

новой, женой «князя императорской крови» Иоанна Константиновича, правнука Николая Первого. Только уже по новым законам о титулах в семействе Романовых она не «великая княгиня», а «ее высочество княгиня».

Елена Петровна Карагеоргиевич, которую в русской литературе именуют сербской королевной, лишилась матери, когда ей было шесть лет. Она родилась в живописном черногорском городке Риека Црноевича и была первенцем двадцатилетней черногорской княжны Зорки, старшей дочери князя Николы. Ее отец князь Петр Карагеоргиевич, внук легендарного Карагеоргия предводителя Первого сербского восстания, был старше матери на двадцать лет. Петр Карагеоргиевич вместе с отцом был изгнан из Сербии в 1858 г., и в Сербии правили их соперники — династия Обреновичей. Свадьба Петра и Зорки вызвала гнев Обреновичей, охлаждение сербско-черногорских отношений. В отчетах российского МИДа говорилось по этому поводу: «В обстоятельстве этом сербский король не преминул усмотреть политический замысел, внушенный Россией и имевший конечной целью его низвержение». Этот брак был действительно вполне благожелательно воспринят в России. Свидетельством русского расположения явилось и то, что крестным отцом маленькой Елены, первой внучки князя Николы, стал русский император Александр III. При ее крещении в Цетинье его представлял русский посланник Агиропуло¹.

Поначалу Елена росла и воспитывалась при дворе своих дедушки и бабушки черногорского князя Николы и его жены Милены. Малышку любили, баловали, она дружила со своими юными тетками Еленой, Ксенией и Верой, а ее дядя Петр был и вовсе младше. Детское ее прозвище было Ябе, так она долгие годы и подписывалась в письмах к родным и близким.

А вот для жениха своего она была «Леночкой», «хитрой кошкой Леночкой». Именно так подписывает она свои счастливые, полные нетерпения скорейшего свидания и свадьбы письма к жениху из Сербии летом 1911 г.

В 1890 г. княгиня Зорка умерла после тяжелых родов, оставив сиротами двух сыновей — трехлетнего Георгия, двухлетнего Александра и шестилетнюю дочку Елену. В 1894 году Петр Карагеоргиевич переехал в Женеву, куда увез и детей. А в 1898 г. он привез их учиться

¹ *Љушић Р.* Карађорђевићи. Београд, 2001. С. 122.

в Россию¹. После восшествия на престол в 1903 г. Петр Карагеоргиевич забрал Елену в Белград. Девятнадцатилетняя Елена приехала туда впервые. Сербия так и не стала ей родной. Она безумно тосковала по России, где училась, где остались ее друзья и где жили ее тетки — великие княгини Милица и Стана. В своих письмах к фрейлине и воспитательнице детей великой княгини Милицы Анне Александровне Витковской,² Елена пишет о том, как ей недостает и русской зимы, и русского языка, и русской литературы. Из писем предстает неглупая, тонкая, впечатлительная девушка, которая много читает преимущественно русских авторов, в том числе и входящего в моду Горького. В 1904 г. она с огромной печалью пишет о смерти почитаемого ею Чехова.

Карагеоргиевичи почти 50 лет были в изгнании, в Белграде к ним привыкают с трудом, у них много недругов. Елена чувствует это и рвется назад в Россию, подальше от забрызганного кровью трона. Она никак не может привыкнуть к Сербии, ее жаркому климату, нравам и обычаям все еще чужого ей Белграда. В письмах к Витковской с горечью пишет, что начинает забывать русский язык, что все больше и больше делает ошибок. Какой же радостью для нее была возможность возвращения в Россию уже в качестве невесты Иоанна Константиновича. По приезде в Россию она все время улыбается и смеется, и это отмечают все, кто видел эту счастливую молодую пару.

Объяснение между молодыми людьми по-видимому произошло в Италии, в Милане в июне 1911 г. Там у своей тетушки, королевы Италии Елены Савойской, Елена Карагеоргиевич с 1906 г. гостила подолгу и очень полюбила эту страну. Иоанн Константинович объявил о помолвке своему отцу в нелегкие для того дни — умирала мать великого князя Александра Иосифовна.

Великий князь Константин Константинович, несмотря на постигшее его горе, взялся хлопотать о высочайшем разрешении на предстоящую свадьбу.

Елена же очень переживает, как бы начавшаяся вражда между Петровичами и Карагеоргиевичами не разрушила ее надежды на брак.

¹ Петербургский период жизни детей Петра Карагеоргиевича рельефно описан в неоднозначной мемуарной книге его старшего сына Георгия: *Карагеоргиевич Ђорђе*. Истина о моему животу. Београд. 1969. С. 94–153.

² ГАРФ. Ф. 620. Д. 22. Анна Александровна Витковская (1866–1948), урожденная Пушкина, внучка А.С. Пушкина.

Об этом она пишет своему «ненаглядному ангелу» в письмах, хранящихся в фонде Иоанна Константиновича¹.

В архивных папках ГАРФа — плотные сиреневые листочки веленовой бумаги с гербом Карагеоргиевичей, написанные бегущим девичьим почерком с ошибками в русском языке, которые так огорчают саму Елену. Листочки эти полны любви, нежности и тревоги. Девять писем принцессы к жениху, подписанные «Ваша Леночка». Девять признаний в любви: «Я тебя обожаю, Ангел мой, ты послан мне Богом и не знаю как Его благодарить за такое счастье, которого я недостойна»². Семь тревожных писем (с 21 по 26 июля 1911 г) с крохотного сербского курорта Ковиляча, где она с отцом укрывалась от невыносимой жары и каждый день писала жениху. И два радостных письма из Белграда (10 и 12 августа), уже после приезда Иоанна Константиновича в Белград и официальной помолвки. Он уехал, а она волнуется, как отнесутся к их предполагаемому браку при русском дворе и умоляет — поскорее все подготовить к бракосочетанию и добиться, чтобы оно состоялось в России. Очень волнуется, как отреагируют на это событие ее тетушки «черногорки», особенно Анастасия, которая терпеть не может ее отца. Она предпринимает дипломатический шаг и просит свою тетку Милицу и своего деда короля Николу стать ей посаженными матерью и отцом. Оба на церемонии присутствовать отказались.

Когда жарким летом 1911 года Иоанн Константинович объявил о своем намерении жениться на Елене Карагеоргиевич, Россия уже активно вовлекала Сербию в военно-политический союз. И этот брак, безусловно, должен был его закрепить. Безусловно, он должен был способствовать и сербско-черногорскому сближению. Однако, судя по дневниковым записям великого князя Константина Константиновича, предполагаемый брак не вызвал большого энтузиазма при дворе. Да и сам император Николай Второй не сразу дал на него согласие. Елена очень опасалась, что их браку с «самым прекрасным человеком на земле», с «ангелом» помешают. Больше всего она боялась реакции своих родных теток. Да, черногорские принцессы не очень-то жаловали своих сербских племянников.

¹ ГАРФ. Ф. 659. Романов Иоанн Константинович. Д. 29. Письма Королевны Сербской Елены (невесты) в. кн. Иоанну Константиновичу.

² Там же. Л. 2 об.

О том, что они весьма холодны были к своему племяннику Александру, младшему брату Елены и будущему королю Югославии, написал в своих воспоминаниях генерал Епанчин¹. Он рассказал как осенью 1905 года он, будучи начальником Пажеского корпуса, принял для обучения Александра Карагеоргиевича. Николай Второй принял юношу приветливо, хотя по словам Епанчина, императора настраивали против Александра. Епанчин проявил инициативу и в деле «светских контактов» своего воспитанника, обратившись за содействием к своему непосредственному начальнику: «По вопросу о светском воспитании королевича я прежде всего обратился к Великому князю Константину Константиновичу, у которого была большая семья и вполне благовоспитанная — я говорю так, ибо, к сожалению, высокое положение не всегда соединяется с благовоспитанностью. По возрасту члены семьи Великого князя подходили к королевичу. К удивлению моему, Великий князь на просьбу мою принимать время от времени королевича в его семье пришел в замешательство, ничего определенного мне не ответил, но я понял, что это был отказ. Какая тому причина, я и теперь не знаю, но когда старший сын Великого князя Иоанн Константинович женился на сестре королевича, королевне Елене, я подумал, что не было ничего дурного, если бы королевич посещал семью Великого князя до того как он породнился с этой семьей»².

Неутомимый Епанчин тогда же отправился к родной тетке королевича Александра великой княгине Милице Николаевне, жене великого князя Петра Николаевича. Там его ждало глубокое разочарование: «Великая княгиня сказала мне, что она знает от Великого князя Константина Константиновича о цели моего посещения: «Я вам скажу с полной откровенностью, что приму моего племянника два раза в год на Новый год и на Пасху — и каждый раз на 10 минут, вы меня понимаете?» Я, разумеется, понял, что она, в сущности, не желает принимать своего племянника / ... / Подчеркну, что Великая княгиня, дочь Князя Черногорского, получившая воспитание в России, в Смольном институте в Петербурге, во время моего приема говорила со мной по-французски, не сказав ни одного русского слова. Кстати сказать, Великая княгиня воспитывалась в Смольном совместно с моей сестрой Марией».

¹ Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 337–347.

² Там же. С. 342.

Племянница также опасалась гнева тетки. Она писала об этом своему жениху. Хотя в свое время ее бабушка именно к Милице обратилась с просьбой помочь в воспитании осиротевшей девочки, которая так тяжело переживала смерть матери, «что остались от нее только кожа да кости»¹.

Тетки свадьбу своим присутствием не почтили, хотя их имена и стояли в отпечатанной типографским способом восьмистраничной брошюре «Высочайше утвержденный Церемонал бракосочетания Его Высочества князя императорской крови Иоанна Константиновича с Ее королевским Высочеством королевною Еленю сербскою»², в которой согласно установленным правилам было детально расписано, кто, когда и какие функции выполняет, в каких костюмах должны быть придворные и сколькими выстрелами салютует артиллерия новобрачным.

Судя по этой брошюре и воспоминаниям участников, свадьба была необычайно пышной и торжественной, на ней присутствовала вся царская семья включая детей. Особенно всех пленил семилетний цесаревич-наследник Алексей, который в военном мундире подпоручика стрелков был «точно очаровательная игрушка».

О свадьбе Елены Карагеоргиевич и Иоанна Константиновича вспоминал его брат Гавриил: «21 августа /1911/ состоялась свадьба Иоанчика в Большом Петергофском дворце. За два дня до свадьбы, то есть 19-го приехал в Петергоф принц Петр Черногорский, двоюродный брат невесты Иоанчика³. Отец, по приказанию государя, встречал его на станций царской ветки. Я поехал в Петергоф на встречу вместе с отцом. На станции собрались лица свиты и был выстроен почетный караул. Принц Петр был небольшого роста, с черными усиками и довольно красивый. Он очень скромно себя держал. Отец вместе с принцем и мною поехал к государю во дворец, в Александрию. Они поднялись к Государю, а я остался ждать внизу. Прием у государя продолжался недолго и мы вдвоем с отцом вернулись обратно в Стрельну.

¹ ГАРФ. Ф. 669. Д.15. Лл. 31–36 (Письма черногорской княгини Милены дочери Милице).

² ГАРФ. Ф. 659. Д. 13.

³ Гавриил Константинович ошибается — принц Петр Черногорский (1889–1932) был не двоюродным братом, а дядей Елены Карагеоргиевич. Он был младшим из детей короля Николы черногорского и был моложе своей племянницы на пять лет.

Того же числа днем приехал в Петергоф сербский король Петр вместе с невестой Иоанчика принцессой Еленой Петровной и с наследником королевичем Александром, будущим королем-героем Александром Югославским»¹.

В своем дневнике великий князь Константин Константинович так описывает этот день: «Пятница. 19 августа. Вчера число наших детей увеличилось. Прибыла невеста Иоанчика Елена. Как мне хотелось встретить ее еще в Гатчине за час с половиной до прибытия в Петербург! Туда поехала жена с Костей, а мне государь поручил встретить королевича Петра Черногорского и с Петергофского вокзала привезти к нему. В 2 1/2 назначена была на Петергофском вокзале встреча короля Сербского с невестою Иоанчика и наследного королевича Александра. Почетный Караул от 128 Каспийского полка. Прибыли их величества и вся семья (кроме Николаши, Станы и ее детей, можно думать, что задержавшая Стану болезнь больше вызвана натянутыми отношениями с королем Петром)»². Позднее он подтверждал свои предположения: «Сам Николаша, а равно Стана и ее дети демонстративно блистали своим отсутствием как на встрече короля, так и на вокзале, на фамильном обеде, на свадьбе и на проводах короля. Это было замечено и всеми сильно осуждалось [...] Стана говорила царю, что не может встречаться с тем, у кого руки в крови, намекая на причастность короля Петра к цареубийству. Государь говорил, что возразил ей, что для такого обвинения нужны доказательства»³.

Елена понравилась будущему тестю: «В дверях вагона я увидел Елену. Она небольшого роста с черными волосами и глазами, у нее крупный нос. В общем внешность милая и привлекательная. Царь повез короля, а царица — Елену в Большой дворец, в церкви которой был краткий молебен [...] Елене пожалован Екатерининский орден; их величества подарили ей образок Казанской Божьей матери и чудесную диадему из бриллиантов и жемчугов»⁴. Невеста сына очень приглянулась великому князю, он записал в дневнике, что она «славная, простая, приветливая» и на следующий день уже звал ее Еленочкой. Искренне обрадовало его и то, что такое же благоприятное впечатле-

¹ Гавриил Константинович. В Мраморном Дворце. М., 2001. С. 125.

² ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 63. Л. 100.

³ Там же. ЛЛ. 102–103.

⁴ Там же. Л. 101 об.

ние она произвела и при дворе. Ему уже по возвращении из Белграда, куда перед свадьбой ездил Иоанн Константинович, сообщал сопровождавший его Ермолинский, что он «в полном восторге от Елены, от ее ума, такта и образованности»¹.

Невесте было двадцать семь лет, жених был на два года ее младше. Сербский историк Радош Люшич, считает, что так поздно Елена вышла замуж, в частности, потому, что с 1903 год, когда отец ее взошел на сербский престол и забрал ее из России, она выполняла при нем фактически функции хозяйки дворца, заботилась о немолодом уже отце и помогала ему².

Русское платье сербской принцессы

Елена мечта о том, чтобы свадьба была в России, в письмах к жениху из Сербии она с тревогой спрашивала: «Пожалуйста, тоже поскорее напиши мне насчет венчального платья. Будет ли оно русское или обыкновенное?». Ведь если будет объявлено, что платье русское, то значит она будет венчаться по придворному церемониалу и уж точно в России. Мечты Елены осуществились — она выходила замуж в Петергофе, благословили ее русский император и императрица, и платье на ней было — русское. Гавриил Константинович вспоминал: «Невеста была как полагалось в русском платье из серебряной парчи, но без традиционной бриллиантовой короны, потому что Иоанчик не был великим князем»³. Однако мы уже знаем, что диадема, подаренная русской императорской четой, украшавшая хорошенькую головку невесты была великолепна, хотя, как заметили присутствующие, несколько тяжеловата. Отец жениха подробно описал свадебный наряд Елены: «Голову невесты убирали перед золотым туалетом Анны Иоанновны в комнате между Белой залой и Петровской. При этом присутствовали их величества [...] На голову ей надели диадему из бриллиантов и жемчугов — подарок их величеств и прикрепили кружевную вуаль, принадлежавшую Мама. Серебряное парчовое платье было удачно. На шее у нее было бриллиантовое ожерелье — подарок Иоанчика»⁴.

¹ Там же. Л. 98 об.

² *Люшич Р.* Карађорђевићи. Београд, 2001. С. 122.

³ *Гавриил Константинович.* В Мраморном Дворце. М., 2001. С. 128.

⁴ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 63. ЛЛ. 101–102 об.

«Государь и тетя Оля благословили Иоанчика, императрица Александра Федоровна плохо себя чувствовала и не могла присутствовать при венчании, но все же она присутствовала при благословении [...] Великие князья Николай и Петр Николаевич, как и их жены, не были на свадьбе и ни на одном из связанных с нею торжеств, так как они не хотели встречаться с сербским королем по политическим причинам»,¹ — вспоминал брат жениха.

Брак этот был, по-видимому, счастливым. У них родились дети — сын Всеволод в 1914 г. и дочь Екатерина в 1915 г. Радость семейной жизни и материнства Елены омрачила первая мировая война, в которой на одной стороне воевали Черногория, Сербия и Россия, а на другой Германия, Австро-Венгрия и Италия, королевой которой была ее родная любимая тетя Елена (Ела), которая нянчила ее в детстве и утешала после смерти матери.

Сама Елена Петровна активно включилась в дело помощи военнопленным и раненым. Под ее покровительством был создан фонд помощи сербским беженцам в России. В Государственном Архиве Российской Федерации хранятся некоторые документы, свидетельствующие о неустанной работе этого фонда². Заботы навалились тяжелые: маленькие дети, беспокойство о муже, который надел военную форму, горе и скорбь о потерях, которые несли воюющие страны. Ее отец и брат вынуждены были покинуть оккупированную Сербию и совершить тяжелейший переход вместе с остатками своей армии через горы Черногории и Албании. Сербская и черногорская армии разбиты. Ее дед и бабушка — королевская чета Черногории, ее отец и братья — покинули свои разоренные и опустошенные страны. Брат ее мужа, шестнадцатилетний мальчик Олег Константинович погиб в бою.

Но куда более страшные испытания ждали ее саму в России, где революционная волна смела все, что было ей дорого и привычно. В 1918 г. Елена разделила ссылку своего мужа в Алапаевск. Она, единственная из сосланных членов императорской фамилии, чудом избежала мученической смерти. Елене Петровне за месяц до Алапаевского убийства удалось уехать в Екатеринбург. Она просила разрешить ей ехать дальше, в Петроград, чтобы отыскать своих детей, которые были у бабушки, великой княгини Елизаветы Маврикиевны. Чтобы получить про-

¹ Гавриил Константинович. В Мраморном Дворце. М., 2001. С. 127.

² ГАРФ. Ф. 659, Д. 75, Д. 77.

пуск, надо было ждать решения Москвы. В Екатеринбурге она узнала о переводе ее мужа и двух его братьев Игоря и Константина, а также и других алапаевских заключенных из семьи Романовых на тюремный режим. Она решила вернуться к мужу, но была арестована 7 июля 1918 г.¹ Ей все же удалось в 1919 г. вырваться из России и воссоединиться в Швеции со свекровью и детьми. Сербские историки считают, что это произошло благодаря усилиям сербского посланника в Советской России М. Спалайковича².

Бывшие

Печальным оказался итог мощных дипломатических усилий черногорского короля Николы! Сам он с супругой — «бывшие король и королева», вместе с двумя незамужними дочерьми жили и умерли вдали от родины.

Дочери — королева Италии Елена, русские великие княгини Милица и Анастасия изгнаны вместе с детьми из стран, куда были выданы замуж и где так высоко поднялись по социальной лестнице. Королева в изгнании, великие княгини в изгнании — вот их титулы в конце жизни. Сыновья также вне родины.

Внук — король Югославии Александр Карагеоргиевич убит террористами в 1934 г. во время визита во Францию. Его сын, правнук Николы — Петр II Карагеоргиевич (1923–1970), уехав в 1941 году из оккупированной немцами страны, не получил права вернуться на родину, где монархия была отменена и к власти пришли коммунисты, ведомые маршалом Тито.

Внучка короля Николы, дочь итальянской королевы Елены Савойской — вдовствующая царица Болгарии — Джованна (Иоанна) также изгнана из своей страны в 1946 г., и вместе с детьми нашла приют у матери, в Египте. Старшая сестра Джованны Мафальда Гессенская погибла в концлагере Бухенвальд, куда была брошена Гитлером в отместку за выход Италии из союза с Германией в 1943 г.

Внучка Елена — русская великая княгиня, после убийства в 1918 году ее мужа Иоанна Константиновича в Алапаевске, смогла бежать из революционной России вместе с сыном Всеволодом и дочерью Екате-

¹ Расследование цареубийства. Секретные документы. М., 1993. С. 252–253.

² *Љушић Р.* Карађорђевићи. Београд, 2001. С. 123.

риной к отцу и брату в Югославию, а умерла она во Франции в 1962 г. Ее сын Всеволод умер в 1973 г., а дочь Екатерина еще жива. В 2001 г. скончалась самая младшая из детей великого князя Константина Константиновича — Вера Константиновна, которая родилась в 1906 г. и была маленькой свидетельницей свадьбы старшего брата и сербской королевы.

С крушением монархий в России, Италии, Болгарии и Югославии оказались беженцами и скитальцами многочисленные потомки черногорского короля Николы.

Правнуки и праправнуки короля Николы — Савойские, Кобурги, Карагеоргиевичи, Романовы — занимаются бизнесом и спортом, историей и журналистикой. Известны они хорошо и в политическом мире. Так его правнук, внук королевы Елены и Виктора Эммануила, бывший царь Болгарии Симеон сейчас на родине и является активной политической фигурой.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
I. ПРИТЯЖЕНИЕ ЗАПАДА	15
<i>Д-р Латинка Перович</i> Сербия в модернизационных процессах XIX–XX веков	16
<i>Г.Я. Ильина</i> Hrvatska moderna. Диалогическая встреча культур	41
<i>Н.В. Злыднева</i> Мотив Европы как знак модернизации на Балканах: живопись «Алафранга»	55
<i>О. В. Хаванова</i> Школа как государственное дело: реформа образования в монархии Габсбургов в XVIII веке	66
II. ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КРЕСТЬЯНСТВА В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ	89
<i>А.Л. Шемякин</i> Система народного образования в независимой Сербии: принуждение или потребность	90
<i>О.А. Ржанникова</i> Некоторые вопросы формирования научного стиля современного болгарского литературного языка (60–70-е годы XIX — 10-е годы XX века)	103
<i>М.В. Лескинен</i> Образование «для народа»: теория и практика диалога с крестьянином в России последней трети XIX в.	113
<i>Е.В. Яковкина</i> Роль образования и прессы в процессе социокультурной трансформации крестьянства Царства Польского в конце XIX — начале XX вв.	148
<i>М.А. Крисань</i> Символический капитал крестьянина в эпоху перемен (на примере Царства Польского второй половины XIX — начала XX вв.)	171

III. НЕДОРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТРОИТЕЛЬСТВА НАЦИИ И ГОСУДАРСТВА.....	197
<i>М.В. Белов</i> На пути к сербской нации: взгляд снизу (1804–1835 гг.).....	198
<i>Р.П. Гришина</i> Феномен Болгарской православной церкви (1870–1940 гг.).....	221
<i>В.Б. Хлебникова</i> Конфессиональная политика черногорских властей в конце XIX — начале XX веков.....	255
<i>А.А. Силкин</i> Социальная и религиозная пропаганда Хорватской республиканской крестьянской партии (ХРКП) в первой половине 1920-х гг.	273
<i>П.А. Искендеров</i> Косово в начале XX в.: столкновение этносов, религий, эпох.....	292
<i>Р.Н. Игнатъев</i> «Метанастасические движения», «культурные пояса» и «психические типы» Йована Цвиича в связи с балканской модернизацией.....	309
<i>Л.В. Кузьмичева</i> Балканские принцессы в семье европейских монархов (К вопросу о признании равнородности черногорской и сербской династий).....	342

ЧЕЛОВЕК НА БАЛКАНАХ

Социокультурные измерения процесса модернизации
на Балканах

(середина XIX — середина XX в.)

Сборник статей

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*
Дизайн обложки *М. И. Ленъшина, И. Н. Граве*
Оригинал-макет *С. В. Брылев*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел. / факс: (812) 560-89-47

E-mail: office@aletheia.spb.ru, aletheia@rol.ru (*отдел реализации*),
aletheia@peterstar.ru (*редакция*)

www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95

Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.

Тел. (812) 327-26-37

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*

Библио-Глобус, ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 5.

Тел. (495) 921-58-03

Дом книги «Москва», ул. Тверская, д. 8, стр. 1.

Тел. (495) 629-66-43, 629-73-55

Издательство и магазин «Ад Маргинем». Тел. (495) 951-93-60

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, д. 2

Магазин «Гилея». Тел. (495) 332-47-28

Магазин «Фаланстер». Тел. (495) 629-88-21, 504-47-95

Магазин издательства «Совпадение».

Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 10.04.2007. Формат 60x88¹/₁₆.

Усл.-печ. л. 22. Печать офсетная. Тираж 700 экз. Заказ № 0458.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии «Лесник-Принт»,
192007, Санкт-Петербург, Лиговский пр., 201 лит. А, пом. 3Н

Printed in Russia

